

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

3
2014

Содержание

Теория и методология

<i>Бакланцева А.А.</i> Особенности построения соционормативной системы регуляции общества в современной России	3
<i>Бондаренко Н.Г.</i> Методологические проблемы исторического познания в современных социально-философских трактовках	10
<i>Вукичевич С., Живкович П., Шарович Р.</i> Взаимодействие экзистенциалистского антропоцентризма и социального неравенства в современном обществе	16
<i>Кравченко А.И.</i> Как возможно нанообщество	28

Труд и управление

<i>Кечуткина Е.В.</i> Управление социальными рисками в современном российском обществе	47
<i>Романенко М.В.</i> Проблема отчуждения труда в контексте социального учения католицизма ...	55
<i>Щербина В.В.</i> Содержание и границы рационализации управленческой деятельности	64

Научные доклады Сорокинских чтений 2013

<i>Поплавская И.А.</i> Изменения в структурах социальных неравенств	84
<i>Свердликова Е.А.</i> Социальное неравенство в российском бизнесе (на примере дореволюционного опыта хозяйствования)	89
<i>Сидорук П.А.</i> Социальное неравенство как угроза национальной безопасности	97
<i>Химилонова И.В.</i> Оплата труда как отражение социального неравенства	99
<i>Холоденко Ю.А.</i> Модернизация социальной политики современного российского государства	101
<i>Чечеткина О.Н.</i> Проблема личности в условиях социального неравенства	106
<i>Чудновская И.Н.</i> Статус языков международного общения: борьба в современных социально-коммуникативных сферах	108
<i>Юрасова М.В.</i> Технологии построения сценариев общественного устройства в условиях социального неравенства	114

На разные темы

<i>Глебова А.Н.</i> Земская реформа Александра II и местное самоуправление	122
<i>Дзудец Х.В.Ю., Хугаева А.А.</i> Готовность школьников Осетии к ЕГЭ	127
<i>Доброрадных Г.О.</i> Теория и практика терроризма как неконвенциональной формы политического участия	137
<i>Завёрткина Е.В.</i> Экстралингвистические факторы формирования названий поселений Камбрии периода скандинавского завоевания	142
<i>Костина А.О.</i> Влияние социальных и визуальных оснований утопии на эволюцию городского планирования	147
<i>Маркович В.А.</i> Динамика изменения структуры сводных интегральных показателей в ходе базовой подготовки переговорщиков и профайлеров	152
<i>Мыскин С.В., Завьялова Н.Б.</i> Социокультурные аспекты семейного насилия	159
<i>Нужина И.А.</i> Особенности институционального анализа трансформации зрелищных искусств	164
<i>Лобанова Е.И., Панюшкина О.А., Стрижова Е.В., Нисилевич А.Б., Шульгина Н.В.</i> Эффективное обучение иностранным языкам с использованием информационных технологий	170
<i>Сенницкая Е.Ю.</i> Лингвистическое конструирование тезауруса французской социолингвистической терминологии	175
<i>Серебрякова А.Н.</i> Тенденции в развитии музыкальных предпочтений студенческой молодежи	180
<i>Торощина Т.Г.</i> Концепт «справедливость» в фадзу социального контраста	191

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Особенности построения соционормативной системы регуляции общества в современной России

Бакланцева А.А.

В статье рассмотрена проблема становления и развития соционормативной системы регуляции общества в России. Проанализированы наиболее значимые социальные регуляторы, формировавшие соционормативную систему России в период с XX по XXI вв. На основе проведенного исследования автором предлагается обратиться к культурно-историческому опыту казачьего самоуправления как примеру гармоничного синтеза позитивного права и традиционных социальных регуляторов, характеризующих самобытность русской культуры.

Ключевые слова: правосознание, закон, социальные регуляторы, моральные нормы, культурные ценности.

Baklantseva AA

Features of construction of socio-normative system of regulation of society in modern Russia

This article focuses on the problem of the formation and development of socio-normative system of regulation of society in Russia. Analyzed the most significant social regulators which were forming the socio-normative system of Russia in the period from XX to XXI century. Based on research the author proposes to refer to the cultural and historical experience of the Cossack self-government as the example of the harmonious synthesis of the positive law and traditional social controls that characterize the identity of Russian culture.

Key words: sense of justice, law, social regulators, moral norms and cultural values.

Вопрос построения эффективной системы соционормативного регулирования общества, бесспорно, является первостепенным для любого правового государства, так как служит показателем уровня правокультурности его граждан, степени их правосознания и правовой активности. В условиях глобализирующих процессов правовая система Российской Федерации (РФ) была значительно скорректирована. Однако многочисленные правовые реформы, проводимые в настоящее время, нередко заимствуются у представителей западных правовых культур, но будучи совершенно неадаптированными к культурно-историческим особенностям России, практически не приживаются в правовом сознании российских граждан и не дают ожидаемых результатов в области совершенствования правовой системы, а в некоторых случаях приводят к глубокой деформации правосознания и формированию в обществе асоциальных ценностей. В то же время, обращение к культурно-историческому опыту российской правовой системы, а в частности — самобытного казачьего управления, как примеру построения уникальной соционормативной системы, основанной на позитивном праве и одновременно сочетающей в себе все те социальные регуляторы, которые традиционно присущи российскому обществу, могло бы стать плодородной почвой для дальнейших размышлений о создании гармоничного синтеза российской и западной нормативно-правовых систем. Всё это делает очевидной необходимость подробного анализа процесса модернизации россий-

кой соционормативной системы регуляции общества и актуализирует проблему ее дальнейшей реконструкции.

Обычно под соционормативной системой регуляции общества принято понимать совокупность социальных норм, включающих мораль, религиозные нормы, этикет, традиции и обычаи народов, политические, правовые и корпоративные нормы, которые в свою очередь призваны обеспечивать упорядоченное взаимодействие членов данного общества. Некоторые современные исследователи (например, Криволапова В.Я.) отстаивают такую точку зрения, при которой право рассматривается в качестве важнейшего элемента всей соционормативной системы [6]. Такая позиция представляется нам оправданной, поскольку именно правовые нормы имеют общеобязательный характер, закреплены в государственных законах, а главное — обеспечиваются мерами государственного принуждения. В то же время не следует забывать, что такие социальные регуляторы, как мораль, религия, обычаи оказали самое непосредственное влияние на формирование и дальнейшее развитие права в его современном понимании. При исследовании соционормативной системы регуляции современного российского общества необходимо в то же время учитывать социокультурные особенности, а также исторически обусловленную неоднородность и уникальность русского народа, которая всегда выражалась в высокой нравственности, духовности, свободолобии и стремлении к порядку и справедливости.

Как известно, формирование и развитие моральных норм и самого общества шло параллельно, тогда, как появление правовых норм принято относить к становлению государственности. Анализ исторических событий позволяет установить, что нормогенез в России изначально характеризовался восприимчивостью как к восточному, так и к западному социокультурному опыту. Так уже в 11 веке Русь испытала сильнейшее культурное влияние со стороны Византии, данный период ознаменовался переходом Руси от восточнославянских языческих и скандинавских норм жизни к православным духовно-нравственным традициям. Немаловажную роль в формировании российских правовых норм сыграли петровские реформы, обозначив их дальнейший западноевропейский курс развития. В это же время происходит активная систематизация правовых актов, а также появляются первые полные собрания законов. Еще одним значительным этапом развития норма-

тивной системы можно выделить период крупнейших правовых реформ 1860-х годов, которые стали фундаментом правовой государственности в России. Распад российской империи, становление Союза Советских Социалистических Республик (СССР) утвердило абсолютно новую социалистическую тенденцию развития соционормативной системы регуляции советского общества. На наш взгляд, данный исторический период требует более детального рассмотрения, поскольку именно он вызывает наиболее острые противоречия ряда исследователей относительно последствий для развития правовой системы в нашей стране.

Ряд исследователей данного этапа развития нормативной системы РФ во главе с С.С.Алексеевым полагают, что построение СССР как новой политической системы повлекло за собой определенные качественные изменения, в числе которых выделяют значительную подчиненность нормативно-правовой системы идеологии марксизма-ленинизма, изначальный негативный настрой по отношению к праву как таковому как правящей партии, так и населения в целом [2]. Права человека, заявленные в конституции СССР, нередко нарушались, о чем свидетельствуют многочисленные исторические факты (репрессии, изгнания, вмешательство в личную жизнь, перлюстрация, контроль передвижения, цензура и др.), советский человек лучше был осведомлен о своих обязанностях, нежели о правах. Православная церковь, прежде выступавшая мощнейшим нормативным регулятором российского общества, в советское время объявляется опасным идеологическим врагом научного атеизма в частности и советского режима в целом, способным в дальнейшем привести к контрреволюции. Таким образом, с данным религиозным институтом велась жесточайшая негласная война, был объявлен курс на полное и скорейшее его уничтожение («безбожные пятилетки», изъятие церковных ценностей и разрушение храмов, гонение на духовенство и др.).

Обратную сторону медали нормативно-правовой системы того времени открывают рассказы очевидцев, «рожденных в СССР». Следует начать, прежде всего, с того, что в советском государстве существовала мощная идеологическая система, ориентированная на ценности гуманности и справедливости. На данном историческом этапе одним из сильнейших регуляторов общественного поведения выступала мораль. На всей территории СССР был утвержден

единый «Моральный кодекс строителя коммунизма», в котором главными пунктами являлись патриотизм, общественный и государственный долг, коллективная и товарищеская взаимовыручка, культ института семьи, гармоничного воспитания детей, любовь к труду, честность, нравственность и др.

Устойчивая социально-экономическая ситуация Советского Союза в то время во многом обуславливалась высоким уровнем нравственности и законопослушности советских граждан, осознанием ими благородной идеи единства и верой в доброе и светлое будущее. Советские семьи и школы как важнейшие институты социализации и нравственного воспитания изначально расставляли жизненные ориентиры подрастающего поколения – человек готовился к деятельности, героическому, самопожертвованному пути, стремился внести свой вклад в общее дело построения справедливого общества. Отдельной дисциплиной, входящей в обязательную школьную программу, выделялись «Основы советского государства и права». Повсеместно проводилась нравственно-профилактическая работа среди молодежи. В летний период обязательной являлась трудовая практика в лагерях труда и отдыха для студентов и учащихся старших классов школ. Трудовые коллективы периодически выходили на общественно полезные мероприятия. Обеспечению правопорядка в то время способствовали так называемые «народные дружины», которые состояли из добровольцев, помогавших милиции патрулировать улицы и дворы.

Наряду с моральными нормами регуляции советского общества широкое распространение тогда получили и организационные нормы. На каждом предприятии, в каждом учреждении обязательно существовал профсоюз и партийный комитет (партком). И если первый занимался защитой прав рабочих, выделением средств и оформлением отпускных путевок и т. д., то задача парткома заключалась не только в осуществлении контроля за соблюдением внутренних организационно-правовых регламентов членами партии, но и в проведении постоянной идеологической работы, как среди «партийцев», так и среди беспартийных. Факт вступления в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС) отождествлялся у советского человека не только с необходимостью дополнительной ответственности, но и возможностью приобретения определенных исключительных прав и привилегий.

Резюмируя вышеизложенное, можно предположить, что состояние нормативно-правовой системы регуляции общества в то время характеризовалось неоднородностью и противоречивостью своих элементов. Казалось бы, наряду с тотальным контролем со стороны КПСС всех сфер общественной жизни, повсеместным нарушением прав и свобод человека и другими недостатками советского режима, тогда все же был заложен твердый фундамент высоких моральных ценностей, которые транслировались и укреплялись в сознании людей совместными силами образовательных учреждений, кинематографа, театра и других социальных институтов, которые во многом предопределили дальнейшее развитие позитивных элементов правового сознания в нашей стране.

Следующий важнейший этап в истории нормативно-правовой системы регуляции нашего общества начался с «горбачевской» перестройки середины 1980-х годов, которая будучи изначально нацеленной на реформенную стабилизацию экономико-политической ситуации в стране, в итоге привела к еще более глубокому кризису и окончательному распаду СССР. Установление нового конституционно-правового статуса Российской Федерации, намеченная политика перехода к западной демократии и рыночной экономике, а также имплементация международного права, казалось, были призваны придать России новый статус правового государства, однако, ситуация, сложившаяся в период 90-х гг. ознаменовалась глубочайшим структурным кризисом для нашей страны. Падение «железного занавеса» предвосхитило развитие деструктивных процессов во всех основных сферах общественной жизни РФ. Гонка вооружений, резкое падение цен на нефть, гиперинфляция, приватизация и последующий спад производства в своей совокупности поставили российский бюджет и экономику в целом в полную зависимость от западных кредиторов. По официальным данным внешний долг России в период 90-х составлял тогда 130 млрд. долларов [8]. «Парад суверенитетов», разгорающиеся межэтнические конфликты с одной стороны, массовое обнищание, невыплата зарплат, безработица и, как следствие, сокращение общей численности населения, резко ослабили общий уровень жизни и социальной безопасности страны. В начале 1990-х в страну вместе с «гуманитарной помощью» с Запада стекались дешевые некачественные иностранные товары, повлекшие за собой закрытие большинства отечествен-

ных промышленных предприятий. Либеральные реформы, сокращение финансирования правоохранительных органов и органов судебной власти, на фоне всеобщей депрессии, спровоцировали появление и стремительное развитие организованной преступности. Криминальный мир стремительно набирал обороты. Теперь в преступные ряды помимо нелегалов, «воров в законе», «новых русских» и других криминальных авторитетов входила и бесчисленная беспризорная молодежь. Все возрастающая коррупционность государственного аппарата, разделение и укрепление стратегически важных секторов экономики за узким кругом лиц, а вместе с тем повсеместное нарушение прав и свобод человека, указали на несостоятельность модернизации российской правовой системы, поставив под большое сомнение авторитет закона и самого права, заявленного в качестве верховного регулятора всей соционормативной системы в Конституции РФ.

В условиях дискредитации права как гаранта прав и свобод человека, обеспечению стабильности и порядка среди населения в определенной мере должен был способствовать другой более древний нормативный регулятор — мораль. Однако падение «железного занавеса» не ограничилось кризисом в экономической, политической и правовой сферах. Глубоко пораженной в результате информационной войны оказалась и вся культурно-духовная жизнь российского общества. Под лозунгами «Гласность», «Свобода», «Демократия» в общественное сознание стали стремительно проникать западные псевдоценности. Яркие телепередачи, реклама и кинематограф, активно удовлетворяя информационный голод российских граждан, вели упорную пропаганду индивидуализма, примата личной выгоды над общественными интересами, насилия, жестокости и равнодушия, распущенности и прочего аморального поведения. Особая политика велась в отношении подростков и молодежи со стороны западных СМИ, транслирующих бодипентризм, развязное поведение, осквернение семейных ценностей, жестокость, заканчивая открытой пропагандой пользы раннего взросления, безопасного секса, аборт, половых извращений и т.д. Страну захлестнула волна алкоголизма, наркомании и проституции. Советская идеология рухнула. Все те моральные принципы, на которых строилась система ценностей советского человека в 1990-е годы были попорны и списаны за ненадобностью. На смену чести, справедливос-

ти, товарищества и чувства общественного долга пришла личная выгода, корысть, безответственность, конформизм и равнодушие. Фрагментарное российское общество, переживая тяжелый эмоциональный нравственно-духовный кризис, пыталось найти опору и источник духовной пищи в религии. После снятия негласного запрета на православную церковь, многие россияне вновь стали проявлять интерес к традициям духовной жизни.

Однако данный религиозный институт, имея в числе своих прихожан преимущественно людей пожилого возраста, на тот момент практически не был готов к просветительской работе. Религиозно неграмотному поколению в условиях дефицита духовной литературы и полного отсутствия миссионерской практики зачастую достаточно трудно было адаптироваться к специфике церковно-славянского языка и, в целом, к обрядовым традициям православной церкви. В это же время в страну с Запада под предлогом информационно-просветительской деятельности стали проникать многочисленные сектантские организации, в числе которых были баптисты, адвентисты, неопятидесятники, свидетели Иеговы, движение объединения Муна, кришнаиты, саентологическое движение и многие другие. Деятельность данных религиозных структур на тот момент была достаточно грамотно организована и подкупала бывших советских людей, воспитанных в духе научного атеизма, своей доступностью и современностью, которая заключалась в умелом сочетании религиозных и околонуточных изысканий. Зарубежные миссионеры обладали необходимыми методиками и технологиями вербовки людей, начиная с профессиональной рекламы, специальных телевизионных программ и соответствующей литературы, составляющих основу их маркетинговой политики, вплоть до непосредственных методик по психологическому программированию и обработки сознания людей.

Таким образом, к середине 1990-х годов значительная часть российского общества была вовлечена в различные религиозные секты, деятельность которых, как правило, шла вразрез с изложенными в Конституции правами человека. Данные организации, занимаясь псевдорелигиозной деятельностью, играя на неграмотности, наивности, а главное — разобщенности российских граждан, а порой и самих государственных институтов, зачастую выстраивались в крупные финансовые структуры, представляя большую угрозу, как для отдельной личности, так и для общества

в целом. Требования к адептам зачастую не ограничивались выплатой десятины, участием в вербовке, массовых акциях и публичных исповедях. Далеко не исключением были случаи, когда приверженцы той или иной секты принимали участие в террористических актах, жертвоприношениях, массовых самоубийствах и других аморальных действиях, указывающих на зомбированность и духовную деградацию их личности.

Данные события стали приобретать массовый характер, и государственные власти в сотрудничестве с русской православной церковью (РПЦ) начали предпринимать активные действия по скорейшей ликвидации данных религиозных организаций и реабилитации пострадавших граждан. Велась активная пропагандистская миссионерская деятельность со стороны РПЦ, открывались православные религиозные каналы, строились воскресные школы и духовно-просветительские центры, проводились семинары. Однако, несмотря на все усилия со стороны государственной власти, работа по ликвидации сектантских организаций в целом продвигалась очень медленно в связи со сложностью ее законного обоснования. Поскольку статья 28 Конституции РФ гарантировала свободу совести и вероисповедания на всей территории РФ, весьма затруднительным представлялось доказать наличие нарушений конституционных норм со стороны данных организаций и признать их деятельность незаконной.

Опираясь на вышеприведенные факты, можно заключить, что на данном историческом этапе соционормативная система российского общества отличалась особой неустойчивостью и разрозненностью своих основных элементов, что наглядно демонстрировалось, как в общем структурном кризисе всех сфер общественной жизни, так и в глубоком духовном упадке российского населения.

Развитие российской соционормативной системы на современном этапе, очевидно, обуславливается своими трудностями и, прежде всего, затрагивает правовое поле, как важнейший нормативный регулятор строящегося правового государства. С одной стороны, нельзя не учесть определенные качественные преобразования в данной области, а именно: совершенствование законодательства в трудовой, уголовной, гражданской и других сферах, внесение определенных корректив в Конституцию РФ, активную имплементацию опыта международного права; укрепление судебной и стабилизация правоприменительной системы, повышение

интереса к изучению права и престижности юридических профессий и др. Однако, несмотря на положительные результаты, статистика правонарушений, а также остающийся стабильно низким уровень правосознания россиян замедляют процесс формирования гражданского общества в России [7]. Кроме ряда проблем, препятствующих построению правового государства в РФ, таких как злоупотребление властными полномочиями со стороны большинства правоохранительных и правоприменительных органов, сложность и противоречивость законодательной базы, отсутствие единой правовой идеологии, очевидными также остаются факты деформации российского правосознания, проявляющиеся как в форме правового нигилизма, так и в форме правового инфантилизма и волюнтаризма. Действительно, российские граждане, не обладая элементарным знанием «правового минимума», зачастую оказываются неспособными действовать даже в рамках обыденного права.

Тотальная правовая безграмотность населения, сопровождаемая резким снижением взаимодействия между обществом и государством, приводит к социальной апатии и аполитичности граждан, а также популяризации неправомерного поведения. «Люди, не ведающие своих обязанностей, не в состоянии и блюсти их, не знают их пределов и бессильны против вымогательства «воеводы», ростовщика и грабителя; люди, не знающие своих полномочий, произвольно превышают их или же трусливо уступают силе; люди, не знающие своих запретностей, легко забывают всякий удерж и дисциплину или оказываются обреченными на правовую невменяемость» [5, с. 160]. Кроме того, исторически сложившееся недоверие россиян к государственному правоохранительному механизму и закону в целом, в 1990-е годы стало благодатной почвой для развития преступной деятельности. Таким образом, сегодня в качестве другой немаловажной проблемы, характеризующей незрелость российского правосознания, можно выделить высокую криминализацию сознания в обществе. И хотя на данном этапе это уже не подразумевает под собой криминальных авторитетов со свойственными им методами разрешения споров, все же практика урегулирования общественных отношений в обход закона прочно вошла в сознание российских граждан, что во многом объясняется «избирательностью» закона, а также опасением и крайним недоверием населения к правоохранительным органам.

При всем этом нельзя не отметить, что в настоящее время проблема правового воспитания и преодоления правового нигилизма в РФ постоянно находится в числе первостепенных. Стартовавший в 1997 году проект российского фонда правовых реформ «Правовое образование в школе» сегодня набирает обороты. Неуклонной остается популярность и востребованность юридических профессий. В рамках правового просвещения центральное телевидение ведет трансляции познавательных правовых телепередач («Суд идет», «Дело Астахова», «Федеральный судья» и др.), которые, в большинстве своем, являясь ориентированными на непрофессиональную аудиторию, носят игровую форму и призваны сформировать у зрителя первоначальный интерес к изучению своих прав и обязанностей. Кроме того, открываются все новые специализированные каналы («Закон-ТВ», «Просвещение» и др.), вводится практика предоставления бесплатных юридических онлайн-консультаций, видео уроков и т.д. И хотя сегодня мы уже можем судить об общем улучшении нынешней правовой ситуации в стране и отметить некоторые положительные тенденции развития правовую культуры российских граждан, тем не менее, об установлении полного «верховенства права» пока говорить не приходится.

В тоже время правовой идеализм как диаметрально противоположная форма деформации правосознания становится серьезной проблемой функционирования многих западных правовых систем. Так, сложившаяся традиция почитания закона в американском обществе, с одной стороны служит гарантом дисциплины и правопорядка в стране, обеспечивая при этом равенство всех перед законом, с другой стороны, безусловно, преувеличивает его роль в решении многих социально-экономических проблем, делая американскую правовую систему излишне «механической», а общество равнодушным и циничным. Действительно, нередкими в поведенческой практике населения США были случаи, когда примат соблюдения законов и предписаний не только отрицал всякую логику, но и грозил уничтожением простой человечности, сострадания и взаимовыручки среди граждан. Таким образом, данные обстоятельства, безусловно, указывают на нецелесообразность прямого копирования Россией опыта западного права, а также на недостаточность регулятивно-потенциала права для выделения его в качестве автономной соционормативной системы.

Сознание русского человека, будучи сфор-

мированным под воздействием различных социально-экономических и политических факторов, всегда отличалось своими неповторимыми культурными особенностями - высокой моралью, совестью, соборностью и глубокой духовностью, которые в большинстве своем выступали еще и мощными нормативными регуляторами общественного поведения и гарантировали порядок в стране. В то же самое время нельзя отрицать тот факт, что традиционное неуважение к закону также присуще русскому менталитету, что, однако, во многом объясняется принципиально иной внутренней организацией русского человека. Действительно, апеллирование к совести, добру и милосердию как высшим ценностям русской культуры, предопределяло высоконравственное поведение человека, но в то же время нередко сопровождалось отрицанием и игнорированием закона, как нечто чуждого и холодного, абсолютно несвойственного русской душе. В этом случае подчинение как главная ценность и неотъемлемое условие организации западного общества являлось абсолютно несвойственным для исконно патриархальной России, строившей свои отношения «отцов и детей» на утверждении послушания в качестве основы «семейной» организации общества.

Сегодня российское общество, следуя по пути построения правового государства, во многом ориентируется на западный образец с присущим ему утверждением верховенства права и закона, однако в то же время не учитывается тот факт, что демократические ценности, стремительно распространяемые в условиях глобализации в общественном сознании, фактически отворачивают русского человека от родной культуры. Моральные и религиозные нормы при этом также претерпевают серьезные изменения, приобретая утилитарный характер и тем самым во многом утрачивая свои регулятивные свойства. В данных условиях вопрос о необходимости грамотного построения соционормативной системы регуляции российского общества стоит наиболее остро, требуя к себе совершенно индивидуального подхода, который предполагал бы слаженное взаимодействие права с другими социальными регуляторами, традиционно представляющими уникальность русской культуры.

Обращаясь к истории, попытку построения данной регулятивной системы можно наблюдать в культуре русского казачества. Как известно, в 18 – 19 вв. казачество позиционировалось как самостоятельное привилегированное

военное сословие, государственная служба которого заключалась в неустанной охране пограничных территорий российской державы. В то же время станичная жизнь казаков, представлявших собой автономную этносоциальную группу, во многом подчинялась институтам местного самоуправления, которые организовывали свою работу в строгом соответствии с традициями и ценностями казачьей культуры. Так одним из главных общественных институтов, обладавшим полномочиями законодательной и исполнительной власти, исконно являлся Казачий круг (рада), который, будучи всенародным собранием полноправных представителей казачества, имел своей целью справедливое разрешение любых общественных вопросов. Общеказачьи собрания проводились в соответствии с жестким регламентом, следование которому было обязательным для всех участников и являлось показателем строгой дисциплины и высокой организации казачьего общества.

Наряду с основными законами и положениями по общественному управлению станицами особую роль в регуляции жизнедеятельности казачества традиционно играла религия. Глубокая религиозность и духовность казаков проявлялась в особом почитании православных традиций и их непосредственном сопряжении с общественно значимыми мероприятиями, военными обрядами и традициями. Религиозные нормы напрямую формировали основу всей моральной идеологии казачества. Обучение так называемым «неписанным домашним законам», таким как почитание старших, особо трепетное отношение к женщине - матери, исключительное гостеприимство и т.д. было общеобязательным условием воспитания во всех казачьих семьях. Таким образом, совокупность данных особенностей, составлявшая уникальность казачьей культуры, одновременно являлась прочным основанием для высокой духовно-нравственной организации общества и тем самым гарантировала упорядоченность социальных взаимоотношений.

В современной России на фоне обостряющейся правовой ситуации и состояния всеобщего духовно-нравственного упадка тема возрождения казачества становится все более актуальной и обсуждаемой. Конечно, возвращение казачества в той форме, которая соответствовала бы его изначальной миссии, а именно непосредственной защите границ российского государства сегодня, вряд ли представляется возможным и целесообразным. Более того, согласно результатам исследования, проведенного в 2011

году южнороссийским филиалом института социологии РАН, включавшим в качестве респондентов 1015 нынешних представителей казачества, сами казаки цель возрождения видят, прежде всего, в непосредственном укреплении традиций русского народа, воспитании патриотизма и соборности. Однако в то же время данными респондентами в числе приоритетных направлений политики возрождения была отмечена необходимость государственной службы как проявления высшего воинского долга казаков, которая сегодня успешно реализуется в сотрудничестве Донского войска с правоохранительными органами, а именно оказании помощи в патрулировании территорий, охране общественного порядка, пожарной и экологической безопасности [3].

В заключение важно еще раз отметить, что помимо очевидной закономерности обращения к зарубежному правовому опыту в вопросе построения эффективной системы регуляции современного российского общества, столь же необходимым представляется учет ее традиционных социальных регуляторов с целью достижения их гармоничного взаимодействия, которое в современных условиях во многом может быть реализовано, в том числе, путем осмысления опыта самобытного казачьего управления.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. М.: Омега-Л, 2007. 50 с.
2. Алексеев С. С. Теория государства и права. М.: Норма, 2004. 283 с.
3. Водолацкий П. В., Волков Ю.Г., Борков Ф.А., Сериков А.В. и др.: Казачество как этносоциальный феномен современной России (на примере донского казачества): Аналитический доклад. Ростов-на-Дону, 2011. 147 с.
4. Добренков В. И. Ценностно-ориентированная социология: проблемное поле постнеклассической методологии. М.: Академический проект; Альма Матер, 2011. 565 с.
5. Ильин И. А. О сущности правосознания. Собрание сочинений в 10 т. Т.4. М.: Русская книга, 1994. С. 160.
6. Криволапова В. Я. Право в системе современного соционормативного регулирования: Автореферат канд. юр. наук. М., 2002. 32 с.
7. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 20.08.2013).
8. Россия в международной экономике в 90х годах. Федеральный портал. URL: <http://protown.ru/information/hide/4728.html> (дата обращения: 27.08.2013).

Методологические проблемы исторического познания в современных социально-философских трактовках

Бондаренко Н.Г.

В статье рассматривается проблема методологии исторического познания в генезисе философской мысли. Проанализированы предпосылки для зарождения философии истории как науки. Ссылаясь на труды теоретиков, проведен анализ сущности историософии и аналитической философии истории.

Ключевые слова: историческое познание, методология, философия истории, историософия, исторический процесс, аналитическая философия истории.

Bondarenko N.G.

Methodological problems of historical knowledge in modern socio-philosophical interpretation

North-Caucasian Federal University (branch in Pyatigorsk)

In this article the problem of historical knowledge methodology in the genesis of philosophical thought is considered. The prerequisites for the emergence of philosophy history as a science are analyzed. Referring to the works of theorists, analysis of historiography and analytic philosophy history essence has been done.

Keywords: historical knowledge, methodology, philosophy of history, historiography, historical process, analytic philosophy of history.

Проблема определения методологии исторического познания как объекта философского осмысления возникла вместе с осознанием истории не только, как более или менее объективно изложенного перечня событий, в основание которого, как правило, ложилась историко-временная память и понимание необходимости фиксации этапов развития как отдельного народа, так и человечества в целом, но и как некоей системы выстраивания определенных социокультурных структур, описывающих законы становления и развития общества с позиций субъект-объектных отношений и некоего третьего, выполняющего в этой «триаде» герменевтическую функцию.

«Начало» так называемой универсальной истории принято отсчитывать от времени возникновения христианства. Этому есть свои причины: для античности характерно восприятие «истории как случая» - «гипертрофированного модуса микроистории» [12, с. 102].

Древний мир не встраивал ни отдельную личность, ни целый народ в какую-либо всеобъемлющую схему, помогающую и позволяющую обрести и постичь мировоззренческий смысл существования себя в отношении собственной сопричастности как к самому историческому процессу, так и к его восприятию.

С пришествием христианства поменялось мировосприятие, взгляд на исторический процесс и его осознание. На начале данного этапа произошло фундирование европейской ментальности, или, говоря словами современных

ученых, «правопреемника» христианства с его идеей страшного суда, которая экзистенциально продляет будущее в «Будущее будущего», в вечное и трансцендентно связанное с настоящим будущим. Лишь с окончанием времен смысл земного существования человечества обретал смысл.

«Индивидуально-близлежащей» являлась цель для неоплатоников, которая допускала возможность в общезначимом процессе без участия, так как сущностные компоненты, которые обуславливали бы образование горизонта универсальной истории отсутствовали. В этом случае можно говорить о «разрывании горизонта близлежащего, что, безусловно, отражает уже существовавшую экзистенциальную потребность в новой концепции восприятия истории, которая и была оформлена христианством.

С появлением понятия новой, «универсальной» истории возникла потребность в формировании адекватных методологий, которые могли бы описать историческое измерение человеческого бытия. [1, с.54-55]. Таким образом, были сформированы предпосылки для зарождения философии истории как науки.

Изначально термин «философия истории» принадлежит Вольтеру – это название его работы 1765 г. («La philosophie de l'histoire»), но более концептуально цели философии истории были обозначены в работе немецкого просветителя И.Г.Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784-1791 гг.). Однако, существует мнение, согласно которому Дж.Вико считается основателем философии истории.

В поле научного исследования философии истории попадает как определенный сегмент истории жизни человека, так и вся всемирная история. «Особую сферу философии истории образует философский анализ границ, возможностей, форм и методов исторического познания» [13, с. 214]. Исходя из этого уже в XX в. происходит разделение философии истории на две разновидности:

1) историософию (или онтологическую, материальную, субстанциальную философию истории);

2) аналитическую философию истории (или критическую, рефлексивную философию истории).

Остановившись подробно на функциях каждого из типов истории философии, можно отметить, что историософия занимается исследованием философской тематизации, осмысли-

вая исторический процесс как некую бытийную сферу, главный контекст существования человека.

Примерами этого служат работы Дж. Вико («Основание новой науки об общей природе наций»), И.Г. Гердера («Идеи к философии истории человечества»), Г.В.Ф. Гегеля («Разум в истории», «Философия истории»), К. Маркса («Критика гегелевской философии права») и др. Изначально ученые-философы придерживались мнения, что «историософия должна акцентировать внимание исследователей главным образом на индивидуальности и уникальности исторических событий и социальных процессов как неповторимых и не похожих ни на какие-либо аналогичные события и процессы» [10, с. 126]. Главный аргумент, выдвигавшийся сторонниками выделения историософии в качестве специальной идиографической науки, сводился к тому, что историческое развитие совершается «при разнообразном местном и временном подборе сил и условий, нигде более не повторяющемся» [8, с.8].

Аналитическая философия истории - это второй тип философии истории, который связан с осмыслением сущности природы исторического познания. Если субстанциальная философия истории изначально решает такие задачи, как рассмотрение природы исторического и выявления доминирующих причин и факторов движения истории, то аналитическая история занимается постижением рассмотрения законов истории в целом, при этом производится попытка определения сущностного, т.е. «главного и определяющего содержание и ритм истории».

Главная задача философии истории - это основной вектор, направленный на метафизику истории, сущностно-онтологическое осмысление исторической жизни.

Другой, не менее значимой задачей для этого типа философии истории является процессуальное разделение исторической жизни, что позволяет упорядочить ее, создать особую структуру процесса, своеобразно разделенного и этапированного. В этой структуре каждый последующий элемент линейно обусловлен предыдущим и сам, в свою очередь, является основанием для формирования последующего за ним элемента [1, с.34]. На основе этого создаются и графические «фигуры», наглядно демонстрирующие течение истории как процесса. Так, утверждение того, что исторический про-

цесс графически имеет вид восходящей линии, замкнутого цикла или спирали, имеет своей целью решение проблемы соотношения содержания истории и форм ее проявления. Это утверждение позволяет также выявить характер взаимоотношений прошлого, настоящего и будущего.

Позиция аналитической философии истории полемична установкам историософии. Она связана с утверждением того, что исторический смысл всегда порождается заново, постоянно создается субъектами исторического процесса, а историческая деятельность субъектов в своем смыслопорождающем аспекте не несет predeterminedного характера, а историческое существование совпадает с историческим смыслом.

И по сегодняшний день не утратила своей актуальности, разработанная Г.Риккертом, так называемая «программа философско-исторического знания», где он выделил три значения понятия «философия истории»: «это всеобщая история, учение о принципах исторической жизни и логика исторической науки» [11, с.178]. Тем не менее, символическим началом демаркации историософии и аналитической философии можно считать работу Гегеля «Философия истории», в которой было определено, что философия истории или философская история «означает не что иное, как мыслящее рассмотрение всемирной истории» [4, с.9], хотя сам Гегель был одним из авторов «больших историософий» и приверженцем онтологической ветви развития философии истории.

Философия истории – одно из основных направлений учения Гегеля. Именно посредством философии истории он обосновывает применение диалектической логики – в частности, своей идеи тождества противоположностей, которая долгое время вызывала жаркие споры у сторонников формального мышления. Историософия чрезвычайно важна как для научного творчества самого Гегеля, так и для развития философии того времени в целом, так как «в эпоху Гегеля исторический процесс только начал складываться как единый, глобальный, как всемирная история, наиболее драматические события которой были еще впереди. В эпоху Гегеля знание о прошлом делало только первые шаги; наиболее существенные открытия, их систематизация и осмысление еще ждали исследователя. Не удивительно поэтому, что философско-историческая концепция Гегеля пронизана кричащими противоречиями: гени-

альные прозрения сосуществуют здесь с удивительной близорукостью, научные выводы с явным мифотворчеством.

Философия истории Гегеля в некотором роде продолжала и завершала «линию Августина» – известные шесть ступеней развития человечества, определенные Августином Блаженным. По мнению последнего, человечество «проживало» последнюю, шестую ступень перед неким завершением, ознаменованным борьбой добра и зла и победой добра. Гегель видел в этом учении своеобразную протосистему рассмотрения общества в совокупности факторов, влияющих как на социально-историческое его развитие, так и на динамику духовно-культурного уровня. Однако несправедливо было бы настаивать на том, что «великий дидактик не замечал эмпирического знания в истории. Гегель различал философскую историю и историческую историю» [6, с.153].

Философия гегелевского периода – философия, в которой оформляется тот принцип постижения действительности, который позднее получил название историзма. «Появление историзма было, – по словам известного историка и философа истории Фридриха Майнеке (1862-1954 гг.), – одной из величайших духовных революций, пережитых западноевропейской мыслью. Можно говорить о появлении нового способа восприятия и теоретического постижения реальности, исходящего из того, что «вся реальность по своей сущности исторична». Совершенно неоспоримо, что появление историзма было подготовлено предшествующей европейской мыслью, но все же нужно отметить, что его завершившееся оформление действительно было духовной революцией: «Отныне историзму суждено было стать неотъемлемой, даже само собой разумеющейся составной частью европейского культурного сознания, стать базисным компонентом философского и социально-научного мышления. В начале историзм был теснейшим образом связан с философско-метафизической мыслью. Своей вершины метафизический историзм достиг у Гегеля. Философско-историческая конструкция Гегеля представляет для нас особый интерес в связи с тем, что она в наибольшей степени воплощает и ту базисную форму философского постижения истории [7, с.218].

Исходя из вышеизложенного, справедливо утверждение, что Гегель стремился к синтезу описательного и теоретического типа истори-

ческого знания, отдавая, тем не менее, предпочтение последнему [3, с. 20].

Несомненный интерес в плане методологии исторического познания представляет философское творчество Фридриха Ницше. Находясь в ас- сонансе с гетевским мировоззрением и все еще приемля его феноменологию, Ницше близок к разрушению смысла намечаемой у него ранее если не теории исторического познания, то теории познания вообще. Он говорит не о невозможности познаваемости чего бы то ни было, а о бесплезности познаваемости, в данном случае – на примере истории. В своей работе «О пользе и вреде истории для жизни» он вводит понятие «неисторического» и приводит пример стада, для которого в принципе нет истории как таковой – то есть субъект познания в этом познании не нуждается. Для Ницше человек, вынужденный говорить «Я вспоминаю» - человек страдающий. Критикуя рвение современников к скрупулезной исторической правде и доказыванию, что человечеству совершенно необходимо фактологически точное изложение «перечня прошлых событий», Ницше говорит о существовании такой степени преобладания исторического чувства, которое несет ущерб всему живому и приводит к гибели не только человека, народ, но и культуру [9, с. 163].

Ницше в своих работах предваряет идеи философов-постмодернистов о необходимости некоей третьей, «над исторической точки», необходимой для объективного описания исторического процесса, но при этом для самого Ницше нет такой цели, он лишь говорит о научной тщетности историографов «разъять и поверить» историю существующими на тот момент методами, о принципиальной непознаваемости сути и смысла происходившего в прошлом для тех, кто живет в настоящем.

Ницше ставит под сомнение и цикличность развития исторического процесса, вводя понятие «эффект в себе», которым он характеризует историю как некое собрание таких событий, которые сами по себе, независимо от их каузальности, будут производить эффект на любом отрезке исторического времени, тем не менее, не образуя даже какого-либо намека на цикл, иначе «астрономы снова бы превратились в астрологов». Совершенно очевидно, что Ницше находился под явным влиянием философии Гегеля, поначалу соглашался, а потом полемизировал с гегелевскими концепциями.

Позже философско-исследовательские системы, причем философско-исторические уче-

ния Ясперса, Тойнби, Шпенглера вызвали огромный резонанс в обществе.

В книге Карла Ясперса «Истоки истории и ее цель» (1949 г.) дается четкое описание ряда черт исторического познания, являющихся новыми на тот период времени для историософии. Эти чертами являются всесторонность, точность исследовательских методов, осмысление бесконечного переплетения каузальных факторов, а затем и объективации в совсем иных, некаузальных категориях, а именно в морфологических структурах, в идеально-типических построениях. «В наши дни преодолевается то отношение к истории, которое видело в ней обозримое целое. Нет такого завершенного целостного понимания истории, в которое вошли бы и мы. Мы находимся внутри не завершенной, а лишь возможной, постоянно распадающейся обители исторической целостности [15, с.272].

Философ, определяя современную социокультурную ситуацию, говорит о том, что, осознавая грозящую опасность, человечество стремится к тому, чтобы находить относительную законченность не только в определенных процессах прошлого, но и во всей предшествующей истории, которая представляется законченной и безвозвратно потерянной перед натиском чего-то нового: «Тотальность истории – открытое целое. Перед лицом этой тотальности эмпирическое знание осознает свою незначительность своих фактических сведений и всегда готова к восприятию новых фактов: философская точка зрения допускает крушение каждой тотальности в абсолютной имманентности мира... Метод еще возможного теперь, проникающего в свою сущность тотального мышления содержит следующие моменты:

- Фактические данные воспринимаются и как бы прослушиваются, чтобы по их звучанию определить, каков может быть их смысл.

- Мы повсюду оказываемся у границ, если хотим достичь горизонтов.

- Эти горизонты помогают нам ощутить предъявляемые к нам требования. История составляет того, кто взирает на нее, обратиться к самому себе и своему пребыванию в настоящем... История становится путем к надисторическому. Понимание истории в ее целостности выводит нас за пределы истории [15, с.275-279].

Шпенглер же, напротив, представляет исторический процесс как параллельно развивающиеся и не имеющие возможности пересече-

ния культурные целостности, чье единство задается «отнодь не единством мировой истории, но лишь общностью их как «проявлений жизни [5, с. 425].

Философская деятельность Тойнби была ознаменована сменой исторических формаций и культурно-исторической ситуацией модерна и индустриализации.

Для Тойнби на тот момент времени жизнь западного мира всецело определялась двумя институтами: индустриальной системой экономики и сложной, запутанной политической системой [2, с. 113], претендовавшей называться «демократией». Влияние этих факторов сам Тойнби отслеживал и в развитии философии науки в целом, и в динамике методологии исторического познания в частности.

Уникальность работ А. Тойнби состоит в том, что он впервые четко определил соотношение динамики исторического процесса и развития цивилизационных формаций, введя понятия «центробежное развитие» и «центростремительное развитие». Один из основных аспектов философии истории Тойнби – снятие противоречий между отказом от универсализации истории и стремлением к единству осознанием «духа национального» [14, с. 17]. Поставленные Тойнби вопросы соотносимы с сформировавшейся на тот момент историко-философской традицией, процесс становления которой не состоялся бы без вклада М. Вебера и поствеберовской понимающей социологии, которая предпринимает усилия для объединения наиболее сильных сторон как историзма, так и социального материализма.

На сегодняшний день субстанциальная философия истории свелась главным образом к интерпретации собственной традиции.

Исходя из этого, была практически исключена возможность прогнозирования какого-либо исторического будущего или окончательного исторического состояния, которое неизбежно наступало бы и могло дать каузальное объяснение предшествующему и текущему состоянию истории. Некоторые функции субстанциальной философии истории, такие, как установление своеобразного общего «диагноза эпохи», перешли к другим сферам знания, например, к футурологии и прогностике.

Развитие методологии исторического познания от примитивной описательной компаративистики к эпистемологии философии истории происходило под влиянием изменений

не только в методологической парадигме гуманитарного научного знания, но и под влиянием факторов внешнего социокультурного воздействия. Нельзя сбрасывать со счетов периоды переходов общества из одного состояния в другое, так как именно в эти моменты происходит пересмотр валидности тех знаний об обществе, которыми обладает человечество на любом этапе социально-исторического развития.

В такие периоды нередко происходит переоценка и возврат социально-философских теорий, которые были признаны несостоятельными под влиянием новой общественной идеологии, как произошло, например, с методом исторического материализма К. Маркса. Зачастую расширение границ и возможностей научного познания влечет за собой исследовательские «заносы», спровоцированные открывающейся «дурной бесконечностью». В такие моменты наука «выравнивает» свое направление только благодаря выкристаллизовавшейся базе предыдущего опыта, поверенного последующей жизнеспособностью и перспективами развития.

На сегодняшний день аналитическая философия истории представляет собой целый онтологический и гносеологический комплекс, опирающийся на наследие классической и неоклассической философии в целом и философии истории в частности.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что все основные методологические проблемы исторического познания обусловлены двумя главными факторами. Во-первых, это изменения в самой философии, то есть в трактовках исторического бытия и исторического познания как социальных феноменов, требующие переописания, реинтерпретации и даже переформулирования базовых категорий и всего концептуального аппарата исторической эпистемологии и философии истории в целом. Во-вторых, эволюция методологических проблем детерминирована самим социальным процессом, породившем такие явления как модерн, глобализацию, индивидуализацию и невиданную прежде социальную рационализацию. Очевидно, что действие этих факторов не является простым и линейным, они формируют сложные и нелинейные воздействия на различные подсистемы и элементы социального процесса, понять и объяснить которые возможно лишь в контексте применения всего арсенала современной социальной философии.

Литература

1. Бакланов И.С., Бакланова О.А. Методологические особенности исследования социальнойности как социально-философской проблемы // *European Social Science Journal*. 2013. №12-1(39).
2. Бондаренко Н.Г. Философско-теоретические основания моделирования социальных процессов в современной социологии // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2009. №5.
3. Бондаренко Н.Г. Знание как фактор социального развития // *Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Серия общественные науки*. 2004. № 4.
4. Гегель Г. В. Ф. *Философия истории*. Соч. Т.VIII. – М., 2001.
5. Грицанов А.А. *История философии*. – Минск. 2007.
6. Гулыга А.В. *Гегель*. – М., 2002.
7. Кимелев Ю.А. «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии. – ИНИОНРАН. 2006.
8. Ключевский В. О. *Курс русской истории: в 5 т.* – М., 1937. – т. 1.
9. Ницше Ф. *О пользе и вреде истории для жизни*. Соч. В 2-х т., т. 1. – М., 1990.
10. Подоль Р.Я. *Методология исторического познания и современная историософия // Философия и общество, № 3, июль – сентябрь 2009.*
11. Риккерт Г. *Философия истории // Философия жизни*. – Киев, 1998.
12. Соколов Б.Г. *Гипертекст истории*. – Спб., 2001.
13. Стасюлевич М. М. *Философия истории в ее главнейших системах. Исторический очерк*. Спб., 1902.
14. Тойнби А. Дж. *Постижение истории*. – М., 2005.
15. Ясперс К. *Истоки истории и ее цель / Смысл и назначение истории*. – М. 1999.

Взаимодействие экзистенциалистского антропоцентризма и социального неравенства в современном обществе¹

Вукичевич С., Живкович П., Шарович Р.

Наша тема, артикулированная так, как указано, удовлетворяет академические стандарты при достаточно валидном корпусе обработанного материала, а также и функциональное употребление теоретической обоснованности и аргументированности. В работе мы инаугурируем новое эпохальное определение, сформировавшееся в контексте определенной временной парадигмы, так называемого великого эпоса постмодерна и его наследия, который своей приставкой «пост» хитомично указывает не на историческую сукцессию, сколько на новую качественную мутираность идентитета. Пользуясь находками редакции постмодерна, до всех Бодриаров и Лиотаров и доказательств, что все то, что считается культурой постмодернизма *in vivo* на самом деле является фигурацией позднего капитализма, легко понять, что культурный супстрат постмодернитета не основывается и не чувствителен к тому, что до вчерашнего дня, представляло собой надежный знак применения понятия в определенных условиях орбиты достоинства, а это антропоцентризм. В основе антигуманной настроенной, технология переняла свойства духовной инстанции, так что арбитрирует над реализацией человеческой жизни. Таким образом, мы по праву указываем на недостаточность и анахронность теории Прогресса и всеобщей сималакрумизации, содержащейся в империальных картинках неолиберального капитализма, кодифицированной демократии, глобализма и мультинациональных корпораций. Имея это в виду, в работе мы встречаемся с пост-модернистской метафорой идентитета и нового антропологического очертания, лишенными формы энигмы человеческого идентитета, а направляют на редукцию антропологического объема и чувствительности. Это профилирование является динамическим процессом, так как человеческое сознание в (пост)постмодернизме беспрерывно обогащалось «обедненным» гуманитетом. Как латентное явление, которое предвещают указанные редакции постмодерна, а которое является конкурирующим, если не доминирующим по отношению ко всем прежним идеологическим претензиям, это постмодернистский тоталитаризм, который «стерилизован» по отношению к спросу о человеческом естестве. Ключевые слова: антропоцентризм, экзистенциализм, гуманизм, пост-постмодернизм.

Vukicevic S., Zivkovic P., Sharovich R.

Reciprocal effect of the existential anthropocentrism and social inequality of modern society
Articulated as stated, our subject meets academic standards with enough valid corpus of the processed material, as well as the functional use of the theoretical merits and arguments. In this paper, we are inaugurating a new epoch-making guideline, which was formed in the context of a particular temporal paradigm, the so-called great epic of postmodernism and its heritage, and that with its prefix «post» knowingly points not at historical succession, but at the new qualitative mutation of identity. Using the findings of the post-modern editorial board, mostly those of Baudrillard and Lyotard, and the proofs that everything considered as the culture postmodernism *in vivo* is actually figuration of late capitalism, it is easy to understand that the cultural substrate of postmodernity does not rely on and is not sensible to what was until recently a certain sign of the application of the term in circumstances of the dignified orbit, and that is anthropocentrism. In the essence, anti-human oriented, technology has taken over the properties of spiritual instances, by having an arbitrary role in the fulfillment of human lives. Thus, we rightfully point out the inadequacy and anachronism of the concept of Progress and overall simulacrum, which are included in the imperial image of neoliberal capitalism, codified democracy, globalism and multinational corporations. Having that in mind, this paper is facing a post-postmodern metaphor of identity and new anthropological contours, which are deprived of the form of human's identity enigma and indicate the reduction of anthropological range and sensibility. This profiling is a dynamic process, since the human consciousness in the (post) postmodernism has constantly been enriched by «depleted» humanity. As a latent phenomenon, which is indicated by the aforementioned postmodern editorial board, and which is competitive and even more dominant comparing to all preceding ideological pretensions, is a postmodern totalitarianism, which is «sterilized» of questioning human nature.
Key words: anthropocentrism, existentialism, humanism, post-modernism

¹ Статья публикуется в авторской редакции.

Антропоцентризм в идеальнотипическом формировании человечности и гуманности и экзистенциалистский антропоцентризм

Социологическую идентификацию причин и следствий социальных неравенств в современном обществе мы должны исследовать в характере общественного существа современного человека и современного общества с выделением их **взаимосвязи и взаимного влияния** как особого **социологического факта**. Принципиальной основой социологического понимания, толкования и объяснения этой связи должен быть антропоцентризм как идеальный тип человечности и гуманности. В нем эксплицитно дифференцируется **человечность как онтологический компонент** человека и общества, из которого генерируется существование и человека и общества и **гуманность как моральный компонент** перспективы выживания человека и его коллектива. На этой дифференциации основывается система ценностей как критерий, которым валоризируется мнение

истории (как мнение о существовании), деятельность и целое общественной реальности. Мнение об истории является составной частью истории. Мнение об исторической действительности не внешний момент истории, а имманентный ей и поэтому составляет онтологическое содержание самой действительности, как с точки зрения индивидуума, так и с точки зрения коллектива. Онтология истории охватывает и мнение о ней как момент, который не обусловлен только простой действительностью, а характерен по тому, что он ее трансцендирует. Мнение истории связано как таковое с онтическим содержанием человека в смысле его целостности, культивированности личности, идентичности, т.е. его генерической сущности. Через мнение о существовании мы выражаем свою генерическую сущность. Только вопрос к чему мнение об истории, заходит в онтологические рамки человека и общества, а тем самым и в онтологические аспекты теории истории. Ответ артикулируется сочетанием логосного и исторического, эмпирического и неэмпирического и таким образом направляет людей на обдумывание собственной жизни и жизни их коллектива. Мнение о причинах социальных неравенств как глобальная проблема современности само по себе является антропоцентрическим мнением. Оно в центр ставит современного человека и его коллектив, но несчастье в том, что это мнение определено **эзистенциалистическим антропоцентризмом**, а еще большее несчастье в том, что маловероятно, что современный человек и его коллектив примут как свою главную потребность **антропоцентризм в идеальнотипическом формировании человечности и гуманности**.

Такой антропоцентризм, в идеальнотипическом формировании человечности и гуманности, мы находим в произведении Петра II Петровича **Негоша**, гениального черногорского философа, владыки, писателя и правителя, который правил Черногорией с 1831-1851 года. В нем нааходится основа для фундаментальных социологических исследований причин и следствий правящего **эзистенциалистического антропоцентризма** в современном обществе. Особенно с ответом на вопрос, как найти замену **эзистенциалистического человека** постмодерна, сильного, способного и заинтересованного в установлении антропоцентризма человеческого и гуманного типа. Эсенциальный компонент в антропоцентризме

Негоша имеет **онтологически определенное структуральное существование с внутренними и внешними границами морально-го контроля гуманитета**. Человек играет главную роль, но всегда в сочетании есенции и существования, Логоса и Истории, осуществления человечности и гуманитета. Люциден месседж Негоша человеческому роду, чтобы он постоянно искал преодоление «своей гнусной, дикости злой» разумным порядком своей жизни. Это неизменный (гравитационный) закон общественной «вселенной» и ее времени. Человеку остается колоссальная возможность своей разумной деятельностью «вводить данные» в эту историческую динамику общественной «вселенной». Фундаментальная ценность, которой оценивается этот факт, а которая составляет суть общественной жизни одного коллектива, является возможностью проявления **индивидуальных свобод**. «Наша страна, мать миллионов, сына одного не может венчать счастьем, самовласцем когда станет ее, тогда поднимет бокал Геркулеса» (Луч).. Негош предлагает свободу всем, т.к. свобода для одного бессмысленна-несвобода для одного и для всех, но выделяет очень ясно **мотивационные и когнитивные** ограничения человека, при чем основной задачей является познать самого себя: «с точки любовью посмотри на человека, как хочешь суди о человеке- тайна для человека, человек самая большая». «Красоту небесного воинства, смертный никогда не может постичь», но из-за этого Негош не редуцирует человека на трагическое существо! Человек Негоша является «искрой в смертную пыль», в которой «отражается» ум создателя бессмертного. **Таким образом трагик Негош освобождает от трагичности, онтологизируя ее и гуманизируя как смысл человеческого существования**. В этом контексте трагика подчинена смыслу человеческого существования. Смыслом человеческого существования является не окончательное осуществление «красоты небесного воинства», а постоянное стремление к этому осуществлению! **Прерывание** соигры есенции и существования представляет собой человеческую трагик, которую как раз переживает современный человек и его коллектив. Это та **потребность человека выскочить из объятий «темной правительницы»**, через которую или которой человек осуществляет свою человеческую сущность, свою генеричность! В этой динамике содержится бескрайнее пространство

Неба, но и бескрайнее пространство Человека и его человечности! В этом пространстве содержится вся безконфликтность и в то же время конфликтность человеческого существования. «А что мне больше всего нравится, что за все надо поднять тост», несмотря на то, что мир «состав адского несогласия». (ГВ). Из-за этого Негош не дает право «никому, ни самому Богу, давать окончательный ответ на этот вопрос: «От этого в могиле ключи!» **Окончательный ответ бы уничтожил смысл существования и Бога и человека!** «**Что это человек, а должен быть человеком**». Негош задает человеку **существование как реализацию эссенции**. Человеком должен быть, это непрекращающаяся задача, которая человека поднимает над существующим состоянием, его экзистенциальной тесноты и освобождает его от сознания бессилия. Это неугасимый источник антропоцентризма освобожденного человеческого экзистенциального абсолютизма и парциалитета любого вида Негоша, **этого существования, хотя-же съест самого себя**, т.е. того существования, которое человека «ниже скота делает». В этом смысле мы можем сказать, что нам Негош подарил наше время, **эссенциальное время** для нашего экзистенциального времени, т.е. человеческую основу для **гуманизирующего антропоцентризма**, в котором время становления фундаментальных человеческих ценностей. Это антропоцентризм, направляющий человека человеческим способом следить за собой, естеством и играть свою роль в развитии вселенной – видящего и того невидящего-неоткрытого, того, что находится за горизонтом и его «темном течении» - мультивселенной, охваченной современной «теорией всего». Современный человек увлечен «антропическим принципом», согласно которому, наше существование является ключевым для того, какая вселенная будет. Несмотря на то, кто ее создавал и как она создана, красота природы, по Негошу, имеет для человека эссенциальное обозначение, значение и смысл, и будучи такой, является не только рефлексивностью художественного творчества, а и **культивирования человеческой деятельности и человеческого существования вообще**. **У естества есть своя логика**, а это значит не только физика, а и метафизика. Не уважая логику естества, человек ставит под вопрос и логику своего существования. Прогрессивная комбинация роста и поддерживающего развития общества предполагает перманентно

преодоление противоречивого отношения **рода и индивидуума**. Прогрессивная комбинация **производит эко-потребность**, в которой основан **принцип потребности** в отношении человек-естество, а не редуцированная экзистенциальная потребность как таковая. **Естество для Негоша «времени спрашивалка»**. Нет окончательного ответа, оно находится в постоянном старании «более достойным в утро выйти на глаза своего правителя». **Гениально высказанное отношение человека и естества, отношение, в котором человек «украшенный цветочным временем» природы, может сохранить свою генерическую сущность**. Почему современный человек не соблюдает следственность и не находит смысл жизни в «цветочном лоне природы», а постоянно стремится «перепрыгнуть естественную границу? Это является центральным вопросом ответственного поддерживающего развития общества, который современному человеку задает антропоцентризм Негоша. Поэтому Негош говорит: «Святой создатель величием сияет, в искрах как в солнцах». **Суть свободы веры лежит на этой основе**. Это **свобода веры**, которая призывает человека к **этике ответственности** за последствия своей веры, которые нельзя точно предвидеть, но можно **вероятность**, что можно ожидать положительные или отрицательные последствия для человека, общества и природы. Свобода веры не должна перейти в религиозный фанатизм, который, мы свидетели, уничтожает все человеческое! Таким образом антропоцентризм Негоша имеет характер «**положительной**» **утопии**, постоянного осуществления утопического, но никогда неоконченного. **На этом отношении внутреннего отношения «положительной» и «отрицательной» утопий антропоцентризма Негоша основывается генерическое сочетание логоса и истории человека и его коллектива**. Отношения «положительной» и «отрицательной» утопий на вид легко определить. Но это именно «великая» утопия. Поэтому антропоцентризм Негоша по сути «**великая**» **утопия**, в которой гений Негоша ставит на правильное место и утопическое и утопистское, оставляя им пространство, которое требует постоянное сочетание Логоса и Истории. **Человек всегда остается как утопия**. Это его генерическая **сущность**. Если умственная возвышенность падает на экзистенциальный уровень, обязательно

опускается до насилия человека над человеком, и таким образом Бог получает отрицательные содержания в «вере превратной», становится «превратным-отрицательным богом», богом насилия, при чем царствие превращается в религию. Этот **«отрицательный бог»** является отрицательным в антропоцентризме Негоша, несмотря на то, идет ли речь об исламе, православии или любом другом вероисповедании. «Бог» Негоша не приходит только с Неба, а его находят и в природе, истории, красоте, свободе и он постоянно направлен на отрицание тех содержаний, которые во встречи Логоса и Истории появляются в виде оспаривания соигры эссенции и существования в смысле осуществления генерической сущности человека и его коллектива. Таким образом в антропоцентризме Негоша Бог побуждает положительные последствия, т.е. осуществление положительной утопии, соответственно представляет собой **отрицание отрицания** в процессе осуществления генерической сущности человека и его коллектива. **Человеку остается колоссальная возможность своей умственной деятельностью «вводить данные» в историческую динамику общественной «вселенной».** Только таким образом человек может влиять, в море случайностей, чтобы направление вероятности общественного движения шло в согласии с человеческим естеством, естеством человеческого коллектива и естеством вообще. В этом находится социологически-космическое понимание месседжа Негоша человеку, его антропоцентризма как идеального типа человечности и гуманности.

Теоретический пересмотр

Пост-постмодернистский период, конечно, в нашем употреблении не является никаким теоретическим конструктом, а общим названием для переворота переоценки ценностей большинства современников, переворот, который в цепной реакции захватил все сегменты общества и культуры. Главные конструктивные оси нашего теоретического обдумывания, которые формируют эту эпохальную данность, касаются идеологического устройства доктрины постмодерна, но и точного общественного нахождения и именования действительных носителей злоупотребления. Таким образом она становится неприятной для поборников этого эпохального «эстаблишмента», которые хотят обуздать

и санкционировать убежища теоретической мысли и гуманной практичности, стремящейся к посредничеству универсальных антропоцентрических ценностей в диалоге с конкретными историческими темами и заданными кризисными ситуациями. Это сказано в защиту того, что во времени пост-постмодерна действительно очень тяжело постичь и оставить. Конечно, речь идет об антропоцентризме, который в современную эпоху не может легко найти подтверждение аксиоматских ценностей хотя бы в готовом служе надлежащих учреждений. Кажется, что в этом случае именно наша сугестия толкования понятия пост-постмодерн выглядит только применяемой, т.к. в нем случается переворот в определяющем ранге, т.е. таком состоянии, из которого и выполняется деструкция аксиоматского скелета. Тем, что постмодернистские толкователи замечают в объявлении новой эпохи, является своеобразный «террор мобилизации» всех социальных слоев в направлении служения тому, что отнимает достоинство у современного человека, а что синтагматически называется технонаукой, а что в ингерентном фокусе гуманитарных наук изучают в формах империльной демократии, неолиберального капитализма, технологических открытий и достижений, глобализма и мультинациональных корпораций. В каждой из приведенных форм ключевым словом является аппарат насилия и технического супститута ума, оптимально настроенных вместо рассуждения, уравнения по модели вместо самобытностей, сублимированных в организованный порядок, у которого цель- навязывание «нечеловеческого» как стандарта. Теперешний, расчлененный антропоцентризм является существованием без существования. Однако, как мы увидим позже, это словосочетание не только, что высказывана самими мыслителями постпостмодернизма, а представляет собой инициальное состояние очной ставки «фигуры человека» с побеждающими содержаниями, которые ему больше не предлагают никакого становящее суждение. Следующее высказывание, которого придерживаемся как фундаментального носителя этого теоретического оформления «технологического инженеринга», сужает материальный вклад в тот оазис аутентичного человеческого естества. Мы можем отклонить любую неизвестность в смысле интенции, с которой мы приведем самые релевантные понятия антропоцентризма, а отражается в попытке разгадки вида свободы, которая как атрибутивное

содержание следует за состоянием антропоцентрического эгзистенциализма. Предыдущие идеи предоставляют основу, с одной стороны, для нападения на концепцию стерилизованной идеологической матрицы, стерилизованной, конечно, от человека, чтобы таковым и можно было манипулировать. Такая платформа нам совсем допускает гносеологическое происхождение свободы искать в критическом действии, в бдительном обдумывании измены и девиации идеи свободы в пост-постмодернизме. Куда нас ведет новая идеология или, лучше сказать, текущая препарация идентитета? Конечно, в самый центр полной мутации, в новый склад психики существа. Идеология пост-постмодерна является по своей сути как «изуродованные мифы», лишённые трансценденции по отношению к возвышенным законам, целью которых просто является то, чтобы поддержать иллюзию и напряжение самодостаточности человека и его плененности в обществе, соответственно, неоставляемой техницистической гравитации «человеческой расы» предложить эсхатологическое оправдание самовольного нарцизма. В пост-постмодернизме индивидум теряет субъектальную гибкость и становится зависимым от притока иллюзий технологической доктрины. Социально пригодный материал для нашего реферата мы находим у Михаила Джурича и его дополнения консистентности научной мысли и перефигурации, которая является своеобразным «гимном» давно исчезнувшему гуманитету, Его интуитивное проникновение можно кратко представить в следующем заявлении: «Почему идеология сейчас... стала главной пищей человеческой души? Очевидно потому, что идеология идет навстречу важной человеческой потребности. Сейчас мы располагаем средствами, благодаря которым мы можем сделать все, что хотим, все, что нам важно. Только мнение, которое нас оспосабливает производит все эти средства, чисто технически направлено. Оно слишком коротко, чтобы научить нас и тому, что мы должны хотеть, каким целями мы должны руководствоваться... Действительная цель идеологии, если здесь вообще уместно говорить о целях, обеспечить и застраховать тотальное правление воли, все равно, в области ли техники или политики. Потребность в идеологии неотвратима в эру кибернетики, в эру безусловного правления воли, т.к. таким образом должно замаскироваться стремление к безграничному увеличению могущества, составляющему суть нашего

современного образа существования, то есть таким образом должна спрятаться бесцельность и бессмысленность жизни, в которой правит воля, желающая только себя и ничего другого» (Джурич, 1989: 133). Есть ли альтернативный, хотя бы только гипотетический замкнутый проект развития современного человека и ему свойственного состояния свободы? «Тем, что нам кажется, выполнимым, подчеркнет Желько Симич наше нахождение проблемы, является прежде всего сложение известных последних конвенций, тех самых релевантных – то есть таких, которые направляют на ошибки структуральных размеров – попытки критики образа цивилизационного форсирования только одной из возможностей понимания веродостойного склада человеческого (поддерживаемого) самопозиционирования и отношения к «идее» собственного существования и к окрестному миру различия» (Симич, 2009: 78). Ясно из указанного, что нас не интересует предоставить нейтральный или избалансированный разрез идей и обдумываний об антропоцентрической агонии современного человека, а утверждающее, если не и канонизированное суждение и гном о структурально другой конфигурации аксиоматической концепции пост-постмодернизма.

Наши усилия, может быть и тенденциозные, но, конечно, интонированы антропологическими очертаниями и волнующими исходами техницистической «полемики» с антропоцентрическими ценностями. Чтобы легче заострить, мы будем свободными в толковании, но мы верим и совсем верны тому, что крайне эксплицитно. Богдана Колевич говорит об объяснении биополитики Фуко, понятия, появляющегося почти во всех его трудах. Мы реконструируем состояние замешательства, которое предшествовало констерниранности Фуко «след в след» следовать и анализировать феномен биополитики, пронизывающий различные вопросы, такие как: экономику, рынок, технику управления, сумасшествие, сексуальность, юриспруденцию, суверенитет, жизнь и смерть, а что составляет и генеологию письма Богданы Колевич. Сейчас с намерением окончательного разьяснения следуем за объяснением автора, что является сутью биополитики и какие модули ее выражения. «Самым оригинальным и самым убедительным в трудах Фуко является, прежде всего, его анализ определенного «режима правды», либерализма как возможности Модерна и его способа реализации отношения знание|могущество, критика биополити-

ки как контраполитики, открывающей новую возможность обдумывания политического. *Биополитика для Фуко является именно рядом исторических практик и техник управления, произошедших из дискурса либерализма* (наш курсив, Колевич, 2009:32). «Целый программный конструкт биополитики мог бы, как замечает Богдана Колевич, очень верно быть преподнесен как доминирующая форма инструментализации разума, «режимом правды» которого является либерализм. «Таким образом спрашивается, как либерализм, как биополитика, становится вопросом разрушения суверенитета. Может быть, не случайно то, что неолиберализм в современных формах биополитики проявляется именно и даже еще больше специфическими формами разрушения политического суверенитета» (Ибид,35). Здесь, просто, навязывается еще один хотимичный аспект в выборе и убеждении не только суверенитета, а и идентитетского устройства. Из выше сказанного, очевидно, что речь идет о идеологической проекции и своеобразном дискурсе Запада. Давайте вспомним, что Фуко именно биополитику считал новым дискурсом Запада, который является специфическим по исторической форме могущества и политики, появляющимся, давайте будем крайне свободны в назывании, как *par excellence* вопрос рабства напротив свободы, и именно становится прецедентом в генеалогическом анализе различных исторических форм реализации могущества. Кроме всего, не забудем, что для Фуко *вопросом свободы является вопрос политики и политического*, имплицитная внутренняя цель в согласии с которой развивается проект критики» (Ибид,39). Чтобы мы пришли к точке анализа значения, вида и консеквенций, которые (нео)либерализм устанавливает, и обстановка, в которой существует, нам надо подробно исследовать труд русского философа и социолога Александра Дугина. Мы проверим, как его люцидные осмотры переводятся и вливаются в теорию и предикцию, приведенные в этой работе. Итак, этот теоретик считает, что постмодерн создал условия для развития новой (Четвертой) идеологии или Четвертой политической теории. Согласно этому подходу, Четвертая политическая теория возникает как эклектицизм предыдущих трех идеологий, либерализма, коммунизма, который интериоризует как марксизм, так и социализм и социал-демократию и третью идеологию- фашизм. Из этого следует, что либерализм как Первая политическая теория, удалась в социальной сфере, благодаря коллизиям, фру-

страциям, революции, одним словом, великой нарации, существовать и дисквалифицировать остальные идеологии. Субституция как процесс континуированности, для Дугина в случае либерализма, произошла ревизия старого. Сукцессивно, груз либерализма унаследован в постлиберализме. В конце концов мы, итак получили ничуть не удивляющее подтверждение формулировки о эгзистенциальном развитии ратиоцентричной концепции, унаследованной из либеральной эпохи, который и «переступил порог» идентитетской толеранции, подводя и сам коллектив к двери психопатологических нарушений. Итак, осмотр наших осознаний дает наблюдение Дугина: «Третью политическую теорию разрушили в молодости, Вторая умерла в старости, Первая превратилась в нечто новое - в Постлиберализм, в «глобальное рыночное общество» (Дугин,2009:13). Таким образом мы приходим к ключевой встрече с эпохой пост-постмодерна. Если рассмотреть в контексте постмодернистского дискурса, может быть, наши вопросы не созрели до вопросов, когда современная эпоха получит человеческое обличье и когда будет основана в социологически-антропологическом амальгаме. Именно такого направления нет, т.е. оно как будто заложено в чужом имени. Вопросы надо задать и осветить на фоне судьбы человечества. Корпорационный капитал, управляющий миром, окончательно закладывает основы нового модуля тоталитаризации мира - (нео)либерального тоталитаризма, который является агрессивным и империльным. Этот новый, постмодернистский тоталитаризм основывается на тавтологическом аспекте предложения, наращивания и насилия. В первую встречу с сознанием предлагает эфемерные благодати потребительского общества, чтобы позднее, когда создаст, как говорит Зоран Видоевич, «живого хомоида», замутить достоинство его существования и коллектива. Это цена (нео)либерального опыта. Человек больше не является носителем коммуникационного и ингинозного поля, а является только отражающим рекламным щитом и употребляемой вселенной обозначителя, то есть технологического воображаемого. «Кризис личности и коллектива, эгзистенциально и культурно всеприсутствующая тень, сопровождающая человеческую историю с ее начала, в последние столетия приобретает крайне драматичные размеры... Только от современных времен кризисы приобретают потенциалы всезахватывающей проблематизации и внутреннее разрушение всех общественных структур;

поэтому время модерна является в то же время и временем перманентного кризиса и временем попытки его превзойдения» (Гаич, 2011:51). Теоретический оттенок в наш реферат привносит и взгляд Бодияра на уже знаменитого Нарцисса, который по нему не впечатлен собственным отражением как совершенным эрогенным идентитетом, а ситуация отмены перспективы Второго. «Нагнувшись над родником, нарцисс утоляет жажду: его картина не является больше «другой», а его собственной поверхностью, абсорбирующей его, заводящей его, картина, к которой он может приблизиться, но без возможности перейти с той стороны, потому что больше не существует рефлексивная дистанция между ним и картиной: Зеркало воды не является отражающей поверхностью, а абсорбирующей поверхностью» (Бодияр, 1994:75). А пост-постмодернистский индивидуум больше не может быть обидчивым нарциссом. Его идентитет сейчас должен быть подчеркнут эйфорическим наслаждением бытовыми тактами потребительской культуры. Современный индивидуум является своеобразным апатридом, изгнанным из своей идентитетской орбиты.

3. Местное и глобальное

С точки зрения социологии, взаимозависимость экзистенциалистского антропоцентризма и социальных неравенств в современном обществе специфически отражается в процессе отношения глобальное-местное. Потребность развития местной, сельской и городской среды сейчас пронизывается больше, чем когда-либо до сих пор, но это пронизывание происходит специфическим способом. Социологическое понимание, толкование и объяснение целого этих процессов направляет на стратегическое определение по отношению к местному и сельскому: сформировать территорию достаточно большую для экономического и социального развития и достаточно маленькую, чтобы чувствовала себя, как коллектив. В этом определении содержится также и потребность глобального развития. И, что еще важнее, это сопровождается мотивационные и когнитивные могущества человеческого естества, которое не может выражаться в абстрактности «мирового общества» и «мирового этоса».

Каждый сельский коллектив по природе вещей возникает и длится из природы отношений между людьми, связанными общим ограничен-

ным именем, сельским хозяйством как одной из первичных деятельностей, семейным хозяйством как основной единицей первичного коллектива и производства, похожим образом жизни, и в конце концов потребность сохранения его. Включенный в общество сельский коллектив в обществе в то же время интегрируется, но старается защитить и сохранить свой идентитет. Из своей маленькой перспективы он старается сколько может влиять на глобальное общество в уменьшенном объеме интензитета: отрицательным способом (бегом из деревни) или положительным (хранением собственной традиции, использованием городских потребностей в собственных интересах). Глобально для себя деревня и работников сельского хозяйства в ней, должна представлять важный развивающий потенциал, определяющий целую жизнь и деревни и семейных сельскохозяйственных хозяйств в ней.

Ключевое направление перемен согласно некоторым строго определено зависимостью местного от глобального и происходит в направлении потери сельского характера сельского образа жизни. Как выделяет Крстан Малешевич: «в этих коллективах происходит процесс перемен от сельского к городскому, от коллективного к индивидуальному, от гомогенного и «контролируемого» к гетерогенному и «неконтролируемому» индивидуализированному. Деревня, итак, постепенно перестает быть (традиционной) деревней, а сельским коллективом, самодостаточным и закрытым, автономным и статичным. (Малешевич, 2004,36)»

Однако, общественное развитие в целом, а сельское развитие особенно почти непредставляемо вне сельской местной инициативы и развитых сельских учреждений. Это и эмпирический и исторический факт и надо его принять и взять в качестве отчетного тезиса для создания современного типа деревни в Черногории. В современный период местное самоуправление особенно проявляется в отношении местного и глобального общества, т.е. в отношении между учреждениями городской и сельской среды, в смысле прав и обязанностей, доверенностей и возможностей, целей, средств и т.п. Сколько бы не ожидал поддержку глобального общества, к которому принадлежит, местный коллектив учреждений, столько должен искать и собственное автономное общество и государством поощряемое, но без помех поле деятельности. Это бы была демократическая, автоном-

ная форма и средство удовлетворения специфических общественных потребностей жителей сельской территории.

Конечно, вопрос отношения сельского и местного имеет и научную и практическую релевантность. Слободан Вукичевич считает, что он не охватывает только местное и сельское, а сюда включается и региональное, городское, государственное, трансгосударственное и глобальное в микро и макро подходе. По этой причине он считает, что надо наблюдать особенно за их местом и ролью, эндогенных факторов (внутренняя сила, могущество и влияние местного и сельского); экзогенных факторов (влияние ли на сельское и местное с точки зрения силы и насилия, превращают ли экономизм и глобализм местное и глобальное в простые пассивные составляющие и т.п.); с точки зрения характера динамики и направления развития (установлена динамика между структурами потребностей местного и сельского, отражение на футурологию и т.п.) (Вукичевич 2012, 53). Это основа для преодоления очевидных социальных неравенств в отношении сельско-городское, а которые важно поощрены растущими глобальными социальными неравенствами.

Однако сейчас, инстинкт местного и сельского насильно потеснен, также как потиснуто и человеческое естество в целом. Оттеснением местного и сельского они теряют свою автохтонность и автономность и из-за этого невозможно выразить свои возможности и способности, поэтому активно влияют на свое собственное положение и перспективы. Эта логика (логика силы- (Вукичевич, 2012, 57)), которой пользуется глобальное и его учреждения, исключает из игры неэффективные и лишние с точки зрения ее системы ценностей. Эффективность здесь не берется в функции прогресса и осуществления фундаментальных человеческих потребностей и ценностей сельского и местного, а в смысле роста отдельных монополий и обострения противоречивостей современного мира.

Сегодняшнее развитие современной деревни не сопровождается основанием учреждений, подходящих к системе, в которой более важную роль будут играть информация и осовременение существующих учреждений в согласии с системой. Слободан Вукичевич хорошо подмечает, что благодаря неадекватному отношению к сельскому и местному, на сцене происходит абсолютный дисконтинуитет в развитии совре-

менной деревни. «Традиционные учреждения и не остались традиционными, и не менялись в смысле следования современным общественным движениям; современные учреждения не основаны. Современность захватила и деревню также, как и целое общество, по широте и по силе в смысле перемены неких самых интимных и самых личных характеристик бытового сельского существования, но не способом установления континуитета между традиционным и современным. Сейчас деревня в Черногории «существует на базе частичных отношений с окружением, при чем могущество и влияние экзогенных факторов является решающей. Последствия современности на деревню влияют специфическим образом. Поощряют временно-пространственное разделение, людей удаляют, делая непосредственный контакт лишним, что в деревне составляло суть и работы и общественной жизни. Мы имеем искоренение общественной системы деревни в виде «возвышения» общественных отношений из местного контекста интеракции и их реставрация в рамках неопределенного протяжения времени и пространства» (Вукичевич 2003, 281).

Однако, с другой стороны, отношение к местному и сельскому со стороны глобального общества проявляется в виде зеленой революции, обеспечившей особый тип продуктивности семейных хозяйств в мировой глобальной системе и в развитых обществах. Государство бы как главный внешний развивающий потенциал местного и сельского, в случаях зеленой революции в неразвитых обществах должна была сыграть ключевую роль в развитии небольших ферм, таким образом, чтобы им обеспечила большее количество свободных рабочих мест, кредитирование семейных единиц, более низкую стоимость продуктов, необходимых хозяйству, более высокие цены сельскохозяйственных продуктов и т.п. Согласно Липтону, зеленая революция не только обеспечила увеличение производства пищи с хозяйства, а требования работы на ферме и прибыль, связанную с работой бедных и безработных подняла на один совсем новый уровень изучения. Для неразвитых стран и для их местной и сельской территории, в которых уменьшается количество крестьян, и в которых объем работ на ферме уменьшается, исследования, поддерживаемые государством о фермах не должны изучать строго механизацию хозяйства, соответственно относиться только к количеству и виду, иначе результа-

ты будут крайне неблагоприятными и для естественного и для социального окружения (шире Липтон 2009, 7-14).

Однако это в случае Черногории все еще кажется утопической теорией. Чтобы она, однако, стала и историческим фактом, необходимо в стратегических документах, планах и программах и в целой общественной практике на первый план выдвинуть истинные потребности развития местного и сельского, соответственно, сделать естественное слияние всех этих элементов с общественным развитием в целом. Только в этом случае развитие становится основой конкурентивной общественной системы и обеспечивает развитие местного и сельского и их внутренних развивающих потенциалов. В этом случае «развитие как свобода» имеет перспективу преодоления экзистенциалистского антропоцентризма в направлении установления антропоцентризма как идеального типа человечности и гуманности. Без фундаментального открытия этого процесса, как на местном, так и на глобальном плане, решение проблем социальных неравенств в современном обществе человеческим и гуманным способом нет видов, а это значит, ни решения серьезных противоречий мирным путем.

Социологически-антропологический амальгам

Повторим рефлексивные суммы когнитивных данностей современного момента. Как можно заметить, пост-постмодернизм мы вычитывали из работ постмодернистской редакции, которые свободно ввели эту эпоху, чтобы, менее или более эксплицитно, совсем ей отказали в дальнейшем, основываясь на достоинстве и валидизации собственных антиципаций и отрицательных редакций. Мы ошибемся, если эти раздумья о пост-постмодерне поймем как оконченные в социологическом, антропологическом, психоаналитическом, аксиологическом и праксеологическом поле, и окончательно найденного ценного ключа для решения психопатологического состояния современного человека. То, что является неминуемой консеквенцией, это контаминация идентитета, проходящего через своеобразную фильтрацию догмы великого эпоса постмодерна. Просто, речь идет о расколе между думающим носителем и процессом размышления. Хотя на вид странно, этот вывод все-таки последователен. На фоне каждого переплетения аргументационных рядов нашего

теоретического размышления основывается один эталон общего гаранта смысла сравнимости наших примечаний и постмодернистских рефлексий. Острота нашего калейдоскопа раздумывания задерживается на одном, так сказать, изолированном аспекте, если не и некозистентной массивной теории науки, которая, согласно Лиотару, больше не в состоянии своим имплицитированием неприкосновенности прогресса не оправдывает ни один сегмент общественно-го движения, тем более, она не может больше оправдывать саму себя. Всеми похожими описаниями и сравнениями онтологически-мутационной зараженности мы уже проникли в область того, что, мы должны признать, с напряжением, называется постмодернистской культурой. Все то, что как делегирующая фигура технологического корродирования в ткань жизни узнается, не афицирует слой перцепции личного идентитета. Таким образом добираемся до части реферата, в которой легче можно узнать темпоральный дискурс эпохи. Проникновение осмотра постмодернистских теоретиков сугерирует на отмену дискурса пола, нации, семьи, группы, которые до вчерашнего дня излучали узнавание индивидуума, чтобы на их место пришел эфемерный идентитет. Социологический редукционизм временного ядра для нас неприятен, т.к. систематический маневр не подходит к современной форме захвата существования человека. Т.к. современный индивидуум больше не имеет никакой возможности любым способом влиять на передачу тотализирующих требований власти и пост-постмодернистской концепции. Идентитет, таким образом, стал зависимым от принадлежности больше не себе как опорному меритуму, собственному неизменному центру, а он, как замечает Стюарт Холл, ставится на место снаружи, как неограниченное количество готовых продуктов, как множество готовых истин об идентитете. Эти продукты требуются глобальной культурологической навигацией постмодернистского духа. С тех пор началась медленно *мистифицированная биография человека*, которая, оказавшись на Западе, нашла «онтологически стабильного свидетеля для ее бессилия перед перцепцией гомогенного идентитета. Остановимся на этой указанной критической почве. Поэтому если индивидуум Запада создан из такого простого и «сырого» идентитетского материала, то он не пульсирует динамикой аутентических антропологических, социологических и психологических ценностей,

тогда наше утверждение, что постмодернистский индивидуум освобожден от метафизического баласта, приобретает свою логическую основанность и теоретическую оправданность. Что наше чтение постмодернистского текста релевантно, может быть, лучше всего подтверждает наше нахождение проблем действия тренда парадоксальности глобализации, то есть поверхностной отмены местных различий, и самим этим и сужения численности идентитета. Иначе говоря, гносеологическую оправданность мы извлекаем из осмотров Холла, скрытая острота глобализации находится в осуществлении *культурного супермаркета*. Эти заботливо высказанные духом тонкости, методологические замечания, являющиеся валидным аналитическим инструментарием для узнавания постмодернистского идентитета. *Совсем логично, что на «стеллажах» постмодернистской культуры окажутся упакованные потраченные идентитеты!* Потребление, таким образом, становится новым эпохальным дискурсом и предположением общественного порядка в целом, так что через нее сугерируется совершенно новый формативный репер идентитета. Таким образом, мы подходим к ключевой и понятийно основывающей социологической истине. Темпоральной ценностью, к которой современный человек стремится, является удобная нарация о себе. Такая конектованность превосходит аксиологический язык и становится режимом жизни или согласно Фуко, режимом истины. Эта драма проста продолжается. Сейчас, после сделанного отступления, которым мы, начиная с «антропологического падения» и выбранных определений, определили и реминисценировали возможность другого взгляда на эпоху пост-постмодерна, можно сказать, что «эстафета могущества» управления не закончилась в индивидуальной независимости человека. Таким образом, перед нами открывается панорамный вид, в котором мы отчетливо можем увидеть порядок симулякрума и его абсорбцию человеческого существования. Триумфальное либерально-демократическое декларирование всех социальных знаков основывается на профилактической проекции гомогенизации модели сознания и индивидуального энтитета со стороны глобального амальгама и катарзы того, что называлось этосом коллектива и индивидуума. Нужно было вмешаться и отменить субъективный ресурс, из которого извлечены субъективные прерогативы, чтобы в пост-постмодерне выполнялась

идеологическая «дресура» и эксплуатация, чтобы установились регулятивы препарированной жизни. Нет никаких сомнений в оправданности, что наша защита аксиологической графикации ссылалась на массивный опус теоретиков, которые своими научными стремлениями задали себе поиск идеи свободы, корреспондирующей с нашими стараниями и отстаиванием того поля ценностей, которыми детерминизм данности трансформируется в открытое поле возможности *свободы за*, а не ее статичной отмены *свободы от*. На этом месте задается вопрос о *торговле прошлого*. Именно с узнаванием нового идеологического чтения прошлого и инаугурации его как единственного критерия истины и ее медитации, Тодор Кулич по праву предупреждает, что радикальное преображение мысли в обществе ускоренно распространялось, благодаря новым словам с приставкой «пост», постмодерн, посткумизм, постмарксизм. «Давно замечено, что принятие истории зависит от ее нарративной структуры, у которой есть собственные законы, когда она оформляет прошлую в рассказанную память. Глобализационная память не отличается от предыдущего тем, что сложность хаоса редуцирует другой фабулой, ни поэтому как можно успешнее складывает контингентное прошлое в повесть, которая принимается. Она, то есть, также старается действовать логически и абстрактно, *подходит к моментальному идентитету и самопониманию и предлагает функциональный конформизм (быть в тренде, т.е. лояльным к действительным ценностям)* (наш курсив, Кулич, 2006:42)». Тематическое средоточие научного «паломничества» Шпенглера и его морфологической констелляции культуры, а переведенное на матрицу наших потребностей, могло бы, как замечает Владимир Цветкович, быть сказано, что (пост-)модерн видят прежде всего как «зиму» культуры (Цветкович, 2007). В упомянутой форме нужно узнать момент эгзистенциальной ненадежности и растерзанного антропоцентризма. Эпохальный дискурс имеет статус явления, которое окружает индивидуума и его коллектив, дискредитируя их идентитетское узнавание на эхо ценные «переклички». Важно выделить, что человеческая ментальная ориентация, бывает замутненной таутологическим опытом, который, как мы и подтвердили, конвергирует к гратификации гибернированного времени, которое детерриториализирует аксиологический объем. Единственный проход на магистральной линии

пост-постмодерна обезбечува својобразен уход од модула човечности и взятие новой одежде под надзором технологической матрицы, которая пронизана в проникновенные точки опоры неолиберальной идеологии, имперальной демократии, как обсерватора тоталитарного сознания, или лучше сказать, постмодернистского тоталитаризма. Высказывание об исходах и дериватах пост-постмодерна на этом завершено. Может быть, потенциалы реабилитации психики существа находятся в вопросе, как могло быть? Вообще, может быть в постмодернистской гравитации и ее антропоцентрическом преследовании, может реконструироваться попытка наполнения экзистенциальной орбиты, которая бы наконец убрала необходимость признания и узнавания себя в другом, как генерализованный постулат пульсированного гуманизма.

Литература

1. Bodrijar, T. (1994), O zavopenju, Podgorica : Oktoih.
2. Cvetković, v. (2007), Volja za novo, Beograd : Dereta.
3. Dugin, A. (2009), Четвертая политическая теория, Sankt-Peterburg : Amfora.
4. Purix, M. (1989), Mit, nauka, ideologija, Beograd : BIGZ.
5. Engineering, J, Marciniak, ed. John Wiley, New York
6. Ермолаева, П.О. (2011) Состояние развития экологической культуры современной российской молодежи, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Социологический
7. Gajž, A. (2011), Duhovne osnove svetske krize, Beograd: Konras.
8. Gotterbarn, D. (1994) Software Engineering Ethics, In: Marciniak, J. (Ed.). Encyklopedia of Software Engineering, New York. Johan Wiley, Sons.
9. Habermas, Jirgen i Joyef, Racinger (2006) Dijalektika sekularizacije, Beograd, Dosije
10. Hall, S. (2006), Kome treba identitet, u Politika teorije, Zagreb : Disput.
11. Hiršman, Albert (1999) Strasti i interesi, Beograd, Filip Vilynjix
12. Ika Darhofer Strategies of family farms to strengthen their resilience, Presented at the 8th International Conference of the European Society for Ecological Economics, June in Ljubljana (Slovenia) 2009
13. Jakirovič, Mladen (2011) "Plamen socijalne ekonomije", Zagreb, Novi plamen, godinaV.br15
14. Johnston, S., McGregor, H., Taylor, E. (2000) Practike-focused ethics in Australian engineering education
15. Knjazeva-Adamovič, S, (2008) Polemike-politiike i filozofske, Beograd, Službeni glasnik
16. Koizjio, Matsura (2008) Može li inovjeianstvo da se samuva, Beograd, Politika
17. Koljevič, B. (2009), Biopolitika i politiki subjektivitet, Beograd : Službeni glasnik.
18. Konstatinovič, Radomir (2010) Filozofija palanke, Beograd, Otkrovenje
19. Kuljič, T. (2006), Kultura sejanja, Beograd: Iigoja.
20. Linda Lobao, Curtis W. Stofferahn The Rural-Urban Continuum as a System of identity, From the issue entitled "Symposium on Fault Line in U.S. Agrifood Systems" 2001.
21. Lipton Michael, The Family Farms in a globalizing world International food policy research institute, Washington (2009)
22. Lyotard J.F. (1984), The Postmodern Condition: A Report on Knowledge, Manchester: Manchester University Press.
23. Malešević Krstan, Dometi i ograničenja seoske lokalne inicijative, Sociološki pregled, XXXV, Institut Agrikulturne Ekonomike Beograd, (2001).
24. Mander Džefri, Edvard Goldsmit (2003) Globalizacija, Beograd, CLIO
25. Mihailo Stevanović, Radosav Vольковič (1975) Reivnik uz celokupna dela Petra II Petroviča Njegolja, Cetinje, Beograd; Obod, Prosveta
26. Petar II Petrovič Njegolja (1995) Gorski vijenac, Podgorica, CID
27. Petar II Petrovič Njegolja (1995) Lažni car Lžjeran mali, Podgorica, CID
28. Petar II Petrovič Njegolja (1995) Luma Mikrokozma, Podgorica, CID
29. Petar II Petrovič Njegolja (1998) Djela, Podgorica, CID
30. Petrič, Vlada (2011) Bixe skoro propast sveta, Beograd, Politika-kultura, umetnost nauka, 24 septembar
31. Poper, Karl (1993) Otvoreno društvo i ..., Beograd, BIGZ
32. Sekulix, Isidora (2009) Intervju iz 1958, Beograd, Politika.
33. Sekulix, Nada (2002) Postmodernizam i kraj antropologije, Sociologija 4.
34. Sen, Amartja (2002) Razvoj kao sloboda, Beograd , Filip Vilynjix
35. Simiž, T. (2009), Antropološka epistemologija epohe, Podgorica: Univerzitet „Mediteran“.

36. Sol, Džon Ralston (2011) Propast globalizacije i preoblikovanje sveta, Beograd, Athipelag
37. Vidojević, Z. (2005), Kuda vodi globalizacija, Beograd : IP „Filip Višnjić“ / Institut društvenih nauka.
38. Vukicević, Slobodan (2012) Antropocentrizam: egzistencija protiv esencije, Beograd, Sociologija br. 1
39. Vukičević Slobodan (2005) Sociologija – filozofske pretpostavke i temeljni pojmovi, Beograd, Plato
40. Vukičević Slobodan Crna Gora na prelazu milenijuma, - Selo u Crnoj Gori između tradicije i modernosti 259-286, Centralna narodna biblioteka Crne Gore “ Purpe Crnojević” Cetinje, (2003).
41. Vukičević Slobodan, Ontološke iracionalnosti savremenog svijeta, Jasen, Beograd, 2012.
42. Vukičević, Slobodan (1995) Ideal i stvarnost ekomenadimenta, Nikšić, SO služba zaštite prirode
43. Vukičević, Slobodan (2003) Crna Gora na prelazu milenijuma, Cetinje, Centralna narodna biblioteka Republike Crne Gore „Purpe Crnojević“
44. Vukičević, Slobodan (2012) Globaliyation, human nature and the nature of societ/ An ispring reflectiveness of sociological analiyisis of profesor Dobrenjkov/, Nju Delhi(the international institute of sociology, the 40th iis world congress)
45. Vukičević, Slobodan (2013) Sociological, theoretical and methodological approach to studing idetrity (Cvejić, Lazij, Dobrenjkov) IIS Wordl Congress, Uppsala, Sweden
46. Vukičević, Slobodan (2013) *Теоретические-методологические вклады в изучение обществехого структурирования* (Цвејич-Лазич-Добренјков) Москва, Социологичекий факултет МГУ и. Ломоносов
47. Vukičević, Slobodan (2013)Anthropocentrism: existence against essence, Global Juornal of Human Social Science (GJHSS) Cambridge(у љтампі)
48. Вернадский, В.И. (1994) *Живое вещество и биосфера*, Москва, “Наука”

Как возможно нанообщество

Кравченко А.И.

Начало XXI века совпало с появлением новых типов технологий, в данном случае нанотехнологий, и в связи с этим активным обсуждением в научной общности новой социологической категории – нанообщество. Как возможна новая дисциплина? Как возможно само нанообщество? Что подразумевается и о чем идет речь – о более высокой формации, альтернативном теоретическом подходе или просто «информационном шуме» и новом поветрии?

Ключевые слова: нанотехнологии, нанообщество, нанозтика, наносоциология.

Kravchenko A.I.

How is it possible Nano-Society

Starting XXI century coincided with the emergence of new types of technology, in this case, nanotechnology, and in this regard, active discussion in the scientific community of the new sociological category - Nano-Society. How can a new discipline? As perhaps Nano-Society? What is meant and what is at stake - a higher formation, an alternative theoretical approach or simply «information noise» and a new fad?

Key words: nanotechnology, nanoobschestvo, nanoetika, nanosotsiologiya

Нанообщество – нанокультура или нанопоток?

Наступление нанотехнологической революции, порождающей новую формацию – нанообщество, напрямую зависит от развития постиндустриального общества и растущих объемов информации, которые необходимы для быстрой обработки поступающих эмпирических данных о малых мирах.

У термина «общество» два значения: общество как социум и общество как организация, сообщество. Первое значение социолого-философское (исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми), например, античное общество, постиндустриальное общество, российское общество. Второе значение – организационно-правовое (узкий круг избранных людей), например Общество книголюбов, «дворянское общество», «педагогическое общество».

В иностранных источниках термин «Nano-Society» употребляется преимущественно либо исключительно во втором значении, например American Nano Society (world's largest scientific society), International Nano Society (Somerset, NJ). Термин «Nano-Society» в широком значении встретился лишь однажды – в названии книги Майкла Бергера¹, в которой автор проанализировал 122 исследовательских проекта со всего мира и снабдил их комментариями самих ученых, занимающихся лабораторными разработками в области нанотехнологий. Книгу можно считать социологическим отчетом, а можно отнести к обзорам достижений в области нанотехнологий и нанонауки в определенный исторический период.

В нашей стране ученые и инженеры придерживаются узкого значения термина «нанообщество» в смысле научно-технической ассоциации. В конце 2008 г. создана Общероссийская общественная организация «Нанотехнологическое общество России» (НОР), Учредительная конференция которой прошла в г. Москве. Создание НОР поддержали ОНЭКСИМ-группа и госкорпорация «РОСНАНОТЕХ». Партнером Общества стала группа компаний «НТ-МДТ». НОР имеет

22 структурных подразделения, в том числе Промышленный комитет, Молодежное отделение и 17 тематических научных секций. Индивидуальные члены и региональные представительства НОР находятся в 71 субъекте федерации во всех федеральных округах России. Имеются иностранные члены НОР из 7 стран. В 2009 г. в Москве в НИЯУ «Московский инженерно-физический институт» прошла Первая ежегодная научно-техническая конференция НОР «Развитие нанотехнологического проекта в России: состояние и перспективы». Вторая ежегодная конференция НОР «Перспективы развития в России НБИК-технологий как основного научного направления прорыва к шестому технологическому укладу» прошла в РНЦ «Курчатовский институт» 14-15 октября 2010 г. Третья ежегодная научно-практическая Конференция НОР: «Выход российских нанотехнологий на мировой рынок: опыт успеха и сотрудничества, проблемы и перспективы» прошла 5-7 октября 2011 г. в Санкт-Петербургском академическом университете - научно-образовательном центре нанотехнологий РАН².

Нанообщество как социолого-философское понятие впервые встретилось в статье А.А. Давыдова³, на которую ссылаются все авторы, которые пишут о нанообществе как новом историческом типе общества в значении постиндустриального или постинформационного общества.

В социально-политическом ключе понимает нанообщество Р. Зенцов. Он считает, что разрушительное воздействие на россиян глобализации и неолитерализма, несущие с собой разрушение национального единства общества, подрыв православия как его фундамента, распространение ценностей антисемьи (геи и лесбиянки) объективно может превратить их в нанороботов, лишенных духовного начала. Нанороботы и составляют основной контингент нанообщества: «нанообщество пытается полностью заменить человека созидającego»⁴. Такое общество выгодно транснациональным корпорациям и национальным олигархам.

А.А. Давыдов представляет нанообщество как определенный «тип биосоциотехнической системы, состоящей из разнородных взаимосвязанных элементов и подсистем, свойств и отношений, созданной индивидами на основе нанотехнологий, целью которой является реализация экстремальных принципов в жизнедеятельности индивидов с помощью законов и со-

циологических алгоритмов, действующих в определенных границах»⁵. Автор разъясняет свое определение: «В качестве системопорождающих элементов данной системы будут выступать сначала Homo Sapiens, а затем Nano Sapiens. В качестве системообразующих элементов данной системы выступают результаты (материальные и идеальные продукты) нанотехнологической деятельности Homo и Nano Sapiens. Между системопорождающими и системообразующими элементами действует механизм обратной связи. Данное определение соответствует системному определению общества⁶, что может свидетельствовать о плодотворности системной социологии⁷ для описания будущего нанообщества»⁸.

Далее А.А. Давыдов пишет: «Эксперты⁹ прогнозируют возникновение «черного» рынка нанотехнологий и других негативных экономических явлений, наблюдаемых в информационном обществе. В целом, имеются основания предполагать, что некоторые особенности нанэкономике соответствуют закономерностям, которые действовали в индустриальном и информационном обществах»¹⁰.

На наш взгляд, такого определения нанообщества и описанных его особенностей недостаточно для того, чтобы считать нанообщество свершившимся фактом. После появления нанонауки и распространения нанотехнологий ровным счетом ничего не изменилось ни в социальной структуре современного общества, ни в сфере социальной стратификации и мобильности, ни в зоне распределения власти и богатства, ни в функционировании институтов. Принцип обратной связи всегда существовал как базовый элемент социального взаимодействия. Возможно, на него не обращали внимания или он проявлял себя в иных формах. Выражение «социологические алгоритмы, действующие в определенных границах» - теоретическая метафора, мало что имеющая общего с научным объяснением законов функционирования общества. Термины «системопорождающие и системообразующие элементы» принадлежат междисциплинарному языку описания, а не классической социологии, опирающейся на операциональные формулировки, четкие гипотезы и строгую эмпирическую проверку.

Они появились недавно, поскольку изменилась парадигма социальной науки, а не потому, что изменилось само общество. Объем внедренных нанопроектов, доведенных до стадии мас-

сового промышленного производства и бытового потребления населения, ничтожно мал по сравнению с продукцией предыдущих технологических укладов, скажем, информационными технологиями. Скорее именно они преобразовали нынешнее общество, поскольку историей им было отпущено гораздо больше времени.

Таким образом, говорить об онтологическом осуществлении нанообщества еще рано. Скорее феномен нанообщества проявляет себя в двух других областях, а именно в 1) области психологии массового сознания, порождая необоснованные ожидания и мечты от прихода нанотехнологий у одних и мало обоснованный страх перед ними у других; 2) гносеологии, поскольку проникновение в наноразмерную реальность переворачивает традиционные представления об объективной реальности, роли субъекта-ученого в измерении наномасштабных объектов, понимании природы науки и научно-го познания в целом.

Изучение законов, структуры и динамики функционирования массового сознания и общественного мнения, а на этом фронте особенно популярны и эффективны методы опроса населения, является наиважнейшей областью современной социологии. Об этом в частности, пишет Ж.Тощенко. Анализируя причины кризиса социологии, Ж.Т.Тощенко¹¹ утверждает, что сегодня совершенно «не работает» представление о предмете социологии как о науке, исследующей социальные процессы и социальные отношения, социальную структуру и социальные институты. Критическим рассмотрев три методологические стратегии - социологический реализм (объект исследования - общество, социальные системы, структуры, институты), социологический номинализм (объект исследования - индивид, личность, социальные группы и общности) и социологический конструктивизм, Ж.Т.Тощенко предлагает создание нового направления - социологии жизни. Она призвана изучать общественное сознание и социальное настроение людей в связи с социальными условиями жизнедеятельности, новыми социальными событиями, в том числе внедрением и распространением современных технологий и научных открытий¹². Социология выяснила социокультурные каналы проникновения нанотехнологии в общественное сознание: правительственные решения и постановления, научные конференции, выставки и экспозиции, учебные пособия и научные издания, журналы, публи-

цистика, компьютерные игры, научно-фантастические произведения, Интернет и сайты по нанотехнологии, CD диски с информацией по нанотехнологии, телевизионные программы и передачи, посвященные нанотехнологии¹³.

Созвучна с этим позиция И.А. Мальковской, которая поднимает проблемы субъектности в современном мире. В последние годы в социальной теории обнаружилось «два методологических «дефицита»: 1) «ускользание» объекта и запаздывание его исследования; 2) стандарты мышления, традиции науки, «заказов» к ней, статус знания нередко стали нацеливаться на описание «желаемого», а не реального. Методология социальных наук за последние столетия отражала растущий темп изменений человеческой жизни, тесно связанной с технической и природной средой - от макро- до «нано»-уровня¹⁴.

Рассматривая специфику современной методологии социологических исследований, Н.В.Романовский отмечает несколько поворотных точек в ее динамике: «Прочтение культуры как текста, проникновение в смыслы, интерес к наделению людьми своих мыслей и действий определенными смыслами и т.п. привели к реабилитации методов микро анализа, нарратива, кейс-стади, включенного наблюдения. В социологию вошли визуальные исследования. Опыт прожитой индивидом жизни оказался интересным для социологов; биография слилась с исторической социологией, сложилась автоэтнография... Работающие в социальных науках математики стали активнее использовать нечеткие множества... Несколько девальвирована свойственная социологам США жестко количественная методология. Разрядилось противостояние «количественники»/«качественники»¹⁵.

Обобщая эти и другие точки зрения современных социологов, не только отечественных, но и зарубежных (анализ их позиции будет проведен далее), можно сделать вывод: *нанообщество* на данном историческом этапе возможно как особое состояние массового сознания, выраженное в отношении людей к нанонауке и нанотехнологиям – без изменения существующих структур, институтов и иерархий самого общества.

Нанообщество – пока еще проект будущего, далекого или близкого, это другой вопрос. Но готовиться к нему, в том числе социологам, надо уже сегодня, потому что в самом обществе прорастают процессы, которые ведут к форми-

рованию нанобщества как объективной реальности, данной нам в ощущениях и существующей независимо от нас.

Трансформация общества в нанобщество – естественный и нормальный итог научно-технического прогресса в результате нескольких научных революций. Что он подразумевает? Рутинный процесс «нанонизации» общества включает следующие процессы: появление нанотехнологий, нанотехнологическая революция, рождение нанонауки, глубокая трансформация системы высшего образования в сторону исследовательских университетов, подготовка специалистов по нанотехнике, изменение научного познания и мировоззрения, вызванное широким распространением нанотехнологий, издание специальных журналов, публикация научно-технических статей, монографий, открытие новых исследовательских центров, институционализация наномира, формирование наноиндустрии и соответствующего рынка труда, формирование нанокультуры и наноэтики, трансформация общественного сознания и общественного мнения в отношении к нанотехнологиям и нанонауке. Деформация нанобщества и общественного сознания – сопровождающий нормальное развитие общества кластер негативных явлений и процессов, связанных с широким распространением нанотехнологий. В качестве частных тем сюда входят нанозейфория, нанобум, нано-мошенничество, нано-пурга, нано-фобии и т.д.

Трансформация общества в сфере образования предполагает - на государственном уровне - широкий комплекс мероприятий по нанообразованию, который включает вузовские программы подготовки специалистов в области наноиндустрии, функционирование различных НОЦ, НИУ, ЦКП, открытие НБИК-центров и соответствующего направления в РАН, привлечение к задаче подготовки и переподготовки инженерных и педагогических кадров ведущих специалистов, проведение публичных нанофорумов, научных конференций, семинаров, конкурсов, школьных олимпиад, издание учебно-методической литературы, пропаганду нанознаний в СМИ, ежегодный мониторинг количества рабочих мест в области наноиндустрии.

Социология – строгая наука, в отличие от восхищений журналистов или популяризаторов науки. Она анализирует события при помощи своего категориального аппарата – социальная структура и стратификация, социальные инсти-

туты, функции и дисфункции, социальные трансформации и деформации – и с помощью имеющихся в ее распоряжении научных теорий, созданных социологами.

В этом смысле, конечно, нам нужна наносоциология как теоретико-социологическое осмысление и описание того, что с обществом и людьми делает нанотехнологическая революция. Ведь социологи еще раньше пытались осмыслить и описать то, что совершают с обществом информационные технологии и придумали даже специальное понятие – информационное общество.

Нанотехнологии – всего лишь следующий и вполне закономерный шаг научно-технической революции. Естественно, что его требуется социологически осмыслить. И прежде всего – с какими социальными трансформациями и деформациями он связан.

Социальными трансформациями надо называть структурные сдвиги в функционировании важнейших социальных институтов общества, имеющих как знак плюса, так и знак минуса, т.е. ведущих к возможному прогрессу или неизбежному регрессу общества.

Социальными деформациями следует называть не временное ухудшение базовых показателей в той или иной сфере общества (экономической, политической, социальной, духовной), а структурные смещения в функционировании социальных институтов, которые могут указывать на невосполнимые потери для населения и страны в целом.

Существует нано-искусство, нано-дизайн, нано-будущее, нанонаука, нанотехнологии, нано-общество, нано-промышленность (наноиндустрия), нано-роботы, наноматериалы, наночученые и нано-инженеры. Нано-словарь расширяется с каждым днем и с каждым днем чуть ли не в геометрической прогрессии растет литература – научная, техническая, научно-популярная, документалистика и научная фантастика – о новом витке научно-технического прогресса, связанного с управлением сверхмалых величин. Журналисты пишут о нано-юморе, нано-пурге и нано-помешательстве, нано-помешательстве, нано-моде и нано-культуре.

Нанокультура (NanoCulture) как дисциплина исследует то, каким образом нанотехнологии взаимодействуют с чем-то (другими технологиями, между собой, с обществом или людьми) и сами становятся частью культурного строительства. В тематический горизонт нанокульту-

туры входят сотрудничество и строительство нанонауки и научной фантастики; влияние оценки рисков и нанотехнологий на формы нарратива; пересечение между нанонаукой как практикой письменной речи и экспериментальной литературой, направленной на описание процесса изготовления и изобретения нанотехнологий; метафора Алисы в стране чудес в сфере нанотехнологий; последствия взаимодействия нанотехнологий и электронной литературы¹⁶.

Нанокультура находится на перекрестке различных течений, тенденций и начинаний: между искусством, наукой и литературой; культурное воображение, научные факты и технологические возможности; фактические, виртуальные и гибридные пространства; наука о фикциях и фикции науки; утопические мечты, материальные ограничения и де-утопические (Dystopian) кошмары¹⁷.

«НаноКультура» является изображением нанонауки и нанотехнологий в сфере массовой культуры, например, в книгах, фильмах и компьютерных играх¹⁸. «Нано» часто используется в качестве префикса для таких терминов, как нанороботы, наниты (nanites) и наномеды (nanomed), и применяется для обозначения объектов и машин атомных или молекулярных размеров. Развитие технологий в области нанокультуры, считает М.Йоханссон, может дать людям особые способности или привести к их ухудшению. Миниатюрные размеры нанотехнологий делают нановещество невидимым для человеческого глаза, тем самым представляя мир, который находится за пределами человеческого опыта. Понятие «вне-нас-мир» («out-of-our-world»), касающееся сути нанотехнологии, делает наномир подходящим пространством для фантастических проявлений нашего воображая, строительства артефактов и усовершенствований человека, т.е. того, что невозможно в нашем обычном мире. Нанотехнологии выступают героем многочисленных книг, фильмов и видеоигр¹⁹. Автор «Парка юрского периода» Майкл Крайтон посвятил нанотехнологиям целый роман, а многие ученые давно предсказывали, что появление «роботов» величиной с булавочную головку навсегда изменит человечество.

Современное искусство, меняясь во времени и отражая действительность, породило новое направление «наноарт» (наноискусство), представляющее собой вид искусства, связанный с созданием скульптур (композиций) микро- и нано-размеров под действием химических

или физических процессов обработки материалов, фотографированием полученных нано образов с помощью электронного микроскопа и обработкой черно-белых фотографий в графическом редакторе (например, Adobe Photoshop)²⁰.

Что из себя представляет подобный нанопоток? Новый мейнстрим человеческой цивилизации, новое помешательство сознания? А может быть это не стихийный поток, а сознательно направляемый способ манипулирования общественным сознанием? Наиболее развитые страны, больше других преуспевшие в нано-прогрессе, прежде всего США, Япония, Южная Корея и Западная Европа, навязывают гонку другим странам, чтобы «выпотрошить» их, вымотать?

История показывает, что многие страны, однажды отставшие в научно-технологической гонке и не сумевшие перестроить структуру управления своей промышленностью, научный комплекс страны, отстают уже навсегда, затрачивая в 3-4 раза больше средств на то, чтобы догнать лидеров, но так и не преуспевшие в этом? Это удалось в свое время СССР, но ценой создания мобилизационной экономики, которая выкачивала все ресурсы из гражданской промышленности и направлявшая их в узкий сектор военно-оборонного комплекса. В далекой перспективе подобный путь развития оказался тупиковым.

И сегодня широкая пропаганда нано-достижений может использоваться США для принуждения других стран к участию в этой, признаваемой многими специалистами весьма сомнительной, инициативе.

Нанотехнологии и наноэтика

Актуальность и своевременность вопроса о социальных, культурных и этических последствиях дальнейшего развития нанотехнологий органично проистекает из существующего кризиса современного общества, формы проявления которого многообразны: безудержное распространение высоких технологий, международный терроризм, информационные войны, сетевые вызовы интернета, киберкультура и эскалация виртуальной реальности, обострение экологических проблем, энергетический кризис, вторжение в наследственную структуру человека и т.д.

Американский футуролог Э. Дрекслер в своей книге «Машины созидания» рассматривает целый ряд социокультурных последствий раз-

вития нанотехнологий. Книга носит прогностический характер, значение нанотехнологий для будущего развития общества и повседневной жизни людей обосновывается им при помощи рациональных построений и доказательств. Труд Э. Дрекслера оказал огромное влияние на исследование социальных и культурных последствий развития нанотехнологий.

В Главе 14 известного произведения Н.Лескова «Левша» (1881) есть такой фрагмент: «Стали все подходить и смотреть: блоха действительно была на все ноги подкована на настоящие подковы, а левша доложил, что и это еще не все удивительное. — Если бы, — говорит, — был лучше микроскоп, который в пять миллионов увеличивает, так вы изволили бы, — говорит, — увидеть, что на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал. — И твое имя тут есть? — спросил государь. — Никак нет, — отвечает левша, — моего одного и нет. — Почему же? — А потому, — говорит, — что я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковы забиты, — там уже никакой микроскоп взять не может. Государь спросил: — Где же ваш микроскоп, с которым вы могли произвести это удивление? А левша ответил: — Мы люди бедные и по бедности своей микроскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши. Тут и другие придворные, видя, что левши дело выгорело, начали его целовать, а Платов ему сто рублей дал и говорит: — Прости меня, братец, что я тебя за волосы отодрал. Левша отвечает: — Бог простит, — это нам не впервые такой снег на голову. А больше и говорить не стал, да и некогда ему было ни с кем разговаривать, потому что государь приказал сейчас же эту подкованную нимфозорию уложить и отослать назад в Англию — вроде подарка, чтобы там поняли, что нам это не удивительно».

В какой-то степени литературного героя Левшу можно считать первым в истории «нанотехнологом». В укор англичанам государь приказал отослать им «нановещицу» Левши чтобы знали, какие мастеровые в Туле водятся. Увеличение в 5 млн. раз и больше обеспечивают современные электронные и атомно-силовые микроскопы, считающиеся основными инструментами нанотехнологий. А вот Россия пока не может сильно удивить Англию своими достижениями в области наноауки и нанотехнологий. Во всяком случае «пока».

Инженеры и политики, похоже, извлекли уроки из прошлого, в частности из потреби-

тельской катастрофы с генетически модифицированными организмами²¹ и общественных дебатов вокруг проекта «Геном человека»²², что этические и *социологические* соображения должны сопровождать, а не следовать за технологическими исследованиями и их развитием²³.

При современном состоянии социальные ученые, стремящиеся сотрудничать с учеными и инженерами в деле изучения «общественных и этических последствий нанотехнологий», столкнулись с двумя проблемами, которые вызваны незрелостью нанотехнологий. Незрелость нанотехнологий носит концептуальный и социальный аспект. Концептуально, отсутствие значимых определений нанотехнологий привело к нынешней ситуации, когда почти все исследователи науки и техники быстро перекалцировались в «нано», не имея новых идей и не выказывая значительную степень междисциплинарности²⁴. В такой ситуации обмана культурные и социальные ученые могли столкнуться с трудностями при решении вопроса о том, какие научно-исследовательские проекты должны действительно считаться «нано», таким образом, что их выбор больше зависел от освещения в СМИ и дальновидных обещаний, чем от особенностей исследовательского проекта. Преобладающая артикуляция нанотехнологий в визионерских терминах — это социальный аспект незрелости нанотехнологий, которая влечет за собой вторую, более важную проблему²⁵.

Нанотехнология - новая и быстро развивающаяся отрасль технологий, которая накопила потенциал для продвижения во все сферы жизни общества - от сектора здравоохранения до удовлетворения повседневных бытовых нужд населения. Обещания наноауки и нанотехнологий могут радикально изменить нашу жизнь и наше общество, внести огромный вклад в научное развитие, и прежде всего в тот его сектор, который касается не только, а может быть и не столько узкого круга профессионального научного сообщества, но и широкого круга простых людей.

Значительный вклад в разработку социально-экономических, этико-культурологических, философско-методологических, медицинских и экологических последствий развития нанотехнологии внесли работы таких ученых и мыслителей, как П.Н. Лускинович, М.Роко, Ю.Г. Свидиненко, К. Берд, У. Гиббс, Ф. Дайсон, Э. Дрекслер, А. К. Дьюдни, Ж.-М. Лен, И.А. Негодаев, С. Нейдриен, Д. Ратнер, М. Ратнер, М. Рыбалко,

М.А. Сидоров, М. Соловьев, Р. Фейнман, К. Фёникс, Н. Кобаяси, Дж. Уайтсайдс, Г. Андерс, Д. Эйглер и др.²⁶

Сегодня, пишет Дж.Шуммер²⁷, культурные и социальные ученые стремятся сотрудничать с учеными и инженерами, чтобы совместно работать над «общественных и этическими последствиями нанотехнологий». Они столкнулись с двумя проблемами, которые вызваны незрелостью нанотехнологий. Незрелость нанотехнологий носит *концептуальный и социальный* аспекты. Концептуально, отсутствие осмысленных определений нанотехнологий привело к нынешней ситуации, когда многие или почти все дисциплины приписывают своим передовым разработкам приставку «нано», не имея на то серьезных оснований и не внося ничего принципиально нового в сокровищницу человеческих знаний. Даже не претендуя на междисциплинарность²⁸. В такой ситуации обмана, культурные и социальные ученые могут столкнуться с трудностями, решая вопрос о том, какие научно-исследовательские проекты на самом деле считать «нано». Их выбор может зависеть, скорее всего, от освещения проблемы в СМИ и многочисленных технообещаний в большей степени, чем от особенностей фактического исследовательского проекта.

Не только нанотехнологии сформулированы в терминах будущих ожиданий, но это касается также «социальных и этических последствий» нанотехнологий. Помимо ученых, инженеров, политиков, менеджеров науки, деловых людей, журналистов, трансгуманистов и авторов научно-фантастических сочинений разговоры о «социальных и этических последствиях» нанотехнологий ведут практически все люди. Все они, кажется, имеют твердое мнение о том, какими будут «социальные и этические последствия» нанотехнологий, что они радикально изменят общество, приведут к новой промышленной революции, скажут новое слово в деле достижения человеком бессмертия и рай на земле. Как могут культурные и социальные ученые, не имеющие опыта и навыков в астрологии, гаданиях или хотя бы футурологии, жестко привязанные к своим научным стандартам, внести вклад в дискуссию о будущем нанотехнологий? Могут ли их академические суждения конкурировать с яркими образами «социальных и этических последствий» нанотехнологий, где перемешаны сокровенные надежды и страхи миллионов людей? Иногда кажется, что по причине

незрелости нанотехнологий, социокультурным ученым либо слишком рано, либо слишком поздно участвовать в подобных дискурсах²⁹.

По мнению Е.П.Кульковой³⁰, «развитие и внедрение нанотехнологии приводят к возникновению новых реалий социокультурной реальности, что с необходимостью ставит новые этические вопросы, которые органически связаны с осуществлением возможных проектов. К последним относится, например, полное описание процессов мышления и осознания действительности мозгом человека; замедление процессов старения или возможность омоложения человеческого организма; разработка интерфейсов типа мозг/мозг или мозг/ЭВМ; создание роботов и других устройств, которые обладают хотя бы частичной индивидуальностью, и т.д. Наряду с появлением этических проблем, порожденных данными проектами, произойдет трансформация тех этических ценностей, которых многие люди придерживаются теперь. Развитие и внедрение нанотехнологии приведут к культурному эффекту, состоящему в усилении позиций одних этических ценностей и девальвации других».

Тем не менее, дебаты, широко развернувшиеся в СМИ и общественном мнении, в настоящее время - самый сильный, если не единственный, способ воздействия нанотехнологий на общество и культуру, а, возможно, и самый сильный из когда-либо имеющим место быть в будущем³¹. Как выяснилось, современные представления о нанотехнологиях, бытующие в общественном сознании, переживаемые людьми надежды и страхи, сформулированные в прогнозах, предвидениях и ожиданиях относительно «социальных и этических последствий», оказывают влияние на принятие решений, касающихся текущих и будущих направлений исследований в области наноразмерных явлений. Таким образом, динамика общественных дебатов прямо коррелирует с динамикой нанонауки и определяет будущие очертания нанотехнологий, в том числе их будущих «социальных и этических последствий». Все это открывает значимые возможности и перспективы для социокультурных ученых, которым не обязательно вступать в прямую полемику с общественностью.

В границах жанра научной фантастики нанонаучная фантастика сегодня, безусловно, одна из самых процветающих отраслей. Онлайн-библиография по нанотехнологиям в научной фантастике насчитывает 189 книг, романов и

сборников, опубликованных в период с середины 1980-х годов по ноябрь 2003 г. на английском языке³². Научная фантастика XX в. изобилует примерами человекоподобных технических и биотехнических систем, созданных людьми или человекоподобными существами.

В отличие от названия, сегодняшние произведения научно-фантастического жанра, как правило, не повествуют о вымышленной науке, научных исследованиях или разработке вымышленных технологий. В основном они об использовании вымышленных технологий в социальном контексте. Как и любые другие истории, они сосредоточены на персонажах, их мыслях и эмоциях, преобразованиях людей и общества, а также на социальном контексте взаимодействия общества и техники, которые всегда радикально меняются под влиянием вымышленных технологий³³.

Хотя основная цель научной фантастики - развлечения, этот жанр разделен на два морально-оценочных сегмента, выражающих оптимистичные или пессимистичные перспективы развития нанотехнологий для общества. Позитивный, или утопический сегмент связывают с именем Жюль Верна, который выражает в своих произведениях оптимистический пафос технологического бума для общества. Негативный, или де-утопический (dystopian) сегмент чаще ассоциируют с именем Герберта Уэллса, который предупреждает о негативных перспективах новых технологий для человечества. В XX веке вторую традицию продолжили Оруэлл (1984) и жанр страшилок, которые восходит своими корнями к историям о «сумасшедших ученых» XIX века³⁴. Кроме того, существуют жанры о таинственных и загадочных явлениях, в том числе присутствии инопланетян на земле, а также фэнтези, детектив и криминальные триллеры, которые пересекаются или перекликаются с жанром научной фантастики.

Сегодня признано, что нанотехнологии поднимают широкий круг этических, правовых, социальных и экологических проблем. Хотя на научные исследования и технологические разработки направляются огромные потоки финансирования, мало что изучено в области возможных рисков для здоровья, окружающей среды и этических вопросов. В ходе исследования нескольких журнальных баз данных обнаружили, что, в то время как количество цитирований для научных статей по нанотехнологиям выросло почти в геометрической прогрессии в период

между 1985 и 2001 г., цитирование этих статей в области социально-этических последствий нанотехнологий близко к нулю³⁵. Все стороны нанотехнологий должны быть проверены. Если нет, то многие из потенциальных выгод могут быть потеряны из-за подозрения или страха того, что нанотехнологии могут привлечь.

Обзор литературы, проведенный К.Кольбергом и Ф.Виккинсоном в 2007 г., показал, что вопросы управления со стороны государства, восприятия нанотехнологий общественностью и философии нанообщества доминируют в литературе на социальную и этическую тематику и занимают около 90%. Напротив, вопросам собственно научной деятельности, практике нанотехнологий посвящено 10% литературы³⁶. Согласно опросу ВЦИОМ (2008 г.)³⁷, для 81% респондентов наиболее популярным источником информации о нанотехнологиях служат телевизионные программы.

Одной из причин того, почему этика нанотехнологий внимательно не изучалась, состоит в том, что нанотехнологии не привлекали к себе широкого общественного внимания. По иронии судьбы, в то время как правительства стремятся сделать свои страны и учреждения мировыми лидерами в нанотехнологиях, их граждане, которые в конечном итоге финансируют большую часть исследований за счет поступающих налогов и приобретения нанопродукции, зачастую не знают о технологиях. Некоторые исследования показали, что общественность в значительной степени не знает о нанотехнологиях³⁸. Затрачивая 50 миллиардов долларов на приобретение потребительских продуктов на рынке, 49% опрошенных американцев в 2008 году заявили, что они никогда не слышали о нанотехнологиях³⁹.

Доля тех, кто «слышал много» о нанотехнологиях, не превышала 7% в 2008 году, 6% в 2007 году и 10% в 2006 г. Те, кто знает мало о нанотехнологиях, склонны относиться к нанотехнологиям скорее позитивно⁴⁰. Однако как только потребителям объяснили, что такое нанотехнологии, они почему-то стали больше беспокоиться о возможном риске для себя, чем об их преимуществах⁴¹. Некоторые полагают, что отсутствие информированности населения это хорошая новость, поскольку снимает общественную озабоченность по поводу новых продуктов. Тем не менее, опасения, основанные на неточной информации, могут принести вред дальнейшим разработкам и испытаниям новых нанотехнологий.

Основная платформа для обсуждения этических вопросов, касающихся нано, предоставляют профессиональные научные журналы, монографии, конгрессы и конференции. Однако массовая культура и обыденное сознание практически не включены в научный дискурс. У них свое пространство, свои площадки для осмысления реального и будущего в нанотехнологиях, где доминирующим фактором служат эмоции, стереотипы, фобии, предрассудки.

Социологам – с позиции постнеклассической методологии – необходимо всесторонне проанализировать основные черты будущего nanoобщества как продукта интеллектуальной и технологической революции. По всей видимости, nanoобщество представляет собой проблему, которая является междисциплинарной по своей сути и решается на стыке наук – естественных, социальных и гуманитарных.

Как предполагают эксперты, развитие и внедрение нанотехнологий не только окажет позитивно-преобразующее влияние на жизнь общества, но и породит новые, возможно, еще более сложные проблемы, и не обязательно только технического характера. Скорее всего решающую роль в их возникновении, а затем и решении будет играть человеческий фактор. Вот почему в поле зрения современных ученых все чаще попадают так называемые человекомерные системы.

Успехи современных технических наук и прежде всего наноу, достижения современной цивилизации в создании искусственных систем и комфортного образа жизни порождает у некоторых философов представление, что общество все больше превращается в лабораторию⁴², где над живыми людьми проводят тысячи экспериментов, в том числе связанные с искусственным интеллектом и искусственной жизнью.

Достижения в области наноу и нанотехнологий сулят колоссальный технический прорыв в ближайшие десятилетия. Социологам – в тесном взаимодействии с представителями других социальных и гуманитарных наук – предстоит тщательно и всесторонне изучить соответствующие этические, правовые, социальные, экономические и образовательные проблемы.

Основная проблема нанотехнологий заключается в том, что они представляют собой риск для существования человечества. Это общее мнение. К примеру, наноматерия имеет иной, чем мы привыкли, химический состав. Такие маленькие частицы обладают особенными свой-

ствами, ведут себя по-другому и порождают ядовитость, которая отличается от обычных химикатов. Заставляет задуматься, что наночастицы ведут себя подобно асбесту, остаются в теле и вызывают рак. Еще неизвестно, как наноматериалы взаимодействуют с экосистемами, как их можно находить в окружающей среде, могут ли они попасть в пищу или даже проникать сквозь кожу. Исследования показали, что наночастицы могут перемещаться из легких в печень и даже в мозг. Другие исследования показали токсическое воздействие на растения и, по итогам 48 часов после воздействия наночастиц на рыб, их мозг был поврежден. В 2006 г. в Германии из продажи был изъят Мэджик Нано (Magic Nano) – средство для чистки ванн, изготовленный на основе нанотехники. После того, как 77 человек пожаловались на проблемы с дыханием после его употребления⁴³.

Нанотехнологии, в случае их успеха, могут покончить с бедностью, потребностями, желаниями и болезнями, а также всем остальным, что беспокоит нас. Нанотехнологии не только разрабатывают способы и инструменты производства, порождая нанотехнику, но и совершенствуют старые средства производства, учитывая прошлый опыт. В результате двойственного воздействия на общественное производство формируются процессы как конструктивного, так и деструктивного характера.

Нанотехнологии – это путь к созданию новой цивилизации с присущим ей набором ценностей и идеалов. Согласно прогнозам ряда исследователей, «именно развитие нанотехнологий определит облик XXI века, подобно тому как открытие атомной энергии, изобретение лазера и транзистора определили облик XX столетия»⁴⁴. Наряду с информационными технологиями нанотехнологии обладают поистине всепроникающими, безграничными (или трансграничными) возможностями.

Перспективы научно-технического прогресса ближайших десятилетий связаны с развитием передовых технологий – информационные технологии (Интернет, квантовый компьютер, нейронные сети), нанотехнологии, биотехнологии, термоядерная энергетика и др. Они многократно увеличивают производительные возможности человечества, но одновременно многократно увеличивают риск возникновения неблагоприятных социальных последствий.

Цивилизация, обладающая высокими технологиями крайне нестабильна; она прекращает

свое существование, либо уничтожая себя, либо улучшая себя (Э.Юдковский). Дж.Дюпюи и А.Гринбаум предположили, что нанотехнологи неизбежно «оперируют с системами, над которыми они не имеют никакого контроля», и что «преувеличенно-философский миф должен быть пересмотрен: ни по ошибке, ни по принуждению, но человек будет лишен своих собственных творений по плану»⁴⁵.

Нанореволюция породила массу удивительных изобретений, таких как графен – уникальный материал, значительно расширивший границы современных компьютерных технологий. Сфера применений нанотехнологий просто невероятна, начиная от робототехники и заканчивая медицинской и сельским хозяйством. Нанотехнологиям предрекают решение проблем голода, болезней, нехватки энергоресурсов и удлинение человеческой жизни. Уже завтра у каждого жителя планеты появится собственная нанофабрика. Нам больше не придется ходить в магазин, все товары можно распечатать на принтере дома. Применение нанотехнологий может помочь миллионам живущим в нищете людей, включая диагностику и терапию для инфекционных заболеваний, очистку и опреснение воды, устойчивое производство энергии, а также экологический мониторинг и рекультивацию. Нанотехнология могут укрепить продовольственную безопасность за счет повышения урожайности продовольственных культур, изготовления упаковочных материалов, покрытых наночастицами⁴⁶. По мнению Е.П.Кульковой⁴⁷, возможности «нанотехнологии контролировать время жизни человека и новая ситуация зависимости смерти от желания человека, отсутствие старения и страдания от неизлечимых болезней увеличат уверенность человека в своих силах. Это станет разрушать психологическое основание религиозного мировоззрения – ощущение бессилия перед силами природы и временем. Вместе с тем необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что в будущем нанообществе не исключены идеологические конфликты между традиционными религиями и Nanoscale Science, религиозные конфликты с новыми нанорелигиями, основанными на постулате о тождестве Nano Sapience и Бога».

Развитие нанотехнологии касается важнейших этических, социальных и культурных проблем, связанных с возможностью создания самовоспроизводящегося искусственного интеллекта, построенного на основе нановычислений

(квантовые компьютеры, ДНК-компьютеры, нанoeлектронные компьютеры), киборга, а также с невозможностью различения между человеком и компьютером и пр. Они имеют непосредственное отношение к правам и привилегиям искусственного интеллекта, киборга, человеко-машинных систем, а это поднимает фундаментальный вопрос об их значимости и глобальных последствиях для человеческой цивилизации⁴⁸.

Одним из важных социокультурных последствий является проблема создания *искусственной жизни* на основе нанотехнологий. В работах У. Гиббса⁴⁹ раскрывается новое направление в геномной инженерии – синтетическая биология, которая занимается созданием искусственных живых систем, обладающих заранее заданными свойствами, используя для этого взаимозаменяемые фрагменты ДНК. Долгое время ДНК считалась единственным носителем наследственной информации, но сегодня биологи уверены, что существует другой, более лабильный информационный уровень, связанный с хромосомами. Речь идет о том, что биологи создают библиотеки взаимозаменяемых фрагментов ДНК и собирают из них генетические конструкции – прообразы программируемых живых механизмов. У.Гиббс рассказывает о проектировании искусственных живых систем с заранее заданными свойствами, с использованием заменяемых генетических деталей, а в некоторых случаях заменяемого расширенного генетического кода. Он показывает, что скрытые слои информации в хромосомах полностью переворачивают традиционное представление о наследственности и болезнях.

Современные ученые подобны «протеиновым модельерам», которые бьются над задачей построения всего тела⁵⁰ из большого многообразия молекул. Они моделируют клетки и их вещество через материальные аналогии, т.е. пользуясь тропами – иносказательным или фигуративным выражением одного через другое. В данном случае выражения неизвестного и неосознаемого через знакомое и материально наблюдаемое, то, что можно взять в руки или увидеть глазом⁵¹. Такие аналогии позволяют познавать и моделировать – понять, разобраться, представить себе, наконец, вмешиваться – в то, что в противном случае было бы невидимо и недоступно. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что подобный прием познания и конструирования несет в себе определенные

издержки. Он является не прямым, а фигуральным, или метафорическим. Молекулярное моделирование осуществляется по аналогии с крупными (видимыми) материальными объектами. Образность и материальность здесь слиты в гармоничное и одновременно противоречивое целое. Сделав невидимые атомы и молекулы видимыми благодаря их уподоблению дискам, шлангам, трубкам, каналам и т.д., мы получаем иллюзию проникновения вглубь материи еще на один уровень. Насколько он адекватен самой природе? Хотя понятно, что он при этом вполне адекватен природе человеческого мышления, привыкшего чуть ли не во всех сферах мыслить по аналогии и метафорически. Моделировать живые клетки как конструируют машины — это вполне человеческий способ видения мира.

Еще одна отличительная особенность заключается в том, как наночастицы взаимодействуют с клетками и тканями живого организма. Небольшие по своим размерам молекулы могут проникать в клетки путем пассивной диффузии в зависимости от их растворимости и концентрации. Клетки растут на или вокруг крупных структур. В этот момент наночастицы взаимодействуют с таким же количеством биомолекул, например белками, чтобы стать покрытием для наночастиц. Протеиновое покрытие наночастиц обеспечивает им легкий доступ к активным транспортным системам в живые клетки, что открывает возможности для наночастиц стать «пронизывающими непроницаемое». Такая технология позволяет доставлять лекарственные препараты точно по назначению. Однако вместе с этим возникают вопросы о токсичности, если наночастицы попадают не туда, где они должны находиться⁵².

Отказаться от натурализации машины в теле клетки, значит признать машинные аналогии в качестве неотъемлемого компонента «аппарата наблюдения»⁵³. Но такое пока невозможно, поэтому машинные метафоры пока еще остаются весьма привлекательными для тех, кто изучает молекулярные структуры. Молекулярные машины — сильнодействующие лекарства, помогающие сделать невидимое видимым веществ, действующие как катализаторы⁵⁴.

Вопрос о возможности небиологических форм жизни приобретает глубокий философский смысл, имеющий как культурологическое, так и социологическое измерение. Проблема демаркации живого и неживого важна не только

для биологии, поскольку требует выхода за пределы эмпирической науки. По сути в нанометровом диапазоне происходит стирание старой границы между пониманием жизни и нежизни.

Успехи в области наноуки и нанотехнологий обещают оказать серьезное воздействие на здоровье и благосостояние человека, распределение и уровень богатства в мире в ближайшие десятилетия. Однако характер социальных последствий развития нанотехнологий обусловлен социальным характером самого общества и поведения человека, которые обладают двойственной природой — конструктивной и деструктивной. Третья черта того и другого — необратимое воздействие на объект. Исправить сделанное однажды с тем, чтобы вернуть все к первоначальному состоянию, невозможно ни в обществе, ни в поведении человека, ни в применении нанотехнологий. Даже при наилучшем стечении обстоятельств возвращение будет иметь некоторый след постороннего вмешательства. В социальную составляющую нанотехнологии входят потребности общества и ожидания от новой технологии, в культурную составляющую входят представления о сущности жизни и смерти, природе сознания, месте человека в мире, ценностные установки⁵⁵.

Нанориск в зеркале общественного мнения

Заметное место в наносоциологии должна занимать тема **технологического риска**, его влияния на общества и общественное сознание. Нанотехнологии связаны с реальным или прогнозируемым риском, степень которого определяется эмпирически, в аналитических расчетах, на соответствующих моделях и обосновывается средствами теоретической науки, в данном случае *социологии риска*⁵⁶. Таким образом, наносоциология должна формироваться в тесном союзе с социологией риска.

Теория общества риска утверждает, что переход индустриального к постиндустриальному обществу связан с трансформацией социальной власти, структурированной капиталом, в общество, на структурирование которого решающее влияние оказывает фактор риска⁵⁷. Восприятие риска являются, в частности, социально сконструированным и созданным благодаря усилиям различных институциональных субъектов. Таким образом, можно ожидать, что в СМИ разные темы нанотехнологий будут осещаться неодинаково в зависимости от того,

интересы каких групп влияния, групп интересов и влиятельных агентов они выражают. Эти интересы, скорее всего, будут когерентны интересам правительства и бизнеса, а не популистских интересам журналистов и общественных деятелей⁵⁸.

Нелокализованные, т.е. *глобальные риски*, присущие современному обществу, характеризуются тем, что их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством, их последствия «неисчислимы», они «не поддаются компенсациям»: никакими деньгами невозможно восполнить ущерб человечеству от необратимых климатических изменений или генетического вмешательства в природу людей⁵⁹. В обществе «космополитизированного риска», пишет У.Бек, все связано со всеми и никому не избежать общей участи: «глобальные риски активизируют и связывают акторов, минуя границы, которые в ином случае не хотят иметь дело друг с другом»⁶⁰.

Эмпирические исследования демонстрируют, каким образом усиление технологического риска ослабляет степень институциональной структуризации общества и увеличивает дифференциал власти⁶¹. Распространение новых технологий увеличивает степень неопределенности, непредсказуемости, особенно при недостатке точных знаний о социальных последствиях внедрения нанотехнологий⁶².

В своей диссертации Л.Р. Сунгатуллина⁶³ выделяет несколько базовых групп нанорисков: 1) антропологические риски и угрозы в рамках проблемы «human enhancement» («расширения человека»); 2) производственные и экологические риски, связанные с безопасностью продукции нанотехнологий, утилизации нанопродукции; 3) риски социального и экономического порядка; 4) политические риски, обусловленные нанотехнологической конкуренцией, стартовавшей в промышленно развитых странах; 5) трансграничные риски, показывающие корреляцию человека, компании, страны от выбора других.

Существует распространенное мнение, что в условиях демократии СМИ играют важную роль в обеспечении населения как самой информацией, так и местом (форумами) для обсуждения новых технологий. По мере того, как средства массовой информации все больше влияли на общественное мнение, а общественное мнение влияло на политику, средства массовой информации формировали разработку политики в

соответствующих вопросах, оказывая важное влияние на вовлечение в политику различных групп общественности⁶⁴.

Потенциально крупные и невидимые риски, связанные с нанотехнологиями, представляют собой то, что изучает теория общества риска. Поскольку риск социально конструируется нашим воображением и страхами, редко когда объективные научные данные о социальных и экологических последствиях нанотехнологий вызвали доверие у широких масс обывателей, порождая многочисленные дискурсы, конфликты и конфронтацию между наукой и общественностью, между общественностью и бизнесом. Последний, для продвижения выгодных технологий ради того, чтобы избежать прямой конфронтации и общественных обсуждений в прессе, стал широко использовать «практику маркетинга, который обращался к эмоциям публики»⁶⁵.

У.Бек доказал, что чем меньше общественность участвует в развитии науки (генерирование рисков), тем больше возникает рисков, которые будет создавать наука⁶⁶. Для того чтобы уменьшить эту фундаментальную асимметрию и добиться от политиков и бизнеса культурно приемлемого риска науки и техники, различные общественные движения типа Гринпис призывают к созданию «жюри граждан», которые вместе с политиками и чиновниками участвовали бы в определении научных приоритетов в области нанотехнологий⁶⁷.

Ряд американских социологов методом кейс-стадии исследуют: (1) каково мнение людей о преимуществах и рисках нанотехнологий; (2) какие информационные факторы влияют на общественное мнение и восприятие соотношения риск/польза нанотехнологий; (3) могут ли индивидуальные предрасположенности (т.е. уважение к научному авторитету и идеологии) смягчить отношение между когнитивным процессом и восприятием технологических рисков. Результаты показывают, что восприятие пользы от нанотехнологий позитивно коррелирует с общественной поддержкой дальнейшего развития нанотехнологий. Оказалось, что восприятие риска больше зависит от системных, нежели эвристических факторов. В то же время эвристические и систематические факторы зависят от позитивной оценки нанотехнологий. Респонденты с либеральным мировоззрением больше зависят от системных факторов и процессов, думая о пользе нанотехнологий, чем те,

кто настроен более консервативно. Респонденты, проникнутые пиететом по отношению к научному авторитету нанонауки и нанотехнологий, менее подвержены влиянию системных факторов при оценке соотношения выгоды и риска нанотехнологий⁶⁸.

Результаты исследований показывают, что предположение, будто восприятие риска формирует общее отношение к новым технологиям является упрощенным. Скорее всего люди, которые связывают нанотехнологии с конкретными примерами их применения, например в области медицины, внимательнее относятся к риску, чем респонденты, которые не устанавливают ментальную связь между успехами нанотехнологий и их риском для общества⁶⁹.

Несмотря на большие ожидания относительно потенциала нанотехнологий, исследование показывает, что люди весьма неоднозначны и пессимистичны в отношении применения нанотехнологий в области пищевых продуктов. Данные Ф. Вандерморе и его коллег были получены на основе опроса общественного мнения о применении нанотехнологий в области питания и упаковки пищевых продуктов (N = 752). Мультиномиальный логистический регрессионный анализ показывает, что знание о возможных рисках со стороны пищевых нанотехнологий существенно влияет на взгляды людей относительно нанотехнологии упаковки пищевых продуктов⁷⁰.

В 2004–2009 гг. американские и канадские социологи изучили все доступные публикации (22 шт.), в которых представлены результаты опросов, касающиеся восприятия риска нанотехнологий населением⁷¹. Учитывая результаты предшествующих исследований, социологи выдвинули две принципиально важных гипотезы: 1) отношение общества к нанориску должно быть, по всей вероятности, таким же, как и для других видов новых технологий (например, биотехнологии); 2) повышение информированности населения о нанотехнологиях не снизит неприятия риска от их внедрения. Однако они не подтвердились. Во-первых, людей, считающих, что выгода от нанотехнологий перевешивает риск, оказалось в 3 раза больше, чем тех, кто считает, что риск больше выгоды. Во-вторых, по мере роста осведомленности людей о всех сторонах нанотехнологий ширились ряды их сторонников. Опираясь на данные разных исследований, ученые заключили: 1) наиболее осведомлены те люди, которые верят в поло-

жительный потенциал новых технологий, а потому стремятся узнать о них как можно больше; 2) напротив, те, кто мало знает о нанотехнологиях, больше всего их боятся и меньше всего стремятся узнать о них еще больше. Они подобны страусам, прячущим голову в песок при виде опасности – даже вероятной или мифической. И чем меньше люди осведомлены о новых технологиях, тем больше верят всевозможным рассказам и байкам о них, случайным сведениям, непроверенным данным. Они не стремятся к объективному анализу, а ищут в СМИ любые намеки, подтверждающие их опасения. Иными словами, они сами себя загоняют в угол, из которого нелегко выбраться. Ведь любые аргументы своих противников – оптимистов нанотехнологий – они заранее отвергают.

Согласно проведенному исследованию, около 44% не смогли определиться с ответом. И это вполне нормально. Большинству людей свойственно критически относиться к получаемой информации. Они как бы верят и не верят одновременно. Социологи заключили, что это свидетельствует о «здравом консерватизме респондентов»⁷². Они были открыты для новых знаний, ведь ученые выяснили: по мере того, как растет уровень знаний, заметно увеличивается доля участников, считающих, что выгода перевесит риск. Однако позитивное отношение людей к новым технологиям может измениться в любой момент. На восприятие риска влияют разные факторы, и не только независимые переменные, такие как пол, раса, образование, доход.

Общественное мнение может оказывать на развитие современных технологий в целом и нанотехнологий в частности большое влияние, и не обязательно положительное. Негативное отношение к ядерной энергетике – после взрывов на Чернобыльской АЭС и на Фукусиме – привело к сокращению программ ядерной энергетики во многих странах

Регулирующие органы пытаются идти в ногу с эволюцией нанотехнологий. Эндрю Мэйнард, старший научный советник проекта PEN, предупреждает: «Несмотря на то, что ученые еще десять лет назад поднимали вопросы безопасности применения длинных тонких углеродных нанотрубок, сейчас в США на федеральном уровне не запланировано ни одного исследования на эту тему». В 2008 году США потратило на оценку возможных негативных последствий всего 4% от 1,4 миллиарда долларов, выделенных

из бюджета на реализацию национального нанотехнологического проекта. «Мы лишь выполняем роль системы раннего предупреждения и указываем на места, где могут возникнуть проблемы, — говорит Дэвид Реджески из PEN. — Сегодня настал решающий момент: отношение общества к нанотехнологиям будет зависеть от того, какую информацию оно получит и от кого»⁷³.

Исследования показывают, что в отличие от обычных частиц, наночастицы способны переходить из крови в ткани мозга, почки и печень. Возможные последствия такого перехода еще не изучены полностью, но лабораторные эксперименты, проводимые под руководством Патрика Кейса из университета Бристоля демонстрируют, что металлические наночастицы могут поражать ДНК. Результаты работы ученых Агентства по защите окружающей среды США позволяют предположить, что вдыхание достаточного количества углеродных нанотрубок теоретически может вызвать хронические заболевания, в том числе рак легких⁷⁴.

Эффект социального усиления риска

Дэн Кахан⁷⁵, профессор Йельского университета, обсуждая результаты мета-анализа нескольких социологических исследований нанориска, отмечает важную роль аффективных и когнитивных факторов в восприятии риска. Обычно первая реакция респондентов на возможный нанориск аффективная — кратковременный и интенсивный эмоциональный всплеск, отражающий субъективную оценку (позитивную либо негативную). После чего наступает рассудочно-рациональная фаза: респонденты начинают спокойно и всесторонне, припоминая полученную из СМИ информацию, оценивать риск. В случае неопределенного решения продолжается когнитивный процесс — поиск и изучение дополнительной информации с намерением изменить прежнее восприятие риска. В ход идет Интернет, консультации с экспертами, знакомыми, реклама или критические отзывы, в частности, на форумах.

Происходит то, что специалисты называют *социальным усилением риска*. Раньше такое происходило с ядерной энергетикой, генетически-модифицированными продуктами, коровьим бешенством, свиным гриппом. Винтиками механизма социального усиления риска выступают социальные институты и социальные агентства, прежде всего СМИ, которые нагнетают

массовые страхи и истерию населения перед масштабными и невидимыми рисками, происходящими вследствие аварий и техногенных катастроф. Примером можно считать аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. и АЭС Фукусима в 2011 г.

Всероссийский опрос о последствиях аварий на АЭС Фукусима и ЧАЭС, проведенный Фондом «Общественное мнение» в 2012 г., выявил, что более 50% респондентов гипертрафируют масштабы катастрофы: они считают, что фукусимская радиация привела к гибели сотен тысяч и даже миллионы человек. Хотя на самом деле от радиации там никто не умер. При этом распределение ответов по числу погибших от радиационного воздействия в Фукусиме аналогично распределению ответов по Чернобылю и практически не зависит от возраста, образования, уровня доходов, места проживания и рода занятий респондентов⁷⁶.

Контент-анализ общероссийских изданиях «Известия» и «Комсомольская правда» за период с 2003 по 2011 гг. доказал, что центральные СМИ освещали аварию на АЭС Фукусима так же широко, как стихийное бедствие, произошедшее в Японии и унесшее жизни более 15 тыс. человек. В каждой третьей статье о Фукусиме упоминался Чернобыль. Также выявлены другие механизмы усиления риска — использование «пугающих» слов в заголовках статей, умышленное или неумышленное проецирование на аварию последствий стихийного бедствия, наличие непонятных и противоречивых комментариев⁷⁷.

Формирование в общественном мнении преувеличенного образа катастрофы глобального масштаба, якобы происходящей от распространения новых технологий (ядерных и нанотехнологий) через многочисленные публикации в СМИ, носящие непредумышленный (погоня журналистов за сенсациями) или предумышленный (заказ политических партий или промышленного лобби) называется социальным усилением риска.

Сфера действия социального усиления риска расширяется по ряду причин: 1) появились новые технические средства, которые обнаруживают те факторы и уровни риска, которые при старой технике не выявлялись; 2) усиление зависимости от технологий, которые чреваты катастрофическими последствиями в случае их поломки или выхода из строя (авария на Чернобыльской АЭС, гибель космических кораблей «Челленджер» и «Колумбия», разрушение башен-

близнецов Всемирного торгового центра в США); 3) снижение доверия к оценкам безопасности, которые дают специалисты; 4) растущая уверенность в способности государства держать под контролем большинство видов риска ведет к сверхчувствительности людей даже к минимальному риску, и наоборот, неспособность одного государства (по сравнению с другими, более продвинутыми в этом отношении) держать под контролем технологические риски или своевременно устранять их последствия без вреда для населения также ведет к сверхчувствительности и стремлению во всем видеть риск; 5) чем состоятельнее люди и больше у них того, что можно потерять, тем осторожнее они ведут себя в ситуации риска; 6) хорошее здоровье усиливает даже слабые сигналы о вероятном риске и возможных опасностях; 7) в современном обществе объективно возрос катастрофический потенциал опасностей.

В то время как любая утка, запущенная СМИ, мгновенно подхватывается обыденным сознанием, выводы серьезной науки, в частности о последствиях чернобыльского облучения, не принимаются общественным мнением. И не только им. В ООН некоторые гуманитарные организации строят политику помощи пострадавшим от Чернобыля, опираясь не на данные науки, а на мифы, сложившиеся в общественном мнении на почве регулярных сенсаций начала 1990-х годов о чудовищных радиологических последствиях Чернобыля⁷⁸.

Так, сразу после аварии на Чернобыльской АЭС в СМИ появились статьи (якобы заверенные крупными учёными) о том, что к 2000 г. на прилегающих территориях (где выпали радиоактивные осадки) не останется ничего живого, а население постепенно вымрет. Но вскоре советские учёные опровергли эту гипотезу, и их тут же осудили, хотя время показало, что они были правы⁷⁹.

Разница восприятия журналистского нарратива и научных отчетов кроется в том числе и форме подачи материала. СМИ оперируют живыми и пугающими картинками реальной опасности, конкретными историями, фотографиями, которые ради яркости пропускают через фотошоп. Ученые оперируют сухим языком статистики, математическими уравнениями и непонятным обывателю теоретическим языком.

Как выяснилось, доверием в Германии в первую очередь пользуются авторитетные ассоциации потребителей (например, Stiftung

Warentest⁸⁰) и ученые. Около 50% опрошенных доверяют им полностью, и примерно 40% доверяют в некоторой степени. Почти таким же высоким доверием пользуются медики и органы профессиональной безопасности. При этом к бизнесу и власти доверия практически нет (4% и 2% соответственно)⁸¹.

Социологи и психологи выявили механизмы и закономерности появления уровня приемлемости (допустимости) риска в массовом сознании: фактор катастрофичности, фактор знакомства, фактор понимания явления или процесса простыми людьми, фактор неопределенности в последствиях, фактор контролируемости действий или событий, фактор добровольности, фактор воздействия на детей (на будущие поколения), фактор времени проявления эффектов, фактор идентифицируемости жертв, фактор обратимости, фактор доверия ответственным за управление риском государственным структурам, фактор внимания средств массовой информации (СМИ), фактор предшествующей истории, фактор справедливости, фактор выгоды, фактор личной вовлеченности, фактор происхождения⁸². Так, согласно фактору внимания СМИ, если последние совсем не обращают внимания на опасные события, то неприятие их риска снижается. Напротив, когда СМИ чрезмерно освещают их и даже размещают в заголовках новостей, неприятие рисков существенно возрастает. Журналисты ищут не количественные расчеты вероятности наступления риска и его последствий, а скрытую политическую подоплеку события и коррупционные связи.

В человеческой психике выявлен особый механизм, ответственный за чувствительность к негативной информации (принцип асимметрии): в сравнении с позитивными событиями негативные процессы представляются более значимыми. Помимо того, люди склонны полагать, что источник плохих новостей заслуживает большего доверия, чем источник положительной информации⁸³. Все чаще выясняется, что когда люди перестают видеть выгоду от того или иного вида деятельности, ситуации, технологии, они могут стать нетерпимыми даже к малой степени риска от нее.

Установки людей сильно зависят от конкретной области, которая обсуждается в данный момент. Последние данные национального опроса, например, показывают, что вероятность трансляции своего восприятия риска, связан-

ного с нанотехнологиями, в конкретные представления о технологиях зависят в значительной степени от конкретной области их применения⁹⁴.

Ссылки:

- 1 Berger M. Nano-Society: Pushing the Boundaries of Technology. Cambridge: Royal Society of Chemistry, 2009.
- 2 Источник: <http://www.ntsр.info/nor/about/>
- 3 Давыдов А. А. В преддверии нанообщества // Социологические исследования, 2007, № 3, С. 119-125.
- 4 Зенцов Р. Россию превращают в нанообщество. 2012 // <http://fans-edge.info/romanzenov-rossiyu-prevrashhayut-v-nanoobshhestvo/>
- 5 Давыдов А. А. В преддверии нанообщества // Социологические исследования, № 3, 2003, с. 120-121.
- 6 Давыдов А. А. К вопросу об определении понятия «общество» // Социол. исслед. 2004. № 2.
- 7 Давыдов А. А. Системная социология. М.: Эдиториал УРСС, 2006; Давыдов А. А. Системная социология - социология XXI века? // Социол. исслед. 2006. № 6.
- 8 Давыдов А. А. В преддверии нанообщества // Социологические исследования, № 3, 2003, с. 121.
- 9 Roco M., Bainbridge W. Nanotechnology: Societal Implications - Maximizing Benefits for Humanity and Nanotechnology and Society. N.Y.: Springer, 2006; Treder M. Nanotechnology and Society: Times of Change//Center for Responsible Nanotechnology, 2004. (<http://www.CRNano.org>); Miller J., Serrato R. The Handbook of Nanotechnology: Business, Policy and Intellectual Property Law. N.Y.: Wiley, 2004.
- 10 Давыдов А. А. В преддверии нанообщества // Социологические исследования, № 3, 2003, с. 122.
- 11 Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21-34.
- 12 Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21-34.
- 13 Куликова Е.П. Социокультурные последствия развития нанотехнологии: социально-философский аспект. Часть 1 // <http://rosnedvigimost.ru/publikaciya-polnaya/996>
- 14 Мальковская И.А. Метаморфозы субъектности в современном мире // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 16.
- 15 Романовский Н.В. О современном этапе развития социологии // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 27.
- 16 Hayles Katherine N., Foushee D. Nanoculture: Implications of the New Technoscience. Intellect Books, 2004.
- 17 Hayles Katherine N., Foushee D. Nanoculture: Implications of the New Technoscience. Intellect Books, 2004.
- 18 Johansson M. Nano Culture // Encyclopedia of Nanoscience and Society / Ed. by D. H. Guston. London: Sage Publications, 2010. P. 462-463.
- 19 Johansson M. Nano Culture // Encyclopedia of Nanoscience and Society / Ed. by D. H. Guston. London: Sage Publications, 2010. P. 462-463
- 20 См.: Сунгатуллина Л.Р. Философско-культурологический анализ сущности нанотехнологии. Автореф. дис. канд. филос. наук. Казань, 2012; NanoArt – наноискусство XXI века // URL: <http://blog.artnn.ru/2008/03/11/nanoart-nanoiskusstvo-21-veka/>, 2008.
- 21 Генетически модифицированный организм (ГМО) – организм, генотип которого был искусственно изменён при помощи методов генной инженерии.
- 22 Проект по расшировке генома человека (The Human Genome Project, HGP) – международный научно-исследовательский проект, главной целью которого было определить последовательность нуклеотидов, которые составляют ДНК и идентифицировать 20–25 тыс. генов в человеческом геноме.
- 23 Schummer J. «Societal and Ethical Implications of Nanotechnology»: Meanings, Interest Groups, and Social Dynamics // Technй: Research in Philosophy and Technology. Vol. 8, no. 2 (Spring 2005)
- 24 Schummer, J. Multidisciplinarity, Interdisciplinarity, and Patterns of Research Collaboration in Nanoscience and Nanotechnology // Scientometrics 59 (2004): 425-465.
- 25 Schummer J. «Societal and Ethical Implications of Nanotechnology»: Meanings, Interest Groups, and Social Dynamics // Technй: Research in Philosophy and Technology. Vol. 8, no. 2 (Spring 2005)
- 26 См.: Берд К. Микророботы: технология будущего сегодня // Компьютерра. 2002. № 14; Гиббс У. Синтетическая жизнь // В мире науки. 2004. № 8; Дайсон Ф. Биотехнологии, климат,

- дарвинизм, нанофабрики // Что нового в науке и технике. 2005. № 1–2; Drexler K.E. Engines of creation: The Coming Era of Nanotechnology. New York, 1990; Дьюдни А.К. Нанотехнология // В мире науки. 1988. № 3; Кобаяси Н. Введение в нанотехнологию. М., 2005; Ленн Ж.-М. Супрамолекулярная химия. Концепции и перспективы. Новосибирск, 1998; Лускинович П.Н. Нанотехнология // Компьютерра. 1997. № 41; Нанотехнология в ближайшем десятилетии. Прогноз направления исследований / Под ред. М. К. Роко, Р. С. Уильямса и П. Аливисатоса. М., 2002; Негодаев И.А. Нанотехнология сквозь призму философии // Вестник ДГТУ. 2004. Т. 3. № 4 (18); Нейдриен С. Нанотехнология и двойная спираль // В мире науки. 2004. № 8; Ратнер М., Ратнер Д. Указ. соч.; Рыбалко М. Нанотехнология для всех. Большое – в малом. М., 2005; Свидиненко Ю.Г. Сладкие плоды наномира // Что нового в науке и технике. 2004. №12 (26); Сидоров М.А. Магия «нано»... Эволюция современной электроники: от нанонауки – к нанобизнесу. М., 2005; Соловьев М. Нанотехнология – ключ к бессмертию и свободе // Компьютерра. 1997. № 41; Feynman R.P. There is Plenty of Room at the Bottom // In Minituarization / Ed. H.D. Hilbert. New York, 1961; Phoenix C.J. Nanotechnology and Life Extension. 2001. (http://www.xenophilia.org/nano_life_extension.html); и др.
- 27 Schummer J. «Societal and Ethical Implications of Nanotechnology»: Meanings, Interest Groups, and Social Dynamics // Technй: Research in Philosophy and Technology. Vol. 8, No 2, Spring 2005.
- 28 Schummer J. Multidisciplinarity, Interdisciplinarity, and Patterns of Research Collaboration in Nanoscience and Nanotechnology // Scientometrics 59 (2004): 425-465; Schummer J. Interdisciplinary Issues of Nanoscale Research / Baird, D., Nordmann, A. & J. Schummer (eds.), Discovering the Nanoscale. Amsterdam: IOS Press. 2004, 9-20.
- 29 Schummer J. «Societal and Ethical Implications of Nanotechnology»: Meanings, Interest Groups, and Social Dynamics // Technй: Research in Philosophy and Technology. Vol. 8, No 2, Spring 2005.
- 30 Кулькова Е.П. Социокультурные последствия развития нанотехнологии. Автореф. дис. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
- 31 Schummer J. «Societal and Ethical Implications of Nanotechnology»: Meanings, Interest Groups, and Social Dynamics // Technй: Research in Philosophy and Technology. Vol. 8, No 2, Spring 2005.
- 32 Napier A.S. Nanotechnology in Science Fiction. 2004 [www.geocities.com/asnapier/nano/n-sf/books.html].
- 33 Landon B. Science Fiction After 1900: From the Steam Man to the Stars, New York: Twayne, 1997.
- 34 Hirsch W. The Image of the Scientist in Science Fiction. A Content Analysis // American Journal of Sociology 63 (1957/58): 506-12.
- 35 Mnyusiwalla A., Daar A.S., Singer P.A. Mind the gap: Science and ethics in nanotechnology // Nanotechnology, (2003) 14(3): 9-13.
- 36 Kolberg, K., and F. Wickson. Social and Ethical Interactions with Nano: Mapping the Early Literature // NanoEthics 2007. 1(2): 89-104.
- 37 Российское население и наноиндустрия: вера против логики. ВЦИОМ // <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=10467>
- 38 Currall S.C. Nanotechnology and Society: New Insights into Public Perceptions // Nature Nanotechnology, (2009). 4, 79-80.
- 39 Hart C. Literature Reviewing and Argumentation // The Postgraduate's Companion, (eds.) Gerard Hall and Jo Longman. UKGrad. United Kingdom. London: Sage, 2008.
- 40 Scheufele D. A., Corley E. A., Dunwoody S., Shih T.-J., Hillback E., Guston D. H. Scientists worry about some risks more than the public // Nature Nanotechnology, 2007. 2: 732–734.
- 41 Hart C. Literature Reviewing and Argumentation // The Postgraduate's Companion, (eds.) Gerard Hall and Jo Longman. UKGrad. United Kingdom. London: Sage, 2008.
- 42 См.: Bogner A. The Paradox of Participation Experiments // Science Technology Human Values September 2012 vol. 37 no. 5 506-527.
Источник: <http://npniit.ru/publ/8-1-0-57>
- 44 Алферов Ж.И., Копьев П.С., Сурис П.А., Асеев А.Л., Гапонов С.В., Панов В.И., Полторацкий Э.А., Сибельдин Н.Н. Наноматериалы и нанотехнологии // Нано- и микросистемная техника: от исследований к разработке / Под ред. д.т.н., проф. Мальцева П.П. – М., 2005.
- 45 Dupuy, J. P., and A. Grinbaum. Living with Uncertainty: Toward the Ongoing Normative Assessment of Nanotechnology // Nanotechnology Challenges: Implications for Philosophy, Ethics and Society, eds. J. Schummer and D. Baird, Singapore: World Scientific Publishing, 2006. p.292.
- 46 Malsch I. Small is beautiful? Nanotechnology solutions for development problems // <http://>

www.thebrokeronline.eu/en/Articles/Small-is-beautiful

47 Кулькова Е.П. Социокультурные последствия развития нанотехнологии. Автореф. дис. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

48 Кулькова Е.П. Социокультурные последствия развития нанотехнологии. Автореф. дис. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

49 Гиббс У. Синтетическая жизнь // В мире науки. - 2004. - № 8. - С. 46-53; Гиббс У. Неужели бывают вирусы в белом фраке? // В мире науки. - 2004. - № 2; Гиббс У. «Теневая» часть генома: за пределами ДНК // В мире науки. - 2004. - № 3. - С. 65-71; Гиббс У. Роботы Plug-and-Play // В мире науки. - 2004. - № 7. - С. 92-92; Гиббс У. Надежная защита // В мире науки. - 2004. - № 11. - С. 8-9; Гиббс У. Как расставить приоритеты? // В мире науки. - 2005. - N 12. - С. 68-75; Гиббс У., Соарес К. Что грипп грядущий нам готовит? // В мире науки. - 2006. - N 1. - С. 18-29; Гиббс У. Украсть секреты без Сети // В мире науки. - 2009. N 7. с.70-75; Гиббс У., Мирволд Н. Картофель во фритюре с ультразвуком // В мире науки. - 2011. - N 10.

50 Hopwood, N. "Giving Body" To Embryos: Modeling, Mechanism, and the Microtome in Late Nineteenth Century Anatomy // Isis 1999. 90: 462-496.

51 См.: Myers N. Performing the Protein Fold // Simulation and Its Discontents, / Ed. by S. Turkle. Cambridge, MA: MIT Press, 2009.

52 O'Mathúna D. Nanoethics: Big Ethical Issues with Small Technology. N.Y.: Continuum International Publishing Group, Limited, 2010, p.3.

53 Barad K. Meeting the Universe Halfway: Realism and Social Constructivism without Contradiction // Feminism, Science, and Philosophy of Science, ed. L. Hankinson Nelson and J. Nelson, Boston: Kluwer, 1996. p. 161-194.

54 Keller, E. F. Refiguring Life: Metaphors of Twentieth Century Biology. New York: Columbia University Press, 1995; Myers, N. Animating Mechanism: Animation and the Propagation of Affect in the Lively Arts of Protein Modeling // Science Studies 2006. 19(2): 6-30; Myers, N. Molecular Embodiments and the Body: Work of Modeling in Protein Crystallography // Social Studies of Science 2008. 38(2): 163-199; Myers, N. Modeling Molecular Machines // Nature Cultures: Thinking with Donna Haraway, ed. S. Ghamari. Tabrizi. Cambridge, MA: MIT Press, 2009.

55 Кулькова Е.П. Социокультурные последствия развития нанотехнологии. Автореф. дис. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

56 Cable S., Shriver T., Mix Tamara L. Risk Society and Contested Illness: The Case of Nuclear Weapons Workers // American Sociological Review. 2008. 73(3):380-401; Taylor-Gooby P., Zinn Jens O. Risk in Social Science. Oxford, UK: Oxford University Press, 2006; Cobb Michael D., Macoubrie J. Public Perceptions About Nanotechnology: Risks, Benefits and Trust // Journal of Nanoparticle Research 2004. 6:395-405.

57 Ebeling Mary F. Mediating Uncertainty: Communicating the Financial Risks of Nanotechnologies // Science Communication 2008. 29(3):335-361; Lupton D. Risk. London: Routledge, 1999; Cobb Michael D. Framing Effects on Public Opinion about Nanotechnology // Science Communication 2005. 27(2):221-239.

58 Fitzgerald Scott T., Rubin Beth A. Risk society, media, and power: the case of nanotechnology // Sociological Spectrum, (2010) 30: 4, 367-402.

59 Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010, p.52.

60 Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010, p.61.

61 Fitzgerald Scott T., Rubin Beth A. Risk society, media, and power: the case of nanotechnology // Sociological Spectrum, (2010) 30: 4, 367-402.

62 Wilkinson C., Allan S., Anderson A., Peterson A. From Uncertainty to Risk?: Scientific and News Media Portrayals of Nanoparticle Safety // Health, Risk & Society 2007. 9(2):145-157.

63 Сунгатуллина Л.Р. Философско-культурологический анализ сущности нанотехнологии. Автореф. дис. канд. филос. наук. Казань, 2012.

64 Jargowsky P., Jasanoff S. Risk Management and Political Culture. New York: Russell Sage, 1986; Nisbet M. C., Goidel K. Understanding Citizen Perceptions of Science Controversy: Bridging the Ethnographic-survey Research Divide // Public Understanding of Science 2007. 16:421-440.

65 Matsuura J. H. Anticipating the Public Backlash: Public Relations Lessons for Nanotechnology from the Biotechnology Experience // Technical Proceedings of the 2004 NSTI Nanotechnology Conference and Trade Show 2004. 3:491-493.

66 Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992.

67 Arnall Alexander H.. Future Technologies, Today's Choices: Nanotechnology, Artificial Intelligences and Robotics; A Technical, Political, and Institutional Map of Emerging Technologies. London, 2003.

68 Kim J., Yeo Sara K., Brossard D., Scheufele Dietram A., Xenos Michael A. Disentangling the Influence of Value Predispositions and Risk/Benefit Perceptions on Support for Nanotechnology Among the American Public // *Risk Analysis* 11/2013.

69 Cacciatore Michael A., Scheufele Dietram A., Corley Elizabeth A. From enabling technology to applications: The evolution of risk perceptions about nanotechnology // *Public Understanding of Science* May 1, 2011 20: 385-404

70 Vandermoere F., Blanchemanche S., Bieberstein A., Marette S., Roosen J. The public understanding of nanotechnology in the food domain: The hidden role of views on science, technology, and nature // *Public Understanding of Science* March 1, 2011 20: 195-206.

71 Satterfield T., Kandlikar M., Beaudrie, Christian E. H., Conti J., Harthorn B. Anticipating the perceived risk of nanotechnologies // *Nature Nanotechnology* (2009) 4, 752-758.

72 Satterfield T., Kandlikar M., Beaudrie, Christian E. H., Conti J., Harthorn B. Anticipating the perceived risk of nanotechnologies // *Nature Nanotechnology* (2009) 4, p.752.

73 По материалам журнала Т3. <http://www.xakep.ru/post/53014/>

74 По материалам журнала Т3. <http://www.xakep.ru/post/53014/>

75 Kahan Dan M. Nanotechnology and society: The evolution of risk perceptions // *Nature Nanotechnology* (2009)4, 705-706; Kahan D. et al. The Future of Nanotechnology Risk Perceptions: An Experimental Investigation of Two Hypotheses. Cultural Cognition Project Working Paper No. 46. [<http://ssrn.com/abstract=1089230>]; Kahan DM, Braman D, Slovic P, Gastil J, Cohen G. Cultural cognition of the risks and benefits of nanotechnology // *Nat Nanotechnol.* 2009;4:87-90; Kahan, D., Slovic, P., Braman, D., Gastil, J. Cohen G.L. (2007). Affect, values, and nanotechnology risk perceptions: An experimental investigation. Cultural Cognition Project Working Paper No. 22. [http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=968652].

76 Мелихова Е.М., Быркина Е.М., Першина Ю.А. О некоторых механизмах социального усиления восприятия риска для здоровья при освещении в СМИ аварии на АЭС Фукусима // *Медицинская радиология и радиационная безопасность*, 2013.-N 4.-С.5-16.

77 Мелихова Е.М., Быркина Е.М., Першина Ю.А. О некоторых механизмах социального усиления восприятия риска для здоровья при освещении в СМИ аварии на АЭС Фукусима // *Медицинская радиология и радиационная безопасность*, 2013.-N 4.-С.5-16.

78 Панфилов А.П., Линге И.И., Мелихова Е.М. Чернобыльский форум: преодолевая разрыв между научным знанием и общественным мнением // *Медицинская радиология и радиационная безопасность*, 2006.-N 2.-С.6-11.

79 Правда и вымысел о радиации (о последствиях аварии на Чернобыльской АЭС) // <http://pripyt-chaes.ucoz.ru/>

80 Stiftung Warentest является ведущей независимой тестовой лабораторией потребительских товаров в Германии.

81 Источники: Nanonewsnet.ru; http://fondmk.ru/page/page_837

82 Covello V.T. Risk Assessment Methods: Approaches for Assessing Health and Environmental Risks. Springer, 1993; Peters, R. G., V. T. Covello, and D. B. McCallum. The determinants of trust and credibility in environmental risk communication: an empirical study // *Risk Anal.* 1997. 17: 43-54; Slovic, P. Perception of risk // *Science* 1987. 236: 280-285; Slovic, P. The legitimacy of public perceptions of risk // *J. Pestic. Reform* 1990. 10: 13-15; Slovic, P. Risk perception and trust // V. Molak (ed.). *Fundamentals of risk analysis and risk management*. CRC Press, Boca Raton, FL, 1997, pp. 233-244; Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. *Общая теория рисков: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений*. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.

83 Slovic, P. Perceived risk, trust, and democracy // *Risk Analysis*, (1993). 13, 675-682; Flynn, J., Slovic, P., & Mertz, C. K. The Nevada initiative: A risk communication fiasco // *Risk Analysis*, (1993). 13, 497-502; Flynn, J., Slovic, P., & Mertz, C. K. Decidedly different: Expert and public views of risks from a radioactive waste repository // *Risk Analysis*, (1993). 13, 643-648; Slovic, P. *The feeling of risk*. London, UK: Earthscan, 2010.

84 Scheufele Dietram A. Public attitudes toward nanotechnology - a primer and review // *Nanopublic: public opinion, media, and emerging (communication) technologies*, 2011, January 22.

ТРУД И УПРАВЛЕНИЕ

Управление социальными рисками в современном российском обществе

Кечуткина Е. В.

В статье рассматривается система социальной защиты от рисков, сложившаяся в российском обществе. Анализируется эффективность инструментов управления социальными рисками применительно к разным социальным общностям.

Ключевые слова: социальные риски, управление рисками, общество, социальная защита, социальное страхование.

Kechutkina E.V.

A management social risks is in modern Russian society. The system of protecting from social risks, folded in Russian society is examined in the article. Efficiency of Instruments of management social risks is analyzed as it applies to different society.

Key words: social risks, management, society, social protection, social security, life insurance.

Рассматривая проблему управления социальными рисками, необходимо учитывать как новые научные подходы к решению проблемы, так и реально сложившиеся практики по управлению социальными рисками.

В управлении социальными рисками можно выделить четыре субъекта:

- Государство («контролирующий орган»);
- Страховщик («исполнительный орган»);
- Работодатель (страхователь);
- Человек (застрахованный).

Государство в представленной схеме является гарантом и руководящим органом, служит источником нормотворчества и правового регулирования процесса социального обеспечения.

Государству необходимо, с точки зрения автора, в большей мере использовать для социальной защиты систему социального страхования, которая получило свое развитие в России после 1990-х гг.

Причина в том, что все остальные формы социальной защиты (социальное обеспечение, социальные гарантии, социальная поддержка) больше направлены на нетрудоспособную часть российского общества («иждивенцев»). В настоящее же время актуальным становится реформирование механизма защиты от социальных рисков для такой адресной группы социальной защиты, как экономически активная (трудоспособная) часть населения. Социальная защита этой части населения играет существенную роль, так как служит залогом благоприятных жизненных условий для каждого россиянина. По данным на конец августа 2014 г. доля экономически активного населения составляет порядка 76,4 млн. чел. (или более 53% от

Таблица 1
Государственная социальная защита россиян от социальных рисков¹

Направление	Защита нетрудоспособных граждан	Страхование экономически активных граждан.
Источник финансирования	Федеральный бюджет	Отчисления от заработной платы
Механизм распределения	Профильные министерства и ведомства	Внебюджетные фонды: ПФР, ФСС, ФМС.
Формы страхования	социальное обеспечение, здравоохранение, льготы для различных категорий граждан	

общей численности населения Российской Федерации). [7]

Страховщик – это организация или внебюджетный фонд, непосредственно выполняющий обязанности по сохранению денежных средств (страховых взносов) и их последующей выплаты.

Работодатель – это организация или индивидуальный предприниматель, который является промежуточным звеном между застрахованным лицом (работником) и страховщиком, выполняет основную функцию – финансирование (за счет налоговых отчислений).

Самый массовый и сложный элемент схемы – застрахованное лицо. Как видно из описания других субъектов, данная категория включает большинство граждан РФ. Различаются преимущественно отношения с внебюджетными фондами и основания для предоставления мер по защите от социальных рисков.

Государственный бюджет, направленный на развитие социальной политики, строго определен. Дополнительные средства можно изъять только у работодателя – организации или индивидуального предпринимателя, который является промежуточным звеном между застрахованным лицом (работником) и страховщиком, выполняет основную функцию – финансирование (за счет налоговых отчислений).

Для решения социальных задач государство часто прибегает к стратегии повышения налоговых ставок. Такая сложившаяся тенденция не устраивает ни работодателей, ни налогоплательщиков – работающую часть населения. В этой связи, в РФ продолжает процветать теневая экономика, россияне все чаще стали получать «серые» заработные платы (46 %) [7], не снижает коррупционность бизнес-процессов.

Следует отметить, что на сегодняшний день существует ряд проблем, которые также существенно тормозят функционирование системы социальной защиты:

- Несвоевременного или неполного выполнения своих обязательств по выплате страховых взносов. По данным Счетной палаты, только за 2013 г. сумма недополучения страховых взносов превысила 85 млрд. руб. По пенсионным отчислениям – 1,6% от общей суммы страховых взносов обязательного медицинского страхования и 1,4 % от пенсионных отчислений. Учитывая текущее экономическое и политическое положение страны, сложившаяся тенденция со стороны работодателей будет только укрепляться.

- Последовательное сокращение расходов бюджета в отношении статьи «Социальная политика», в частности, трансфертов Пенсионному фонду. Расходы урезаны на 82 млрд. руб. или на 2% по сравнению с 2013 г. Финансирование здравоохранения в 2014 г. снижено на 9% или 44 млрд. руб., к 2016 г. доля медицинских расходов в бюджете должна снизиться с нынешних 3,8% до 2,6%, в ВВП – с 0,8% до 0,5%. [3]

- Правительство РФ в июле 2014 г. приняло решение заморозить накопительную часть пенсии россиян до 2016 г. для реализации первоочередных задач государства: развитие оборонно-промышленного комплекса, укрепление рубля на международно-валютном рынке, социальное и экономическое развитие нового региона, вошедшего в состав РФ – АР Крым.

Такие внутренние и внешние экономические и политические события усложняют процессы функционирования системы социального обеспечения и защиты. Население, в свою очередь, чувствует себя менее защищенным. Привычная для россиян система социального обеспечения начинает себя изживать, потребности социально нуждающейся категории граждан не могут быть удовлетворены в полной мере.

Таким образом, управление социальными рисками в РФ неразрывно связано с реформированием системы социальной защиты.

Рис. 1. Формы социальной защиты в РФ.
Источник: рисунок составлен автором статьи, 2014.

Социальная защита россиян от рисков на государственном уровне ведется по двум направлениям:

- защита нетрудоспособных граждан – категория социально нуждающихся граждан, получающих социальное пособие;
- страхование экономически активных граждан (табл. 1).

В широком смысле социальная защита – это система, включающая в себя государственные формы страхования от социальных рисков: социальное обеспечение, здравоохранение, льготы для различных категорий граждан; и негосударственные – благотворительность, волонтерство, частное страхование и медицину.

С научной точки зрения, социальная защита – это комплекс организационно-правовых и экономических мер по обеспечению благосостояния каждого члена общества в конкретных экономических условиях. Конечной его целью является предоставление каждому члену общества, независимо от социального происхождения, национальной или расовой принадлежности, возможностей свободно развиваться, реализовать свои способности, а также предотвращение социальной напряженности, возникающей в связи с имущественным, расовым, культурным, социальным неравенством и проявляется в забастовках, актах гражданского неповиновения, стычках между отдельными группами населения.

Меры социальной защиты, с одной стороны, должны обеспечивать пассивную поддерж-

ку тех членов общества, которые по каким-либо причинам оказались в затруднительном положении. Пассивная поддержка выражается в социальной помощи лицу или семье, которые не имеют достаточных средств к существованию.

С другой стороны, социальная помощь по своей сути должна быть адресной, то есть предоставляться только тем, кто в ней нуждается.

Так, исследования А. Шютца, которые основываются на постулатах феноменологической социологии, демонстрируют релятивистскую концепцию множественности проявлений общественной жизни, различные стороны и интерпретации рисков в зависимости от принадлежности конкретного человека к тем или иным социальным группам. Каждая из социальных групп имеет собственные риски, что отражается в структуре системы социального обеспечения. Для профилактики социальных рисков положения концепции А. Шютца могут быть использованы в ходе предоставления сведений о мерах социальной поддержки: для каждой категории населения информационное взаимодействие по профилактике рисков должно строиться индивидуально. [5]

Социальная защита выполняет свою реабилитационную функцию, которая заключается в том, чтобы помочь людям, которые попали в трудную жизненную ситуацию, не допустить их обнищание. [4]

Социальная защита исторически осуществлялась через свои составляющие (формы)2 в

Рис. 2. Государственная система социального обеспечения
 Источник: Мачульская Е.Е., Горбачева Ж.А. // Право социального обеспечения. Учебное пособие. М.: Книжный мир, 2001. С. 190.

зависимости от социального статуса человека, в зависимости от того, работает он или работал, недостаточно или совсем не занимался общественно полезным трудом. (рис. 1)

Принятые формы социальной защиты обычно разграничиваются с учетом:

- 1) способа аккумуляции средств и финансовых источников, за счет которых осуществляется социальная защита;
- 2) круга субъектов, которые обеспечивают за счет средств соответствующего финансового источника;
- 3) видов обеспечения конкретного круга субъектов за счет этого источника;
- 4) системы органов, осуществляющих социальную защиту.

Рассматривая формы социальной защиты, можно обнаружить схожесть ее элементов с элементами структуры социального обеспечения. (Рис. 2)

Социальная защита более широкое понятие, ее исследование развивается на стыке социологии управления и теории социальной политики.

Социальное обеспечение является частью социальной защиты, которая выражается в финансово-экономическом механизме страхования различных категорий населения от социальных рисков. Функцию социального обеспечения выполняют, прежде всего, государство и специальные органы власти по предоставлению социальной услуги экономически активному населению из общественных фондов (через нало-

ги и сборы) и безвозмездной социальной помощи нуждающимся или находящимся на иждивении.

Данные обязательства государства закреплены в нормативно правовой базе России, и реализуются через деятельность внебюджетных фондов, предоставляющих социальное страхование, пенсии, социальную помощь, меры социальной поддержки, социальное обслуживание и патронаж, выплату пособий при болезни, потере трудоспособности, беременности, уходе за ребенком или нетрудоспособным взрослым.

В этой связи, автором был проведен социологический опрос на тему: «Степень удовлетворения социальным пособием в случае наступления страхового социального риска»³ (рис. 3).

Исследование показало, что социальное пособие, гарантированное государством, не соответствует минимальным расходам членов общества их получающих. Так, лица, потерявшие кормильца семьи, и лица, получившие инвалидность в результате травмы или смертельно опасной болезни, сообщали, что их уровень жизни резко упал, пособия по инвалидности не хватает для «комфортного проживания».

Тяжело пришлось одиноким респондентам, а также лицам, которые привыкли жить «от зарплаты до зарплаты». Часть нетрудоспособных респондентов сообщили, что им пришлось продать личное имущество (автомобиль, квартиру, малый бизнес) для получения дорогостоящей реабилитации. (Рис. 4)

Для основной доли респондентов приемлемым пособием оказалась сумма от 15 до 20 тыс. руб. Часть опрошенных, которых удовлетворяло социальное пособие, сообщили, что они не одиноки и получают материальную помощь от своих близких, 4% опрошенных проживали в частном секторе и вели приусадебное хозяйство.

Кроме регулярных (ежемесячных) пособий существуют единовременные выплаты, которые формируются из средств социального страхования или государственного бюджета: единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности; единовременное пособие при рождении ребенка; единовременное пособие при

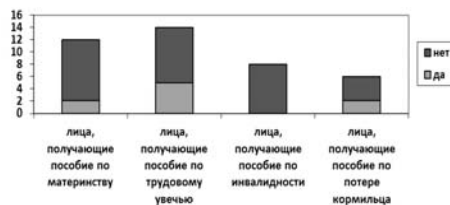

Рис. 3. Степень удовлетворения ежемесячным социальным пособием.

Источник: Экспресс-опрос, проведенный автором, среди клиентов «Росгосстрах», «Сбербанк», «БИН Страхование», проведенный автором статьи, май 2014.
Источник: рисунок составлен автором статьи, 2014.

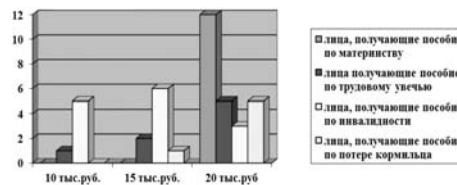

Рис. 4. Какая минимальная сумма денежных средств на проживание для Вас считается приемлемой?
Источник: Экспресс-опрос среди клиентов «Росгосстрах», «Сбербанк», «БИН Страхование», проведенный автором статьи, май 2014.

передаче ребенка на воспитание в семью; материнский капитал.

Единовременные пособия распространяются в основном на поддержание родителей при рождении или усыновлении ребенка. Известно, что государственная программа «материнский капитал» завершится уже 21 декабря 2016 г.

Для получения социальной помощи необходима проверка на нуждаемость. Помощь предоставляется тем людям, чьи доходы ниже минимальных жизненных стандартов. Это выступает важнейшим элементом политики борьбы с бедностью.

Средняя величина прожиточного минимума в целом по РФ составляет лишь 6 500 руб.

Можно сделать вывод, что такие формы социальной защиты, как социальные гарантии, социальная поддержка, социальное обеспечение, гарантирует в РФ минимум, не обеспечивающий в полной мере минимальные ежемесячные расходы россиян («символическую социальную поддержку») при наступлении социальных рисков событий.

Очевидно то, что наличие только прямой поддержки малообеспеченных граждан со стороны государства не является наилучшим путем развития, как и абсолютизация политики обеспечения минимальных социальных стандартов. Оба направления защиты от социальных рисков имеют свои ограничения и без взаимного дополнения могут оказаться неэффективными. Конечно же, их следовало бы развивать одновременно: поддержание минимальных социальных стандартов для трудоспособных граждан и пенсионеров необходимо совмещать с активной социальной помощью малоимущим гражданам, что позволит проводить профилактику бедности.

На фоне экономической нестабильности прежняя система социальной защиты демонст-

рирует свою неспособность гарантировать каждому человеку достойный жизненный уровень.

Таким образом, сложность развития системы социальной защиты заключается в том, что необходимо повысить уровень социальной защищенности экономически активного населения и стимулировать трудоспособное население к участию на рынке труда. Одновременно, государству необходимо мотивировать работающее население к официальному трудоустройству с «белой» заработной платой для повышения защищенности и снижения социальных рисков.

В мировой практике управление социальными рисками предполагает максимально возможное снижение угрозы убытков через последовательный анализ, оценку и предотвращение негативных последствий рисков. Главными инструментами защиты от рисков для человека выступают [8]:

- диверсификация (профилактика);
- принятие/отказ от риска;
- страхование (передача риска).

Первым, достаточно распространенным, способом профилактики негативных последствий реализации рисков является диверсификация — распределение социального бюджета в разные социально значимые для населения направления: формирование пенсионного фонда, развитие здравоохранения, образования и института опеки и попечительства.

При этом центральную роль в профилактике социальных рисков со стороны государства имеет пенсионная реформа, так как доля населения России старше трудоспособного возраста по данным на 2014 г. составляет 23,1 % или 33,1 млн. чел. и с каждым годом имеет тенденцию к увеличению.

Следует отметить, часть россиян самостоятельно уже занимается диверсификацией по поп-

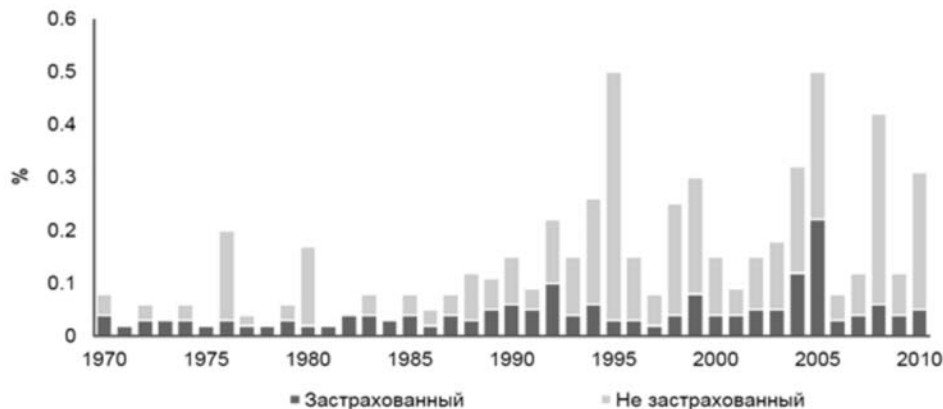

Рис. 5. Ущерб от стихийных бедствий в % от мирового ВВП.
Источник: Swiss Re, catastrophe database, анализ Oliver Wyman, 2010

росу создания пенсионных сбережений, путем открытия целевых депозитных программ в банке, накопительных программ по страхованию жизни в страховых компаниях, накопительных программ в негосударственных пенсионных фондах.

Инструмент принятия рисков предполагает создание резервов, запасов, альтернативных вариантов решения проблемы на случай кризисных ситуаций. Из-за опасения обвала рубля часть россиян надеется сохранить свои накопления в валюте, золотых слитках. Ярким этому примером может служить популярная у россиян практика приобретения жилья с целью последующей его сдачи в аренду. Следует согласиться также с господствующим мнением, что сама предпринимательская деятельность – весьма рискованное предприятие, подразумевающее, помимо личной инициативы, еще и способность рисковать и управлять рисками. Предприниматель действительно должен если не исчислять количественно возможные опасности, то хотя бы качественно оценить их, принимать или отказываться от риска.

Отказ от риска – это тоже риск, но выражается он в отказе от возможности получения определенных благ.

Немецкий социолог Н. Луман утверждал, что никто не обладает «авторитетом абсолютного знания», поэтому результат от принятого решения может носить как позитивный, так и негативный характер последствий. [2] Человек здесь руководствуется личным отношением к ситуации, учитывающим её вероятность или невероятность.

Здесь в качестве примера можно привести отношение некоторых россиян к страховым услугам в целом, когда, несмотря на осознание

возможных угроз, страховой полис принципиально не приобретается, исходя из веры в «судьбу» или надежды на «авось».

Наконец, инструментом управления социальными рисками выступает собственно страхование риска (передача риска). Страхование является наиболее классическим, имеющим многовековую историю, способом снижения степени риска.

Третий субъект управления – страховщик здесь выступает в роли организации или внебюджетного фонда, непосредственно выполняющего обязанности по сохранению денежных средств (страховых взносов) и их последующей выплаты застрахованным.

Ввиду этого необходимо акцентировать внимание на том, что социальное страхование способно минимизировать последствия наступления социальных рисков и сохранить целостность данной группы для того, чтобы часть экономически активного населения не перешла в категорию социально нуждающихся по причине утраты трудоспособности.

Страховые взносы аккумулируются в Пенсионном фонде РФ (ПФР), Фонде социального страхования РФ (ФСС РФ), Фонде обязательного медицинского страхования (Фонд ОМС) и Государственного фонда занятости населения РФ (ГФЗН РФ) за счет налоговых отчислений юридических лиц.

Страхование выполняет две важные функции:

- гарантирует выплату при страховом событии;
- несет социальную и юридическую ответственность за выполнение обязательств перед застрахованными лицами.

В первом случае, страховая выплата, происходящая из негативной обратной связи с реализовавшимися рисками, приобретает позитивный характер, когда доходит до конечного адресата – застрахованного лица. Застрахованное лицо точно знает сумму, на которую он может рассчитывать при наступлении страхового события. Пока сохраняется баланс в производстве и реализации рисков, пока «дерево рисков» (Э. Гидденс) не разрастается достаточно, чтобы превысить критическую массу, система страхования рисков способна успешно компенсировать последствия реализовавшихся рисков.

Социально-экономическим обоснованием для снижения нагрузки на риски первого уровня – катастрофы является снижение расходов государства, создание доступного в короткие сроки финансирования первых мер после наступления события (рис. 5).

Во втором случае, страховщик несет юридическую ответственность. Такой субъект управления как государство может самостоятельно принимать решения по распределению социальных средств (например, заморозить накопительную часть пенсии), застрахованное лицо, при этом, не может взыскать положенную ему сумму с государства, например, через суд, поскольку такое действие трудно реализуемо на законодательном уровне.

Говоря об отношениях застрахованного со страховой компанией, следует обратить внимание на гораздо более сильную правовую защиту, именно застрахованного лица, т.к. в данном случае он получает ряд преимуществ, вытекающих из законодательства о защите прав потребителей, в котором потребитель страховых услуг признается более слабой стороной договора. Как показывает судебная практика, в подавляющем большинстве случаев, суды принимают сторону застрахованного. Также реализация прав застрахованного существенно облегчается, благодаря применению института суброгации, который наделяет страховую компанию правом требования к виновному лицу. Страховая компания гарантирует застрахованному лицу получение выплаты при наступлении страхового события. Расследование страхового события страховщик проводит самостоятельно, в случае необходимости, страховая выплата может быть возмещена со стороны третьего (виновного) лица без активного участия застрахованного.

Можно сделать вывод, что такая форма социального обеспечения как социальное страхо-

вание является важным механизмом управления социальными рисками в современной России.

Зарубежный опыт управления социальными рисками обычно рассматривается на примере стран Евросоюза, США и Японии. Так, государственная система обеспечения защиты от рисков в США включает в себя два направления: социальное страхование и социальное вспомоществование. Они отличаются по источникам привлечения финансов. Выплаты по социальному страхованию осуществляются из страховых фондов по налогу на социальное страхование, который собирается с работников и предпринимателей. Государственное вспомоществование выделяется из средств государственного бюджета разных уровней: федерального, бюджета штатов и местного.

Рассматривая опыт Швеции и других скандинавских стран в области защиты от социальных рисков можно сказать, что чрезмерное значение социальных проектов может привести к снижению темпов роста экономики. Данная проблема привела руководство Швеции к решению в конце 1990-х гг. провести реформы по увеличению доли частного капитала в экономике и снижению объема социальных выплат. [1]

В настоящее время, глобальные тенденции управления социальными рисками многофакторны по своему составу. Одним из итогов глобализации является рост числа рисков не подконтрольных отдельным государствам и корпорациям. К ним относятся экологические риски, риски здравоохранения и эпидемий, глобальные кризисы и финансовая нестабильность, войны и террористические акты.

В результате осведомленности граждан о рисках, от государства все настойчивее требуется обеспечить безопасность населения, решить проблемы безработицы, регулировать социальные противоречия. В то же время во многих странах происходит снижение роли единой системы обеспечения социальной защиты и повышение уровня личной ответственности граждан, особенно в сфере пенсионного обеспечения.

Этот процесс можно заметить и в России – переход к НПФ (Негосударственным пенсионным фондам), увеличение рынка страхования от рисков требует от каждого жителя страны личной ответственности и комплексной оценки ситуации. Современное государство должно проводить оперативный мониторинг и внедрять новые меры защиты от рисков, информировать население об угрозах и возможностях.

Текущая ситуация в сфере управления социальными рисками в российских регионах требует отдельного рассмотрения, так как региональная специфика, широкая территориальная протяженность и бюрократизм в принятии ключевых решений крайне осложняют эффективность реализации новых подходов по развитию системы управления социальными рисками в России.

Оценки современных социальных трендов в России демонстрируют парадоксальную ситуацию. С одной стороны, экономическая стабильность последних лет привела к росту благосостояния граждан. Одновременно, отдельные показатели качества жизни демонстрируют тенденции к снижению. В частности, сохраняется высокая степень социального неравенства, низкая продолжительность жизни и высокая смертность. С уменьшением социальных расходов из государственного бюджета эти процессы требуют большей личной ответственности граждан в профилактике социальных рисков, вызывают необходимость внедрения новых механизмов взаимопомощи.

Трансформация мировоззрения россиян (от инертного к активному, самодостаточному) является условием для создания микросреды по профилактике социальных рисков на уровне регионов, городов, сообществ и отдельных людей. Все это укладывается в создание «гражданской культуры» и идентификации социальных рисков в масштабе жизни каждого человека.

Миссия российского государства – выступить катализатором этих процессов, может быть выполнена благодаря качественному управлению, направленному на совершенствование форм социальной защиты. Социальная защита в РФ направлена на обеспечение благосостояния каждого члена общества в определенных условиях (условиях риска). При этом следует отметить, что государство берёт на себя гарантированное обеспечение минимума, необходимого для поддержания человека в сложной жизненной ситуации.

Таким образом, в современных российских условиях важным вопросом становится вопрос самозащиты населения, то есть не только государство должно думать, как защитить свой народ, но и каждый в отдельности член общества должен беспокоиться об этом. Именно поэтому с точки зрения диссертанта, социально нуждающаяся группа населения («иждивенцы») останутся на попечении у государства (социальные пособия, социальные гарантии, социальная поддержка), а экономически активная часть населения должна обезопасить себя с помощью социального страхования.

Литература

1. Антропов, В.В. Социальная защита в странах Европейского союза. История, организация, финансирование, проблемы / В.В. Антропов. - М.: Экономика, 2006. - С. 243
2. Луман Н. Понятие риска // THESIS. - 1994. - N 5. - С. 135-160.
3. Симоянов А.С. Структура социальной политики в России // Политком, интернет-журнал. - апрель 2014. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.politcom.ru/17442.html>
4. Харина Л.В. Понятие и сущность социальной защиты населения и социального страхования // SuperInf.ru. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.superinf.ru/> (дата обращения: март 2013г.)
5. Шютц А. Возвращающийся домой // Социс. - 1995. - N 2.
6. В 2011 году 77 процентов практиков планируют выплачивать «серые» зарплаты // Практическое налоговое планирование - март 2014. - N 3. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.nalogplan.ru/article/2288>
7. Минфин России ожидает отрицательную динамику экономики // Электронный журнал Forexaw - 2014. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://forexaw.com/NEWS/EconomyRF/Macroeconomic_Forecasts/
8. Стратегия развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 г. // Знай страхование. - 2013. - 3 марта. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.znay.ru/strategy_development_insurance.shtml (дата обращения: 23.07.2013).

Ссылки:

- 1 Таблица составлена автором, октябрь 2014г.
- 2 Понятие форма (слово латинского происхождения и означает внешность, устройство) употребляется в разных значениях. Организационно-правовые формы социальной защиты - это способы аккумуляции средств на социальную защиту с последующим распределением их между соответствующими категориями населения, нуждающимися в материальной поддержке со стороны государства и общества.
- 3 Экспресс-опрос, проведенный автором, среди клиентов «Росгосстрах», «Сбербанк», «БИН Страхование», получающих пособие по материнству (12 чел.), инвалидности (8 чел.), по трудовому увечью (14 чел.), по потере кормильца было выявлено (6 чел.). Всего опрошено 43 чел., Москва и МО: г. Лыткарино, г. Рязань, г. Голицыно, г. Зеленоград, май 2014г.

Проблема отчуждения труда в контексте социального учения католицизма¹

Романенко М.В.

В статье раскрываются причины и формы отчуждения трудовой деятельности людей, пути и методы минимизации и последующей дезалиенации труда в трактовке социального учения католицизма.

Ключевые слова: социальное учение католицизма, отчуждение труда, субъект труда, капитал, этическое измерение труда, марксизм, знание и любовь.

Romanenko M.V.

The problem of alienation of labour in the context of the social doctrines of the catholicism

The article reveals the reasons and forms of alienation of the people's labour activity, the ways and methods of minimization and subsequent elimination of alienation labour in the social teachings of the catholicism.

Key words: the social teaching of the catholicism, the alienation of labour, the subject of work, the ethical dimension of labour, marxism, knowledge and love.

Проблема отчуждения в современном мире занимает значительное место в социальном учении католицизма. Это связано с тем, что только к концу XX началу XXI века проблема отчуждения стала наиболее острой и обозримо-«кричащей», а нарастание Эскалация вражды, ненависти и отчуждения в отношениях между государствами и людьми создают даже угрозу уничтожения всего человечества: «Над всем миром нависает угроза атомной войны, способной привести к полному уничтожению всего человечества», - с тревогой писал папа Иоанн Павел II².

Помимо довлеющего над человеком капитала, угрозы термоядерной войны и экологического кризиса появилось множество других угроз и вызовов - превосходящих на современном этапе интеллектуальные, социальные, технические, экономические, информационные и нравственные возможности людей по их локализации и преодолению: часто недостоверная, ложная информация, терроризм, наркотрафик, СПИД, преступность, девальвация ценностей труда, проституция, попкультура, ориентирующаяся на низменные потребности людей, и множество других угроз. Человек является также пленником политических и иных институтов, которые сам же и создал. И сегодня в условиях усиливающихся глобализационных процессов и разрастающегося нового этапа мирового финансово-экономического кризиса человечество со страхом ждет, удастся ли ему спастись, выжить или его судьба покорно смириться с игом, гнетом созданных им артефактов и институциональных структур.

Сегодня, по словам папы Иоанна Павла II, в мире умножается число «отчужденных людей», и «отчужденных обществ»³. «А сколько вокруг каждого из нас людей, всего лишившихся, морально раздавленных... людей «отчужденных» от всего, беспомощно лежащих на обочине истории», - вопрошает папа Бенедикт XVI, характеризуя современные социально-политические реалии⁴. Ему вторит папа Иоанн Павел II: «Явления отчуждения и эксплуатации по-прежнему в мире остаются, особенно в третьем мире, а

также в наиболее развитых обществах, против этих явлений выступает Церковь. Огромное множество людей живут еще в условиях крайней бедности – материальной и нравственной⁵. Проблема преодоления эскалации и минимизация отчуждения становится стержневой, насущной проблемой дальнейшего развития современного человечества.

В центре проблем социального отчуждения в процессе развития человечества католическая церковь ставит рассмотрение причин и основных форм минимизации отчуждения многообразных форм человеческой деятельности, но, прежде всего, отчуждения трудовой деятельности, отчуждения труда⁶.

Труд, под которым социальное учение католицизма понимает «деятельность «преходящую» - то есть такую, которая, беря начало в человеческом субъекте, направлена к внешнему предмету, учреждает своеобразное господство человека над «землей», и в свою очередь это господство подтверждает и развивает». При этом под «землей» «следует понимать тот фрагмент видимой Вселенной, жителем которого является человек, косвенно, однако, можно подразумевать весь видимый мир, насколько он может оказаться в пределах влияния человека и его изысканий с целью удовлетворения собственных потребностей»⁷. Труд представляет собой фундаментальное измерение человеческого существования, утверждает католическое учение, – это обязанность и благо для человека, благо его человечности, так как именно через труд человек не только преобразует «землю», приспособивая ее к своим потребностям, но также реализует себя как человек, а также развивает себя, «все больше становится человеком», «высшая себя»⁸. В труде «он учится многому, развивает свои способности, вырастает из себя и над собой»⁹.

По словам папы Иоанна Павла II в энциклике «*Laborer egerens*. Трудом своим», человеческий труд представляет собой ключ, и притом, пожалуй, «самый существенный ключ ко всем социальным вопросам», если мы стараемся видеть его действительно под углом блага человека. Для того чтобы, подчеркивается в Пастырской Конституции о Церкви в современном мире, «человеческую жизнь сделать более человеческой», «чтобы сделать общество более человеческим», именно этот ключ – человеческий труд, приобретает основное и решающее значение¹⁰.

В христианском видении суть феномена отчуждения состоит в перевернутом отношении средств и целей. Не признавая ценности и величия в самом себе, человек лишается возможности переживания в полной мере собственной человечности и установления этого отношения солидарности и общности с другими людьми. В этом случае в трудовом процессе работник рассматривается «только как средство, а не как цель». «Отчужденный, следовательно, является таким человеком, который не хочет выйти за пределы самого себя, сотворить из себя дар или создать подлинную человеческую общность, стремящуюся к своему конечному предназначению, которым есть Бог. Отчуждено общество, которое через формы общественной организации, производства и потребления затрудняет как реализацию этого дара, так и построение этой солидарности между людьми»¹¹.

Устами своего высшего иерарха в энциклике «*Centesimus annus*. Сотый год» говорится о том, что в развитии западного общества («западнизма») «не было преодолено отчуждение в различных видах «бесчеловечной эксплуатации», когда люди взаимно используют друг друга в корыстных целях».

Энциклики пап Римской церкви свидетельствуют о продолжающейся уже не одно десятилетие активной сакрализации цивилизационных процессов, при «непрерывном осовременивании» (Иоанн Павел II) и «теологическом переваривании» (Бенедикт XVI) как мировых глобальных проблем, так и таких конкретных тем, как охрана окружающей среды, человеческий труд и его отчуждение, семейные отношения, проблемы формирования внутреннего мира конкретного человека, индивидуальной личности и многие другие.

Преодолеть глобальные и локальные проблемы и вызовы истории, в современных условиях нарастающей глобализации, которая охватывает практически все страны мира, отмечается в энциклике нынешнего папы Бенедикта XVI «*Caritas in veritate*. Энциклика о целостном человеческом развитии в любви и истине»¹², удастся при помощи обнаружения той антропологической и этической движущей силы, «которая из глубины подталкивает саму глобализацию к гуманизму и солидарности». Чтобы экономическое, социальное и политическое развитие было подлинно человеческим, оно должно содержать в себе принцип бескорыстия как проявление братства. Распределительная справед-

ливость и социальная справедливость тоже важны для самой же рыночной экономики - не только потому, что она включена в более широкий социально-политический контекст, но и из-за сети отношений, в которых она работает. Учение Церкви призвано помочь восстановить позитивное экономическое развитие за счет придания экономике этического измерения и жесткого контроля стихии рынка¹³.

Отметим, что в этом отношении мысли представителей католицизма конгениальны социальному учению православия. «Главное в экономике, - утверждает Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, - человек. От его ума, от его души, от его нравственного состояния зависит настоящее и будущее мирового хозяйства. Когда деньги в мировой экономической системе отрываются от труда, когда богатые богатеют, а бедные беднеют, - тогда, рано или поздно, экономика перестает быть эффективной и переживает кризисы. Экономическая система, построенная только на стремлении к наживе, на равнодушии к судьбе человека, на пренебрежении к нравственным нормам, лишена устойчивости и может рухнуть в любой момент, погребая под своими обломками судьбы людей. Безнравственная экономика не эффективна и более того - нежизнеспособна, опасна»¹⁴.

Экономика будет тогда содействовать гармоничному развитию человека (материальному и духовному), когда субъект экономической деятельности будет осмысливаться в русле христианской этики, а более конкретно, отмечал папа Бенедикт XVI, - с позиций социального учения католицизма. Поскольку именно в человеколюбии, человечности находит выражение неотчуждаемая человеческая свобода, этот принцип великолепно подходит для того, чтобы руководить трудовым процессом и направлять ее к подлинно гуманному развитию¹⁵.

В католических изданиях за последнее время можно встретить мысль о том, что неудачи «реального социализма» вовсе не означают интеллектуального поражения марксизма и торжества, превосходства неolibеральной идеологии особенно в ее агрессивном и антигуманном облике. Сегодня, даже в Ватикане, отдельные его сторонники призывают вернуться к некоторым важным идеям Карла Маркса. Отмечается, что вопросы, поставленные марксизмом, вновь обрели актуальность в настоящее время в условиях глобального финансово-экономического кри-

зиса, который, по мнению экспертов, ныне вступает в новую, «вторую волну» своей слепо-стихийной эволюции. И это не злорадные голоса адептов марксизма-ленинизма, а признания церковных иерархов самого высокого ранга.

В энциклике *Spe salvi* «Энциклика о христианской надежде» папа Бенедикт XVI не отрицает, что К. Маркс был талантливым мыслителем. Он, пишет папа Бенедикт XVI, «очень точно, хотя и несколько односторонне, описал ситуацию своего времени и, обнаружив недожженные аналитические способности, перечислил пути к революции»¹⁶. Более того, Маркс не ограничился теорией, а вместе с опубликованным «Манифестом Коммунистической партии» принял ряд конкретных шагов по пути реализации надежды на освобождение от несправедливостей капитализма. «Его обещание, благодаря остроте анализа и четкому указанию способов решительно изменить мир, ослепило и до сих пор ослепляет множество умов». Однако папа Бенедикт XVI отвергает революцию, как радикальное средство преобразования общества: «Марксизм считал революцию и подготовку к ней лекарством от болезней общества. Революция и последующая коллективизация средств производства, как было заявлено, должны немедленно изменить мир к лучшему. Иллюзии рассеялись и исчезли»¹⁷.

В отличие от папы Иоанна Павла II, который считал, что марксова концепция отчуждения «ошибочная и неадекватная»¹⁸, Бенедикт XVI выделяет «разумное зерно»¹⁹ в марксовом учении об отчуждении (он говорит даже о «двойном отчуждении») человека в системе буржуазных производственных отношений: «Карл Маркс дал яркое описание этого «отчуждения человека»; хотя он и не мог в полной мере осознать глубину этого «отчуждения», ибо мыслил исключительно материальными категориями, тем не менее, он показал со всей наглядностью, что происходит с человеком, который «попался разбойникам»²⁰. По своей обличительной силе некоторые фрагменты недавно написанной и вышедшей на русском языке в 2009 году книги папы Бенедикта XVI «Иисус из Назарета» созвучны известным словам К. Маркса и Ф. Энгельса из «Манифеста Коммунистической партии»: Буржуазия «превратила личное достоинство человека в меновую стоимость... Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепе-

том. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников»²¹. Как показывают современные реалии, обладатели этих и многих других «почетных» профессий и «специалистов области так называемых «общественных отношений» в большинстве своем ещё более отчуждены, чем во времена Карла Маркса²².

21 октября 2009 г. ватиканская газета «*Osservatore Romano*» публикует статью, признающую актуальность Марксова диагноза природы капитализма. В первую очередь это относится как к социальному отчуждению, отмечает газета, которое ощущают в сегодняшнем обществе многие слои населения, так и источников происхождения прибыли, а также соглашается с тем, что различия между бедностью и богатством являются проявлением общественных структур, созданных людьми, а не естественной природной данностью²³. Написанная известным профессором философии папского Григорианского университета Георгом Сансом статья утверждает, что некоторые положения учения Карла Маркса востребованы сегодня, когда общество ищет «новую гармонию»²⁴.

Сравнивая содержание энциклики «Трудом своим» (1981 г.) с другими энцикликами, следует отметить, что в ней впервые уделяется большое внимание самой проблеме всестороннего отчуждения человека труда, а не только порождающих его факторов²⁵.

Ошибка капитализма Иоанн Павел II называет ту культуру, где к человеку относятся не в соответствии с истинным достоинством и ценностью его труда, а как к простой совокупности материальных средств производства, еще одному орудию, фактору труда наравне с инструментами и сырьем, то есть «не как к причине, субъекту, автору, а значит, не как к подлинной цели всего производственного процесса», забывая, что «первоосновой ценности труда является сам человек - ее субъект»²⁶, что «каждый работник — творец» (папа Павел VI).

Реакцией на подобное отношение со стороны трудящихся стал призыв католиков к противодействию, к солидарности, к защите своих интересов работниками труда. В энциклике «О человеческом труде» в рамках католической социальной доктрины звучит положительная оценка борьбы рабочих за свои права: они обладали «с точки зрения социальной этики ценностью, большим значением и силой убеждения, особенно там, где в индустриальных комплексах

царил конвейерный, однообразный, обезличивающий труд, труд, при котором машина начала господствовать над человеком». Иоанн Павел II оправдывает такую реакцию трудящихся, направленную «против деградации человека как причины, субъекта труда и против неслыханной эксплуатации трудящихся во всем, что касается прибыли, условий труда и социального страхования рабочего человека». С этой целью работниками создаются «множество объединений различного рода»²⁷, прежде всего профсоюзы, и трудящиеся объединяются «с той целью, чтобы можно было противостоять подавляющему и нестерпимому нажиму». Большая роль в защите трудового народа в учении католицизма отводится государству. Истинная солидарность и борьба трудящихся, направленная против несправедливой системы, угнетения и нищеты является закономерной, оправданной и с точки зрения социальной морали правильной реакцией на антагонистические противоречия и конфликты капитализма.

Говоря о технике и технологии современной цивилизации, Иоанн Павел II подчеркивает, что они «союзницы» трудящегося человека. Однако, далее он утверждает, что «в некоторых случаях эта союзница способна превратиться чуть ли не в соперницу человека, например, когда механизация труда начинает «вытеснять» работника, лишает его всякого личного удовлетворения, всякой творческой инициативы и ответственности, или, например, когда из-за преклонения перед машиной человек становится ее рабом»²⁸. Такая постановка вопроса определяет важное и сравнительно новое направление исследований в рамках римско-католической социальной доктрины.

Мало одного только вознаграждения за работу, необходимо, чтобы трудящийся человек в процессе трудовой деятельности ощущал, что, он все же трудится «ради самого себя». Продолжая эту идею, Иоанн Павел II заявляет, что «в чрезмерно централизованной бюрократической системе это сознание в человеке подавлено. Трудящийся ощущает себя скорее винтиком в огромном механизме, направляемом сверху, и - по многим причинам - простым орудием производства, нежели подлинным источником труда, наделенным творческой инициативой». Везде, где происходит социальная деградация субъекта труда, непомерная эксплуатация трудящихся, где возрастает бедность, нищета и голод, постоянно должна существовать солидар-

ность, объединение и борьба трудящихся, вплоть до метода забастовок, «который католическое социальное учение считает законным», а «работники должны иметь гарантированное право на забастовку, без личных уголовных санкций за участие в ней», если все остальные методы преодоления конфликтов оказались неэффективными²⁹.

Независимо от своего содержания, труд всегда должен помочь человеку раскрыть личностную человеческую природу и «присущее ему в силу его человеческой природы призвание стать личностью». Ценность человеческого труда определяется не характером выполняемой им работы, но прежде всего тем фактом, что тот, кто выполняет работу, ощущает себя личностью. Человек не должен быть поработан своим трудом. Иоанн Павел II подчеркивает, что, несмотря на то, человек предназначен для работы и призван к работе, человек не должен становиться рабом труда: труд существует «для человека», а не человек «для труда»³⁰. Такая формулировка проблемы снимает основания для отчуждения труда — пока и поскольку человек осознает себя активной сознательной частью любого, даже самого монотонного и низкооплачиваемого труда, он, с точки зрения Иоанна Павла II, будет от него все менее отчужден, ибо целью любого труда «всегда остается человек», «интегральное развитие человеческой личности в труде»³¹. Спасти человека, его достоинство, его развитие, его душу — вот задача и смысл социального вопроса в учении католицизма. Поэтому социальный вопрос есть вопрос о конкретном индивидууме. Все сводится к созиданию условий для наилучшего развития каждого конкретного человека как личности.

В процессе труда человек приобретает собственное, принадлежащее исключительно ему достоинство. Однако труду всегда будет присуща также и определенная мера человеческого страдания, горя, потерь и несправедливости, закрепленная в общественном строе каждой нации, а так же в международных и межгосударственных отношениях. «Даже если труд и связан с усталостью и усилиями, он все же продолжает оставаться благом, ибо в труде, благодаря любви к труду, человек развивается», а пока есть развитие, нельзя говорить о полном отчуждении и потере ценности труда для человека.

Отмечая современные, основанные на той или иной идеологии или власти системы, как и

новые тенденции развития общества, на разных уровнях определяющие ход развития социальной жизни, Иоанн Павел II отмечает, что они не только не убрали до сих пор существующие очевидные несправедливости: деградация субъекта труда, нещадная эксплуатация, растущие области нищеты и даже просто голода, но и, что хуже всего, породили новые, например, безработицу интеллигенции и др. Хотя повсеместное развитие технической цивилизации и средств сообщения и является, с одной стороны, причиной углубления этой несправедливости, именно оно, с другой стороны, способно содействовать устранению этой проблемы. В частности, можно выявить новые формы несправедливости, сравнимые и, возможно, даже превосходящие укоренившуюся в обществе несправедливость, связанную с борьбой трудящихся за свои права. Примечательно, что возникновение новых форм несправедливости наблюдается как в странах, уже стоящих на пути постпромышленной революции, а также в тех странах, где основной трудовой деятельностью продолжает оставаться земледелие и другие работы подобного типа, где работников рассматривают «как будто это мертвые предметы, а не люди» и подвергаются нещадной эксплуатации. «Ни справедливость, ни человечность не позволяют требовать работы в таком количестве, чтобы искоренялся дух, а тело падало от измождения. Как все в человеке, так и его рабочая сила имеет строго определенные границы, которые она не может нарушать»³².

Говоря о вкладе религии в противостояние человеческому отчуждению, Иоанн Павел II заявляет, что Церковь по-настоящему принимает участие в установлении социальной справедливости, в создании фронтов солидарности людей труда, и в этом она видит свое посланничество, свое служение, доказательство своей верности Христу, ибо только так она может стать поистине «Церковью бедных»³³. Бедными он называет всех, кто повсеместно подвергается насилию над достоинством человеческого труда: по причине уменьшения рабочих мест (безработица), «неслышанной эксплуатации», пренебрежения самой ценностью труда и связанными с ней правами человека труда.

Поэтому, для преодоления отчуждения, церковь должна заботиться о том, чтобы в процессе трудовой деятельности, никогда не умалялось человеческое достоинство. Необходимо соблюдать законы справедливости с самого

начала, в то время как протекает трудовой процесс, а не после и не в стороне от него. Трудовую жизнь и трудовые отношения следует понимать как реалию со многими измерениями. И во всех этих измерениях, в разной степени и с индивидуальной спецификой, должны быть представлены братские взаимоотношения. Мир труда должен быть миром любви, а не миром ненависти. Можно разными способами в процессе труда возвышать работника, но и можно направлять труд против человека: наказывать его принудительными работами, отправлять в тюрьмы, превращать работу в средство подавления и деградации человека, наконец, разными способами отнимать у человека плоды его труда. Это доказывает моральную необходимость сочетать неизбежно требуемые для труда физические и моральные усилия с такой социальной организацией труда, при которой человек «не деградировал» бы, а «становился более человеком» и, что самое главное, не терял бы присущее ему достоинство и неповторимость личности. Человек всегда имеет первенствующее и решающее значение в производственном процессе, он всегда выше и важнее капитала.

Иоанн Павел II напоминает, что, какую бы задачу ни выполнял человек, он всегда через работу наследует двойное богатство: с одной стороны то, что в виде природных ресурсов принадлежит всем людям, с другой стороны — то, что на основе этих ресурсов уже разработано, добыто другими поколениями людей. В труде человек «наследует» результаты труда прошлых поколений, других работников и продолжает его.

Учитывая все вышесказанное, можно заключить, что социальная доктрина католицизма сегодня констатирует, что «правильное», гуманное отношение к труду и к трудящемуся человеку не установлено во всех существующих сегодня государствах и безотлагательно требует введения изменений, ведущих к снижению порога отчуждения труда, к возвышению достоинства субъекта труда. Надо помнить, призывают иерархи церкви, что каждый участвующий в производственном процессе человек, даже если он выполняет работу, не требующую сложного обучения и квалификации, всегда остается подлинным действенным источником труда, тогда как капитал остается всегда подчиненным по отношению к человеческому труду ресурсом.

Нарастающее отчуждение в экономической, политической, социальной и духовной сферах

во всем мире, в том числе и в сфере трудовой деятельности, можно лишь снизить, уменьшить в нынешних условиях эскалации глобализационных процессов и мирового финансово — экономического кризиса, а преодолеть основные формы отчуждения применительно к каждому конкретному человеку и обществу (социуму) в целом возможно лишь построив на Земле «цивилизацию любви» (папа Павел VI)³⁴.

Созидать такую цивилизацию, по словам Бенедикта XVI, невозможно без деятельности, основанной на знании и любви, ибо любые даже научно и убедительно составленные социально-экономические проекты не приведут к желаемому результату, если их исполнение не будет вдохновлять любовь. Любовь (в христианском понимании) не противостоит знанию и, тем более, не исключает его, «но требует знания, продвигает его вперед и одушевляет изнутри. Действие слепо без знания, а знание бесплодно без любви»³⁵. Сегодня в мире мы можем сказать, что трудовую деятельность и экономическую жизнь, с точки зрения иерархов и теоретиков католицизма, следует понимать как реалию со многими измерениями. И во всех этих измерениях, в разной степени и с индивидуальной спецификой, должны быть представлены братские взаимоотношения.

Католическая церковь учит, что «приступая к построению нового производственно-экономического порядка, социально ответственного и соразмерного человеку», необходимо учитывать сложность, «антропологическую самоотчужденность» и противоречивость «природы человека»: «Если мы отказываемся принять тот факт, что природа человека повреждена и склонна ко злу, мы создаем простор для серьезных ошибок в области образования, политики, общественной деятельности, нравов». К перечню сфер, в которых проявляется пагубные последствия греха, уже давно прибавилась экономика. Яркое доказательство этого имеется и в наши дни. Об этом говорится в Катехизисе Католической Церкви³⁶. Лишь постепенно преодолевая «пагубные последствия греха», различные, наиболее острые формы и признаки социального отчуждения и самоотчуждения людей, христианская надежда ободряет разум и дает ему силу руководить волей человека, постигая истину в любви. «Христианская надежда побуждает нас трудиться в социальной сфере и верить, что возможно построить новый мир, хотя и не может быть «рая на земле»³⁷.

В трудовом процессе на микро-, мезо- и макроуровне при решении назревших задач и вызовов современности надо видеть и культивировать антропологическую и нравственную движущую силу, которая из глубины экономического движения детерминирует, требует, направляет отношения работников в трудовой сфере, а также в социальной, политической и духовной сферах, к гуманизму, справедливости, братству и солидарности, то есть к минимизации, снижению порога отчуждения и ликвидации его наиболее острых форм до утверждения, воцарения на Земле «цивилизации любви», где по мысли католиков, отчуждение будет элиминировано во всех своих главных, существенных проявлениях человека, во всех сферах жизнедеятельности людей всех стран и народов, в том числе, и прежде всего, в сфере трудовой деятельности. Именно об этом насущном императиве современности и говорит, и проповедует, и стремится проводить в жизнь социальное учение католицизма.

Ссылки:

1 Работая над проблемой отчуждения труда в истории человечества и, зная, что социальное учение католицизма интересуется этой проблемой, мною было послано письмо в Ватикан высшему авторитету, Его Святейшеству, ныне покинувшему свой высокий пост, папе Римскому Бенедикту XVI с просьбой, если представится возможность, ответить на следующие вопросы: 1). Отчуждение труда заложено в самой духовно-физической природе человека или оно продукт несправедливых социально-экономических отношений в обществе? 2). В наше время отчуждение труда в мире нарастает, усиливается или уменьшается, ослабевает в связи с научно-техническим прогрессом? 3). Возможно ли полностью преодолеть отчуждение труда в «цивилизации любви» или человек будет вечно добывать блага для жизни «в поте лица»? 4). Возможно ли в будущем понятие - термин «труд», когда труд станет полностью свободным и творческим, заменить понятием - термином «самодеятельность»? 5). Ваше отношение к марксистской концепции отчуждения? В ответ была получена бандероль, где был вложен портрет с автографом папы Бенедикта XVI и все его энциклики, изданные на русском языке, и письмо от Архиепископа Ивана Юркова Апостольского Нунция в Российской Федерации, где он благодарит «за научный интерес к социальному учи-

тельству Католической Церкви» и желает «новых творческих успехов».

2 Иоанн Павел II Centesimus annus. «Сотый год». Энциклика Святого Отца Иоанна Павла II в сотую годовщину обнародования энциклики «*Regum novarum*» // Иоанн Павел II Сочинения. Том II. М.: Изд-во Францисканцев, 2003, с. 106. Российские эксперты также разделяют тревогу, отошедшего недавно в мир иной, папы Римского и предупреждают о «растущей на глазах опасности возникновения неуправляемой глобальной войны уже в ближайшие 7-10 лет». («Завтра», № 41, октябрь 2012, с. 2). М. Делягин, С. Глазьев и А. Фурсов также пишут о «неуклонно надвигающейся опасности глобальной войны, уже в ближайшие 5-7 лет» (Михаил Делягин, Сергей Глазьев и Андрей Фурсов Стратегия «большого рывка» М.: АЛГОРИТМ, 2013, с. 7). События на Украине в настоящее время актуализируют, предельно обостряют эту проблему.

3 См.: Иоанн Павел II Centesimus annus. Сотый год. Энциклика Святого Отца Иоанна Павла II в сотую годовщину обнародования энциклики «*Regum novarum*». // Иоанн Павел II Сочинения. Том II. М.: Изд-во Францисканцев, 2003, с. 135.

4 Ратцингер Йозеф (Папа Бенедикт XVI) Иисус из Назарета. СПб.: «Азбука-классика», 2009, 207.

5 Иоанн Павел II Centesimus annus. Сотый год. Энциклика Святого Отца Иоанна Павла II в сотую годовщину обнародования энциклики «*Regum novarum*» // Иоанн Павел II Сочинения. Том II. М.: Изд-во Францисканцев, 2003, с. 136.

6 Человек, отмечает в своей книге Иисус из Назарета (СПб.: «Азбука-классика», 2009, с. 206) Ратцингер Йозеф (Папа Бенедикт XVI), «на протяжении всей своей истории представляет притесняемой, мучимой, терпящей насилие жертвой». Но, однако, «Отцы церкви никогда не рассматривают труд как «*opus servile*» (рабское дело) – хотя именно таковым он считался в современной им культуре (то есть всецело отчужденным и тягостным – авт.), но всегда как «*opus humanum*» (человеческое дело), и стремятся почтить все его проявления». (Компендиум социального учения Церкви. М.: Паолине, 2006, 185).

7 Энциклика Его Святейшества папы Иоанна Лабора ехерсенса. «О человеческом труде» // Энциклики Его Святейшества папы Римского 1891, 1981, 1991 годов о труде, человеческой жизнедеятельности, нравственности и морали. Киев:

Институт праксиологии, 1993, с. 118. В энциклике Его Святейшества папы Льва XIII «*Regum poenitentium*» по социальной проблеме о положении рабочих» труд определяется, как деятельность «с целью получения средств, служащих для удовлетворения разных потребностей жизни и главным образом потребности самосохранения» // Энциклики Его Святейшества папы Римского 1891, 1981, 1991 годов о труде, человеческой жизнедеятельности, нравственности и морали. Киев: Институт праксиологии, 1993, с. 92.

8 «Праздность вредит бытию человека, - говорил Святой Иоанн Златоуст, - тогда как деятельность, труд идет на пользу его телу и духу». (См.: Компендиум социального учения Церкви. М.: Паолине, 2006, с. 185).

9 Энциклика Его Святейшества папы Иоанна Павла II «*Laborem exercens*. О человеческом труде». // Энциклики Его Святейшества папы Римского 1891, 1981, 1991 годов о труде, человеческой жизнедеятельности, нравственности и морали. Киев: Институт праксиологии, 1993, с. 179.

10 Компендиум социального учения Церкви. М.: Паолине, 2006, с. 379. См.: Энциклика Его Святейшества папы Иоанна Павла II «*Laborem exercens*. О человеческом труде». // Энциклики Его Святейшества папы Римского 1891, 1981, 1991 годов о труде, человеческой жизнедеятельности, нравственности и морали. Киев: Институт праксиологии, 1993, с. 116, 118.

11 Энциклика Его Святейшества папы Иоанна Павла II *Centesimus annus*. «Сотый год» // Энциклики Его Святейшества папы Римского 1891, 1981, 1991 годов о труде, человеческой жизнедеятельности, нравственности и морали. Киев: Институт праксиологии, 1993, с. 251.

12 Бенедикт XVI *Caritas in veritate*. Энциклика о целостном человеческом развитии в любви и истине. М.: Издательство Францисканцев, 2009, с. 60.

13 Экономическая сфера не нейтральна этически, но и не бесчеловечна и не антисоциальна по своей природе. Она принадлежит к человеческой деятельности, и, - именно потому, что эта деятельность человеческая, - её следует структурировать и оформлять в этическом ключе, - утверждает папа Бенедикт XVI. И еще более определено: «Ведь экономика нуждается в этике, чтобы правильно функционировать». Состояние экономики в решающей мере зависит от духовно-нравственного состояния работников.

14 Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. // Экология души и молодежь. Духовно - нравственные причины

кризисов и пути их преодоления. М.: Всемирный Русский Собор, 2009, с. 9.

15 Видный современный теолог Ганс Кюнг на основе мировых религий стремится создать всеобщую экономическую этику, которую провозглашает основной гуманистический принцип - «принцип человечности»: «Сохранение человечности должно быть нравственным мерилем любой экономической деятельности», - утверждает он. (Hans Kung Global Ethics Foundation // *Manifesto for Global Economic Ethics*. Tuebingern, 2009, p. 5). Г. Кюнг перечисляет ряд этических императивов, которые должны иметь всеобщий статус и которые должны проявляться в любой человеческой, в том числе и в трудовой, деятельности: уважение и терпимость к другим, право человека на жизнь и ее достойное развитие, отношение к окружающей среде, исключаящее ее разрушение, важность правдивости, честности, взаимного доверия и уважения, торжество справедливости, закона и правосудия. Русская православная церковь еще в 2006 году разработала «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», который был одобрен Всемирным Русским Народным Собором. Этот свод принципов и правил основан на десяти заповедях, данных Всевышним, а также на опыте усвоения их христианством и другими религиями, традиционно исповедуемыми в России. Анализ этих принципов и правил, применительно к социально - экономическому развитию России, дан в книге академика РАН С.Ю. Глазьева «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса» (М.: Экономика, 2010, с. 209 - 215).

16 Бенедикт XVI *Spe salvi*. «Энциклика о христианской надежде». М.: Издательство Францисканцев, 2008, с. 26.

17 Бенедикт XVI Энциклика *Deus Caritas Est*. «Бог есть любовь». Ватикан, 2006, с. XIX.

18 См.: Энциклика Его Святейшества папы Иоанна Павла II *Centesimus annus*. «О человеческом труде» // Энциклики Его Святейшества папы Римского 1891, 1981, 1991 годов о труде и человеческой жизнедеятельности, нравственности и морали. Киев: Институт праксиологии, 1993, с. 249.

19 Бенедикт XVI Энциклика *Deus Caritas Est*. «Бог есть любовь». Гатчина: СЛДБ, 2006, с. 45.

20 Ратцингер Йозеф (Папа Бенедикт XVI) // Иисус из Назарета. СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2009, с. 206.

21 Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Том 4, издание-2, М.: Политиздат, 1955, с. 426, 427.

22 Джордж Сорос констатирует, что в условиях глоболизирующегося посткапитализма и формирующегося мирового рынка «денежные ценности узурпировали роль подлинных ценностей, а рынки стали господствовать в таких сферах общественной жизни, где им не должно быть места. Я имею в виду такие профессии, как юрист и врач, педагог, ученый, работник искусства, а также специалистов области так называемых «общественных отношений». Достижения или качества, которые следовало бы оценивать как таковые, получают денежное выражение; о них судят по тому, сколько денег они приносят, а не по их подлинным достоинствам». (См.: Джордж Сорос Кризис мирового капитализма. М.: Инфра-М, 1999, с. 226).

23 В этом отношении будет уместным привести следующие, полные гнева, слова нынешнего высшего Иерарха католиков: «И в нашем мире есть жертвы разбойного нападения – к примеру, народы Африки... Они стали жертвами «разбоя» и остаются таковыми и по сей день» (Ратцингер Йозеф (Папа Бенедикт XVI) Иисус из Назарета. СПб.: «Азбука-классика», 2009, с. 205).

24 Кардинал Йозеф Хёффнер, «один из знаменитых представителей католического социального учения», также признает важность «тезиса Маркса о «самоотчуждении» рабочего» (См.: Йозеф Хёффнер Христианское социальное учение. М.: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2004, с. 144).

25 См.: Энциклики Его Святейшества папы Римского 1891, 1981, 1991 годов о труде и человеческой жизнедеятельности, нравственности и морали. Киев: Институт праксиологии, 1993.

26 Там же, с. 124.

27 Социальное учение католицизма утверждает: «Принципом, субъектом и целью любых социальных институтов должна быть личность» (Катехизис католической церкви. Компендиум. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2007, с. 128).

28 Энциклика Его Святейшества папы Иоанна Павла II *Laborem exercens*. «О человеческом труде». // Энциклики Его Святейшества папы Римского 1891, 1981, 1991 годов о труде и человеческой жизнедеятельности, нравственности и морали. Киев: Институт праксиологии, 1993, с. 121.

29 Там же, с. 166.

30 Там же, с. 124. Это выражение корреспондирует со словами из Евангелия: «Суббота для человека, а не человек для субботы».

31 Там же, с. 253.

32 Энциклика Его Святейшества Папы Льва XIII «*Regum novarum*» по социальной проблеме о положении рабочих // Энциклики Его Святейшества папы Римского 1891, 1981, 1991 годов о труде, человеческой жизнедеятельности, нравственности и морали. Киев: Институт праксиологии, 1993, с. 90.

33 Более ста лет назад епископ Кеттелер заявлял, что рабочий вкладывает «свою плоть и кровь» и затрачивает в труде «ежедневно и частицу своей жизни», поэтому было бы справедливо сделать работника своим «компаньоном» и «совладельцем» и таким образом отменить систему наемного труда. (См.: Йозеф Хёффнер Христианское социальное учение. М.: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2004, с. 144). Но эти «социалистические» мысли епископа не получили дальнейшего развития в католическом социальном учении. Папа Иоанн Павел II также заявляет, что организация труда, покоящаяся на примате человека над капиталом, должна в будущем преодолеть в своих основах «противоположность между трудом и капиталом». Папа Иоанн Павел II называет не только справедливую зарплату, но и участие работников в управлении, в распределении доходов и совладении. Таким образом, работник будет осознавать, что он работает «на собственном предприятии». Но как правильно, на наш взгляд, замечает кардинал Йозеф Хёффнер: «Сами по себе институциональные и организационные мероприятия не в состоянии превратить предприятие в объединение свободных людей» (Йозеф Хёффнер Христианское социальное учение. М.: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2004, с. 153).

34 В этой связи отметим, что на всем геополитическом пространстве планеты, только Китай сегодня пытается создать своеобразную «цивилизацию любви» - «новую гармонию», реализую идею построения «гармоничного социального общества». (См.: Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: Социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006).

35 См.: «Введение» // Бенедикт XVI *Caritas in veritate*. Энциклика о целостном человеческом развитии в любви и истине. М.: Издательство Францисканцев, 2009.

36 См.: Бенедикт XVI *Caritas in veritate*. Энциклика о целостном человеческом развитии в любви и истине. М.: Издательство Францисканцев, 2009, с. 45.

37 Компендиум социального учения Церкви. М.: Паолине, 2006, с. 377.

Содержание и границы рационализации управленческой деятельности

Щербина В.В.

Статья посвящена анализу истоков появления терминов рациональность и рационализация; уточнения их первоначального содержания и дальнейших трансформаций; а выявлению действенных форм и границ рационализации в привязке к сфере управления. Специфика предлагаемого взгляда автора на процесс рационализации состоит в том, что: во-первых, указанный термин рассматриваются здесь в рамках деятельности, связанной с подготовкой и реализацией управленческих решений; во-вторых, рассмотрение этих процессов здесь привязано к той сфере управления, которую обычно именуют сферой управления человеческими ресурсами; в-третьих, в том, что описываемые процессы рассматриваются, как напрямую связанные с развитием организации и деятельностью двух типов специалистов- управленцев, их обслуживающих – менеджеров и управленческих консультантов.

Ключевые слова: менеджмент, управление человеческими ресурсами, управленческо-консультативная практика, принятие управленческих решений.

Shcherbina V.V.

The maintenance and borders of rationalization of administrative activity

Clause is devoted to the analysis of sources of occurrence of terms rationality and rationalization; specifications of their initial maintenance and the further transformations; and to revealing of effective forms and borders of rationalization in a binding to sphere of management. Specificity of an offered sight of the author on process of rationalization consists that: first, the specified term are considered here within the limits of the activity connected with preparation and realization of administrative decisions; secondly, consideration of these processes here is adhered to that sphere of management which usually call sphere of management of human resources; thirdly, that described processes are considered, how directly the organizations connected with development and activity of two types specialists-managers, their serving - managers and administrative advisers.

Key words: management, management of human resources, a управленческо-advisory practice, acceptance of administrative decisions.

Постановка проблемы и определение задач

Эта статья посвящена проблеме рационализации управленческой деятельности, что напрямую связано с деятельностью двух группы специалистов обслуживающих управление в деловых организациях – менеджеров и управленческих консультантов.

Проблема рационализации управленческой деятельности в деловых, и особенно, в бизнес организаций была впервые обозначена на рубеже XIX–XX вв. С этого времени она и является одной из центральных проблем, с решением которой, обычно связывают перспективы совершенствования системы управления в организациях такого типа. Сама постановка вопроса, о необходимости рационализации управленческой деятельности, была обусловлена процессами, связанными с формированием и развитием крупных, деловых, многоцелевых, многоэлементных и многофункциональных организаций, со сложными организационными структурами (многозвенными или многоблочными). Именно появление и развитие таких организаций привело к осознанию проблемы снижения управляемости таких организаций, по мере их развития. Дело в том, что процесс организационного развития всегда сопровождался: а) ростом численности членов организации; б) ростом ее профессиональной и структурной сложности; в) диверсификацией типов выпускаемого продукта или услуг [Chandler, 1963; Chandler, Tedlow, 1980; Пью, Хиксон, 1997]. Осознание этой проблемы, в свою очередь, и обусловило необходимость: а) постановки вопроса о рационализации самой управленческой деятельности; б) ориентацию на привлечение к управлению бизнес организаций, особого типа управленцев – менеджеров, и определенной степени управленческих консультантов [Дункан, 1996 Шелдрейк, 1991; Управленческое консультирование..., 1992] Именно менеджеры, изначально рассматривались, как специалисты ориентированные на решение задач, связанных с совершенствованием

управления [Тейлор, 1991; Тейлор 1992; Друкер, 2000; Щербина (1), 2001; Щербина, (2) 2001; Chandler, 1963], .

Наконец особой проблемой, связанной с задачей рационализации в системе управления, стала проблема рационализации того типа управленческой деятельности, которую принято именовать сферой управления человеческими ресурсами (далее сферой УЧР). Особенностью деятельности менеджеров и консультантов в этой сфере, стало то, что в качестве ресурса, на привлечение, активизацию, развитие и рациональное использование которого, направлена здесь деятельность менеджеров и консультантов, здесь рассматривается человек (люди). Этот ресурс обычно определяется, как ресурс особо ценный, активный, открывающий доступ к другим ресурсам, дорожающим по мере его эксплуатации, ресурсом, работа с которым предполагает использование специфических инструментальных средств – рационализирующих социальных технологий [Армстронг, 2002, Армстронг, 2005; Карташев, 2005; Травин, Магура, Курбатов, 2004, Управление человеческими ресурсами..., 2004; Щербина, 2003; Щербина, 2007; Щербина, 2014, Эфендиев, Балабанова, Ребров, 2013].

Поскольку объектом нашего рассмотрения являются рационализация деятельности, предполагающая, в конечном счете, и выход на рационализирующие социальные технологии, используемые в сфере управленческой деятельности в сфере управления человеческими ресурсами (УЧР), в данном разделе нам предстоит ответить на два типа и два блока вопросов.

В первый блок я включил следующий перечень более частных вопросов.

а) Как соотносится специфика управленческой деятельности с проблемой подготовки, принятия и реализации управленческих решений?

б) Что такое управленческие решения и в чем состоит их специфика, по сравнению с другими типами решений принимаемых людьми в ходе их жизнедеятельности?

в) Кого из работников, обслуживающих организацию (и на каких основаниях), можно причислить к управленцам?;

г) Кто из представителей разнородных групп управленцев, обслуживающих деловую организацию, и по каким основаниям, может быть причислен к работникам, деятельность которых напрямую связана с проблемой рационализации управленческой деятельности?

д) Какие задачи, связанные с рационализацией управленческой деятельности, решает группа управленцев этого типа, обслуживающих сферу УЧР.

Второй блок включал в себя следующий перечень вопросов:

а) Какое содержание и смыслы вкладывались в термины рациональность и рационализация теми, кто ввел их в оборот науки и повседневной человеческой практики?

б) Какое содержание и смыслы вкладываются сегодня в содержание этих терминов в привязке к управлению ?

в) Какие факторы рассматриваются сегодня в социально-управленческих науках и сфер управленческой практики, как ограничения на подготовку управленцами рациональных управленческих решений?

г) Какие версии рационализации управленческой деятельности (с учетом выявленных ограничений) сегодня реально используются, или в принципе могут быть использованы, в практике управления деловой организацией?

д) Какие из этих моделей рационализации, применимы в той сфере менеджерской и управленческо-консультативной практики, которую мы обозначили, как сферу УЧР?

«Решения» как неотъемлемый атрибут человеческой жизнедеятельности и базовый элемент управленческой деятельности

При попытке ответа на вопросы, поставленные в рамках первого блока, я исходил из достаточно распространенного представления, о том, что содержание любой управленческой деятельности, в какой бы сфере, и на каком бы уровне она не осуществлялась, напрямую связано с работой связанной с управленческими решениями (УР). При этом сами управленческие решения (УР), я, вслед за большинством моих коллег, рассматриваю, как одну из разновидностей и один из специфических типов решений, постоянно принимаемых людьми по разным поводам и в разных условиях [Пригожин, 2003 с. 249-351].

В соответствии с традицией работа решениями рассматривается мною, как неотъемлемый атрибут жизнедеятельности и отдельных людей, и целевых социальных групп и человеческих сообществ. Она проявляет себя на всех стадиях и циклах их жизни, а также во всех сферах их жизнедеятельности (трудовой, бытовой, рекреационной, личностной и социальной, ду-

ховной, социальной, экономической, политической и т.д.). Вся взрослая жизнь людей жизнь может быть сведена к бесконечной череде «решений» и «действий». Поскольку значительная часть действий связана с решениями, а действия обычно следуют за решениями, роль последних в жизни людей громадна. Лицу (группе лиц или органу), принимающему решения в любой сфере жизнедеятельности обществ. В теории решений этому лицу (или группе лиц) принимающих решение отводится особое место и его принято именовать «субъектом решений». Однако, как представляется, деятельность, связанная с работой с решениями в ряде сфер, часто не сводится к усилиям только этой группы людей.

Если же говорить о содержании решений, то их, как правило, связывают с планами изменений [Пригожин, 1974; Пригожин, 2003]. В качестве же объекта решений м.б. рассмотрен любой объект или процесс, в состоянии, и условия его функционирования, развития или режима работы, в которые, планируется внести изменения. Таковыми могут выступать и само лицо (группа лиц) принимающее решение и другие объекты (другие люди, группы людей, социальные общности, животные, природные объекты, технические системы, машины, предметы процессы и т.д.) или связанные с ними процессы.

Обращаясь к термину «решение» я исходил и исхожу из представлений, что феномен «решения» всегда присутствовал в жизни людей. Причем его существование сопровождает жизнь людей весь период существования человека на Земле. При этом, я оставляю открытым вопрос о том, применим ли термин «решение» к поведению высших животных (а такая точка зрения в науке в психологической науке существует и имеет под собой основание.) [Бихевиоризм, 1980 с 17-82], и далее фокусируюсь на «решениях», принимаемых только людьми.

Решения, принимаемые людьми разнотипны. Одной из важных характеристик решений и факторов их различающих является то, что принято именовать масштаб изменений. Термин предусматривает ответ на вопрос, насколько велико количество объектов, которые будут затронуты планируемыми изменениями.

Не могу не отметить и факта, что не смотря на широкую распространенность термина «решение», на сегодняшний день единого и общепринятого определения этого термина (во всяком случае, в русском языке), не существует.

Вместе с тем, можно отметить существование достаточно широкого перечня разнородных определений этого термина, сформированных в разных областях науки и разных сферах человеческой практики. Однако, практически почти все они могут быть сведены к двум типам определений, базирующихся на двух, существенно различающихся между собой основаниях.

Первая версия трактовки термина «решение»

К первой группе определений с термина «решение», обычно связывают содержание готового плана или проекта изменений или предстоящих действий. В теории решений существует множество определений подобного типа. В качестве типичного примера назову характерные определения приводимые А.И.Пригожиным. Последний, приводит примеры определений термина «решение», где последнее определяется: а) то, как волевой акт, выражающий осознанное намерение субъекта решения действовать определенным образом; б) то, как путь, избранный неким лицом для достижения некой цели; в) то как нахождение ответа на решения некой задачи или проблемы [Пригожин, 2003].

Общей чертой всех определений такого типа, является то, что «решение» здесь, это всегда: а) уже готовый проект изменений; б) это всегда конечный результат некоего процесса, который здесь остается за кадром.

Характерно и то, что при таком понимании термина решения, в качестве лиц рассматриваемых в качестве тех, кто по факту с решениями работает, относительно небольшая по численности группа лиц. Речь идет лишь о тех людях, которые по факту принимают решения и которых принято именовать (что мы выше и сделали) «субъектами решений». Таким образом, говоря об этой группе людей, мы фактически, говорим о людях (группах лиц), которые, либо изначально обладали, либо, в определенный момент жизни были наделены правом, принимать решения определенного типа. Это право в свою очередь предполагало и несение этим лицом и ответственности за их содержание, качество и последствия принимаемых им решений.

Вторая версия взгляда на решение

Ко второй группе определений относятся те определения решений, в которых этот термин, рассматривается не как результат (готовый проект изменений), но как некий поэтап-

ный процесс, предопределяющий этот результат. В качестве типично примера такого процессного определения термина «решение», можно отослать к определению, идущему от Г.А. Саймона и имеющее множество сторонников в современной теории решений. Саймон рассматривал «решение», как специфический поэтапный процесс, причем как процесс, связанный с выбором одной из возможных альтернатив поведения или деятельности социального актора [Simon, 1976; Cyert, 1979; Гвишиани, 2007; Дункан, 1996].

В рамках, такого взгляда на содержание термина «решение», понимание этого термина не сводится только к принятию и фиксации итогового проекта изменений. Его рассматривают здесь как специфический многофазовый (или постадийный) процесс, который нельзя сводить только к акту (итоговой процедуре) самого принятия решения. При таком понимании решений, процесс работы с решениями рассматривается как поэтапный процесс, где кроме фазы принятия решения, выделяют как минимум еще две фазы: а) стадию подготовки решений – предшествующую его принятию; б) стадию реализации решения.

В рамках такой трактовки решения, центральной проблемой становится проблема обеспечения качества принимаемого решений.

Именно в связи с проблемой качества решений к работе над решениями достаточно часто привлекают множество разнородных специалистов. Работа с решением, теперь не сводится только к деятельности лица, принимающего решения, - субъекта решения. В число участников процесса работы с решениями, теперь часто попадает достаточно широкий круг лиц, готовящие решения и исполняющие решения.

Это типично, в частности, для работы с политическими, экономическими и управленческими решениями, разрабатываемыми в государственных и региональных органах власти, а также в разных типах крупных деловых организаций. Здесь, к числу лиц, работающих с решениями, кроме лиц, наделенных властными полномочиями (т.е., по факту, кроме субъектов решений), к процессу работы с решениями часто подключают и многих других специалистов. Последние могут быть как членами данной организации (или государственного органа), так и членами других организаций, подключаемых к решению данной задачи на договорных основах (внешнее консультирование, франчайзинг и др.).

К числу специалистов, подключаемых к работе с решениями в этих сферах деятельности, могут быть отнесены: а) разнородные – функциональные специалисты, не наделенные властью; б) менеджеры, и администраторы, обладающие правом принятия решений в других сферах; в) управленческие консультанты (как внутреннее, так и внешние), не вписанные в систему управления и лишённые властных полномочий; г) эксперты, привлекаемые к работе с решениями из научных, общественных и других типов сторонних организаций; д) те из линейных руководителей (администраторов), которым предстоит реализовать эти решения в своих подразделениях и т.д.

В то же время очевидно, что описанная ситуация типична для подготовки только достаточно масштабных инициативных решений, принимаемых прежде всего в сфере управления (отчасти в сфере политики экономики), причем, как правило в достаточно крупных деловых организациях. Именно и только там, появляются основания для рассмотрения всей группы разнородных специалистов, в качестве лиц включенных в работу с решениями, в данном случае управленческими.

Проблема оправданности применения, каждой из двух названных версий взгляда на «решение»

Очевидно и то, что оба взгляда на решения правомочны и взаимно дополняют друг друга. Однако, первый взгляд более оправдан и применим там, в ситуации, когда мы имеем дело с ограниченным масштабом предполагаемых изменений. Здесь объектом изменений становится либо само лицо, принимающее решение, либо ограниченный круг лиц с ним связанных. В этой ситуации лицо, принимающее решение, и лицо, готовящее решение, - это, фактически, одно и то же лицо.

Что касается второй трактовки решения, рассмотренной нами выше, то ее применение видится мне более оправданным в ситуации, когда объектом изменений становятся не сами лица, принимающие решения, и даже не ограниченный круг близких к ним лиц тесно связанных с ними (семья, первичный производственный коллектив), а достаточно широкий круг и перечень других людей (целевые группы, многоуровневые коллективы, разные типы крупных территориальных общностей и организаций). Речь идет о ситуации, когда, предлагаемое ре-

шение предполагает значительный масштаб изменений; когда последствия принятых решений затрагивают интересы многих людей и различных социальных групп; когда проблема снижения качества решений чревата появлением очень серьезных проблем, в той сфере, в которой изменения должны осуществиться.

Такая ситуация характерна, прежде всего, для таких сфер деятельности жизнедеятельности людей как, экономика, политика, управление, социальная сфера и др. Решения, принимаемые здесь как отдельными людьми, так и специфическими органами, в какой бы сфере жизнедеятельности людей они не принимались, затрагивают интересы многих людей и социальных групп и организаций. Последствия принятия таких решений, обычно сказываются на итогах деятельности, благополучии и благосостоянии других людей, и социальных групп, что очень важно. Все сказанное делает особенно острой проблему качества решений.

Сказанное выше о второй трактовке термина «решение», вплотную подводит нас к пониманию оправданности применения и использования в привязке к сфере управления, при условии, что речь идет о достаточно масштабных и инициативных решениях принимаемых и реализуемых в сфере управления. Именно ориентация этой трактовки решений, изначально ориентирует, тех кто принимает решение, на проблему обеспечения определенного уровня их качества. Это в свою очередь, позволяет рассматривать процессную версию трактовки решений, как, уже потенциально содержащую в себе возможности: а) связанные с особым вниманием к проблеме качества принимаемых решений; б) связанные с тем, что именуется рационализацией решений.

Именно этого взгляда на решения я и буду в дальнейшем придерживаться, говоря о той группе решений, которую я выше обозначил как тот тип управленческих решений (УР), которые я связал с деятельностью менеджеров и консультантов по УЧР, работающих в крупных деловых организациях.

Специфика управленческих решений, в деловых организациях

Я уже отметил выше, что вслед за рядом специалистов, я рассматриваю управленческие решения (в дальнейшем УР), как специфический тип решений, в числе других решений, принимаемых и реализуемых людьми в процессе как

их жизнедеятельности и так и целенаправленной деятельности, однако я не определил их специфики. Теперь я попытаюсь воссоздать специфику УР, опираясь, на два распространенных представления об управлении. Решая эту задачу, я, во-первых, я в соответствии с системной традицией, рассматривал ее как некую универсальную функцию, присущую любым социальным системам. Во-вторых, я исходил из взгляда на управление, как на специфическое направление целенаправленной профессиональной деятельности.

Трактуя я управление как универсальную функцию, типичную для любых социальных систем, я рассматриваю ее как непереносимое условие существования, функционирования и развития любых систем такого типа, я связываю ее: а) с поддержанием и изменением их структуры или режима деятельности [Куличенко, 2003, с 682-685]; б) с реализацией программ, направленных на достижения стоящих перед ними целей и социальных функций. Говоря же об управлении как о об определенном направлении профессиональной деятельности, я рассматриваю его, как, в достаточной степени сформированную, разнородную, многоаспектную и достаточно сложную по структуре, профессиональную деятельность, связанную с выполнением описанных функций, осуществляемых в разнотипных государственных, муниципальных, производственных, коммерческих и других типах деловых организациях [Пью, Хиксон, 1997, Попова, 2004; Антропология профессий, 2005; Профессиональные группы, 2003; Тихонов, 2007; Тощенко, 2011]. Характерной чертой этого направления деятельности является то, что она проявляет себя, в конечном счете, в подготавливаемых, принимаемых и реализуемых в организации УР.

Исходя из такого понимания управления, к числу признаков УР, в том числе и тех, которые подготавливаются и принимаемых в деловых организациях менеджерами и консультантами, работающими в сфере УЧР, я отношу следующие.

1) УР - это специфический тип решений, подготавливаемых, принимаемых и реализуемых, в рамках определенной сферы профессиональной деятельности.

2) УР – это всегда тип решений, принимаемых в рамках разных направлений этой сферы профессиональной деятельности.

3) УР – это тип решений, ориентированный на преодоление проблем, лежащих за рамками

индивидуальных интересов, лица (или лиц), принимающего решения;

4) УР – это тип решений, который может затрагивать, и по факту затрагивает, интересы представителей разных групп людей. жизнедеятельности людей.

5) УР – это тип решений, в той или иной степени связанный, с обеспечением организации условий деятельности или жизнедеятельности других людей.

6) УР – это практически всегда тип решений, принимаемых в организациях, что предполагает: а) иерархизацию уровней принятия решений; б) специализацию и формализацию принятия решений.

7) УР – это тип решений, принимаемых в условиях, когда сфера решений сегментирована, фракционирована, структурирована и привязан к разнородным специализированным сферам жизни или деятельности.

8) УР – это тип решений, в рамках которого доступ к принятию и подготовке решений связан с принадлежностью к определенной должностной и профессиональной позиции, в административно-профессиональной иерархии.

9) УР – это тип решений, который ограничен инструктивными документами и всегда привязан определенной сфере полномочий, которым надделено лицо принимающее решение.

10) УР – это дифференцированный по содержанию тип решений, Различия в специфике последних можно отчетливо выявить, привязав их к деятельности разных категорий управленцев. Среди последних можно четко разделить управленцев занятых: а) разноуровневой административную деятельностью; б) разнотипной функционально-обеспечивающую деятельностью в) разноуровневой и разнотипной менеджерской деятельностью.

Особенность УР, подготовляемыми, принимаемыми менеджерами и консультантами, работающими в сфере УЧР

Выше мы уже выделили специфику УР, связанных с деятельностью менеджеров и консультантов в особый тип решений, принимаемых в рамках управленческой деятельности. Теперь для нас важно отследить специфику этих решений в привязке к деятельности менеджеров и консультантов, обслуживающих сферу УЧР. Решая эту задачу, мы исходили из: а) рассмотренного выше представления о сущности термина «решение»; б) предложенного выше понимания

специфики деятельности менеджеров и консультантов; в) из приведенной выше специфической трактовки, перечня задач по рационализации деятельности, решаемых специалистами этого типа, работающих в сфере УЧР.

Исходя из сказанного я свожу перечень признаков, определяющих специфику менеджерских и консультативных УР, в следующим:

1) это, тип инициативных решений;

2) это тип решений, изначально предполагающих значительный масштаб планируемых изменений;

3) это тип УР, характерных для работы крупных деловых организаций;

4) это тип решений ориентированных на задачу целенаправленного ее развития организаций;

5) этот тип решений связан с деятельностью функциональных менеджеров и управленческих консультантов, специализирующихся на работе с разными типами ресурсов, необходимых деловой организации для ее нормального функционирования и эффективного развития;

6) это тип УР, связанный с задачей рационализации управленческой деятельности;

7) это тип решений, который находит свое выражение в формировании: а) либо в формировании организационных стратегий; б) либо в подготовке решений, которые м.б. рассмотрены как ее (стратегии) важные составных элементы;

8) это тип решений, направленный на изыскание, привлечение и рациональное использование разнородных ресурсов, необходимых организации в процессе его функционирования и развития, а также создания условий для развития организаций.

10) этот тип УР, который базируется на серьезной аналитической и диагностической работе управленцев определенного профиля как с организационной реальностью, так и в сфере межорганизационного пространства.

11) этот тип решений, который предполагает, достаточно широкое использование управленческих технологий.

12) это тип УР, изначально ориентированный на обеспечения определенного уровня качества решений.

13) это тип УР, работа с которым изначально предполагает возможность привлечение к работе с решениями, достаточно широкого перечня разнородных специалистов (включая консультантов, экспертов, функциональных

специалистов, как на стадии подготовке, так и на стадиях реализации решений.

Специфических черты и признаки менеджерских и консультационных УР, используемых в сфере УЧР

Выше мы уже зафиксировали некоторые специфические черты УР, с которыми работают менеджеры и консультанты, обслуживающие сферу УЧР поскольку эти типы решения, представляют собой разновидность рассмотренных нами выше менеджерских и консультативных УР, которые связаны с деятельностью связанной в сфере УЧР. Однако теперь мы попытаемся выявить те специфические черты этих решений, которые обусловлены Ю, во-первых спецификой сферы, в рамках которой готовятся и принимаются эти УР; а во вторых особенностями ресурса, с которым приходится работать менеджерам и консультантам,

Исходя из сказанного, специфика УР, принимаемых и разрабатываемых менеджерами и консультантами в сфере УЧР (М и К УР в УЧР), м.б. сведена к следующему.

1) это тип УР, где задача развития организации, сопрягается с развитием человеческого ресурса;

2) это тип УР, в котором, человек и социальные группы рассматриваются не столько как объект, но как главный ресурс, выступающий объектом рационализации;

3) это тип УР, который базируется на представлении о необходимости рационализации управленческой деятельности в сфер УЧР;

4) это тип УР, где содержание содержанием рационализации деятельности является: организационное проектирование и реконструкция и работа по активизации персонала;

5) это тип УР, который ориентируясь на задачу развития организации, рассматривает в качестве основного инструмента ее развития стратегию развития персонала;

6) это тип УР, в рамках которого, локальные программы рационализации (определение потребности в персонале на перспективу, работа с учебными заведениями, работа с отдельным работником, работа с целевыми группами, работа командами, работа с организационными структурами и др.) рассматривается как элемент формирования стратегии развития персонала.

Классификации типов УР

Выделенный выше перечень черт позволил

выделить то, что отличают управленческие решения от других типов решений. Однако, термин УР, это собирательный термин который объединяет решения, имеющих общие черты, но существенно различающиеся по ряду оснований, что позволяет выделить в рамках УР специфические типы.

Выше мы уже отметили различия в УР, отчетливо просматриваемые в связи с существующим различием жанров управленческой деятельности. Различия по этому основанию позволяет выделить как минимум три, существенно различающихся по задачам и содержанию группы УР – это административные, менеджерские; функционально-обеспечивающие решения.

Однако УР различают и по другим основаниям. Среди оснований для классификации можно отметить такие как:

1) классификация по масштабу планируемых изменений, Здесь типы УР обычно делят на решения предполагающие: а) локальные изменения, б) масштабные изменения, в) глобальные изменения.

2) Классификация по типу решаемых задач. По этому основанию УР м.б разделены на решения связанные с задачами: а) поддержания существующего принятого алгоритма деятельности, б) рационализации деятельности и т.д..

3) Классификация по сфере базовой деятельности, в рамках которой УР должны быть реализованы. Здесь решения м.б. привязаны к технико-технологической, финансовой, сфера, коммерческая, сфере ИТ, сфере УЧР, социально-бытовой сфере и т.д.).

В числе, известных и достаточно продуктивных классификаций УР, можно особо выделить классификацию УР, предложенную А.И. Пригожиным [Пригожин, 2000]. В основание этой классификации решений был положен вопрос о вклад субъекта решения в содержание принимаемых решений. По этому основанию Пригожин разделил УР на два типа решений: а) «вторичные»; б) «инициативные» 3]. К вторичным решениям, он относит те УР, где вклад субъекта решения в содержание решения – минимален. В рамках такого типа решений он выделяет два подтипа: а) «жестко детерминированные» - принимаемые во исполнение действующего закона, приказа, распоряжения, инструкции и т.д.; б) стандартизированные – многократно повторяющиеся (о выплата заработной платы, о приеме работника, об увольнении и т.д.).

К «инициативным же решениям», Пригожин

отнес те УР, где вклад лица, принимающего решения (или лиц готовящих решения) в содержание решения очевиден и значителен. В их числе он выделяет: а) «ситуационные решения» - вносящие изменения в деятельность, но имеющие локальный или эпизодический характер (примеры таковых - назначение на должность, снятие с должности, перевод работника, поощрение, наказание и т.д.); б) «реорганизационные решения», которые он связывает с изменением принципов, механизмов и логики управления организацией. Примерами таковых являются, УР связанные - с изменениями организационной структуры; с задачами организационного проектирования и реконструкции; с созданием новых подразделений, с изменением функций, принятия новой организационной стратегии или бизнес стратегии и т.д. [Пригожин, 2003].

Если связывать типы УР выделенные в рамках приведенной классификации с решениями, принимаемыми в рамках менеджерской деятельности, осуществляемой в сфере УЧР, то становится совершенно очевидным, что менеджеры и консультанты, работающие в этой сфере, имеют дело с «инициативными решениями», причем как с теми из них, которые именуются Пригожиным «ситуационными», так и с теми, которые он именуют - «реорганизационными».

Другим примером очень популярной сегодня классификации УР, является классификация, предложенная Г.А. Саймоном. Этот ученый, положил в ее основание вопрос о том, существует ли у данной организации (данного органа или лица, принимающего решения), опыт принятия решений данного типа. По этому основанию он разделил все УР на два типа: «программируемые» и «не программируемые» [March, Simon, 1958; Гвишиани, 2007].

К программируемым решениям он отнес любые (независимо от их содержания), постоянно повторяющиеся решения, которые он по иному именует также «рутинизированными» УР. Именно с этими, и только с этими решениями, он связывает возможность (хотя и ограниченную), прогнозирования последствий уже принятого решения, и как следствие, некоторую возможность повышения их результативности. Именно и только здесь, по его мнению, присутствуют основания, для некоторого повышения результативности и эффективности принятых решений, с чем в управленческой практике обычно и связывают представления о рациональности решений. Только в рамках решений такого

типа, по Саймону, в принципе и возможно применение (хотя в ограниченной форме), логических и математических методов и процедур. По факту, только с такими решениями обычно и связывают предпосылки и основания для технологизации и алгоритмизации процедур подготовки решений – что напрямую связано с формированием рационализирующих технологий [Щербина, 2014].

К непрограммируемым УР, Саймон относит решения, принимаемые организацией (или иным субъектом решения) впервые. Их особенность он видит в том, что здесь итоги реализации решений в принципе невозможно прогнозировать. Логические и математические процедуры здесь в принципе не применимы. Принципы принятия решений лежат за пределами любых логических операций и предполагают: ориентацию на достижения компромиссов; согласование позиций ориентиров и ценностей лиц, имеющих отношения решения; опору на интуицию и т.д.

Очевидно, что предложенная Саймоном типология вплотную подводит нас к решению вопроса о том, какие типы решений следует напрямую связывать с рационализацией управления и, соответственно связывать, с задачами менеджмента. Однако, временно оставлю ответ на этот вопрос без ответа, до момента прояснения вопроса о том, что же в современной управленческой науке можно именовать рациональностью, о который я собираюсь рассмотреть ниже.

Ответ на этот вопрос невозможно получить если не обратиться к представлениям по этому вопросу, сформированным М. Вебера. Именно с его работами связано появление еще одной известной, важной для нас, хотя и достаточно часто критикуемой типологии решений и социальных действий. Последняя делит все решения принимаемые людьми (в том числе и УР) по логике их принятия на две большие группы, - «рациональные» и «не рациональные» решения. [Вебер, 1990; Гайдено, Давыдов, 1991]. Однако, поскольку проблема рационализации управленческой деятельности, и того, что именуется рациональностью, находится в центре нашего внимания в рамках данной статьи, - мы считаем необходимым рассмотреть этот вопрос более подробно.

Представление о рациональности и рационализации управленческой деятельности в сфере УЧР

Теперь обратимся ко второму блоку вопро-

сов, в числе которых наиболее важными являются следующие 1) Какой смысл: следует вкладывать в термины рациональность и рационализация?; 2) Что следует понимать под рационализацией деятельности?; 3) Насколько термин рационализация управленческой деятельности оправдан и применим к деятельности менеджеров и консультантов в сфере? 4) Возможна ли (и если да, то в каких границах и в каких формах) рационализация в той сфере деятельности, которую мы обозначили как менеджерская и консультативная деятельность в сфере УЧР?

В современном о научной литературе, а также в обыденном языке, употреблении термина «рациональность», смысл этого термина обычно связывают с двумя взаимодополняющими друг друга основаниями.

Его связывают либо со специфическим типом человеческих действий (или предшествующих им решений), принимаемых в любых сферах человеческой жизни, и тогда его обычно соотносят с некой специфической процедурой логического обоснования проекта изменений, что предшествует процедуре принятия решения. Как правило, это логическое обоснование принимаемых решений которое и рассматривается как предпосылка принятия эффективных решений [Дункан, 1996, с 63].

Либо в основание, идентификации этого типа решений с рациональными, кладется, некий объективно наблюдаемый результат действия, следующего за принятым решением. Тогда показателем рациональности является высокая результативности совершаемого действия, в идеале, в сочетании с эффектом минимизации затрат - финансовых, временных, энергетических, моральных и т. д.), т.е того, что в теории решений именуют «эффектом максимизации полезности ценностей». [Дункан, 1996, с 62-78].

Центральным же вопросом и проблемой, возникающим в связи со сказанным, является вопрос о том, а возможно ли в принципе, в современных, постоянно меняющихся условиях осуществления человеческой жизнедеятельности, принятие решений в логике понимаемой таким образом рациональности [Simon, March, 1958; Саймон, 2003; Дункан, 1996].

Проблема рационализации управленческой деятельности в разработках управленцев-практиков и академических ученых

Как уже говорилось, проблема выявления

того, что следует понимать под рационализацией управленческой деятельности в деловой организации, а также того, в каких формах и в каких границах этот процесс может протекать той сферой управления, организацией, которую мы обозначили как менеджмент в сфере УЧР – является, пожалуй центральным вопросом.

Как известно, проблема рационализации деятельности и социальных отношений была изначально тесно связана с логикой развития европейской культуры, где в латентном виде она проявляла себя на протяжении многих столетий предопределяя вектор развития Европы, который в научной литературе связывался с процессом, именуемым социально-экономической модернизацией общества [Тихонова, Аникин, ... 2007, с.24, 25] Однако, в выкристаллизовавшейся и четко сформулированной форме эти процессы и тенденции были осмыслены лишь к рубежу XIX – XX в [Вебер, 2, 1990, Гайденоко, Давыдов, 1991].

Проблема рационализации применительно к управленческой деятельности и, в определенной степени, системы политических отношений, была связана с разработками двух групп специалистов.

Во-первых, она была связана с работами теоретизирующих управленцев практиков (причем как западных, так и отечественных специалистов), работавших в период с последней четверти XIX в по конец 40-х гг. XX в., по преимуществу в рамках так называемой классической школы, сформированной и достаточно долго существовавшей в организационно управленческой теории. Из числа таких специалистов могут быть особо выделены такие зарубежные и отечественные специалисты, как Ф. Тейлор, Х. Эмерсон, А. Файоль, Г. Форд, Л. Гюлик, Л. Орвик, Дж. Муни, А. Рейли, В. Котторбинский, И. Бурдянский, Н. Витке А. Гастев, Ф. Дунаевский, О. Ерманский, П.М. Керженцев, Е. Розмирович и др. [Тейлор, 1991; Тейлор, 1992; Файоль, 1992; Форд, 1992; Управление это..., 1992; Гвишиани, 2007; У истоков, НОТ; Кравченко, 1987].

Работы этих специалистов были интересны тем, что в них не только декларировались, но и демонстрировались реальные возможности рационализации управленческой деятельности. Дело в том, что их разработки были напрямую связаны с формированием: а) либо менеджерской практики в крупных бизнес организациях; б) либо с формированием инструментальной (рациональной по определению) модели орга-

низации.

Как уже говорилось, идеи и принципы рационализации были, в названный период были заложены специалистами-практиками, которые представляли, по преимуществу, классическую школу. Однако позже эта проблема в разных формах неоднократно поднималась и другим практикующими специалистами, управленческим и консультантами и учеными, тесно связанными с управленческой проблематикой (Ч. Барнард, А. П. Друкер, А. Чендлер, Дж. Томпсон и др.) [Барнард, 2009; Друкер, 2000; Друкер, 1997; Пью, Хиксон, 1997; Пригожин, 2003; Менеджмент в сфере управления ..., 2004]

Разработка проблем рационализации была связана и с работами ряда ученых, представляющими социальные науки (социология, психология, экономика и др.), исследовательская деятельность которых была связана с социально-управленческой и социально-организационной проблематикой. Эти ученые попытались раскрыть содержание, функции и механизмы того, что сегодня именуется рациональностью. Из числа ученых, внесших, в разные периоды развития управленческой науки, существенный вклад в развитие представлений о рациональности, а также процессах рационализации, можно особо выделить таких, как М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон, Ф. Селзник; А. Гоулднер, Г. Саймон, А. Этциони, А. Чендлер, Дж. Томпсон, П. Лоуренс, Дж. Лорш, Р. Холл, Дж. Чайлд, Н.И. Лапин, А. И Пригожин, Б.З. Мильнер, В.С. Тихонов, Ж.Т. Тощенко, В.С. Дудченко, А.К. Зайцев, В.В. Щербина С.Р. Филонович и др. [Гвишиани, 2008; Пью, Хиксон, 1997; Саймон, Смитсбург, Томпсон, 1995; Холл, 2001; Гвишиани, 2008; Лапин, 2008; Социальная организация... 2005; Пригожин, 1995; Пригожин, (2) 2003; Щербина, 2000; Щербина, Попова, 2011].

Однако, особое место в ряду ученых, работавших с этой проблематикой, безусловно занимает М. Вебер. Именно его работы заложили основы современных теоретических представлений о феномене рациональности [Вебер, 1990 (1); Вебер, 1990 (2)], что и заставляет нас обратиться его представлениям об этом явлении.

Макс Вебер о феномене рациональности и проблемах рационализации деятельности

Мое обращение к работам Вебера, в рамках данной работы, было вызвано, прежде всего, тем, что, по факту, именно он, ввел термины

«рациональность» и «рационализация деятельности», в широкий обиход, во-первых, в сфере поведенческих наук; во-вторых, в различных сферах социально-трудовой практики (экономика, управление и политика) и социально-бытовой практики.

Общеизвестно, что Вебер, во-первых, связывал появление того, что сегодня именуется рациональностью с специфическими историческими процессами, протекавшими в Европе на протяжении многих веков назад. Во-вторых, он рассматривал тенденцию к нарастанию рациональности, как общемировую историческую тенденцию, с которой он связывал перспективы развития человечества; в-третьих, концентрированной воплощением этой тенденции, предопределившей радикальную модификацию человеческого поведения и деятельности, он считал Европу. [(Вебер, 1990 (2); Гайдено, Давыдов, 1991; Тихонова, Аникин..., 2007; Тихонова, Аникин..., 2007)]

Хотя именно работы Вебера легли в основу всех современных представлений на рациональность, фактически, его взгляд на рациональность, весьма существенно отличался от достаточно распространенных современных, представлений о сущности этого, феномена, где последний часто рассматривают как механизм достижения максимального эффекта полезности, как итога предпринятого действия.

Во-первых, сама рациональность рассматривалась Вебером лишь как некий интеллектуальный конструкт, как теоретическая модель, или как то, что он именовал «идеальным типом». «Рациональность», по его мнению, в социальной реальности чистом виде никогда и не существовала. Представление о рациональности, как о некоем конструкте, он ввел, поскольку его введение позволяло дифференцировать человеческие поступки (или социальные, что он именовал социальными действиями), по степени их осмысленности.

Во-вторых, говоря о рационализации, как об исторической тенденции, Вебер, фиксировал ее реальное присутствие как специфического фактора, детерминирующего человеческого поведение и действия. В рациональности он видел фактор, который позволял объяснить причины уменьшения, а в перспективе возможно и вытеснения, из числа главных факторов, предопределяющих человеческое поведение, таких как: а) поведенческие стереотипы (привычки, обычаи, традиции и т.д.); б) эмоциональных реакций людей. Сама же суть процесса ра-

ционализации, по его мнению, состояла в том, чтобы постепенно заменить обусловленные этими факторами формы поведения или деятельности теми, которые напрямую связаны с личным интересом индивида, и отвечают специфике условий в которых он действует.

В-третьих, Вебер, рассматривал рациональное решение (и, соответственно, рациональное действие) в контексте, и в границах, тех своих представлений о человеческом поведении и человеческих решениях, которое он именовал «социальным действием». Последнее выступало у него важным элементом той, специфической, социально-номиналистской (сфокусированной на решениях и действиях единичного индивида) теоретической конструкции, которую он именовал «понимающей социологией».

В-четвертых, в рамках этой конструкции социальное действие рассматривалось им, как действие обязательно осмысленное и всегда ориентированное на социального другого. При этом Вебер выделял четыре мысленно возможных типов такого действия: а) традиционное; б) аффективное; в) ценностно-рациональное; г) целерациональное, где два последних трактовались им как рациональные.

В-пятых, рассматривая рациональное действие как тип социального действия, он выстраивал свои представления об этих типах действия, как типах разумных действий (поведении). Эти типы поведения он противопоставлял двум другим типам социальных действий – с его точки зрения неразумным или ограниченно разумным. В качестве таковых называет: а) «традиционное социальное действие» - действие слабо осмысленно осмысленное и, по факту бездумно, воспроизводящее формы принятого в социуме поведения; б) «аффективное социальное действие» - где отправной точкой для совершения действия выступают эмоциональные переживания, которые рассматриваются Вебером рассматриваются как фактор снижения возможности разумного осмысленного поведения и действия.

В-шестых, хотя к собственно рациональным социальным действиям, он относил два существенно различающихся между собой типа социальных действий. Первый тип действий он именовал «целерациональным социальным действием»; второй – «ценностно-рациональным социальным действием». В то же время, лишь один из двух, выделенных им типов рационального социального действия, - целерациональный, - он рассматривал как претендующий на

звание полноценно рационального.

В-седьмых, говоря о реальной тенденции и перспективах рационализации Вебер связывал их с принципиальной возможностью строить отношения в социуме и деятельности в организации на разумных основаниях. Таковые он связывал с поэтапной перестройкой принципов властных отношений, кладущих в основе изменения оснований, обеспечивающих доступ индивида к тем властным позициям, позволяющим принимать значимые для социума или организации решения.

В-восьмых, в основе этого процесса были положены механизмы, типичные для подмеченной им историческая тенденция, к поэтапной рационализации отношений и деятельности социуме. Последняя проявляла себя в поэтапном изменении, доминировавших в традиционных обществах принципов обеспечивающих доступ к власти (знатность, богатство, кастовость, наличие родственных связей или дружеских связей), рассматриваемых как основание для доступа того или иного лица к власти, на принципы, в рамках которых доступ к власти и карьера работника обуславливалась наличием у претендента таких качеств, как профессионализм и высокая компетентность.

В-девятых, в качестве образца для формирования системы властных отношений, которая способна обеспечить организацию деятельности или социального устройства общества на рациональных началах (принципы легального господства), им кладется система социальных отношений, которую он именует легальной. Ее центральным элементом, является специфический орган управления, именуемый им «профессиональная бюрократией». Речь идет об аппарате управления, построенном не принципах многоуровневой и многоэлементной системы управления, где деятельность работников управления (чиновников), на всех уровнях предельно формализована, предельно специализирована, предельно стандартизирована и обезличена, профессиональна.

В-десятых, вся управленческая деятельность в таких организациях, по Веберу, должна быть построена на принципах целерациональности, что предполагало: а) неукоснительное соблюдение всеми работниками формальных правил; четком разделении и иерархии формальных позиции управленцев; предельной специализации их деятельности; четко обозначенных властных полномочиях и границах компетенции всех

руководителей всех подразделений; б) комплектование этой системы кадрами и а также принципах обеспечивающих работнику возможность поэтапного карьерного роста, при условии роста его компетентности и

В -одиннадцатых, именно этот тип рационального действия, оказал сильное влияние на современные представления о рациональности, особенно в той сфере, которая именуется менеджментом в сфере управления человеческими ресурсами. Целерациональное социальное действие (или поведение) он истолковал, как такое действие, где: а) средства и цели разведены; б) средства адекватны поставленным целям; в) достижение цели, предполагает использование способностей и действий других людей, в качестве средств. При этом важнейшим признаком целерациональности являлось то, что здесь четко задавались и разводились процессы, определения целей и процессы выбора средств, обеспечивающих их достижение. Люди и их действия, здесь выступают средством и главным ресурсом, необходимых для достижения поставленных целей Ориентация при достижении поставленной цели на других людей, а также использование поведения и навыков других людей для достижения цели в этом типе действия рассматривается, как условие целесообразности. При этом главным критерием рациональности действия на выходе здесь является успех или результативность деятельности.

В-двенадцатых, в то же время, тип социальных действий, который был обозначен Вебером, как, «ценностно-рациональный», им самим рассматривался как рациональный с определенными оговорками, а сегодня он фактически не рассматривается как рациональный. Этот тип действия или поведения базируется на вере, основанием которой служат, религиозные, идеологические, этические, эстетические и другие ценности. Признаками этого типа действия является то, что цели и средства здесь не разведены. Поступки, совершаемые в рамках этой схемы действия, рассматриваются как самоценные. Цели и последствия здесь тоже не разведены. Действия, предпринимаемые в рамках этой схемы, изначально не ориентированы на успех. Само поведение, предпринимается в такой логике во многом ритуально и, как правило, связано с представлением об исполнении долга.

В-тринадцатых, несмотря на серьезные модификации, произошедшие с представлением о рациональности с момента деятельности М.

Вебера и до наших дней, именно и только представление о «целерациональном социальном действии», сегодня могут быть рассмотрены, как тип действий (решений) ставший отправной точкой для формирования доминирующих сегодня представлений о сущности и логике формирования рациональных решений. Почти все существующие сегодня версии взгляда на рациональность, как и у Вебера ориентирован на результат, либо (как минимум) имеют его в виду. Цели и средства здесь обычно достаточно четко определены и достаточно явно обозначены.

В-четыренадцатых, введенное Вебером, представления о целерациональном социальном действии, оказалось полезным не только для объяснения, причин, механизмов и логики процессов, протекавшие некогда в Западной Европе и странах западной культуры, но и вполне приложимым к решению практических проблемам, реально возникающих сегодня в разных сферах человеческой практики (прежде всего, в сферах экономики, политики и управления). Именно его представление о целерациональности, позволило классика сформулировать тезис о том, что в реальной социальной практике, рациональное поведение, находит свое наиболее полное воплощение в том, что он именовал «формальной рациональностью». Последнюю, он не случайно связывал с признаком, именуемым им «калькулируемостью, понимаемую им как фактическую возможность применения расчетов в хозяйстве [Вебер, 1990 (1); Вебер, 1990 (2)].

Проблема рациональности в современных управленческих концепциях

Взгляды Вебера на целерациональность, а также опыт по рационализации деятельности, накопленном управленцами-практиками, представлявших классическую школу, как я уже говорил, послужил отправной точкой для формирования в середине XX в. двух, во многом противоположных, но достаточно популярных по сей день, современных версий взгляда на рациональность.

Каждая из этих версий включала серию различающихся трактовок этого феномена, а также схем и методологий подготовки рациональных решений и действий, применяемых в сфере управления. Первая версия такого взгляда на рациональность в управлении получила в теории решений наименование «нормативной теории

управленческих решений», вторая, ассоциируется с той моделью решений, которая именуется «концепцией ограниченной рациональности управленца». Обе сосредоточили свое внимание на проблемах рационализации деятельности в сфере управления. В то же время, сторонники каждой из названных моделей, по-разному, определили для себя - сущность рационализации; возможности, перспективы, границы и зоны ее применения в управлении.

Нормативная модель в теории и методологии принятия решений

Эта модель рациональности начала формироваться в 40-е гг. XX в. и, изначально, была связана с попыткой повышения эффективности решений принимаемых руководством ВМС Британии и США, в период второй мировой войны. Она была изначально создана исключительно под задачи подготовки и принятия обоснованных и рациональных управленческих решений, связанными изначально с поставками по ленд-лизу и была изначально ориентирована на задачу максимизации полезного эффекта и минимизацию потерь и издержек [Дункан, 1996].

Становление этой теории совпало с периодом становлением со становлением кибернетики и появлением первых ЭВМ. Создаваемая модель подготовки решения было изначально ориентированной на задачу обеспечения эффективного достижения цели с минимальными издержками. При этом название нормативная модель получила именно потому, что цели задавались в виде того, что именовалось ориентирами, именуемыми нормативами. Модель описывала процесс соотношения целей и средств как объективный процесс и была изначально ориентирована на задачу обеспечения организации деятельности, обеспечивающую максимизацию эффекта полезности и предполагала получение на выходе проекта единственного оптимального решения. Она латентно базировалась на представлении, что суть подготовки решения, предполагает выбор одного, лучшего из возможных, вариантов решения. В рамках этой методологии активно создавались и широко использовались логические и математические методы. Именно на этой основе создавались, развивались и осмыслились теория и методы математического моделирования; теории и методы оптимизации, теории игр, теории операций и т.д.

Модель ориентировалась на те императивы, которые у Вебера были связаны с тезисом о

формальной рациональности, как практическом воплощении идеи о рациональности. В этом смысле нормативизма методология была логичным продолжением учения Вебера о целерациональности. Многие из созданных в тот период схем решения управленческих задач и сегодня является популярными и достаточно широко используемыми при решении ряда задач решаемых в сфере экономике и практике управления по сей день [Дункан, с 64]. Однако именно фактическая ориентация этой методологии на максимизацию ценностной полезности в привязке к специфике системы управления, в сочетании с все более очевидными ограничениями на применение этих методов, привели к возникновению ряда теоретико-методологических и практических проблем в этой сфере. Последние породили и аргументированную и серьезную критику той концепции рациональности, которая лежала в основе нормативного подхода к процессу подготовки решений.

Проблема границ рационализации управленческой деятельности

Концепция ограниченной рациональности, разработки Г. А. Саймона. Именно рассмотренная выше «нормативная» версия теории решений, а не исходная модель М. Вебера, по нашему мнению, стала отправной точкой и основанием для появления ряда работ, поставивших под сомнение правомочность той версии рациональности, которая нашла воплощение в нормативной теории и формирования того, что позже получило название «концепции ограниченной рациональности управленца».

Исходной точкой для разработок в этой области стали работы социологов функционалистов - Т. Парсонса и Р. Мертона. Первый, поставил, под сомнение, во-первых, сам процесс обеспечения рациональности выбора, понимаемого как процесс выбора индивидом лучшей из нескольких возможных альтернатив. Во-первых, он считал, что процесс сведения социального действия к процессу выбора альтернатив единичным индивидом - сомнителен. Кроме того, он указывал на то, что этот выбор в социальной реальности всегда осуществляется: а) в рамках определенного культурного (ценностно-нормативного) пространства; что существенно изменяет логику выбора; б) что он осуществляется в реальной ситуации, делающих используемые ресурсы (или средства) труднодоступными для социального актора. Во-вторых, он ука-

зла на то, что действия актора, в социальной реальности по факту не могут быть индивидуальными и должны подлежать согласованию, с другими акторами, после чего эти действия перестают быть единичными [Парсонс, 2000; Тернер, 1985].

Что касается Р. Мертона, то его основная заслуга, в рассматриваемом нами аспекте, в формировании концепции ограниченной рациональности состояла в том, что он, пожалуй, первым, указал на то, что итоги изначально провозглашенного, актором социального действия, манифестированная функция, (во всяком случае в ситуации, когда это действие носит инновационный характер), никогда по итогам полностью не совпадают с теми ожиданиями социальных акторов, ради которых это решение принималось. Совершаемое социальное действие всегда влечет за собой широкий перечень разнородных последствий, не предусмотренных исходным решением (латентная функция), как позитивных с точки зрения выживания системы (эко функция), так и негативных (дисфункция) [Мертон, 1994].

Однако, наибольший вклад в развитие этой концепции внес Г. Саймон. Последний достаточно четко обозначил проблемы и границы подготовки и реализации рациональных решений, в привязке к политической и управленческой сфере. Саймон, значительную часть трудовой жизни изучал логику принятия решений, работая в Чикагском и Калифорнийском университетах, а также в исследовательском Центре Мелона-Карнеги. Его научный интерес к проблеме управленческих решений, был в определенном смысле предопределен двойственностью его профессионального статуса. Работая в университете, он занимал там позицию и профессора политологии и прикладной математики [Дункан, 1996].

Его основные работы были написаны им в период со второй половины 50-х и до конца 70-х гг. XX в. и были посвящены логике принятия решений в деловых организациях [Simon, 1976]. Эти работы существенно изменили доминировавшие тогда представления о рациональности, а также о ее сущности, о границах ее применения в организациях, также о проблемах и препятствиях стоящих на пути рационализации управленческой деятельности. Эти работы заложили основы иной методологии, с которого периода активно применяемой в сфере принятия решений, которая стала основанием для

написания серии работ, рядом других специалистов, имевших дело с проблемами подготовки обоснованных управленческих решений (Дж. Марч, Дж. Сайерт, Дж. Томпсон, Б. Куинн, Ч. Линдблом и др.) [March, Simon, 1958; Cohen, March, Olsen, 1972; Cohen, March, 1974; Cyert, 1979; Lindblom, 1979; Quinn, 1978; Quinn, 1980].

Как я уже говорил, Г. Саймон, трактовал управленческие решения, как процесс, причем как процесс выбора одной из возможных альтернатив поведения и деятельности. Отправной точкой для формирования его позиции в этом вопросе стало, во-первых, изучение им реального поведения и деятельности администраторов в деловых организациях. [Simon, 1976; Гвишиани, 2008]. Положив в основу работ изучение поведения администраторов в деловых организациях, он пришел к выводу, что всю административную деятельность, а по большому счету и любую другую форму управленческой деятельности, можно свести к проблеме принятия решений и осуществления действий по их исполнению. Работу с решениями в организации он не без основания трактовал как иерархический процесс, где каждое решение, принимаемое на нижних уровнях административной иерархии, всегда было связано с реализацией спущенных сверху проблем, при этом руководитель среднего звена в процессе работы всегда ориентировался на решения, принятые на более высоком уровне иерархии. Соответственно, такие решения он изначально рассматривал как рациональные, т.е. такие, где существовало логическое взаимодействие «средства» и «целей». При этом решения принимаемы, на низших уровнях административной иерархии он рассматривал, как средства для достижения целей тех, кто работает наверху административной пирамиды.

Изучая реальный процесс работы с решениями в реальных организациях, Г. Саймон серьезно усомнился в реальном существовании той объективистской версии взгляда на рациональность, которая была воплощена его коллегами в нормативной модели организации. Ориентируясь, на представление что рациональные решения должны быть ориентированы на максимизацию результирующего эффекта и логически обоснованы, он поставил под сомнение то, что решения, принимаемые реальными администраторами в организации, могут быть рассмотрены как рациональные. Он пришел к выводу, что они скорее м.б. рассмотрены как «вы-

нужденно рациональные» или «ограниченно рациональные». По Саймону, поведение управленца (в данном случае администратора) всегда целенаправленно и в этом смысле рационально. С этой точки зрения, деление управленческих решений на рациональные и нерациональные бесперспективно [Simon, 1976]. Однако, это поведение не рационально, или вернее ограничено рационально, в ином смысле. По Саймону, версия рациональности, используемая в нормативной модели базируется на ложном допущении, что лица принимающие решения (в данном случае администраторы) все знают, все понимают, обладают адекватными представлениями о природе объекта, которым управляют, что они видят все альтернативы из которых им приходится выбирать и все последствия сделанного выбора.

Проблема же, по Саймону, состояла в том, что работа с решениями в организации это не является объективным процессом. Дело в том, что в фокусе того, что мы именуем рациональными обоснованиями решения, всегда находится работа с суждениями, о чем когда-то говорил Вебер. И по настоящему рациональными такие решения были бы, если бы мы, принимая решения, имели дело с объективной реальностью в ее полноте. Тогда то мы могли бы учитывать: а) значительно больший перечень альтернатив, из которых мог бы быть сделан выбор; б) учитывать весь перечень последствий сделанного выбора. Но и в этой ситуации лицо принимающее решение должно было обладать: а) гораздо более полным и адекватным реальности набором информации и знаний о природе тех объектов, которыми мы пытаемся управлять; б) обладать качествами, позволяющими ему не совершать ошибок, что в принципе невозможно; в) принимать и готовить решения вне временных ограничений и т.д. Но все это было в принципе невозможно. В реальности он имел дело с реальными управленцами (администраторами) — обычными людьми, наделенными всем присущим человеку человеческих слабостей и ограничений, да еще работающих в ситуации хронического дефицита времени и недостатка нужной информации [Simon, 1976; Саймон, Смитсбург, Томпсон, 1995, Саймон, 1995].

Будучи реальным человеком, со всеми присущим человеку особенностями, администратор ограничен в своей возможности осмысления и понимания той реальности, с которой ему приходится работать. Он обладает тем, что Сай-

мон, именуем ограниченными знаниями о реальности; ограниченными возможностью восприятия реальности, ограниченными способностями, т.е. всем тем, что Саймон именуем «ограниченной рациональностью управленца». Исходя из сказанного он в принципе не может максимизировать эффект от принимаемых решений, для этого у него просто не хватает ума. Это первое важное препятствие, возникавшее с его точки зрения на пути задачи максимизации ценностей.

В то же время именно ограниченная рациональность управленца не отрицает, по Саймону, рационализации как процесса. В его концепции она, во-первых, является отправной точкой и для процесса создания организации (последняя трактуется Саймоном как система принятия решения, где люди — это механизм принятия решений), где работа многочисленных узких специалистов, привязанных к разным сегментам окружения, компенсирует ограниченную рациональность отдельного индивида, во-вторых, логику ее развития, поскольку дальнейшая сегментация окружения предопределяет структурную дифференциацию организации и задает логику ее развития.

Организационное развитие по Саймону напрямую связано со структурной и профессиональной дифференциацией организации. Последняя возникает в ответ на невозможность, для управленца, в одиночку справиться с тем, что Саймон именуем «сложностью (и неопределенностью) тотального окружения». В итоге управленцы вынуждены сегментировать окружение, и снижать неопределенность, специализируя работников на взаимодействии с разными сегментами. Именно так формируется и развивается организация, которая возникает как фактор компенсирующий ограниченную рациональность управленца. Ограниченной рациональности управленца не противоречит по Саймону и то, что итогом его реакции на неопределенность становится появление разнородных организационных структур, критерием эффективности которых, является рациональный принцип, — возможность осуществления координации разнородной деятельности. Эту линию в понимании возможности рационализации в управлении продолжают Дж. Марч, Дж. Олсен, Дж. Томсон, П. Лоуренс, Дж. Лорш, П. Друкер, А. Чендлер и др.

Поскольку объективная рациональность по мнению Саймон, теперь оказалась невозмож-

ной он обращается к вопросу о возможности работы в рамках той версии рациональности, которые он определяет как субъективную рациональность. Здесь рациональность связывалась с возможностью относительной максимизация эффекта полезности, т.е. выбора одной из альтернатив, достигаемой в условиях ограниченных знаний и ограниченного перечня видимых альтернатив, ограниченного виденья последствий действия и острого дефицита времени. Но работая с решениями, в этой логике Саймон, скоро приходит к выводу, что возможность существования и такой версии рациональности управленческой практике тоже весьма сомнительна. Он и еще большей степени его коллеги приходят к выводу, связь сделанного выбора с объективным результирующим эффектом, - весьма проблематична.

По его мнению, при решении управленческих задач, администратор по факту, осуществляет то, что он именует «последовательным поиском и сравнением случайно отобранных альтернативных версий решения». Итог же этого процесса по Саймону, далек от максимизации эффекта. Управленец обычно получает в итоге, скорее удовлетворительный, чем максимизируемый результат [Марч, Саймон, 1958; Саймон, Смитсбург, Томпсон, 1995]

Поскольку, рациональность решений, реально принимаемых управленцами в организации, связываемая с обеспечением максимизации успеха, теперь ставится под сомнение, под сомнение ставится и правомочность существующего со времен Вебера деления всех решений, на рациональные и не рациональные. Вместо этой классификации решений, предлагает другую, делящую все решения «программируемые (уже имеющие аналоги, повторяющиеся, рутинизированные) и не программируемые (принимаемые впервые).

При работе с первым типом решений он допускает использование логических и математических средств, тем самым предопределяя возможность обоснования выбора средств и способов решения задачи, для поиска наиболее приемлемого решения, создавая тем самым возможность для повышения качества решений и для создания технологий обеспечивающих их решение, ориентации на достижение результата. Однако главным ограничением на рационализацию деятельности здесь выступает динамизм социальной реальности, с которым приходится работать. Последний проявляется в том,

что теоретики организации и управления имеют высоким уровнем неопределенности [Марч, Саймон; Пью, Хиксон, 1997]

При работе же со вторым, типом решений, ориентация на результат становится не очевидной. Математические и строго логические методы работы с решением оказываются мало применимыми к этой ситуации. Основанием же для принятия решений становятся конвенциональная договоренность создателей исходных проектов, согласование ценностей, перебор ситуаций, компромисс. В этой ситуации подготовка решения становится коллегиальной, что однако, как наглядно показал Дж Томпсон, они не гарантируют достижение определенного результата. В этой ситуации, рациональность (в том числе ограниченная) перестает быть синонимом решения, изначально предполагающего наличие предварительного логического обоснования [Пью, Хиксон, 1997].

Ряд коллег и последователей Саймона, идут еще дальше и говорят, что на выбор альтернатив максимизации и в первом и во втором случае, в рамках ограниченного знания влияет скорее порядок, который порождает эти альтернативы, чем предварительно заданные нормы (ориентиры), якобы предопределяющие эффект максимизации полезности [Дункан, 1993]. Линия критики безудержного рационализма при подготовке решений в управлении, заложенная Саймоном и его коллегами, нашла развитие продолжение в работах ряда ученых работающих с проблемой подготовки решений в теории организаций и теории управления и обративших внимание на проблему неопределенности.

Однако развитие линии критики чистого рационализма привело и к появлению ряда моделей принятия решений, построенные на полном или почти полном отрицании возможности применения рациональных методов к проблеме принятия решений.

Примеры моделей принятия решений в управлении и политике, напроць отрицающих рационализм

Наиболее ярким примером таких моделей являются предписывающие схемы принятия решения, обозначенные в теории менеджмента, как инкрементальные модели принятия решений.

В числе указанных моделей особо может быть выделена «теория беспорядочного поиска», наиболее яркие версии этой модели, со-

зданные в рамках теории подготовки стратегических решений, была связана с разработками Ч. Линдблома и Дж. Куинна и др. Как другие специалисты (М. Вебер, Г. Саймон, Дж. Марч, Дж. Томпсон) [Lindblom, 1963; Quinn, 1978 Quinn, 1978].

Ч. Линдблом исходил из представления что основная проблема, возникающая в сфере подготовки принятия решений – это недостаточное знание о природе объекта и ситуации, в которой лицу, принимающему решения, а также лицам, готовящим решения, приходится действовать. Но решение этой проблемы он предположил принципиально иное.

Построение своей теоретической схемы он начинает с поиска пространства теоретических схем, в рамках которого подготовка обоснованного решения возможна. С одной стороны он оценивает возможность применения того, что именует «рационально исчерпывающей моделью», которую он отождествляет с чистым рационализмом (здесь постановка цели предшествует реализации и оценке итогов). Он считает, что ее практическое применение при разработке стратегических решений невозможно. С другой стороны, он оценивает, как бессмысленные и, некоторые другие непродуктивные подходы к принятию решений, применение которых, при разработке стратегий, практически вполне возможно, но бессмысленно.

Все подходы в теории принятий решений, лежащие между двумя рассмотренными подходами, он считает допустимыми. Общей чертой всех этих подходов он считает «инкрементальность». Этим понятием он обозначает способность таких подходов в процессе подготовки решения обеспечить постепенный и поэтапный переход от «неизвестного к желательному» [Lindblom, 1963]. Линдблом, излагая разные версии того, что именует инкрементальным анализом, но особо он выделяет метод, который именует «простым инкрементальным анализом».

В противовес рациональным моделям (целерациональность, нормативная теория), в инкрементализме, по Линдблomu, лицо принимающее решение, использует «метод последовательного ограниченного сравнения» (ПОС). При такой логике работы с решениями цели никогда с достаточной ясностью не ставятся и не преследуются. Субъект решения одновременно выбирает и политику (трактуемую здесь как средство достижения цели), а вместе с ней он выбирает и саму цель. Сам Линдблом считает, что

взаимосвязь цели и результата в рамках этой модели установить достаточно сложно [Дункан, 1993; Lindblom, 1963].

Если в «нормативной (т.е. предписывающей) модели решений», принятые решения считаются успешными, в случае если они обеспечивают достижение поставленной цели, то представления об успешности подготовленного решения в модели Линдблома связаны с тем, насколько согласована политика, формируемая (или уже сформированная политика), между всеми ключевыми фигурами данной организации. Эти фигуры, занимая разные позиции в системе управления и работая с разными типами ресурсов и процессов, по-разному видят ориентиры желательных изменений. По факту, в этой модели решений акцент делается на проблеме согласования позиций, ценностей и ориентиров.

Сравнивая логику работы модели ПОС с той версией чистого рационализма, которую он определил, как «рационально-исчерпывающую модель решения» он утверждает, проблема качества решения в ней успешно решается лишь тогда, когда целевой ориентир в ней предельно сужен, но, по его мнению, тогда, эта логика работы над решением становится фактически бессмысленной, поскольку в этой версии рационализации не учитываются.

В рамках ПОС, он предполагает отказаться от радикальных изменений при разработке версий осуществления организационной политики. С этой целью он предлагает при подготовке решений: 1) рассматривать только те альтернативы, которые не слишком отличаются от уже проводимой организации политики (в итоге число альтернатив, которые надо учесть при выборе резко сокращается); 2) Во вторых, потенциально важные последствия сделанного выбора, лицами принимающими решения не учитываются. Дело в том, что в версии Ч. Линдблома, политические решения, не должны приниматься раз и навсегда. Это продукт последовательной аппроксимации. Метод исключает радикальные изменения и «большие скачки». Прошлые результаты- основание для корректив проводимого курса. Ранние предсказания и прогнозы легко проверяемы. Малые же шаги, по Линдблomu, создают условия для перманентного исправления ошибок.

Другая, менее радикальная и несколько менее антирационалистская версия инкременталистских моделей принятия решений, представлена в разработках Дж. Б. Куинна [Quinn, 1978;

Дункан, 1993]. Последний создал модель этого процесса, получившую название «модели логического инкрементализма» или, по другому, «модели беспорядочного поиска». Управленческие решения на стратегическом уровне рассматривает, как «хитроумную смесь итогов формального анализа, бихевиористской техники и политической силы». По Куинну, решения фрагментарны, эволюционны и в значительной степени интуитивны. В то же время он считает, что беспорядочный поиск это «целенаправленный, эффективный, сверхактивный, метод управления», основным достоинством которого является то, что он позволяет «совершенствовать и интегрировать, как аналитический, так и бихевиористский компоненты формирования стратегии». В этой версии инкрементальных моделей решений, управленец знает, куда должна идти организация, декларирование и формализация целей здесь тоже не допускается, а сами эти цели часто скрываются от сотрудников и конкурентов. В данной модели, работу над стратегическими решениями начинают не с работой с целями, а с решения проблем связанных со сканированием состояния окружения, и, соответственно с решения стратегических вопросов, напрямую связанных с выживанием организации.

Из сказанного выше очевидно, что трактовка содержания и процесса подготовки рациональных решений в сфере управления и политики усилиями Саймона и его последователей существенно трансформировалась с периода 1940-х годов, когда в этой сфере господствовали положения нормативной теории решений, к настоящему времени. Эта трансформация была закономерна, оправдана и обусловлена; во-первых, природной ограниченностью знаний и способностей людей, принимающих решения; во-вторых, фактором, именуемым в теории организации и управления неопределенностью. Эти факторы существенно снижали возможности достижения наилучшего из возможных результатов и гарантии достижения поставленной цели с минимальными издержками.

Однако, хотя представления о рациональности и процессе рационализации претерпели серьезные изменения, сама проблема и задача рационализации деятельности, наиболее полно воплощаемая в деятельности менеджеров и управленческих консультантов, не была снята с повестки дня. Основные же коррективы, связанные с изменением представлений, как о самой рациональности, так и о логике ее обеспечения,

могут быть сведены к следующим.

В применении к задачам совершенствования процессов управления, процесс рационализации действительно м.б. рассмотрен, и по факту часто рассматривается, как процесс, предполагающий, в конечном счете, выбор (на основе определенных критериев), одного из возможных вариантов решения или действия, который считается предпочтительным; б) этот процесс действительно м.б. рассмотрен как попытка, соотношения системы наличных средств с некой поставленной целью (что в определенном смысле соответствует представлению о целерациональности, восходящему к работам М. Вебера); в) этот процесс, с учетом ряда условий, м.б. положен и реально кладется в основу тех инструментальных средств, которые направлены на рационализацию управленческой деятельности, связаны с менеджментом в сфере УЧР, и получили название у рационализирующих социальных технологий.

Однако, работа с УР в рамках трактуемой так рациональности предполагает, для тех кто готовит, принимает и реализует решения. учет следующего ряда ограничений.

Во-первых, такое понимание рациональности, применимо к задачам работы в сфере управления, только в той ситуации, когда мы имеем дело с уже изученными процессами, неоднократно повторяющимися и рутинизированными решениями и действиями. Только в этой ситуации можно смоделировать и спрогнозировать последствия предпринимаемого действия.

Во-вторых, рациональность решений, понимаемая таким образом, даже с учетом выявленных ранее социальных зависимостей, в привязке к динамике изменений ситуации, не дает «гарантий получения желательного результата».

В-третьих, такой взгляд на рациональность изначально предполагает, что итоги последствий принимаемого на этих основах решения никогда не будут полностью совпадать с заданным ориентиром. Большинство из полученных по факту результатов действия, будут гораздо шире ожидавшихся, могут оказаться неожиданными и далеко не всегда позитивными с точки зрения тех, кто готовит решения.

В-четвертых, такая трактовка рациональности и рационализации, как процесса, исключает возможность ориентации на достижения «эффекта максимизации полезности», с достижением которого было связано представление о рациональности, заложенное в «нормативных

моделях принятия решений.

В-пятых, в рамках такого понимания рациональности, лицам, готовящим рациональные решения необходимо учитывать как минимум три фактора:

1) поскольку узко сформированные целевые ориентиры, в значительной мере делают бессмысленными любые схемы работы направленные на рационализацию деятельности, в работе любым с ресурсом, представляется необходимым включение в единый заданный целевой показатель всех важнейших версий целевых ориентиров, обычно учитываемых при выборе решений;

2) поскольку при выборе средств решения задач рационализации в сфере УЧР, в той или иной степени должно, учитываются множество разнородных (иногда взаимоисключающих друг друга) характеристик, целесообразно привязать эти характеристики к конкретным социальным объектам (индивидам, целевым группам, организациям);

3) поскольку использование универсальных целевых ориентиров оценки состояния социальных объектов и процессов, в процессе рационализации управленческой деятельности в силу динамизма этих процессов и специфики социальных объектов невозможно, для определения их соответствия задаче, должны использоваться ситуативные нормативы. Последние фиксируют набор оптимальных свойств объекта данного класса, определяемых с учетом специфики решаемой задачи и специфики ситуации, в которой он действует.

Вместе с тем, несмотря на рассмотренные реальные ограничения, связанные с проблемой подготовки рациональных решений, проблема рационализации управленческой деятельности по сей день (хотя и с известными оговорками остается реальной задачей менеджеров), а программы рационализации, в разных формах реализуется и в деловых организациях всего мира.

Литература

1. Антропология профессий / Под ред. Романова П.В., Ярской-Смирновой Е.Р. Саратов: ЦСПГИ, 2005.
2. Армстронг М. Стратегическое управление человеческими ресурсами. М.: Инфра-М, 2002.
3. Армстронг М. Практика управление человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2005.
4. Барнард, Ч. Функции руководителя. М.:

Социум, 2009.

5. Бихевиоризм // Хрестоматия по истории психологии. М.: МГУ, 1980, с 17-82.
6. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
7. Вебер М. Три типа господства // Двадцать два. М.: Иерусалим, 1990.
8. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.
9. Гвишиани Д.М. Избранные труды по философии, социологии и системному анализу. М., 2007.
10. Друкер П. Практика менеджмента. М., 2000.
11. Друкер. П. Эффективное управление. М.: Гранд, 2003.
12. Дункан У. Дж. Основоплагающие идеи в менеджменте. М.: Дело, 1996.
13. Карташева Л. В. Управление человеческими ресурсами. М.: Инфра-М, 2005.
14. Кравченко А.И. Социология труда в XX веке. Историко-критический очерк. М., 1987.
15. Куличенко А.В. Управление социальное //Социологическая энциклопедия. Т.2. М. Мысль. 2003. С 682 – 685.
16. Лапин Н.И. Теория и практика инноватики. Учебное пособие. М.: Логос, 2008.
17. Масловский М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Нижний Новгород: НГУ, 1997.
18. Мертон Р. Явные и латентные функции. //Американская социологическая мысль М.: МГУ, 1994.
19. Мескон М., Альберт М., Хедоури М. Основы менеджмента. М.: Дело, 1993.
20. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
21. Попова И.П. Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе. М.: Наука, 2004.
22. Профессиональные группы интеллигенции. М.: ИС РАН, 2003.
23. Пригожин А.И. Социологические аспекты управления. М.: Знание, 1974.
24. Пригожин А.И. (1) Решения //Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003, с 349-351/.
25. Пригожин А.И. Современная теория организаций. М., 1995.
26. Пригожин А. И. (2) Методы развития организации. М.: МЦФЭР, 2003.
27. Пью Д., Хиксон Д. Исследователи об орга-

- низациях. Хрестоматия. М., 1997.
28. Саймон Г.А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 1995.
29. Саймон Г.А., Смитсбург Д.У., Томпсон В.А. Менеджмент в организациях. М., 1995.
30. Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов / Под ред. Н. И. Лапина. М.: Академия, 2005.
31. Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента. М., 1991.
32. Тейлор Ф.У. Менеджмент. М., 1992.
33. Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985.
34. Тихонов А.В. Социология управления. М.: Канон, 2007.
35. Тихонова А.В., Аникин В.А., Горюнова С.В. Лежнина Ю. П. Концепция модернизации в работах классиков социологической мысли второй половины XIX начала XX вв. // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2007, №24.
36. Тихонова А.В., Аникин В.А., Горюнова С.В. Лежнина Ю. П. Эволюция концепции модернизации во второй половине XX век // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2007, №25.
37. Тощенко Ж. Т. Социология управления. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011.
38. Травин В.В., Магура М.И., Курбатова М.Б. Управление человеческими ресурсами. М.: Дело, 2004.
39. Управленческое консультирование. Под ред. М. Кубра. М.: Интерэксперт, 1992, т.1,2.
40. Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / Под ред. В.В. Щербины. М., 2004.
41. Управление это наука и искусство. А Файоль., Г Эмерсон, Ф. Тейлор, Г. Форд. М., 1992.
42. У истоков НОТ. Забытые дискуссии и нереализованные идеи. Л., 1990.
43. Файоль А. Общее промышленное управление. М., 1992.
44. Форд Г. Сегодня и завтра. М.: Контролинг, 1992.
45. Холл Р. Х. Организации: структуры, процессы, результаты, СПб.: Питер, 2001.
46. Шелдрейк Дж. Теория менеджмента. От тейлоризма до японизации. СПб., 2001.
47. Щербина В.В. Социальные теории организаций. М.: Инфра-М, 2000.
48. Щербина В.В., Попова Е. П. Организационное развитие. Теория и практика. М.: ШИ и МБ, 2011.
49. Щербина В.В. Специфика позиции и проблема подготовки менеджеров // Бизнес-образование. 2001, №2 (11).
50. Щербина В.В. Особенности менеджмента как направления управленческой деятельности // Социс, 2001, №10.
51. Щербина В.В. Проблема менеджмента в сфере управления человеческими ресурсами // Социс, 2003, №7.
52. Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С., Ребров А.В. Человеческие ресурсы российских бизнес организаций. Проблемы формирования и управления. М.: Инфра-М, 2013.
53. Chandler A. D. The Strategy and Structure. Mitt Press, 1962
54. Chandler A. D. and Tadlow R.S. The Coming of Managerial Capitalism. Irwin, 1985.
55. Cohen M., March J. Leadership and Ambiguity. N.Y., 1974
56. Cohen M., March J., Olsen J. A Garbage Can Modtl of Decision Making // Administrative Science Quarterly. 1972, N 17. Pp 1-25.
57. Cyert R. «Herbert Simon». Challenge, 1979. Sept, Oct. 1979, N 22 pp. 62-64.
58. Lindblom C. E., Braydrooke E. D. Strategy of Decision. Free Press. 1963.
59. March J., Simon H. Organizations N.Y.: Wiley, 1958.
60. Quinn J. Strategic Chang Logical Incrementalism // Sloan Management Review. 1978, N20 (1), pp 7-21.
61. Simon H. A. Administrative Behavior. N.Y.: Free Press, 1976.
62. Simon H. A. The New science of Management Decision. N.Y.: Harper and Row, 1960.
63. Thompson J. Organizations in Action. McGrawHill, 1967.

От редакции. Материалы даются без аннотаций и ключевых слов в формате научных докладов и проектов к научным докладом.

Изменения в структурах социальных неравенств

Поплавская И.А.

В настоящее время в России завершается процесс формирования новой социальной структуры общества, начавшийся более 20 лет назад в связи с реализацией масштабных реформ. Анализ социальной структуры имеет существенное прикладное значение: без ясного и четкого понимания устройства общества и направлений его изменений, невозможно определить стратегические цели общественного развития и выработать эффективную социальную политику.

Последние два десятилетия в жизни страны ознаменовали собой быстрые изменения, которые одновременно затронули политическую, экономическую и духовную сферы жизни общества. Формирование многоукладной экономики, появление новых видов доходов и значительная дифференциация привели к возникновению новых социальных общностей с различными взаимосвязями и иерархическими построениями. За этот период радикально изменилась сама природа структурообразующих элементов, которые интегрируются в новую социальную структуру по очень сложной и противоречивой схеме.

Разнообразие форм собственности стало определяющим фактором, влияющим на архитектуру современного российского общества. Разделенные на социальные страты и слои, имея собственные экономические интересы, представители разных социальных групп различаются поведением на рынке труда, потребительском рынке, ориентацией на разные социально-экономические, политические и духовные ценности.

Социальную трансформацию общества сегодня характеризует не только появление ранее не существовавших позиций в системе стратификации - класса крупных и средних собственников, класса наемных работников, «новые бед-

ные» и ранее не известный российскому обществу андеркласс¹, но и их соответствующую адаптацию к вновь возникающим ролевым функциям, переориентация социальной и личной идентичности.

Вместе с тем, формирование современной социальной структуры еще не закончилось и её нельзя рассматривать как стабильную, устойчиво оформленную модель общества. Для нее слишком характерны дезинтеграционные тенденции, обусловленные разными темпами социальных изменений, их пространственной неравномерностью и региональной спецификой. Эти последствия стратификационных процессов относятся к числу важнейших социальных проблем современного российского общества.

Произошедшая в результате экономических реформ дифференциация общества по критерию доходов привела к невероятным масштабам его социальной поляризации. Первый новый общественный феномен, возникший в 1990-х гг., - это многочисленный слой бедных. Российский вариант реформ обеспечил правящей верхушке обладание всей государственной собственностью, а большинство населения обрек на бедность и нищету.

В массовом сознании россиян есть устойчивое представление о том, что именно выступает признаками бедно живущего человека. Характерными признаками образа жизни бедных для большинства россиян выступают плохое питание, недоступность приобретения новой одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести так, как хочется, своё свободное время, а детям — добиться того же, что и большинству их сверстников. Такие представления, в сущности, обозначают разного рода жизненные лишения.

По данным Росстата, численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2010 г. составила 18,6 млн. человек, что составило 13,2% от общей численности населения². Даже по официальным данным количество бедных в нынешней России эквивалентно населению средней европейской страны. Но эти цифры не отражают реального положения дел в стране. Бедных в нынешней России значительно больше, чем утверждает официальная статистика, считает руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН Р.Х.Симонян³.

Главным критерием определения уровня бедности выступает прожиточный минимум, установленный на базе минимальной потребительской корзины. Ведущие научные сотрудники Института экономики РАН оценивают его следующим образом: «Ни структура, ни в еще большей степени, сама величина прожиточного минимума не соответствуют стоимости набора средств, необходимых для осуществления воспроизводственной и социальной функций доходов. Объем потребления мяса, рыбы, овощей и фруктов отстаёт не только от норм, принятых в развитых странах, но и от норм бывшего СССР. Официальные наборы норм продовольственных и непродовольственных товаров, включённые в прожиточный минимум, отражают пожелания экспертов, а не реальные особенности потребления населения»⁴.

Директор Всероссийского центра уровня жизни В. Бобков, отмечая, что официальный прожиточный минимум, учитываемый статистикой при определении числа бедных, явно занижен, констатирует: в 2007 г. треть населения России составляли бедные, ещё одну треть - низко- и среднеобеспеченные. И только около 10% - состоятельные и богатые. Количество бедных в России он определяет в 50 млн. человек⁵.

У россиян существуют чёткие представления как о «черте бедности», т. е. том уровне доходов, который обеспечивает прожиточный минимум, так и о конкретных признаках бедности. Если говорить о среднедушевых ежемесячных доходах, то в среднем по России «черта бедности» составляет в нынешний период, по мнению населения, около 9000 руб., т. е. порядка 60% от средних доходов основной массы россиян (без учета наиболее обеспеченных 5%, практически не попадающих в выборки массовых опросов). Установленная официально в Рос-

сии «черта бедности» (прожиточный минимум) ниже массовых представлений о ней примерно в 1,3 раза⁶. Однако такой разрыв существенно отличается по регионам и типам поселений, отражая разницу стоимости жизни в них. Российская бедность очень многолика, неоднородна и чувствительна к инструментам её измерения.

По данным Левада-Центра, в июне 2008 г. (период пика мировых цен на нефть) в России прожиточный минимум население оценивает в 2 раза выше его официального уровня, при этом 21,8% населения едва сводит концы с концами, и их доходов не хватает даже на еду, ещё 40,5% балансируют на грани абсолютной бедности, им хватает средств на еду, но не хватает на одежду⁷.

В 2008 г. сотрудниками Института социологии РАН под руководством директора института чл. -корр. РАН М. К. Горшкова совместно с «Горбачев-Фонд», по общероссийской репрезентативной выборке, было проведено комплексное исследование социального неравенства. Его результаты показали, что более трети населения России живет за порогом или на грани бедности, а 7% находятся в состоянии крайней бедности или глубокой нищеты. Ещё 14% бедных фактически также прочно «застряли» в этом состоянии. Кроме того, 17% населения пребывает в состоянии постоянного риска бедности, хотя пока им удается удерживаться «на плаву», балансируя на грани бедности и малообеспеченности, и численность этой «группы риска» возрастает⁸.

Эта негативная тенденция фиксируется социологами на фоне происходящего в последние 10 лет уменьшения во всех регионах мира численности бедных⁹.

За годы реформ, подчеркивает профессор МГИМО А. Вдовин, реальная заработная плата в России снизилась почти в 2,5 раза, среднедушевой доход - в 2 раза¹⁰.

В стране увеличивается поляризация личных доходов. На усиление направлено и государственное распределение доходов: и тот, кто получает миллион долларов в месяц, и тот, кто 200 долларов в месяц, платят одинаковый налог - 13%. Отмечаемый с 2000 г. официальной статистикой 10%-ный рост реальных доходов россиян в основном касается небедных социальных слоёв. По расчетам, проведенным в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН, в 2007 г., на каждые 100

рублей прироста ВВП в расчете на душу населения у бедных доход увеличивается на 5 рублей, а у богатых на 200 рублей. В нынешней России, глубокое социальное расслоение усиливается: богатые становятся богаче, а бедные беднее. К этому стоит добавить, что в 1999 г. в России было 10 официальных долларовых миллиардеров, а в 2013 году, по данным Forbes от 18.02.13 - их стало 131.

В России 1% самых богатых получает 40% всех национальных доходов, тогда как даже в США этот же 1% самых богатых располагает лишь 8%¹¹.

Безработица – одна из социальных проблем, порожденных экономической реформой. В конце 2011 г., общий уровень безработицы в России составил 6,6%. Средний возраст этой категории экономически активного населения 35,4 лет¹². Но и эти цифры официально зарегистрированных безработных не дают полного представления о ситуации на рынке труда. Скрытая безработица по оценкам экспертов составляет 13-16% от числа трудоспособного населения. Среди тех, кто остался без работы и официально признан безработным, 43% имеют несовершеннолетних детей.

В ноябре 2012 года социологическим центром МГСУ было опрошено 300 безработных москвичей, имеющих несовершеннолетних детей. Ответы позволили оценить самоощущения респондентов и динамику материального положения семьи. Для 39% опрошенных после потери работы ситуация изменилась в худшую сторону. За чертой нищеты оказалось 34% опрошенных семей безработных (до утраты работы - 6%), а за чертой бедности - 39% (ранее - 20%). Заметно (на 30 пунктов) уменьшилось число семей, живущих выше среднего достатка. Следует подчеркнуть, что показатели социальной стратификации населения по доходному признаку по самооценкам респондентов и объективным показателям очень близки.

Выборка в данном исследовании репрезентировала социально-демографический и социально-профессиональный состав безработных в Москве. Поэтому, естественно, что подавляющее большинство опрошенных - это женщины, служащие и специалисты. Каждый третий респондент считает утрату работы крушением всех своих надежд, еще 49% более оптимистичны и смотрят на потерю работы как на временное затруднение и только 16% видят в этом возможность передохнуть и «прийти в себя». При

этом для каждого пятого проблема трудоустройства очень остра и он готов устроиться на работу немедленно. Половина безработных полагает, что утрата ими работы сказалась на отношениях в семье: в 16% семей отношения стали более натянутыми, в 16% - раздражительными, в 4% - резко конфликтными.

Эти два сюжета опроса свидетельствуют о том, что половина семей безработных москвичей нуждаются в большей социальной и психологической поддержке. Анализ модели социальной защиты семей данного типа свидетельствуют, что она организационно похожа на европейские модели социальной защиты семей безработных. Однако по линии министерства социальной защиты ее отличает крайне низкий норматив исчисления пособия, что заметно снижает его эффективность, а по линии служб занятости – невозможность ежемесячно оказывать материальную помощь тем семьям, где среднедушевой доход ниже прожиточного минимума. Поэтому подавляющее большинство респондентов (более 80%) считает материальную поддержку недостаточной.

В современной России четко прослеживается ухудшение отношения к бедным. При этом сами бедные называют три главные причины собственной бедности: длительная безработица, недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению и семейные несчастья. Бедность чаще стала ассоциироваться в общественном мнении с пьянством и наркоманией, а также другими асоциальными формами поведения. В то же время, россияне в большинстве своём признают, что к бедности в современном российском обществе могут привести и не зависящие от людей обстоятельства – болезнь, смерть кормильца и т. д. – которые в условиях недостаточности государственной поддержки зачастую играют роковую роль. В результате такого видения причин бедности исчезает чётко выраженное отношение к ним как к единой социальной группе, происходит, по сути, «дробление» проблемы бедности на ее отдельные проявления.

В стране возникла уникальная категория «новых бедных», - те группы работающего населения, которые по своему образовательному уровню и квалификации, социальному статусу и демографическим характеристикам никогда ранее не были малообеспеченными¹³. В современной России широко распространена бедность работающих. Иначе говоря, в наши дни наличие рабо-

ты не гарантирует россиянам защиту от бедности. Не случайно собственные доходы работающих российских бедных существенно отстают от доходов работающих небедных, а у пятой части работающих российских бедных даже не превышают 7 тыс. руб. Это говорит о неизбежности нахождения последних, в случае если им не помогут другие члены семьи, в абсолютной бедности, денежным критерием которой выступает прожиточный минимум. Причем это не результат реформ 1990-х годов, как принято думать, а постоянно воспроизводящийся феномен. Появление «новых бедных» как массовой (составляющей более половины всех бедных) группы свидетельствует об очень высоких рисках оказаться в группе бедных даже для вполне благополучных в данный момент россиян. К этому может подтолкнуть даже малейшее ухудшение ситуации в экономике или в их домохозяйстве в силу различных причин (развод, смерть кормильца, потеря работы и т. д.).

Перечисленные выше разного рода жизненные лишения, не меняются в последние годы. Это позволяет использовать для оценки бедности в России широко распространенный в мире подход, основанный на выделении бедных не только по критерию душевого дохода, но и по критерию испытываемых ими лишений. Применение данного подхода дает основание утверждать, что численность бедного населения «по лишениям» составляет в России около 25% населения¹⁴. Это намного меньше, чем в 2008 г. и даже в 2003 г., но в разы больше, чем количество бедных «по доходу», выделяемых на основе официально принятой в России методики.

Из данных различных исследований социологи делают, на первый взгляд, парадоксальный вывод: бедные «по доходам» - далеко не всегда оказываются самой неблагополучной частью российского общества. Это означает, что бедность в её социологической (наиболее близкой к реальной жизни) трактовке распространена в российском обществе гораздо шире, чем принято думать. Отчетливо выражено стремление жить хотя бы «как все» и неготовность принять на себя роль «живущего за чертой бедности», всё больше подталкивают бедное население страны к демонстративному потреблению. В российских условиях оно выражается, прежде всего, в активной покупке товаров длительного пользования. Ради покупки престижных ТДП – своего рода маркеров благополучия их владельцы – многие бедные отвлекают день-

ги от других статей семейных расходов, включая питание, и залезают в долги. В итоге кредитная нагрузка на бедные домохозяйства, в т. ч. и за счёт дорогостоящих банковских кредитов, не просто очень велика – распространённость разного рода задолженностей, особенно кредитов банкам, в среде бедных за последние годы выросла в разы, что позволяет прогнозировать неизбежность дальнейшего ухудшения их положения.

Однако в своих расчетах прожиточного минимума Росстат продолжает не учитывать ряд обстоятельств – от разницы в стоимости жизни в различных населённых пунктах до особенностей потребительского поведения разных возрастных групп населения. Кроме того, оценивать уровень жизни только на основании текущих доходов вообще не совсем правильно. Ведь понятно, что на реальном уровне жизни бедных заметно сказывается также накопленный ранее объем имущества, ресурсы, которые они могут привлечь через разные формы кредитов, а, кроме того, санкции, которые следуют (или не следуют) за не возврат этих кредитов. И уже тем более, здесь нельзя не учитывать особенности здоровья членов домохозяйств, а также различающийся в разных регионах и даже отдельных управляющих компаниях размер оплаты за услуги ЖКХ и т. д.

В целом, на основе использования социологических методов измерения российской бедности, картина ее общего количественного состояния, включающая основные группы бедных, оказывается в нынешний период следующей¹⁵:

9% - бедные «по доходу» - те, чей среднедушевой доход в домохозяйстве ниже официально установленного прожиточного минимума в данном регионе (по официальным данным Росстата, на конец 2012 г. таковых было 8,8%);

25% - бедные «по лишениям» - не только те, у кого среднедушевой доход ниже прожиточного минимума (он может быть и равен ему, и даже выше его), но и те, кто испытывает нужду в удовлетворении таких базовых потребностей как питание, жилищные условия, приобретение одежды и обуви, получение качественной медицинской помощи и т. п.;

4% - хронические бедные – те в составе бедного населения, которые находятся в состоянии бедности более 5 лет и характеризуются глубокой и застойной бедностью, качественно отличающейся от других видов бедности. Таких в России примерно 6 млн. человек.

Закрепление доли бедных, которые находятся в состоянии бедности более 5 лет, говорит о том, что в настоящий период в российском обществе наблюдается консервация бедности.

Наряду с процессами консервации бедности активно идут и процессы межгенерационного воспроизводства бедного населения. Почти половина нынешних российских бедных – это люди, которые еще с детства принадлежат к «социальным низам». Собственный негативный опыт бедные проецируют и на возможности своих детей, априори низко оценивая не только их жизненные шансы в целом, но даже шансы вырваться со временем из состояния бедности. Тем самым, формируется и приобретает устойчивые черты такой социальной слой, который принято называть андерклассом. Речь идет о социальной категории людей, представляющих «социальное дно» общества, живущих вне рамок общества и являющихся носителями культуры обездоленных.

В последние годы в России формируется и закрепляется новая форма социального неравенства бедных и небедных, характерная именно для начала XXI века – цифровое неравенство. При этом, раз возникнув, оно начинает в свою очередь препятствовать социальной мобильности бедных, поскольку навыки в области информационных технологий являются сегодня своего рода «входным билетом» на наиболее привлекательные рабочие места. И хотя наличие этих навыков само по себе не гарантирует занятие такого рода рабочих мест, отсутствие соответствующих компетенций достаточно жестко предопределяет отсутствие доступа к ним. Всеми слоями населения, но в наибольшей степени – именно бедными россиянами очень остро и болезненно воспринимается проблема неравенства в современном российском обществе. Подавляющее большинство из них отмечает, что лично страдает от тех или иных типов неравенства. Однако оценивая распространенность практически всех типов неравенства, бедные чаще говорят о неравенствах, болезненных для всего общества, чем о тех неравенствах, от которых страдают они сами. Данный факт свидетельствует о критических несоответствиях между реалиями современного российского общества и представлениями о «должном и справедливом», характерными для россиян вообще и бедных в частности.

Рейтинг наиболее острых и болезненных типов неравенства для общества в целом и для

самих бедных в их оценках совпадает. На первом месте со значительным отрывом оказывается неравенство по доходам, затем следуют неравенство в доступе к медицинской помощи и неравенство жилищных условий, а также неравенство в доступе к рабочим местам. Все эти типы неравенств действительно ярко проявляют себя в повседневной жизни бедного населения, характеризуясь при этом некоторой возрастной спецификой.

Общая ситуация с неравенствами и их восприятием бедным населением в последние годы ухудшается. Среди бедных растет ощущение того, что неравенства, связанные с доступом к образованию и здравоохранению, являются несправедливыми, хотя это ощущение и приходит в противоречие с нормативно-ценностной моделью, характерной для российской национальной культуры в целом. Неверие в то, что российское общество сможет стать справедливым в среднесрочной перспективе, характеризует более 70% бедных. Более того, подавляющее большинство из них не фиксирует никаких положительных изменений ситуации со справедливостью в последние годы. Все это говорит о том, что проблема неравенств и справедливости становится все острее и может привести к значимым негативным последствиям не только для бедных, но для всего общества.

Ссылки:

1 Андеркласс – исторически новое социальное явление, как для западного мира, так и для России. Сам термин был введен в научный оборот в 60-е гг. прошлого столетия американским исследователем Дж. Мирдалом для обозначения наиболее незащищенных и ущемленных групп социальных аутсайдеров.

2 Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011 / Стат. сборник. М.: Росстат, 2011.

3 Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества. Социс 2012. N1.

4 Шестакова Е., Соколова Т. Бедность и неравенство в постсоциалистических государствах // Мир перемен. 2008. N 1.

5 Из интервью Российской газете 22.11.07

6 Аналитический доклад «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя». ИС РАН, Москва 2013

7 Исследование 2008 г. было выполнено по заказу международной некоммерческой орга-

низации EU-Russia Centre ; Бельгия (см.: <http://www.eu-russiacentre.org/>). Результаты тогдашней работы были представлены в публикации: Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. «Средний класс»: изменения и настроения высокодоходной молодежи в России // Вестник общественного мнения, 2008, №3. С. 27-41; Самсон И., Красильникова М. Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? // Там же, 2010, №4. С. 61-72.

8 Социальные неравенства и социальная политика в современной России / Отв. ред. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. М., 2008.

9 Гринберг Р. С. Парадоксы глобализации и Россия. М., 2007.

10 Вдовин А. И. Россия после августа 1991 года: проблемы и подходы к изучению истории // Мир и политика. 2009. N 12.

11 Шкаратан О. Российская «псевдоэлита» и е? идентификация в мировом контексте // Мир России. 2011. N 4.

12 Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011 / Стат. сборник. М.: Росстат, 2011.

13 Куда идет Россия. Белая книга реформ / Сост. Кара-Мурза С., Батчиков С., Глазьев С. М., 2008.

14 Аналитический доклад «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя». ИС РАН, Москва 2013.

15 Там же.

Социальное неравенство в российском бизнесе (на примере дореволюционного опыта хозяйствования)

Свердликова Е.А.

В истории русского хозяйствования можно найти много ответов на проблемы и вызовы сегодняшнего дня. Социальное неравенство – одна из таких проблем. Объяснений этому много, но главное, на наш взгляд, состоит в насильственной утрате народом своей родовой памяти, народных корней. А ведь русская хозяйственная культура богата своими технологиями и способами умягчения последствий социального неравенства. Среди них: демократия и взаимопомощь, общинные навыки хозяйственного самоуправления, нестяжательство, самостоятельность и предприимчивость. Эти ценности помогали русским на протяжении столетий отстраивать своё государство, созидать свой дом. Однако, в результате социальных реформ и экспериментов 20 века, эти ценности были утрачены; в большинстве своём, утрачены были насильно, что и привело наше общество к тем социальным искривлениям и страданиям, которые в обобщённом виде можно определить как социальное неравенство.

Общество всегда было и будет разделено на богатых и бедных, учёных и неучёных, здоровых и больных. С одной стороны, это плохо, с

другой стороны, наличие этого неравенства помогает имущим проявить милосердие к неимущим и страждущим, тем самым выполнив заповедь Христа о любви друг к другу.

Однако сегодня мы говорим о резко усиливающемся, прогрессирующем неравенстве в России.

Для того чтобы разобраться в современных аспектах социального неравенства, можно, например, проанализировать отдельные эпизоды прошлого России и ответить на вопрос: «каким был интеллектуальный и хозяйственный опыт наших предков, как они решали вопросы социальной справедливости?».

Великие русские экономисты и социологи: Булгаков С.Н., Ильин И.А., Шарапов С.Ф., Тихомиров Л.А., Бутми Г.В., Меньшиков М.О. проблемы неравенства начинали рассматривать с ключевой категории труда. Хозяйственная деятельность, считали они, носит трудовой характер. Труд есть добродетель. Труд – совокупность духовно-нравственных, экономических и организационно-технических элементов, причём, духовно-нравственные элементы в этой триаде – определяющие. Суть экономики – в обеспечении трудовой самодостаточности человека. Неравенство понималось ими как по-

следствия отчуждения человека от процесса и результатов труда.

Русские мыслители говорили о том, что в труде выражается целостность существования человека. Человек – субъект бытия. Он соединяется с природой – объектом бытия. Целостность этого процесса существует в сознании и имеет основное духовно-нравственное значение. Хозяйственная жизнь на земле – несовершенна. Нужно стремиться к её совершенству. Цель хозяйственного процесса – восстановление целостности личности, за счёт создания такого качества труда и трудовой жизни, которое позволило бы удовлетворить самые высокие требования человека (1).

Труд в народной практике и Российской Империи, и СССР считался одной из главных добродетелей. Наш народ накопил удивительные образцы самобытной организации труда и производства – трудовой и производственной демократии; а также – сформировал оригинальные особенности трудовой и хозяйственной мотивации – преобладание моральных форм мотивации над материальными.

Однако реформы последних десятилетий привнесли в сознание народа много элементов, разрушающих личность, ведущих к отчуждению от процесса и результатов труда. К таким элементам можно отнести жажду скорейшего обогащения, жажду постоянного, ненасытного потребления и накопительства. Поэтому сегодня мы наблюдаем резкую грань между бедностью и богатством, обнищание большого количества трудоспособного населения, при увеличении количества долларовых миллионеров, увеличение смертности среди молодёжи и других форм и последствий проявления социального неравенства.

Как можно преодолеть социальное неравенство?

Как правило, в теории и практике менеджмента для ответа на этот вопрос используют положения концепции качества трудовой жизни и гуманизации труда, разработанной на Западе в 70 гг. 20 века. Суть концепций – в оптимизации всего комплекса взаимоотношений человека и общества. Выделяют 8 категорий, которые вместе составляют качество рабочей жизни. Среди них:

- адекватная и справедливая компенсация;
- безопасность и здоровые рабочие условия;
- возможность для развития и использования человеческих способностей;

- возможность для продвижения и безопасность труда;
- чувство самоидентификации;
- права служащего;
- работа и место проживания;
- социальная ответственность и чувство гордости (2).

Если внимательно вдуматься в сущность этих положений, видно, что труд, как ключевая характеристика рассматривается в органическом единстве трёх его сторон: организационно-технической, экономической и духовно-нравственной, а это полностью соответствует русской традиции хозяйствования, известной нашим предкам задолго до этой концепции.

Поэтому нашим ответом на вопрос о преодолении современных форм социального неравенства будет краткий обзор самобытных форм организации труда, которые сформировались в эпоху его расцвета и которые, на наш взгляд, при достойном изучении и овладении смягчили бы социальные искривления последних десятилетий.

Остановимся на анализе некоторых из них, причём, для исследования применим несколько способов анализа: историко-социологический и художественный.

Первая особенность русского самосознания, выраженная в отношении к организации труда: преобладание моральных форм мотивации над материальными. Не карьера, не зарплата, а удовлетворённость процессом труда, его результатами и достижениями. Здесь необходимо обратить внимание на дух нестяжательства, также присущий значительной части тружеников. Это не означает полного отказа от материальных благ, а означает другую иерархию жизненных ценностей, сложившихся в хозяйственной культуре русского народа. Многие труженики готовы потерять в зарплате, но, при этом, не потерять интересную работу, возможность самореализации.

Наряду с этим, в сознании русского труженика дух нестяжательства связан с жадой справедливости и справедливого вознаграждения за труд. Справедливость здесь выражается не как материальный интерес, а как стремление к идеалу, тоска по идеалу справедливости.

В 20 веке эту особенность русского народа, связанную с духом нестяжательства, отсутствием материальной жадности использовали для эксплуатации тружеников. Работник отдавал все свои силы, без условий для его самовыражения

и без справедливого вознаграждения, что приводило сначала к медленной деградации, а затем и к полной утрате всей системы социалистической трудовой мотивации. Хотя и в ней были свои сильные стороны...

Вторая особенность организации труда и производства – трудовая и производственная демократия. Наиболее известной формой трудовой демократии была артель. Артель – форма организации трудовой жизни, существовавшая в России наверно всегда. О существовании артельных форм организации труда в Российской Империи свидетельствует художественная и документальная литература. А применение артели в СССР было на наших глазах, только назывались они автономными бригадами. Сегодня в эпоху перехода от жёстких, авторитарных форм организации труда к гибким коллективным формам, в странах с рыночной экономикой, артель является лидирующей и наиболее перспективной формой организации труда и называется она самоуправляемой командой или бригадой.

Русская артель – добровольное товарищество совершенно равноправных работников, призванное на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Артельное объединение не ограничивало инициативу каждого из артельщиков, а наоборот поощряло (1). Считается, что артель позволяла объединять такие противоположные свойства русского человека как стремление к самостоятельному труду и даже обособленному, с коллективными усилиями. Выделяя и самостоятельность, и равноправие артельщиков, русская пословица говорила: «Артели думой не владати. Сто голов – сто умов».

Основные отличия русской артели от организаций капиталистической формации: отсутствие эксплуатации одних членов артели другими; старший в артели, обладая распорядительными функциями был наравне с другими, ни в чём не ущемляя их; функции старшего передавались поочерёдно каждому из артельщиков; в артели не было уравниловки – распределение дохода осуществлялось по труду; артельщики связывались круговой порукой и работали по принципу: «один за всех и все за одного»; артели называли передвижными общинами, что также характеризует одну из важных её особенностей – ответственность артельщиков друг за друга; за ущерб и убытки ответственность па-

дала на того, «кто будет в лицах», т.е. на каждого артельщика.

Итак, мы наблюдаем взаимосвязь общинных и артельных форм русской народной жизни и русского хозяйствования. Были примеры, когда в некоторых губерниях северной Руси целые деревни – общины образовывали артели, например, по извозу и почтовым отправлением. Они сами распределяли работу между членами общины – артельщиками, определяли норму выработки и оплату труда по гонке и перевозу.

Артель ещё называли братством, братством для решения общего дела, или большой семьёй. Семейный характер артели отражён во многих пословицах: «Артель – своя семья». А в следующей пословице отражено основное свойство артели – товарищеская взаимопомощь и согласие: «Артельная кашка гуще живёт».

В чём проявлялся демократизм артели? Она помогала работнику проявить лучшие свои трудовые способности, причём не в примитивном равенстве, а в равном праве каждого выражать свои способности не зависимо от своего социального положения.

Приведем примеры типичных артелей Древней Руси: кладочные пиры, пустынные монастыри, братства и вольные дружины. И везде главным условием членства в артели было признание и боярином, и смердом, и, даже князем артельных основ.

Артельные формы организации труда пронизывали и другие объединения, например, городские объединения ремесленников, купцов и простых городских тружеников. Все они обладали общинным самоуправлением, а порой и судебными правами как в Великом Новгороде; гильдии, «улицы», «сотни», «ряды» возводили патрональные, а сейчас бы сказали корпоративные храмы, объединялись вокруг них в общины с правами суда. Горожане объединялись в чёрные сотни и чёрные слободы. В Москве можно вспомнить Кузнецкую, Бронную, Кадашевскую, Лубянскую и др. слободы, которые до сих пор сохранились в названиях улиц. Каждое объединение ремесленников, торговцев, или чёрная сотня управлялись как сельские общины, выборными старостами или сотскими.

С началом развития капитализма, до середины XIX века артельные формы организации труда пронизывали и русские промышленные предприятия. Как это осуществлялось? Артельщики брали на свой подряд цех или участок

производства и отчитывались перед администрацией только за количество и качество работы, а все остальные вопросы организации процесса и результатов труда решались внутри артели.

Известен случай, в 1803 году на Красносельской бумажной фабрике в Петербурге рабочие заключили договор с администрацией и долгое время сами управляли предприятием. Сами выбирали из своей среды мастеров, сами определяли продолжительность рабочего дня, порядок работы, распределение заработной платы.

Артельные формы организации труда широко применялись в России на строительстве железных дорог. Более 90 тыс. км железных дорог было построено в России с 1838 по 1917 г.г. средствами строительных артелей без каких-либо механических средств. Великая Сибирская магистраль, протяжённостью 7,5 тыс. км. также была проложена исключительно средствами строительных артелей.

Таким образом, артель представляла собой народный путь развития промышленности и, как подчёркивали русские мыслители начала 20 века, рабочие трудились в артелях не для возрастания капитала, а для удовлетворения и собственных потребностей. Именно с этим путём развития предпринимательства связывали они модернизацию России. (1)

В произведении П.И. Мельникова (А.Печерского) «В лесах» и «На Горах» есть любопытный пример организации русских людей в артели для выполнения подрядных работ. Описание этого опыта весьма примечательно и в нём узнаются те качества и свойства, о которых было сказано выше.

Артелями в лесах больше работают: человек по десяти, по двенадцати и больше. На сплаве рубят рядят лесников высковские промышленники, разделяют им на Покров задатки, а расчёт дают перед Пасхой либо по сплаве плотов. Тут не без обману бывает: во всяком деле толстошум сумеет прижать бедного мужика, но промеж себя в артели у лесников всякое дело ведётся начистоту. Зато уж чужой человек к артели в лапы не попадайся: не помилует, оберёт как липочку и в грех того не поставит.

За неделю либо за две до лесованья артель выбирает старшего: смотреть за работой, равнять в делеработников и заправлять немудрым хозяйством в зимнице. Старшой, иначе «хозяин», распоряжается всеми работами, и воля его неперекословна. Он ведёт счёт срубленным де-

ревьям, натёсаным брусьям, он же наблюдает, чтобы кто не отстал от других в работе, не вздумал бы жить чужим топором, тянуть даровщину. У хозяина в прямом подначалье «подсыпка», паренёк-подросток, лет пятнадцати либо шестнадцати. Ему не под силу ещё столь наработать, как взрослому леснику, и зато подсыпка своей пай стряпнёй на всю артель навёрстывает, а также заготовкой дров, смоля и лучины в зимницу для света и сугрева... Он же носит воду и должен всё прибрать и убрать в зимнице, а когда запасы подойдут к концу, ехать за новыми в деревню.

В одной из таких зимниц, рано поутру, человек десять лесников, развалясь на нарах и завернувшись в полушубки, спали богатырским сном. Под утро намаявшегося за работой человека сон крепко разнимает – тут его хоть в гроб клади да хорони. Так и теперь было в зимнице-лыкских лесников артели дядя Онуфрий.

– Чтой-то? – вдруг спросил, вставая с нар, дядя Онуфрий. – Никак приехал кто-то? Выглянь-ка, Петрай, на волю, глянь, кто такой?

В самом деле слышались скрип полозьев, фыркание лошадей и людской говор.

– Кого Господь даровал – спросил дядя Онуфрий. – Зиму зименскую от чужих людей духу не было, на концелесованья гости пожаловали.

– Заблудились мы, почтенный, в ваших лесах, – отвечал Патап Максимыч, снимая промёрзшую дублёнку и подсаживаясь к огню.

– Откуда бог занёс в наши палестины? – спросил дядя Онуфрий.

– Из Красной рамени, – молвил Патап Максимыч.

– А путь куда держите? – продолжал спрашивать старшой артели.

– На Ветлугу пробираемся, – отвечал Патап Максимыч. – Думали на Ялокшинский зимняк свернуть, да оплошали. Теперь не знаем, куда и заехали.

– Ялокшинский зимняк отсель рукой подать, – молвил дядя Онуфрий, – каких-нибудь вёрст десяток, и того не будет, пожалуй. Только дорога не приведи Господи. Какие здесь вёрсты! Дороги не меряны: где мужик по первопутке проехал – тут на всю зиму и дорога.

– А как нам расставанье придёт, вы уж, братцы, кто-нибудь проводите нас до зимняка-то, – сказал Патап Максимыч.

– На этом не погневись, господин купец. По нашим порядкам этого нельзя – потому артель, – сказал дядя Онуфрий.

– Что ж артель? Отчего нельзя? – с недоумением спросил Патап Максимыч.

– Да как же? Поедет который с тобой, кто за него работать станет? Тем артель и крепка, что у всех работа вровень держится, один перед другим ни на макову росинку не должен переделат аль недоделат. А как ты говоришь, чтоб из артели кого в вожатые дать, того никоим образом нельзя. Тот же прогул выйдет, а у нас прогулов нет, так и сговариваемся на суйме (сходе), чтоб прогулов во всю зиму не было.

– Да мы заплатим что следует, – сказал Патап Максимыч.

– А кому заплатишь-то? Платить-то некому! – отвечал дядя Онуфрий. – Разве возможно артельному леснику с чужанина хоть малость какую принять? Разве артель спустит ему хошь одну копейку взять со стороны? Да вот я старшой у них, “хозяин” называюсь, а возьми-ка я с вашего степенства хоть медну полушку, ребята не поглядят, что я у них голова, что борода у меня седа, разложат да таку вспарку зададут, что и-и... У нас на это строго.

– Мы всей артели заплатим, – сказал Патап Максимыч.

– Это уж не моё дело, с артелью толкуй. Как она захочет, так и прикажет, я тут ни при чём, – ответил дядя Онуфрий.

– Коли так, собирай артель, потолкуем, – молвил Патап Максимыч.

– Скликнуть артель не мудрое дело, только не знаю, как это сделать, потому что такого дела у нас николи не бывало. Боле тридцати годов с топором хожу, а никогда того не бывало, чтоб из артели кого на сторону брали, – рассуждал дядя Онуфрий.

– Да ты только позови, может, сойдёмся как-нибудь, – сказал Патап Максимыч.

– Позвать отчего не позвать! Позову – это можно, – говорил дядя Онуфрий, – только у нас николи так не водилось. – И, обратясь к Петряю, всё ещё перемывавшему в грязной воде чаши и ложки, сказал:

– Кликни ребят, Петряюшка, все, мол, иди-те до единого.

Артель собралась. Спросила дядю Онуфрия, зачем звал; тот не отвечал, а молча показал на Патапа Максимыча.

– Что требуется, господин купец? – спросили лесники, оглядывая его с недоумением.

– Да видите ли, братцы, хочу я просить вашу артель дать нам проводника до Ялокшинского зимняка, – начал Патап Максимыч.

Артель загалдела...

Насилу втолковал им Патап Максимыч, что артели ущерба не будет, что он заплатит цену работы за весь день.

– Да как ты учтёшь, чего стоит работа в день? Этого учесть нельзя, – говорили лесники.

– Как не учесть, учтём, – сказал Патап Максимыч. – Сколько вас в артели-то?

– Одиннадцать человек. Петряй двенадцатый.

– А много ль дён в зиму работать?

– Смекай: выехали за два дня до Николи, уйдём на Плющиху, – сказал Захар...

Беспорядицы и бестолочи в переговорах было вдоволь. Считали барыши прошлой зимы, выходило без гривны полтора рубля на ассигнации в день человеку. Но этот счёт в толк не пошёл, потому, говорил Захар, что зимушня зима была сиротская, хвилеватая (мокрая, дождливая), а нынешняя морозная да ветреная. Сулил артели Патап Максимыч целковый за проводника, – и слушать не хотели. Как, дескать, набум можно ладиться. Надо, говорят, всякое дело по чести делать, потому – артель. А дядя Онуфрий турит да турит: кончать скорей переговоры, на всю зимницу кричит, что заря совсем поднялась – нечего пустяки городить – лесовать пора...

– Говорите же, сколько надо вам за проводника? Три целковых хотите? – сказал Патап Максимыч, обращаясь к лесникам.

Зачала артель галанить пуще прежнего. Спорам, крикам, бестолочи ни конца, ни серёдки. Видя, что толку не добиться, Патап Максимыч хотел уже бросить дело и ехать на авось, но Захар, что-то считавший всё время по пальцам, спросил его:

– Без двугривенного пять целковых дашь?

– За что ж это пять целковых? – возразил Патап Максимыч. – Сами говорите, что в прошлу зиму без гривны полтора рубли на монету каждому топору пришлось.

– Так и считано, – молвил Захар. – В артели двенадцать человек, по рублю – двенадцать рублей, по четыре гривны – четыре рубля восемь гривен – всего, значит, шестнадцать рублей восемь гривен по старому счёту. Оно и выходит без двугривенного пять целковых.

– Да ведь ты на всю артель считаешь, а поедет с нами один, – возразил Патап Максимыч.

– Один ли, вся ли артель, это для нас всё единственно, – ответил Захар. – Ты ведь с ар-

телью рядишься, потому артельну плату и давай, а не хочешь, вот те Бог, а вот и порог. Толковать нам недосужно – лесовать пора.

– Да ведь не вся же артель провожать поедет? – сказал Патап Максимыч.

– Это уж твоё дело. Хочешь, всю артель бери – слова не молвим – все до единого поедем, – заголосили лесники. – Да зачем тебе сустолько народу? И один дорогу знает. Не мудрость какая!

– А вы скорей, скорей, ребяташки, – день на дворе, – лесовать пора, торопил дядя Онуфрий...

Патап Максимыч, выйдя на середку зимницы, спросил, обращаясь к артели:

– Кто ж из вас лучше других дорогу на Ялокшу знает?

– Все хорошо дорогу знают, – отвечал дядя Онуфрий. – А вот Артемий, я тебе, ваше степенство, и даве сказывал, лучше других знает, потому что недавно тут проезжал.

– Так пуцай Артемий с нами и поедет, – решил Патап Максимыч.

– Этого нельзя, ваше степенство, – отвечал, потряхнув головой, дядя Онуфрий.

– Отчего же нельзя? – спросил удивлённый Патап Максимыч.

– Потому нельзя, что артель, – молвил дядя Онуфрий.

– Как так? – возразил Патап Максимыч. – Да сами же вы сказали, что, заплативши деньги на всех, могу я хоть всю артель тащить.

– Можешь всю артель тащить. Слово скажи – все до единого поедем, – отвечал дядя Онуфрий.

– Так ведь и Артемий тут же будет? – с досадой спросил Патап Маскимыч.

– Известно, тут же будет, – отвечал дядя Онуфрий. – Из артели парня не выкинешь?

– Артемья одного и беру, а других мне и не надо, – горячился Патап Максимыч.

– Этого нельзя, – спокойно отвечал дядя Онуфрий.

– Почему же нельзя? Что за бестолочь у вас такая! Господи царь небесный!

– А оттого и нельзя, что артель, – отвечал дядя Онуфрий. – Кому жребий выпадет, тот и поедет. Кусай гроши, ребята.

Вынул каждый лесник из зепи по грошу. На одном Захар накусил метку. Дядя Онуфрий взял шапку, и каждый парень кинул туда свой грош. Потряс старшей шапкой, и лесники один за другим стали вынимать по грошу.

Кусанный грош достался Артемью.

– Экой ты удатной какой, господин купец, – молвил дядя Онуфрий. – Кого облюбовал, тот тебе и достался. Ну, ваше степенство, с твоим бы счастьем да по грибы ходить. Что ж, одного Артемья берёшь аль ещё конаться велишь? – прибавил он, обращаясь к Патапу Максимычу.

– Лишний человек не мешает, – ответил Патап Максимыч. – В пути всяко случиться может: сани в снегу загрузнут аль что другое.

– Дело говоришь, – заметил дядя Онуфрий, – лишний человек в пути не помеха. Кидай, ребята! – промолвил он, обращаясь к лесникам, снова принимаясь за шапку.

Жребий выпал Петряку.

– Ишь ты дело-то какое! – с досадой молвил дядя Онуфрий, почёсывая затылок. – Петряйке досталось! Эко дело-то какое! Смотри же, парень, поспевай к вечеру бесприменно, чтоб нам без тебя не лечь спать голодными.

Патап Максимыч, посмотрев на Петряку, подумал, что от подростка в пути большого проку не будет. Заметив, что не только дядя Онуфрий, но вся артель недовольна, что подсыпке ехать досталось, сказал, обращаясь к лесникам:

– Коли Петряй вам нужен, пожалуй, иного выбирайте, мне всё едино.

– Нельзя, ваше степенство, – возразил дядя Онуфрий. – Никак невозможно, потому – артель. Вынулся кусанный грош Петряйке, значит, ему и ехать.

– Да не всё ль равно, что один, что другой? – сказал Патап Максимыч.

– Оно, конечно, всё едино, да уж такие у нас порядки, – говорил дядя Онуфрий. – Супротив наших порядков идти нельзя, потому что артель ими держится. Я бы сам с великой радостью заместомальца поехал, да и всякий бы за него поехал, таково он нужен нам; только этому быть не можно, потому что жребий ему достался.

– Коли на то пошло, канайте третьего, – сказал Патап Максимыч. – От мальчугана пособи немного будет, коли в дороге что приключится.

– Третьего бери, четвёртого бери, хочешь, всю артель за собой волочи – твоё дело, – отвечал дядя Онуфрий. – А чтоб Петряйке не ехать – нельзя.

– Чудаки вы, право, чудаки, – молвил Патап Максимыч. – Эки порядки оставили! Ну, конайте живей.

Третьим ехать вышло самому дяде Онуфрию.

Но тем дело не кончилось: надо было теперь старшего выбирать на место уезжавшего Онуфрия. Тут уж такой шум да гам поднялись, что хоть вон беги, хоть святых выноси.

— Да ты заместо себя кого бы нибудь сам выбрал, тут бы и делу конец, а то галдят, галдят, а толку нет как нет, — молвил Патап Максимыч дяде Онуфрию, не принимавшему участия в разговоре лесников. Артемья и Петряя тоже тут не было, они ушли ладить дровешки себе и дяде Онуфрию.

— Нельзя мне вступаться теперь, — отвечал дядя Онуфрий.

— Отчего ж?

— Оттого, что на сегодняшний день я не в артели. Как знают, так и решат, а моё дело — сторона, — отвечал дядя Онуфрий, одеваясь в путь.

Не скоро сговорились лесники. Снова пришлось гроши в шапку кидать. Достался жребий краснощёкому, коренастому парню, Архипом звали. Только ему кусаный грош достался, он, дотоле стоявший, как немой, живо зачал командовать.

— Проворь, ребята, проворь лошадей! — закричал он на всю зимницу. — И то гляди-ка, сколько времени проваландались. Чтoб у меня всё живой рукой! Ну!.. 1 (3)

Итак, мы рассмотрели художественное описание русской артели, сделанное замечательным русским писателем, государственным служащим П.И.Мельниковым (А.Печерским) в его эпосе «В Лесах» и «На горах». В процитированном отрывке отражены все основные свойства и характеристики артели, как добровольного товарищества равноправных тружеников. Круговая порука, взаимопомощь и взаимовыручка, ответственность друг за друга — вот основные характеристики артельной формы организации труда. Это документальное свидетельство ещё раз напоминает нам о тех традициях, которые сегодня весьма актуальны и востребованы.

Артель как и крестьянская община, может быть рассмотрена как реальное воплощение принципа коллективизма. О коллективизме русского народа говорили и говорят многие. Но современные социологические исследования показывают, что реальный коллективизм русских людей сегодня значительно ниже, чем предстает из литературы.

Вместе с тем, исторически, принцип коллективизма сыграл в жизни русского народа

особую роль. Этот принцип позволил ему существовать в условиях, мало приспособленных для жизни людей и ведения хозяйства. И в этом состоит системообразующая роль коллективизма по отношению к русскому этносу. Артель — лучшее тому подтверждение. Уходить на несколько месяцев в леса, трудиться изо дня в день без выходных, испытывать постоянные ограничения в питании и удовлетворении других базовых потребностей, вынужденно общаться с довольно узким кругом лиц — все это тяжело и физически, и психологически. В артель же попадали разные люди с разными характерами, поэтому сплотить их, предотвратить возможные конфликты и сделать группу трудоспособной в тяжелейших условиях могли только принципы равенства и коллективизма.

В тяжелых условиях сохранение ресурсов важнее их рискованного приращения. Это положение можно считать главным законом русского бизнеса. Для его воплощения и нужен предельный коллективизм и создание стройной организации с вождем и равными друг другу подчиненными. Конкурентная среда порождает излишек благ, который считается недопустимым и даже преступным в тяжелых условиях жизни. Действительно, конкурируя друг с другом, две фирмы на одном рынке всегда производят немногого больше продукции, чем нужно всем возможным клиентам. Ведь каждая фирма надеется переманить покупателей у конкурента, а, сколько их удастся переманить, никогда точно не известно. Этим и обосновывал К.Маркс преимущество плановой экономики. По Марксу, переизбыток товаров на рынке рано или поздно приводит к кризисам перепроизводства, которые просто разрушают всю производственную систему. Рациональность же плановой экономики как раз и заключается в стремлении не допустить никому ненужного перепроизводства. И в теории все это выглядело исключительно логично, однако на практике выяснилось, что не существует и не может существовать правителя, экономиста или даже суперкомпьютера, который точно подсчитает, сколько и каких пальто нужно сшить для населения пусть даже очень небольшой страны, тем более обчислить все возможные трансакции. Поэтому попытки такого обсчета оборачивались всеобщим дефицитом.

Русская экономическая реальность, институциональный контекст русского бизнеса, сформировавшегося в исключительно неблагоприят-

ных условиях (тяжелый климат и постоянные войны), всегда были в большей степени ориентированы на кооперацию, чем на конкуренцию. Поэтому конфликт между работниками или членами общности мыслился как чрезвычайно опасный. Он перечеркивал все достоинства конкуренции и мог стоить жизни всей общности. Кроме того, излишек добра, который с необходимостью получался в конкурентной среде и который, в конечном счете, нужно было попросту выкинуть, рассматривался как недопустимый. Лучше всем нуждаться, чем кому-то быть расточительным. В связи с этим коллективизм и равенство стали базовыми принципами русской цивилизации. Как уже говорилось, с развитием общества социальный контекст становится более значимым, чем географический, но историческая память и национальный характер русского народа сохранил идеологические установки, эффективные, прежде всего, в экстремальных условиях. Представители бизнеса (в данном случае Патап Максимыч) видели все недостатки такого хозяйственного устройства, но должны были в значительной степени ему соответствовать.

В артели коллективизм и равенство становились фетишами, которым поклонялись предки, и поклонение которым позволяло выжить в тяжелейших условиях зимовья. Если отвлечься от этих прагматических мотивов, необходимо отметить, что групповая организация труда всегда вызвала и вызывает многочисленные дискуссии среди психологов, социологов, управленцев и экономистов. В индустриальном обществе отношение к ней скорее было отрицательным. Основоположник теории менеджмента Ф.У.Тейлор прямо говорил, что в бригаде производительность лучших падает до производительности средних, а производительность средних — до производительности худших. Однако уже в конце XX столетия успехи японских компаний, организованных на принципе коллективизма и коллективных решений, а также необходимость создания инновационных проектных команд как групп равных людей (peer group) заставили ученых пересмотреть свое отношение к групповой организации труда. Ведь артель — это и есть команда, в которой главным принципом организации труда является знаменитое изречение: один за всех, и все за одного. Поэтому опыт артелей сегодня является не только интересным, но и становится весьма востребованным.

Но сегодня мы не можем полностью воспроизводить этот опыт. Постиндустриальный

коллективизм базируется не на совокупности правил, с помощью которых достигается максимально возможное равенство всех участников группы; в значительной степени он основывается на совместимости людей и их приобщенности к целям команды. В то же время многие принципы построения и функционирования команд схожи с артельными. Здесь стоит обратить внимание на технологии управления конфликтами: общее отношение к ним в артели, причины их возникновения, способы разрешения конфликтных ситуаций. Кроме того, навыки артельных форм труда обеспечили русским людям самые передовые формы рабочего самоуправления. Этот факт полностью опровергает миф о недемократичности русского человека. Просто, демократичность эта особого рода. В ее основе лежит не доверие к представительной демократии (западный миф о возможности избрания в правители лучших представителей народа, который в последние годы развенчивается с особой очевидностью), а вера в равенство всех людей и жребий как истинно демократический способ определения лиц для той или иной работы. Кстати, судей Ареопага в Древней Греции выбирали специфическим методом, схожим со жребием.

Артель, как и современная команда, может работать только на основе легитимных законов, а еще лучше — на общей вере участников. Процитированный фрагмент из диалогии П.И. Мельникова-Печерского опровергает миф о том, что русский народ не умеет жить в правовом поле, не соблюдает законов. Русские не только могут создать нормы, регулирующие хозяйственные отношения, но и сделать их подлинно работающими, привнеся в них свое отношение к справедливости и равенству.

Таким образом, коллективизм русских, воплощенный в артели, имеет ряд существенных достоинств, которые могут быть востребованы в современном информационном обществе, в том числе и при решении проблем социального неравенства.

Литература

1. Платонов О.А. Экономика русской цивилизации. Институт русской цивилизации. М., 2008. С. 29-32.
2. Попов А.В. Концептуальные основы менеджмента в США и их эволюция. М., 1989.
3. П.И. Мельников (А.Печерский) «В Лесах». Соч., т. 2. С. 217-239.

Социальное неравенство как угроза национальной безопасности

Сидорук П.А.

Социальное неравенство – специфическая форма социальной дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои, классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии, обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей.

Социальное неравенство – одна из наиболее болезненных и взрывоопасных тем для современного российского общества.

«Нормальным считается неравенство, при котором доходы 10% наиболее богатых слоев населения превышают доходы 10% наиболее бедных слоев, как в западноевропейских странах, не более чем в 6-8 раз. Значительное превышение этого соотношения принято считать избыточным неравенством, очень характерным для стран «третьего мира». В современной России, по данным независимых исследований, разрыв в доходах 10% самых состоятельных и 10% наиболее бедных граждан составляет 25-30 раз, а в ее столице и ряде других городов достигает 40-50 раз, что ставит нашу страну в один ряд с государствами со слабо развитой экономической и несправедливой социальной структурой»¹.

Если нормальное, умеренное неравенство положительно влияет на общество, то «избыточное неравенство... является системной характеристикой экономических и социальных дисфункций»², «нормальное неравенство проявляет себя как позитивный фактор, а избыточное – как негативный»³.

Ухудшение здоровья населения, произошедшее в первое пореформенное десятилетие, связывалось исследователями с рядом причин, важнейшие среди которых – существенное понижение жизненных стандартов большей части российских граждан в кризисные годы, которое отразилось, в частности, на качестве питания; рост стрессовых нагрузок вследствие высоких темпов общественных изменений; заметно возросшее потребление алкоголя; неудовлетворительное состояние системы здравоохранения;

утрата контроля над обстоятельствами своей жизни и осознание ограниченности жизненных перспектив.

При этом «согласно полученным результатам, в середине – второй половине 1990-х гг. состояние здоровья многих россиян стало неудовлетворительным, причем этот процесс затронул в первую очередь тех, кто оказался на нижних уровнях социально-экономической стратификации, тогда как в верхних ее слоях показатели здоровья были существенно лучше»⁴. В дальнейшем проявилась большая связь между здоровьем и уровнем доходов, причем у женщин она оказалась выше, чем у мужчин, а в условиях улучшения экономической ситуации в стране в плане здоровья «наиболее отчетливые перемены к лучшему происходили в страте с относительно высокими доходами (при прочих равных условиях и у женщин 26-40 лет)»⁵.

По убеждению многих отечественных демографов, «при сохранении современного уровня неравенства в обществе преодолеть негативную динамику смертности не удастся»⁶.

То же самое относится и к негативной динамике рождаемости. «В настоящее время более 60% населения не могут реализовать свои репродуктивные намерения именно в силу социально-экономических ограничений, а количество семей, желающих стать многодетными, в 5 раз больше их фактического числа»⁷. Отмечается, что «малодетность сегодня становится жизненной нормой: половина российских семей воспитывает только одного ребенка, при этом родители (в том числе и матери) не стремятся к рождению последующих детей, ссылаясь на недостаточность средств, времени и сил, причем более образованные женщины рожают первенца в среднем на 5 лет позже, чем женщины с менее высокой квалификацией, а у женщин с учеными степенями вероятность бездетности вдвое выше, чем у домохозяек»⁸. Имеется и прямая корреляция между уровнем бедности, с одной стороны, наличием и количеством детей в семье – с другой. «Среди бедных домохозяйств семьи с детьми составляют 61%, а в общем числе домохозяйств таких семей почти вдвое мень-

ше – 37%. При этом 50% бедных у нас составляют многодетные семьи с тремя и более детьми, 30% – семьи с двумя детьми, и лишь 15,7% – семьи, где всего один ребенок, а исследователи констатируют, что «у российской бедности, скорее, детское лицо»⁹.

В подобных условиях именно относительная бедность, порождаемая чрезмерным социальным неравенством, служит одной из главных причин снижения рождаемости, а ключевым фактором отказа иметь детей или рожать более одного ребенка является представление родителей о невозможности обеспечить им достойное существование. Этот фактор способен влиять и на смертность, создавая у человека пессимистическое видение своего места в обществе, чреватое стрессами, психосоматическими заболеваниями и суицидами.

«С конца 1990-х гг. к середине 2000-х в нашей стране существенно ухудшилась статистика заболеваний, в этиологии которых большую роль играют стрессогенные факторы, таких как заболевания системы кровообращения и органов пищеварения, в то время как количество заболеваний инфекционными и паразитарными болезнями, напротив, снизилось»¹⁰.

Статистика психогенных заболеваний, в частности, порождаемых социальными сравнениями, дополняется крайне тревожной статистикой самоубийств, алкоголизма, употребления психоактивных веществ и т.п.¹¹

Причины подобных разрушительных для общества явлений очень разнообразны. Но, как постоянно подчеркивают изучающие их исследователи, они относимы к «социальным болезням», выражающим общее состояние современного российского общества и далеко не в последнюю роль характерное для него распределение доходов. К пьянству, самоубийствам и другим формам самоуничтожения человека подталкивает и бедность как таковая, и переживание своей несостоятельности в обществе.

Соответствующие «социальные болезни», вносящие большой вклад в депопуляцию России и ухудшение качества жизни ее населения, тоже во многом производны от чрезмерного социального неравенства и его социально-психологических последствий.

Характерно и огромное количество убийств, по количеству которых на 100000 жителей Россия сейчас занимает одно из первых мест в мире, примерно в 10 раз превосходя большинство европейских стран и в 4 раза – США, тоже очень

неблагополучные в данном отношении. По уровню смертности от убийств наша страна уступает только некоторым латиноамериканским государствам, таким, как Колумбия, и ряду раздираемых постоянными войнами стран Африки, находящимся к Югу от Сахары¹². Количество убийств традиционно служит одним из главных индикаторов агрессивности общества, которая в современной России и по другим показателям является чрезвычайно высокой. «Эта агрессивность, особенно характерная для нашей молодежной среды аккумулирует в себе влияние разных факторов, например, СМИ, прежде всего, нашего телевидения и кинематографа, создающих культ «крутых парней» и «хороших бандитов»¹³.

Как показывают социологические опросы, для нашего общества характерна базовая несправедливость: «Для россиян абсолютно не легитимна частная собственность на природные ресурсы, признать которую готовы лишь 2% наших сограждан»¹⁴. В результате, «важнейшим фактором социальной напряженности может стать распространение в обществе представления о нелегитимности существующего положения вещей, ситуация, когда богатство или, напротив, бедность воспринимаются населением как несправедливые, незаслуженные, а в качестве несправедливого, в первую очередь в плане распределения собственности, наше общество расценивают около 80% населения»¹⁵.

Достаточно часто отмечается и то, что одна из главных «болезней» современного российского общества – коррупция, по уровню которой мы занимаем 154 позицию в мире из 178 возможных, соседствуя с такими государствами, как Кения, Конго, Новая Гвинея и Папуа.

Негативное влияние избыточного неравенства доходов, характерного для современной России, выходит далеко за пределы экономики, затрагивая самые разнообразные стороны жизни нашего общества, такие как рождаемость и смертность, состояние здоровья населения, убийства и самоубийства, коррупция, социально-политические процессы, и другие, создавая реальную угрозу ее национальной безопасности.

Сокращение избыточного неравенства могло бы оказать многостороннее позитивное воздействие на современное российское общество, включая улучшение его социальной структуры, преодоление бедности, смягчение социальных конфликтов, расширение среднего класса.

Ссылки:

- 1 Юревич А.В., Журавлев А.Л., Юревич М.А. - Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности России // Электронные Журналы Издательства NOTABENE (http://www.e-notabene.ru/nb/article_550.html) Дата обращения: 15.09.2013
- 2 Шевяков А.Ю. Неравенство и формирование новой социальной политики государства // Вестник РАН. 2008. Том 78. № 4. С. 304-331
- 3 Шевяков А.Ю. Социальная политика и реформирование распределительных отношений // Вестник РАН. 2007. Том 77. № 3. С. 195-210
- 4 Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Социальная стратификация здоровья в России: тенденции в 1990-е и 2000-е гг. // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 29
- 5 Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Социальная стратификация здоровья в России: тенденции в 1990-е и 2000-е гг. // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 38
- 6 Сверхвысокое неравенство – реальная угроза стабильности общества. Обсуждение научного сообщения // Вестник РАН. 2008. Том 78. № 4. С. 314
- 7 Шевяков А.Ю. Неравенство и формирование новой социальной политики государства // Вестник РАН. 2008. Том 78. № 4. С. 311
- 8 Грицай Л. А. Материнство и наука: к вопросу о родительских установках современных российских женщин-ученых // Социология науки и технологий. 2011. Том 2. № 4. С. 101
- 9 Попов Н. П. Бедность не порок? // Вестник РАН. 2008. Том 78. № 8. С. 691
- 10 Зараковский Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009. – 319 с.
- 11 Российский статистический ежегодник. 2011. М.: Росстат, 2011. - 795 с.
- 12 Лысова А. В., Щитов Н. Г. Системы реагирования на домашнее насилие // Социологический журнал. 2003. № 3. С.99-115
- 13 Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения. М.: Московский психолого-социальный институт, 2009. - 268 с.
- 14 Мареева С. В. Запрос россиян на модернизацию и определенный тип социально-экономического развития страны // XII международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Часть 3. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- 15 Елецкая М. А. Отношение современных россиян к богатству и бедности // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 83

Оплата труда как отражение социального неравенства

Химилонова И.В.

Социальное неравенство является формой социальной дифференциации, при которой определенные люди, группы людей, классы находятся на разных уровнях вертикали социальной лестницы и обладают разными возможностями удовлетворения своих потребностей. Общество живет в условиях, при которых каждый его член имеет неравноценный доступ к лимитированным ресурсам материального и духовного потребления.

Глобальные экономические и политические реформы, произошедшие в нашей стране в конце 20 века, основательно изменили социальную структуру российского общества. Произошло

стремительное расслоение социума, появилась каста очень богатых и слой крайне бедных людей.

Сконцентрировав значительные капитальные ресурсы, политическое руководство сделало выбор в пользу различных вариантов прямого административного контроля над важнейшими экономическими активами, делегировав избранному кругу лиц права на управление этими активами и получение значительных частных или групповых выгод¹.

Развитие определенных отраслей экономики, стремительный рост доходов и благосостояния ограниченного числа граждан, доходы топ-менеджеров, колоссальные гонорары телеведущих и публичных персон с одной стороны и все

снижающийся уровень доходов и жизни работников социальной сферы, научного сообщества, интеллигенции с другой стороны, порождают вопрос соответствует ли оплата труда вкладу каждого в развитие общества? Постоянный дисбаланс пропорций оплаты труда усиливает социальное расслоение. Такое расхождение воспринимается и переживается многими российскими гражданами (прежде всего безработными, людьми, чей доход не превышает прожиточный минимум) как демонстрация несправедливости.

Диспропорции оплаты труда как отражение социальной несправедливости, задача – решение которой озвучивается на всех властных уровнях. Путин В.В. уточнил коэффициент расслоения: «Вопрос о расслоении по доходам напрямую относится к социальной справедливости. У нас коэффициент расслоения по доходам - 15-16»². Но проблема лишь усугубляется.

Отметим, что наша столица Москва подтверждает свой статус города контрастов. По данным журнала Форбс, Москва уже в четвертый раз сохраняет статус столицы мирового рейтинга миллиардеров. Город опережает, по числу проживающих в нем владельцев крупных состояний, их 84, а совокупное состояние москвичей-миллиардеров составляет \$367 млрд.

Нью-Йорк и его 62 участника рейтинга на втором месте, с совокупным состоянием - \$288 млрд. Третью строчку делят Лондон и Гонконг - в каждом из них проживает 43 миллиардера³. Опережает ли Москва эти города по уровню жизни, ответ очевиден.

Непрерывный рост разрыва между состоятельными и малоимущими гражданами со временем все более затрудняется эффективное развитие экономики.

Питирим Александрович Сорокин доказал, что уровень экономического неравенства колеблется с течением времени около одной постоянной величины⁴. Слишком сильное усиление степени неравенства или равенства одинаково чревато национальной катастрофой и потрясениями⁵. Слишком сильное усиление неравенства приводит к тому, что узкую группу миллионеров легко свергнуть или уничтожить. Как показал опыт Южной Америки, олигархические режимы очень нестабильны. Опыт политики военного коммунизма в России показал, что после декрета 1918 г., когда разницу в доходах ограничили соотношением 175:100⁶, тогда наступила разруха и голод. Большая доля пред-

ставителей среднего класса даёт устойчивость политической системе.

Становление нового общества в ультра сжатые сроки породило массу сложностей и противоречий среди населения.

В 1992 году в России было снижение среднедушевых доходов населения в два раза. В 1994-1995 гг. они незначительно увеличились, а в результате дефолта 1998 г. доходы населения стремительно снизились и только с 2001 г. стали постепенно расти, не достигнув, тем не менее уровня 1991 г.⁷.

Согласно данным Левада – Центра, число озабоченных ростом цен и угрозой нищеты, за последнее время, выросло. Более двух третей респондентов (около 70%) испытывают тревогу в связи с ростом цен. Более половины – 55% – беспокоятся из-за обнищания населения. За последние 20 лет жизнь россиян не улучшилась. Исследование Левада-Центра охватывает довольно большой временной промежуток – с 1994 по 2013 год. И за весь этот период всегда самой главной жизненной проблемой для подавляющего числа россиян была нехватка денег⁸.

Степень бедности и экономического неравенства можно отнести к основным проблемам нашего социума. И как следствие можно выделить растущую социальную апатию среди российского населения. Все увеличивающуюся политическую, социально – культурную и духовную индифферентность граждан. Одной из основных причин этого является диспропорция оплаты труда, и в целом в распределении материальных благ. Это происходит на фоне полной деидеологизации. На место стройной внятной государственной идеологии пришли оторванные от жизни и здравого смысла идеологемы, например такие – «Мы строим социальное государство!», а вот возникает вопрос, построили ли? Житейские доказательства, различные социологические опросы аналитических центров свидетельствуют об обратном. Имущественное расслоение, уничтожение среднего класса, играющего ключевую роль в развитии общества, сосредоточение 80% собственности в руках менее чем 10% населения, двойные (тройные стандарты) при определении степени виновности гражданина, все это уже привело к выше поименованной социальной индифферентности. А в будущем она может вылиться в глобальный социальный взрыв.

Выплачиваемая государством зарплата является одной из главных причин низких дохо-

дов населения и социального неравенства. Это приводит к падению статуса и престижа профессий учителя, врача и грозит необратимыми последствиями для национальной безопасности государства - резким падением интеллектуального уровня нации, дальнейшим ухудшением качества жизни (высокий уровень которого и является признаком социального государства) и снижением продолжительности жизни. Растущее имущественное расслоение поставило наше общество на порог всеобщей психологической дезадаптации и десоциализации. Задача по преодолению апатии и социальной депрессии, с которой государство на текущий момент не справляется, борясь не с причиной, а со следствием, под силу Русской Православной церкви, которая исторически играла объединяющую роль в российском обществе. На фоне растущего расслоения и несправедливости только вера может предложить наиболее жизнеспособные идеалы (национальную идею), способные сплотить хотя бы часть россиян. Необходимы серьезные, действенные методы борьбы с коррупцией, что требует особого государственного вмешательства. Сгладить диспропорции в доходах самых бедных и богатых россиян, помогло бы введение прогрессивного подоходного налога, признанного «золотым стандартом» налоговых систем развитых стран⁹. Государству следует отойти от практики определения минимальной зарплаты на уровне величины про-

житочного минимума. Минимальный размер заработной платы должен отражать достойные социальные стандарты потребления, такие как жилье, отдых, образование и лечение.

Ссылки:

1 Добренков В. И., Исправникова Н. Р. Пирамиды упущенных возможностей. М.: Университетская книга, 2013. С. 6.

2 <http://www.vestifinance.ru/articles/25598> Путин: расслоение населения по доходам закономерно.

3 <http://www.forbes.ru/milliardery/235682-stolitsa-reitinga-forbes-v-moskve-zhivet-bolshevsego-milliardero-v-mire> Столица рейтинга Forbes: в Москве живет больше всего миллиардеров.

4 Сорокин Питирим Александрович. Человек. Цивилизация Общество. М. 1992. Социальная и культурная мобильность. С. 315 - 322.

5 Сорокин Питирим Александрович. Человек. Цивилизация Общество. М. 1992. Социальная и культурная мобильность. С. 334.

6 Там же С.330.

7 Данканич С. А. Неравенство доходов населения: виды и последствия // Проблемы современной экономики. 2011. N 3 (39).

8 <http://www.levada.ru/04-09-2013/glavnaya-problema-naseleniya-nekhvatka-deneg>.

9 <http://www.vestifinance.ru/articles/23527> Прогрессивный подоходный налог вернется.

Модернизация социальной политики современного российского государства

Холоденко Ю.А.

В 1993 г. в самом начале сложного пути перехода к новому экономическому и социальному порядку, основанному на принципах рыночной системы хозяйства, Россия провозгласила себя социальным государством в Конституции РФ, принятой на всенародном голосовании, зафиксировано, что «Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В 2013 г. российской Конституции исполняется 20 лет. За прошедший пери-

од наша страна пережила «лихие 90-е», когда наблюдались масштабное падение экономики, усиление конфликтности в обществе, неспособность государства выполнять социальные обязательства перед населением. В этот период сама постановка вопроса о возможности построения российского социального государства представлялась мифической. Социальное государство для россиян казалось несбыточной мечтой.

Технический дефолт в августе 1998 г. подвёл жирную черту под итогами эпохи «дикого капитализма». Последующие десять лет стали для России своеобразным «золотым» десяти-

летием. Несмотря на противоречивые, неоднозначные оценки, ни адепты, ни противники действующей власти не могут отрицать очевидно: Россия добилась впечатляющих успехов в экономике и социальной политике. Россияне постепенно стали забывать что такое массовые социальные протесты, длительные забастовки шахтеров и металлургов, многомесячные задержки с выплатами заработной платы, пенсии и социальных пособий. Наконец, российское государство вспомнило о своих социальных обязательствах перед собственными гражданами и стало предпринимать попытки решать социальные проблемы, накопленные за первое десятилетие реализации коренных экономических преобразований. Государство увеличивало пенсии и социальные пособия, повышало заработную плату работников бюджетной сферы. Были сформулированы и реализованы приоритетные национальные проекты, имеющие ярко выраженную социальную направленность.

Кроме того, руководство государства стало серьёзно относиться к сложившейся в нашей стране катастрофической демографической ситуации. Были предприняты шаги по её нормализации и созданию механизмов повышения рождаемости. И хотя говорить о последовательной, продуманной семейно-демографической политике преждевременно, реализованные мероприятия принесли первые положительные результаты: средняя продолжительность жизни россиян увеличилась, повысилась рождаемость, заметно сократилась естественная убыль населения.

Вместе с тем современные российские реалии свидетельствуют о том, что многие социальные проблемы российского общества не решены. Бедность, неравенство, углублявшееся в последние два десятилетия, несмотря на очевидные успехи в сфере экономики, несправедливое распределение социально значимых благ, системная коррупция, в том числе и в социальной сфере, неразвитость механизмов частной благотворительности и пассивность гражданского общества в реализации целей социальной политики - вот далеко неполный перечень конкретных социальных проблем, выступающих как реальный барьер на пути формирования российского социального государства.

Российское социально-экономическое пространство пронизано глубокими многообразными противоречиями: между институтами государства и гражданского общества, между биз-

несом и властью, между целями экономического развития и необходимостью решения текущих задач социальной политики, между богатыми и бедными регионами. Представляется, что подобная противоречивость экономического и социального развития обусловлена не только и не столько средним по международным стандартам уровнем российской экономики, но и концептуальной непроработанностью основных направлений социальной политики современной России.

Прежде всего, следует определиться, что такое российская модель социального государства. Ранее мы уже отмечали, что имеющий место в современной России переход от государственного патернализма к социальному государству основанному на принципах государства всеобщего благосостояния, созданного в промышленно развитых странах Запада, является стратегической ошибкой, ибо в итоге этот мучительный процесс трансформации экономических и социальных отношений приведет к созданию модели, продемонстрировавшей свою ограниченность и слабую восприимчивость к глобальной конкуренции¹.

Мы также подчеркивали, что в нашей стране зарубежный опыт реализации государственной социальной политики в полной мере использован быть не может. Социальная политика в большинстве развитых стран превратилась в тормоз для развития экономики, ибо современное социальное государство - это дорогое удовольствие, базирующееся на масштабном перераспределении. Социальные обязательства государства становятся всё более значительными, что сопровождается ростом социальных расходов. Дорогостоящие социальные программы реализуются на неблагоприятном экономическом фоне. Мировая экономика находится в кризисном состоянии. В 2012г. экономический рост достиг минимальных показателей. В ЕС он близок к нулю, между тем в конце 2012г. безработица в Евросоюзе достигла 10,8%, в Еврозоне - 11,8%. В отдельных странах, до недавнего времени считавшихся благополучными, на рынке труда ситуация может считаться критической. В частности, в Греции и Испании уровень безработицы превысил 25%².

Решение социальных проблем требует колоссальных бюджетных затрат. Между тем возможности большинства государств становятся всё более ограниченными. Налоговое бремя «придавило» экономически индустриально раз-

витых стран. Масштабы перераспределения через бюджетную систему в большинстве из них давно перевалили за 50%. Так во Франции доля бюджетных расходов в ВВП достигла 55%.

До недавнего времени проблемы бюджетного дефицита и финансирования государственных, в том числе социальных, расходов решалась путём заимствований. В настоящее время этот источник иссяк. В то время как Пакт о стабильности ЕС устанавливает лимит величины государственного долга для членов союза в 60% ВВП, в Греции он составляет почти 170% ВВП, Италии - 120%, Испании - 100%.

Даже у столпов евроинтеграции - Франции и Германии - он превысил в первой половине 2013г. 80% ВВП. В Японии этот показатель достиг 200%, а в США - 100% ВВП.

Между тем общеизвестным является факт, что социальная политика, основанная на масштабном перераспределении, может считаться эффективной лишь в условиях динамичного экономического роста, когда абсолютное и относительное увеличение социальных расходов не является излишне обременительным для национальной экономики.

Позитивные сдвиги в российской экономике, повышение жизненного уровня отдельных социальных слоев и групп расширили ресурсные возможности российского государства в проведении социальной политики. Однако глубочайший глобальный финансовый кризис 2008-2009 гг. подтвердил одну неоднократно высказывавшуюся специалистами мысль: российская экономическая модель, базирующаяся на приоритетном развитии экспортноориентированных отраслей тяжёлой промышленности, исчерпала свой потенциал роста. Она нуждается в коренной модернизации. Всеобъемлющие преобразования в экономике, основанные на инновациях, требуют глубоких институциональных реформ в области социальной политики. Очевидно, что модернизация экономики одновременно выступает как предпосылка модернизации социальной политики и как её результат.

Следовательно, модернизацию государственной социальной политики нельзя рассматривать в отрыве от комплексных мероприятий, направленных на преобразование всех сфер жизни российского общества. Речь прежде всего идёт о переводе экономики нашей страны на инновационный путь развития. Инновационная экономика базируется на целенаправленном развитии высокотехнологичного промышленно-

го производства и сферы услуг, ускоренном развитии информационного сектора. Она связана с формированием институциональной и деловой среды, благоприятной для диффузии знаний и созданием механизмов, направленных на стимулирование инновационной деятельности.

Подобные преобразования в экономической сфере непосредственно зависят от профессионального уровня работников и теснейшим образом связаны с повышением уровня интеллектуализации труда. Опыт промышленно развитых стран показывает, что за период с 1960 по 2000 годы доля работников умственного труда и творческих профессий в структуре знаний заметно выросла. Так, в США и ФРГ она составляла 50%, а в Японии 55% совокупной рабочей силы, а с учётом работников профессий с элементами творческого труда 79,78 и 79%. В нашей стране эти показатели были значительно скромнее - 20 и 50%³.

Интеллектуализация труда, усиления его творческого характера, интенсификация использования накопленных работниками знаний и навыков становятся как условием, так и результатом перевода российской экономики на рельсы инновационного развития. Следовательно, важнейшим фактором формирования конкурентоспособной модели экономики, основанной на инновациях, становится развитие человеческого капитала, который следует рассматривать как решающий фактор достижения нового качества экономического роста и модернизации социальной политики.

Инвестиции в человеческий капитал создают положительные экономические и социальные внешние эффекты. Они образуют синергетический эффект, повышая производительность труда как отдельного работника - носителя человеческого капитала, так и в масштабах всей национальной экономики. Согласно результатам исследования, проведенного в рамках ОЭСР, увеличение срока обучения населения страны на один год обеспечивает прирост ВВП в 3-6%⁴.

Одновременно накопленный человеческий капитал генерирует поток индивидуальных доходов. Как показывают проведенные в начале нового столетия исследования, в 2002 г. в США средний пожизненный доход мужчин с высшим образованием превосходил соответствующий показатель для мужчин со средним образованием примерно на 550 тыс. долларов. Если учитывать расходы на образование (в 2002 г. сто-

имость обучения в колледже равнялась в среднем 50-60 тыс. долл.), «чистая» разница в доходах названных категорий мужчин почти на 500 тыс. долларов превышала прямые издержки обучения в высшем учебном заведении.

Важнейшими формами инвестиций в человеческий капитал выступают образование, повышение квалификации и переподготовка на производстве, медицинское обслуживание. России предстоит привести качество человеческого капитала в соответствие с требованиями инновационного экономического развития. Решение данной непростой задачи потребует колоссальных усилий со стороны государства и прежде всего - расширения масштабов государственно-финансирования образования, науки и здравоохранения. Кроме того, государство должно внести свой вклад в формирование механизмов частного инвестирования в человеческий капитал. Но для этого следует признать инвестиции в человеческий капитал общественным благом и именно с этих позиций российская власть должна оценивать расходы на модернизацию образования и здравоохранения, в том числе и частное финансирование.

Таким образом, формирование экономики, основанной на масштабном внедрении инноваций, неизбежно приведет к глубоким структурным преобразованиям за счет увеличения доли сектора высокотехнологического производства, в том числе активного развития малого и среднего бизнеса в сфере экономики знаний. Но без наращивания образовательного потенциала подобная перспектива представляется весьма туманной. Превращение науки и образования в общенациональный приоритет, повышение доли расходов на науку и образование соответственно до 3 и 8% ВВП в период до 2020 г.; создание механизмов, направленных на обеспечение равенства образовательных возможностей – призваны стать важнейшими направлениями и целями модернизации социальной политики российского государства. Их успешная реализация приведет к трансформации социальной структуры нашего общества и системы социальной стратификации, формированию социально ориентированных, но не подрывающих эффективное экономическое развитие, механизмов распределения и перераспределения материальных и социальных благ, преодолению неравенства и бедности.

Модернизация социальной политики должна быть на превращение российского обще-

ства в более справедливое. Сложившийся уровень материального и социального неравенства в нашей стране неприемлем для цивилизованного государства. В 2012 г. децильный коэффициент составлял 16:1, при этом в 1991 г. этот показатель составлял 4:1, в 2006 г. – 15,3:1. Следовательно, экономический рост привел к усилению социального неравенства, которое Н.Федоркин справедливо назвал «необоснованным»⁵. Пропасть между богатыми и бедными продолжает углубляться.

Неравенство, обусловленное несправедливым распределением доходов, порождает многие из указанных выше противоречий и обостряет их. Мировая практика выработала стандартные механизмы преодоления неравенства в распределении доходов: прогрессивное налогообложение личных доходов и имущества граждан, выплата социальных трансфертов незащищенным категориям населения. К сожалению, в нашей стране отдельные механизмы выравнивания (в частности, через прямые индивидуальные налоги) отсутствуют, а другие – посредством бюджетных социальных выплат – малоэффективны. Попытка принять так называемый «налог на роскошь», по нашему мнению, обречена на провал. Это связано, с одной стороны, с непроработанностью и противоречивостью самого текста законопроекта, а с другой – экономической дифференциацией российских регионов. Так, счастливый владелец скромной двухкомнатной квартиры в спальном районе столицы смог бы в случае ее продажи приобрести роскошный особняк в Брянске или Иваново.

Более перспективной, на наш взгляд, представляется идея о дополнительном налогообложении престижного потребления – дорогих автомобилей, судов, вертолетов, драгоценностей, антиквариата, предметов искусства. При этом следует помнить о том, что подобные налоги не решают фискальных проблем, а их использование направлено прежде всего на формирование более справедливого общественного устройства, соответствующего пониманию большинства российских граждан.

Наконец, решение проблемы неравенства и более справедливого распределения доходов требует введения прогрессивной шкалы подоходного налогообложения. В своих выступлениях на различных научных форумах автор последовательно отстаивал данное положение, подчеркивая, что прогрессивная шкала должна

быть простой (двухурневой) и не носить конфискационного характера, стимулируя тем самым девиантное поведение в сфере налоговых отношений. На первом этапе внедрения новых механизмов подоходного налогообложения действующую ставку налога на доходы физических лиц до 2 млн. рублей в год можно сохранить на сложившемся уровне в 13%, а доходы свыше указанного уровня – увеличить до 20%. Более того, отдельно следует рассмотреть вопрос об освобождении от уплаты подоходного налога лиц с доходами, не превышающими 150 тыс. рублей в год. Модернизация системы подоходного налогообложения принесет положительный социальный эффект, не несёт серьезного ущерба доходной части государственного бюджета, не подорвет трудовую мотивацию и не загонит доходы большинства россиян в «тень». Подобный шаг со стороны государства будет положительно воспринят большинством населения как движение в направлении преодоления неравенства и реализации принципов социальной справедливости.

Еще одним важным шагом, связанным с модернизацией социальной политики российского государства, выступает реформирование пенсионной системы. Пенсионное обеспечение – чрезвычайно острая социально-экономическая проблема не только для России, но и для всех развитых стран. Большинство государств, как правило, решают ее путем увеличения налогового бремени и повышения пенсионного возраста до 65-67 лет как для мужчин, так и для женщин. Несмотря на предпринимаемые усилия, пенсионные системы государств «всеобщего благосостояния» трещат по всем швам. Россия не исключение.

Повышение возраста выхода на пенсию – мера непопулярная. Многие россияне среднего возраста считают ее несправедливой. На наш взгляд, более решительно нужно действовать в другом направлении – увеличения трудового стажа, дающего право на получение трудовой пенсии. Следует отметить, что российское правительство обсуждает отдельные подходы к данной проблеме, но не слишком уверенно, действуя по принципу «шаг вперед – два шага назад», периодически повторяя, как шаман заклинание, тезисы о неизбежности социальных обязательств государства.

Между тем время уходит, а проблема обостряется. По нашему мнению, трудовой стаж при выходе на пенсию мужчин должен быть не ме-

нее 30 лет, а женщин – 25 лет. При определении трудового стажа должна учитываться служба в рядах Вооруженных Сил, а для женщин – предоставляемый государством отпуск по уходу за ребенком. Следует полностью отказаться от накопительной части пенсии. Решение о ее формировании принималось руководством государства на фоне динамичного развития российской и мировой экономики. Мировой кризис и последующее «вялое» оживление деловой активности свидетельствуют о том, что сложившаяся социально-экономическая парадигма исчерпала себя. Финансовый рынок лихорадит, инвесторы несут колоссальные убытки. Среди них – крупнейшие пенсионные фонды США, являющиеся распорядителями «длинных денег».

Источником «длинных денег» в нашей стране должна стать накопительная часть пенсии. Между тем сфер для высокодоходного вложения инвестиций в промышленно развитых странах, как и в России, очень мало. Как правило, инвестиции носят спекулятивный, высокорисковый характер. В 2008-2009 гг. американские пенсионные фонды потеряли значительную часть своих средств, вложенных в финансовые инструменты. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что соответствующие структуры в нашей стране избежат подобной участи. Других высокодоходных объектов инвестирования пенсионных накоплений, кроме ценных бумаг, пока нет и, скорее всего, не будет.

Правительство РФ сделало первый шаг в данном направлении. Принято решение о сокращении отчислений на накопительную часть пенсии до 2%. Представляется, что от самой идеи обязательного пенсионного страхования следует отказаться. Страховые взносы следует заменить пенсионным налогом, размеры пенсий в большей степени привязать к трудовому стажу и объему пенсионных отчислений. Подобный шаг со стороны государства не решает проблему неравенства, но сделает пенсионную систему более прозрачной и справедливой. При этом можно было бы продумать и внедрить механизмы стимулирования добровольного пенсионного страхования.

В реформировании нуждается и система финансирования здравоохранения. От обязательной страховой медицины следует отказаться и перейти к прямому государственному и муниципальному бюджетированию медицинских учреждений, а фонды обязательного медицинского страхования упразднить, передав их функ-

ции государственным и муниципальным органам. А вот добровольное медицинское страхование и частные медицинские учреждения нуждаются в дальнейшем развитии и государственной поддержке.

Наконец, модернизацию социальной политики российское государство могло бы начать с наведения порядка в государственном секторе экономики. Первые шаги в данном направлении сделаны. Ограничены денежные выплаты топ-менеджерам государственных компаний, в том числе в связи с досрочным расторжением контракта. Ведется постоянный мониторинг работы органов государственной власти, связанной с повышением оплаты труда работников бюджетной сферы. Следующим шагом в данном направлении, по нашему мнению должно стать законодательное закрепление соотношения между максимальным и минимальным размером оплаты труда в бюджетных учреждениях и организациях, например на уровне 8:1. Акцент на этом необходим, ибо разрыв в доходах руководителей бюджетных организаций и рядовых работников неоправданно велик, что недопустимо в социальном государстве, ибо закрепляет и усиливает материальное и социальное расслоение и не соответствует ценностным ориентациям значительной части российского общества.

Модернизация социальной политики современного российского государства – объективная необходимость. Нерешенные социальные проблемы накапливаются. Правящая элита дол-

жна проникнуться идеей трансформации социальной политики в направлении преодоления глубокого неравенства и построения более справедливого общества. Это потребует от нее мощной политической воли, отказа от сложившихся в последние двадцать лет стереотипов и вульгарных идеологем. Мировое сообщество стоит на пороге глубочайших перемен. Россия – полноправный член этого сообщества. И от российского руководства, его способности принимать решения, адекватные вызовам современности, зависит наше будущее.

Ссылки:

1 Холоденко Ю.А. Социальные факторы инновационного развития.// Инновации в социально-экономическом развитии: государство, фирма, менеджмент. Под ред. В.П.Васильева. - М.2007, с.238

2 www.vestifinance.ru

3 Конкурентоспособность России в глобальной экономике. - М.Международные отношения, 2003, с.196.

4 Коровяковская Н.Д., Холоденко Ю.А. Человеческий капитал как фактор инновационного развития.//Труд и социальные отношения, 2009, N11, с.16.

5 Федоркин Н.С. Политическая система как ресурс социального государства и инновационное развитие. / Социальное государство и инновационное развитие. Под общ. ред. В.П.Васильева. – М., Макс-Пресс, 2010, с.32.

Проблема личности в условиях социального неравенства

Чечеткина О.Н.

Проблема становления и развития личности является предметной областью множества наук, но, только социология стремится определить социальный элемент структуры личности – социально значимые качества, характер и способ объединения людей в различные общности и социальные группы. Рассматривая личность как субъект деятельности, необходимо отметить, что развитие человека зависит от развития других людей, с которыми он находится во взаимодействии. Становление личности начинается с пер-

вых дней жизни человека и обусловлено процессом социализации. В процессе социализации человек усваивает нормы и ценности, вырабатывает и закрепляет основные культурные и другие навыки, постепенно учится ориентироваться в социальной среде, соотнося свои поступки с действиями и поступками других людей. В процессе социализации вырабатывается модель поведения, соответствующая положению человека в социальном пространстве, усваивается соответствующий набор социальных ролей, в зависимости от принадлежности человека к различным социальным группам.

На своем жизненном пути человек неоднократно меняет свое поведение в зависимости от того, каков его статусный набор в определенный период времени. П.А. Сорокин в «Системе социологии» отмечает, что различные социальные группировки, в которые входит человек, давят на его поведение, видоизменяют поведение человека по своему образу и подобию, деформируют его физическую и особенно психическую сторону. Интересы, стремления, оценки, симпатии и антипатии, обязанности и права выступают соответствующими требованиями данного коллектива. В этой связи человек испытывает ряд перевоплощений не только в течение всей жизни, но даже и в течение дня. П.А. Сорокин утверждает, что человеческое «я» мозаично и плюралистично, и вызывается эта множественность «я» положением индивида в социальном пространстве, в системе социальных координат, характеризующих строение населения. Вся наша жизнь представляет выполнение тех функций, к которым толкают нас связанные с нами группы, т.е. каждый из нас ведет себя так, как требуют влияющие на нас группы.

Из этого следует, что при перемене места в системе социальных координат, неизменно будет меняться и поведение индивида. При этом, чем сильнее будет изменение социального статуса, тем сильнее будет изменение поведения индивида. Например, «человек, бывший в группе бедняков и обделенных, занимавшийся функциями фабричного рабочего, этот человек, перешедший в группу богатых и властвующих, перебивший профессию рабочего на профессию правителя, неизбежно, фатально будет иным человеком». [1] Здесь необходимо отметить, что в обществе, где социальное неравенство проявляется весьма ярко, такое изменение поведения будет сильнее деформировать психику человека и оказывать негативное влияние на процесс становления личности.

Человек постоянно находится во взаимодействии с различными социальными группами, является одновременно членом нескольких социальных групп или переходит из одной группы в другую. Поведение человека также меняется в зависимости от того какую социальную роль человек выполняет в определенный промежуток времени. Если социальные группы выдвигают противоречивые требования, то поведение человека примет характер полной нерешительности или полного противоречия.

Рассмотрим одну из наиболее острых проблем личности – профессиональную деятель-

ность, в которой находят выражение и воплощение все социально-психологические свойства личности. К ним относятся мировосприятие и мироотношение, мотивация достижений в самореализации и самоутверждении, цивилизованность, гражданственность, социальная интегрированность, коммуникативность, социальная активность, самореализованность, жизнестойкость. Профессиональная деятельность – это личность в деятельности, ее результаты – это воплощение всех ее свойств, а не только профессиональных знаний, навыков и умений.

Каждый человек обладает уникальной комбинацией личностных черт, потребностей и мотивов, в результате чего одни профессии подходят для него больше чем другие. Но ни один человек не рождается с умением что-либо делать. Способности не даны человеку в готовом виде. Они являются результатом развития задатков в процессе определенной деятельности. Только в упорном труде можно развить способности даже в тех случаях, когда кажется, что нет никаких задатков к тому или другому виду деятельности. Однако из неперемных условий превращения задатков в способности является любовь к избранной профессии.

Успешность молодого специалиста в первую очередь зависит от личностных особенностей человека и правильного представления о выбранной профессии. Несоответствие представлений и ожиданий человека о реальных условиях его предстоящей профессиональной деятельности делает его неподготовленным к встрече с неожиданными трудностями, что приводит к дополнительным эмоциональным нагрузкам. Поэтому выбрать профессию соответствующую возможностям и желаниям человека – задача непростая.

В закрытых обществах существовал обычай передачи семейной профессии от одного поколения к другому, следовательно, профессиональное положение родителей играло определяющую роль в выборе профессии. В процессе социализации в этом случае человек овладевал традиционными профессиональными навыками, готовясь к выполнению определенной социальной роли, и его поведение было лишено противоречий (конечно случаи смены профессии имели место, но случалось это достаточно редко).

Совершенно другая картина складывается в открытых обществах, где доля наследственной передачи профессии от поколения к поколению значительно ниже, но профессиональный

статус семьи все еще продолжает определять статус детей. Естественным желанием каждого человека является желание повысить свой социальный статус, но в любом обществе существуют механизмы, контролирующие процесс вертикальной циркуляции. Этот контроль состоит в тестировании индивидов на предмет их пригодности к выполнению определенных социальных ролей. Соответствие индивидов требованиям общества зависит от качества, природы и характера организации тех институтов, которые осуществляют отбор [2]. Современное общество транслирует равные возможности для

всех членов в получении образования, профессиональной деятельности т.п., но социальное неравенство диктует свои условия, и равных возможностей нет. Возможность повышения социального статуса по-прежнему зависит в основном от того, какое место семья занимает в социальном пространстве.

Литература

1. Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008. С.832.
2. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М., 2005. С. 194.

Статус языков международного общения: борьба в современных социально-коммуникативных сферах

Чудновская И.Н.

В контексте разноплановых процессов глобализации актуализируется «транснациональное измерение» исследований социальной жизни. Это в полной мере относится и к социально-коммуникативным отраслям науки: социологии коммуникации, социологии культуры, социологии языка, социологии образования и науки, в которых приоритетные акценты на устоявшиеся предметные научные области смещаются в зону анализа взаимоотношений национального и транснационального. Актуализация данного аспекта обусловлена не только научными целями систематизации, объяснения и прогнозирования социальной действительности, но и прагматическими целями по выработке взаимоприемлемых оптимальных условий для интеракции различных социальных субъектов.

Как отмечают эксперты, «своеобразный парадокс нашего времени заключается в том, что чем больше социальное пространство тяготеет к гомогенизации мира, чем очевиднее процесс возникновения единой супердержавы, стремящейся к власти..., тем интенсивнее набирает обороты процесс гетерогенности, дезинтеграции, обособленности, культурного многообразия, столь же яростно заявляющий о себе» [9, 183]. С другой стороны, стремление к гомогенизации транслирует и генерирует новые

факторы неравенства в различных сферах социального пространства.

Возможный путь адекватного сосуществования в условиях одновременных социальных стремлений к гомогенности и гетерогенности – установление диалога, или точнее полилога. Успешность диалога в глобализирующемся социальном пространстве предусматривает выработку социальных, этических, культурологических, политических, социолингвистических принципов его ведения. В данном докладе мы рассмотрим ситуацию с позиции социологии языка.

Разработанная в социологии языка лингвистическая аксиология предлагает по отношению к языкам два типа оценок: автономные, исследующие языки в пределах их систем, и гетерономные, оценивающие языки по социальным факторам, по состоянию дел в сферах жизнедеятельности социумов, которые используют данные языки. Гетерогенные оценки сопоставляют статус языка со статусом социума, стоящего за этим языком.

Язык является неотъемлемой характеристикой этноса, функционируя в этноидентифицирующем аспекте (иногда служа единственным специально для этого созданным символом изначально низко статусной социальной группы), в этнокультурном аспекте (будучи средством поддержания и развития этнической культуры), в педагогическом аспекте (в рамках ЮНЕСКО

признается, что лучшим средством обучения является родной язык, который позволяет обучающимся в полной мере усвоить объем получаемой информации, в интерактивном аспекте (осуществляя поддержку социального взаимодействия), в психологическом аспекте. Не случайно в историческом лексиконе «язык» и «народ/этнос» отождествляются.

Неравенство в отношении языка расценивается обществом как социальное неравенство. Сужение функциональных сфер этнического языка ведет к психологической напряженности его носителей. На основе этого этносы, стремящиеся занять более высокую ступень на социальной иерархической лестнице, стремятся поднять и социальный статус собственного этнического языка.

Это осуществляется прежде всего путем расширения числа и объема социально-коммуникативных сфер, обслуживаемых данным языком. В социологии языка выведена закономерность: наибольшее количество шансов на вымирание — у языков, которые используются только в сфере семейно-бытового общения, наименьшее количество шансов — у языков государственных и языков образования. Это служит одной из объяснительных причин борьбы за социально-коммуникативные сферы, проводимой в современных условиях конкуренции, обострившейся в контексте глобализации.

На основании объема выполняемых общественных функций, связанных с социально-коммуникативными сферами, социологи языка выстраивают социолингвистическую типологию языков. Советским классиком Ю.Д. Дешериевым [5; 8] была предложена следующая типология:

- Международные языки (средство общения народов разных государств)
- Межнациональные языки
- Языки национальностей и народностей, включающие территориальные и социальные диалекты
- Племенные языки
- Одноаульные бесписьменные языки.

(Понятно, что терминология, предложенная на советском материале, легко переводится на реалии других стран, не теряя концептуального ядра).

В выстроенной типологии отражается статусное неравенство языков, которое важно для нас не само по себе, а тем, что предполагает определенную разницу в моделях поведения социумов, стоящих за каждым из обозначенных

языковых типов. В настоящее время можно отметить наличие конкурентной борьбы как по вертикальному, так и по горизонтальному векторам. Язык часто выступает индикатором или катализатором такой борьбы. Наблюдается циркуляция: этнос борется за повышение статуса своего языка, в свою очередь язык повышает статус этноса.

С появлением дарвинизма взгляды о борьбе видов за существование, о естественном и искусственном отборе переносились из биологии и на другие виды наук. В социологии языка такой подход вызывал реакцию от полного отторжения и усмешки по поводу наивности переноса до поддержки и дальнейшего развития подобного взгляда. Благодаря этому появилась дифференциация языков на жизнестойкие и нежизнестойкие. Жизнестойкие, или здоровые, языки способны сохранять и расширять свой социальный статус и сферы употребления; нежизнестойкие, или больные, языки к этому неспособны. Однако важно осознать, что такая способность зависит не от самого языка, а от объективных и субъективных причин разного рода, среди которых главные связаны с деятельностью самого социума, говорящего на данном языке. На жизнестойкость языков оказывают влияние социально-экономические, демографические, культурные, социально-психологические, географические факторы, среди которых ведущими выступают величина этноса с учетом возраста, места проживания этноса, этнический характер браков, дошкольное и школьное языковое обучение, этническое самосознание, языковая политика этноса и государства.

Таким образом, наиболее жизнестойкими в глобальном масштабе становятся языки международного общения (к которым в первую очередь относятся официальные языки ООН: английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский) и языки, обслуживающие несколько наций (например, немецкий язык функционирует в Германии, Австрии, Швейцарии, португальский язык — в Португалии и Бразилии). В плане коммуникации эти языки функционально более значимы и лингвистически более разработаны. Они выдвигаются на первый план как доминирующие и вследствие этого могут подавлять другие местные языки, поскольку среди населения полиэтнических государств выявлена ориентация на более мощные, престижные языки, которые помогут индивиду подняться на социальном лифте.

Однако попадание языка в разряд международных не гарантирует пожизненного пребывания на этой ступени, конкурентная борьба продолжается и среди жизнестойких языков. Используя метафору Дж. Оруэлла, можно сказать, что происходит борьба за место «более равного» среди равных. Имея юридически равные права, языки борются за фактическое расширение своих социально-коммуникативных сфер.

В новое время вместе с сохраняющейся категорией региональных международных языков (например, суахили) выделилась группа уже мировых языков с функцией глобального использования, образовав так называемый клуб мировых языков. По некоторым подсчетам [10], в состав клуба мировых языков исторически входят 7 ± 2 языка.

Набор языков международного общения не является константой, состав набора меняется в конкретные исторические эпохи. Например, в древние времена и средние века выбор международного языка детерминировался определенным регионом (на Ближнем Востоке – аккадский, арамейский, шумерский, в эллинистических государствах – древнегреческий язык), определенной социальной группой (служители религиозных культов использовали латынь и греческий в христианских странах, арабский в странах ислама, исповедующие индуизм – санскрит, буддизм – пали), определенной функцией (на Дальнем Востоке для вьетнамцев, корейцев и японцев письменным международным языком служил китайский язык в иероглифической форме).

После второй мировой войны, ознаменовавшей победу над фашизмом, в качестве международных языков признаны официальные и рабочие языки Организации Объединенных Наций. По понятным политическим причинам, независимо от их других гетерономных достоинств, статуса международного языка тогда не получили немецкий, японский, итальянский языки. В настоящее время, несмотря на политический и экономический вес соответствующих государств, клуб мировых языков до сих пор не включает их в свою номенклатуру.

Более того, в социально-коммуникативной сфере крупнейших авторитетных международных организаций (ООН, ВТО, ВОЗ, ЮНЕСКО и др.), где значительная часть бюджетных средств идет на оплату труда переводчиков, наблюдается предсказуемая тенденция – в целях финансовой и интеллектуальной экономии сокра-

щать количество и объем языков, реально используемых в работе международных организаций. Как утверждает С.Г. Тер-Минасова, опрос постоянных представительств в ООН по поводу того, какой язык они предпочитают для получения информации, дал следующие результаты: из 185 представительств 130 выбрали английский язык, 36 – французский и 19 – испанский [12, 251]. Как видно из результатов опроса, русский язык уже не входит в число предпочтений.

Такое положение дел с русским языком в международных организациях имеет объективную основу. У естественных языков функция быть международным языком вторична, она базируется на их первичной функции – быть государственным языком. Вторичная функция детерминирована первичной. Статус государственного дает языку возможность не просто быть атрибутивным символом государства, но и иметь приоритетное значение в делопроизводстве, быть языком образования в рамках своей страны и иметь право быть основным иностранным языком обучения в других странах и т.п. Важно, что эти права имеют гарантированную государством юридическую, административную и финансовую поддержку.

В Советском Союзе русский язык был языком межнационального общения и основным иностранным языком, изучаемым в школах Восточной Европы. К концу восьмидесятых на русском языке говорили около 300 млн. человек. Этот масштаб наряду с другими показателями достижения страны позволил русскому языку войти в состав мировых языков и быть по распространенности на четвертом месте [2]. Однако после распада СССР сфера действия русского языка в мире сужается. С суверенизацией бывших союзных республик русский язык потерял статус государственного более чем для 130 млн. человек. Как прогнозирует доктор философских наук А.В. Воронцов, если существующие негативные тенденции будут сохраняться, то «уже через десятилетие по степени распространенности русский язык «обойдут» такие языки, как французский, хинди/урду и арабский. А еще лет через пятнадцать – португальский и бенгали» [2, 29].

Наступление на русский язык идет не только с со стороны других «равных» мировых языков, но и со стороны языков, занимающих более низкие ступени в социо-лингвистической иерархии. Из относительно недавних значимых

примеров – создание в 2005 г. официальной ассоциации «European Observatory for Plurilinguism», поставившей своей целью поддержание разнообразия языков и выбравшей в качестве рабочих восемь языков: французский, немецкий, испанский, английский, итальянский, венгерский, румынский, португальский.

На позиции русского языка наступают как за пределами страны, так и внутри страны. Одно из таких проявлений – отказ от кириллицы в пользу других письменностей. Такие предложения высказывались к примеру, отдельными территориями с финно-угорскими языками, была предпринята попытка подобного отказа Татарстаном.

При этом еще в семидесятые годы советский социоллингвист А.Д. Швейцер на страницах своей книги высказывал возмущение по поводу статьи Э. Гудмана «Мировое государство и мировой язык», приписывающей Советскому Союзу «зловещие планы уничтожения национальных языков и замены их единым мировым языком (по всей вероятности, русским) с тем, чтобы способствовать превращению всего мира в единое советское государство» [13, 155].

В настоящее время роль глобального языка отводится в первую очередь английскому языку. И этого статуса английский язык удостоивается по вполне объективным причинам, по результатам активной деятельности общества, стоящего за этим языком. Речь уже не идет о прямой колонизаторской захватнической политике, кстати говоря, подобный исторический старт был не только у английского языка, но и, например, у испанского, французского языков. Сейчас неуклонная борьба продолжается вполне мирными путями: активнейшая деятельность во всем спектре областей политики: социально-экономической, культурной, коммуникативной, научной и других, обслуживание глобальной информационно-коммуникативной сети Интернет, распространенная по всему миру диверсифицированная сеть учебных курсов английского языка, обеспеченная разнообразнейшей учебной литературой.

«Война языков» – явление многообразное [см. 11]. Будь это «война слов», «война письменностей» (например, армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе по поводу перехода на латинский алфавит, греко-турецкий конфликт на Кипре) или любая другая языковая война, эта борьба всегда связана со статусом и деятельностью народа, стоящего за этим

языком. Война языков может осуществляться и через кровопролитные столкновения (как в 1960-ые годы в Индии, в 1990-ые годы в Югославии), и политико-правовым путем (например, в Канаде, Испании, странах Балтии). Особенность борьбы современных мировых языков – как правило, продвижение посредством мирных политико-правовых методов. И справедливости ради надо отметить, не во всех случаях английский язык оказывается в роли победителя: см., например, победу франкофонов в Квебеке (Канада), в самих США усиливаются позиции испанского языка, население отдельных стран Европы предпочитает изучать в качестве иностранного языка французский.

Если современная социально-коммуникативная сфера международных организаций зависит главным образом от позиций и деятельности государства, то в сферах, связанных с духовной жизнью общества, ведущими агентами наряду с государством выступают деятели духовной культуры (ученые, священники, писатели, учителя, книгоиздатели и т.п.). Силами этого подсоциума определяется сохранность и целостность занимаемых культурно-исторических позиций. В случае языка социальные установки, вектор и интенсивность деятельности интеллигенции, ее вовлеченность в публичную сферу, активность в работе с национальным самосознанием являются решающими факторами в сохранении сфер действия собственного языка в мировом масштабе.

Показательны в этом смысле высказывания авторитетнейшего американского социоллингвиста Дж. Фишмана, формулирующего задачи, которые стоят перед развивающимися странами, как развитие, модернизацию и вестернизацию, где под вестернизацией в языке понимается следование западным образцам с продвижением их ценностей и идентификации, изменение письменности, принятых форм вежливости, лексики, взаимопереводимой по отношению к престижным языкам [13].

Границы сфер действия культуры и языка подвижны, без целенаправленной борьбы центра за сохранение и расширение своего влияния пограничные участки имеют повышенную вероятность дезинтеграции. Так, например, в конце двадцатого века духовная культура Румынии находилась под влиянием трех направлений: балканизации, славизации, романизации. В настоящее время славянское влияние уступило свои позиции романскому, произошла сме-

на культурной ориентации на Францию и Италию, кириллица заменена на латиницу. Это стало результатом действия не только геополитических факторов, но и активной работы деятелей духовной культуры. Если языки ущемляются в правах, то это зависит в первую очередь не от самих языков, а от мудрости и решительности социумов, стоящих за этими языками.

Обслуживание глобальной информационно-коммуникативной сети Интернет послужило одной из объективных причин перемещения английского языка с роли просто международного на роль глобального. Остается ли ситуация такого языкового неравенства в данной сфере фатальной для других языков? Конечно, английский язык уже оставил свое культурное влияние на сознание пользователей Интернета, однако национальные компании других стран предпринимают усилия для введения в данную коммуникативную сферу своих национальных языков, являющихся одновременно и мировыми. Известны достижения в этой области у Китая, чей иероглифический язык принципиально отличается от английского. И хотя приходится отказываться от некоторых нововведений в связи со слабой типологической языковой совместимостью, работа продолжается.

Русский язык типологически совместим с английским в большей мере. Но, очевидно, что не только это определяет успехи наших специалистов в области информационно-коммуникационных технологий. Как сообщает Координационный центр национального домена сети Интернет, по количеству зарегистрированных доменных имен российский национальный домен .RU занимает 6-е место среди национальных доменов мира и 10-е – среди всех доменов верхнего уровня. Темпы роста национального домена .RU в 2012 году увеличились, годовой прирост количества доменных имен составил 16%, что является одним из самых высоких показателей среди крупнейших национальных доменов мира. Четыре миллиона доменных имен в .RU свидетельствуют о том, что российский национальный домен пользуется успехом у пользователей. Кроме того, в кириллическом домене .RF на сегодня насчитывается более 800 000 доменных имен, так что общий размер российского доменного пространства приближается уже к 5 млн. Это значит, что Интернет в России развивается высокими темпами [7]. Строго говоря, введение русских доменов не решает проблемы языковой борьбы, так как основные протоколы

продолжают работать на основе английского языка. Тем не менее полученные успехи показывают, что монополизм английского языка может быть преодолен в данной социально-коммуникативной сфере.

Особого внимания заслуживает современная социально-коммуникативная сфера науки, в которой, как и во многих других сферах, намечилось обострение конкуренции под воздействием глобализации. В прямой близости с наукой находится и сфера образования.

Язык является корпусом науки. Этот тезис может быть признан одним из основополагающих в научной коммуникации. Взаимосвязь языка, мышления и культуры была предметом исследования на протяжении XIX-XX веков. Релевантными для наших рассуждений являются взгляды В. фон Гумбольдта и гипотезы Э. Сепира и Б. Уорфа. Гумбольдт в первой половине XIX века выдвинул идею о тесном переплетении языка и духовного развития человечества. В процессе познания между человеком и миром стоит конкретный язык. В языке выражается дух народа, различие языков означает различие мировоззрений. В период пересмотра политических границ в Европе после разгрома Наполеона эти взгляды были одним из аргументов в борьбе за объединение Германии на основе идеи о единстве немецко-говорящей нации, имеющей через язык общее ядро в культуре и мировоззрении. Взгляды Гумбольдта оказали большое влияние на дальнейшее научное осмысление языка и мышления.

В XX веке большой резонанс вызвала гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа (Уорфа за его вклад в науку даже сравнивали с Коперником и Дарвином). Сильный вариант этой гипотезы утверждает лингвистический детерминизм, «тиранию языковой формы»: язык детерминирует характер мышления и способ познания мира. В слабом варианте утверждается, что язык оказывает определенное регулирующее воздействие на процесс мышления. Мы воспринимаем окружающую действительность именно так, а не иначе в значительной степени потому, что языковые нормы нашего общества предрасполагают к определенному выбору интерпретации.

Классический пример из истории науки отчасти иллюстрирует высказанные утверждения. В индо-европейских языках слово «тепло» является существительным, которые, как правило, обозначают конкретные предметы. Может

быть, именно поэтому в западной науке было столько бесплодных попыток найти субстанцию тепла типа «флогистона» или «теплорода». В ряде других языков это понятие обозначается глаголом. Возможно, если бы научные исследования велись на этих языках, то решение проблемы началось бы сразу с разработки более адекватной кинетической тепловой теории, к которой пришли в результате длительных поисков.

В начале XXI века вопрос о языке науки вновь обострился в связи с экспансией английского языка в данной социально-коммуникативной сфере и рейтинговым требованием к обязательным международным англоязычным публикациям как показателем значимости проводимой научной работы. Научные публикации на определенном языке предполагают мышление на этом языке, следование определенным научным подходам и методам, подчинение национальному дискурсу. Написание работ на английском языке накладывает и требование англоязычного научного дискурса, который далеко не всегда совпадает с интересами научных сообществ, использующих другие языки. Очень четко эта мысль выражена в словах палестинского социолога Сари Ханафи: “Publish globally and perish locally OR publish locally and perish globally” («Публиковаться глобально и погибать локально ИЛИ публиковаться локально и погибать глобально») [6]. Проблема действительно сложная: с одной стороны, доминанта науки заключается в выявлении предметной точности, которая невозможна без разных видений одного объекта, с другой стороны, чтобы свести воедино разные подходы и точки зрения, для коммуникативного взаимодействия необходим общий язык.

Эта глобальная функция все больше монополизируется английским языком, порождая неравенство: ученые, не владеющие английским языком, становятся аутсайдерами в глобальной научной жизни; предпочтение при выборе подходов отдается англоязычному научному дискурсу; университеты, целенаправленно и глубоко ведущие национальную научную деятельность, но не публикующиеся в англоязычных научных изданиях, оказываются на низких позициях рейтингов с вытекающими из этого финансовыми и социальными последствиями, попадая в условия академического капитализма. Среди основных черт академического капитализма в сфере культуры исследователи указы-

вают «угрозу местным и национальным культурам и интенсивное распространение английского языка», а сам академический капитализм представляют феноменом «низвержения традиционного университетского идеала» [4].

Такое положение дел вызывает реакцию сопротивления в национальных научных кругах. В 2013 году Немецкая социологическая ассоциация (DGS) приняла решение выступить против академического капитализма, бойкотировав рейтинг CHE (Center for the Development of Higher Education), являющийся наиболее влиятельным в германо-говорящем мире. Судя по заявлению [16], один из неоднозначно воспринимаемых критериев – “international visibility” (международная заметность). Официальный сайт Немецкой социологической ассоциации [14] разместил весомый список высших учебных заведений, поддержавших заявление и идею бойкота. Среди них и университеты, занимающие высокие позиции в предыдущих рейтингах CHE.

Возможен ли диалог/полилог при одновременном стремлении к гомогенности и гетерогенности с сохранением языкового равноправия сторон? Приверженцы искусственных языков предлагают избежать ситуации языкового империализма и неравенства в среде международных языков через утверждение эсперанто в качестве глобального языка [15]. Будучи языком искусственным, не являющимся родным ни для одного социума, этот язык не будет ущемлять чьих-либо национальных прав, так как у него, в отличие от естественных языков, функция быть международным языком является первичной. Такое решение проблемы вполне справедливо, однако едва ли выполнимо с прагматической точки зрения.

Борьба языков – это борьба за образ мысли, систему ценностей и социальных установок. Исходя из этого, представляется целесообразным сохранить расширенную систему международных языков в социально-коммуникативных сферах; в сфере науки и образования на данном этапе снять первостепенность критерия публикаций в англоязычных международных журналах как показателя академического веса высшего учебного заведения; в сфере работы международных организаций поддерживать языковой плюрализм. На наш взгляд, грамотная языковая политика избрана Международной социологической ассоциацией (ISA), где е-версия основного научного бюллетеня “Global Dialogue” одновременно выпускается на разных

языках: начав с четырех языков (французский, испанский, английский и упрощенный и традиционный китайский), орган продолжает свою работу уже на пятнадцать языках (английский, французский, испанский, китайский, фарси, хинди, португальский, арабский, японский, русский, польский, турецкий, румынский, украинский). Но важно отметить, что статус языка – не данность, за ним стоит большая активная работа самого социума и его отдельных представителей. При этом для поддержания глобального диалога с профессиональными коллегами в программу подготовки научных кадров желательно заложить выработку навыков билингвизма. Иначе полноценного диалога не состоится.

Литература

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000.
2. Воронцов А.В. Русский язык в социально-политическом аспекте. СПб: Знание, 2009.
3. Ганеев Б.Т. Язык. Уфа: Издательство БГПУ, 2001.
4. Глоссарий в сфере образования. Информационно-аналитический центр ИАС. Режим доступа: <http://ncepa.kz/spravka/glossary/156/>
5. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. М.: , 1977.
6. К вопросу о языке // Глобальный диалог. 2012. Т. 3, вып. 1. Режим доступа: <http://isa-global-dialogue.net/wp-content/uploads/2013/07/v3i1-russian.pdf>
7. Координационный центр национального домена сети Интернет http://cctld.ru/ru/press_center/news/news_detail.php?ID=4027
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: КомКнига, 2005.
10. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 2000.
11. Мухарямов Н.М., Януш О.Б., Халитов Б.Н. «Война языков»: метафора, концепт, феномен / / Социология войны и мира. М.: Альфа-М, 2006.
12. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007.
13. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. М., 2011.
14. DGS Deutsche Gesellschaft für Soziologie www.sociologie.de/che
15. http://miresperanto.com/kiononiskribas/jazykom_oon.htm
16. Dürre K., Lessenich S., Singe I. German Sociologists Boycott Academic Ranking // Global dialogue. 2013. Volume 3, Issue 3. <http://isa-global-dialogue.net/german-sociologists-boycott-academic-ranking/>

Технологии построения сценариев общественного устройства в условиях социального неравенства

Юрасова М. В.

Важность проектирования будущего, особенно будущего общественного развития, является одной из наиболее актуальных тем. В них заинтересованы государственные и муниципальные структуры, политические партии, да и собственно само общество. При этом наблюдается отстраненная позиция – «пусть нам предложат, а мы не согласимся». Эти процессы активно проявляются в ходе избирательных кампаний, когда проекты особенно востребованы и чаще всего инициируются и обсуждаются. При этом стоит отметить, что опи-

санные процессы одинаково присущи различным странам мира.

Любое проектирование начинается с диагностики ситуации: установления сегодняшнего положения («моментальная фотография»), изучения представлений о желаемом будущем, и расчет возможности и реализуемости перехода с текущей ситуации к желаемому будущему.

Наряду с количественными методами исследования этой цели в больше способствуют качественные методы. Цель этих методов не просто просчитать проценты и ответить на вопрос «Сколько?», но и проанализировать глубинные и подсознательные процессы, которые еще не

выявились и не могут быть зафиксированы в формализованной анкете. К ним можно отнести проективные методы.

Проективные методы помогают понять восприятие собственных (внутригрупповых) процессов как свойств внешнего объекта в результате бессознательного перенесения на него своих внутренних импульсов и чувств.

Предметом проектирования общественного развития, определенных социальных отношений является не будущее как таковое («его в физическом смысле не существует и предугадать его невозможно, его нельзя вычислить»), а современные типы социальных отношений, которые могут иметь место в будущем. То есть не вероятностного будущего, а системы отношений людей по отношению к будущему. (1)

Проективные сценарии представляют собой определенный взгляд в ближайшее будущее, но, как правило, через призму своего прошлого. То есть, проектируя будущее, согласно Л. Я. Аверьянову (2) всегда «планируем свое прошлое». «Создавая концепцию своего развития, определяя свои цели и задачи и соответственно, свое будущее, человек планирует иметь в будущем то, чего ему не хватало вчера и что ему хочется иметь в настоящем». То есть того, чего нам не хватает сегодня. «Осознание и определение того, чего нам сегодня не хватает или того, что нам хотелось бы иметь в настоящем, это есть наше концептуальное представление, которое было выработано и заложено в нашем сознании в некотором прошлом. Наше представление, наше сознание и осознание настоящего и того, чего нам хотелось бы иметь в будущем, все это было заложено намного раньше, в пору нашего становления как личности, как общественного существа. И мы можем мечтать сколько угодно, но будем это делать всегда только в рамках нашего прошлого знания». (1)

Однако, «самое трагичное заключается в том, что чаще всего оказывается, что прошлое нам не нужно в будущем, более того, оно оказывается вредным. Получается, что осуществив то, о чем мечтали, потратив на это много сил и средств убеждаемся в том, что это не то, несовершенное, плохо и никуда не годится.

Неопределенность социальных проектов сегодня настолько велика, что практически ни по одному из них невозможно сказать, каковы будут его социальные последствия». (1)

Только поняв всю важность социального проектирования и его изначальную сущность,

поняв природу социальных отношений, которые сложились вчера и действуют сегодня, рассмотрев результаты этих отношений, можно в какой-то степени предугадать и будущее.

Предлагаемая вниманию работа основана на материалах качественных исследований, проведенных по единому сценарию (серии фокусированных групповых интервью, N=9) в 2010-2011 годах в студенческой аудитории ведущих российских вузов, готовящих политологов, социологов и управленцев, то есть будущую элиту России. Исследования были дополнены материалами экспертного и количественного опроса по схожей тематике в идентичной аудитории. По технологии проведения исследования опиралось на организационно-тематический формат фокусированных групповых интервью, более известных на профессиональном сленге под названием фокус-групп. В каждой группе участвовало от 8 до 12 человек. Целью исследования было выявление проективных моделей общественного устройства, существующих у юных представителей престижных специальностей, а также их видения образа власти и руководства страны.

В качестве проективного метода была использована технология сочинительства сказки, которую автор активно использует в работе и представляет на научных конференциях (3, 4). Эта технология давно используется психологами, а последние годы все активнее и социологами. И как показало исследование, эта технология продуктивна.

Группам было предложено сочинить сказку о вариантах будущего устройства страны. При этом надо было обозначить место и время действия, определить действующих персонажей (включая мифологических, героев прошлого или настоящего, героев мультфильмов и др.), сформировать сюжет о том, как живут и организуют свою деятельность и взаимодействуют перечисленные персонажи, их страхи, конфликты, законы жизнеустройства, а также кто у них главный, как он им стал, какими характеристиками обладает, кто будет главным после него.

Сконструированная групповая модель сочетает в себе элементы настоящего и прошлого. В настоящем сохраняются и даже концентрируются все основы общественного устройства традиционного жизненного уклада. Эта же модель экстраполируется на будущее. При этом юношеский максимализм молодежной аудитории возраста 19-22 лет наложил свой отпечаток на видение будущего.

Отметим, что ситуация социального неравенства отражалась во всех групповых сценариях, более того, отдельные участники предлагали кардинально менять ситуацию.

Рассмотрим линии построения группового сценария. Логика изложения соответствует последовательности дискутируемых вопросов.

Время действия. В качестве желаемого времени в равной степени выбиралось прошлое и настоящее, немного реже – будущее.

Мотивация выбора прошлого основывалась на мифах и грамотной подаче исторического материала, избирательности памяти и источников получения информации из воспоминаний старшего поколения, художественных фильмов, книг. Прошлое связывалось с историческими научными и техническими открытиями, «временем максимальной самореализации», созданием великих произведений культуры. Участники групп ощутили себя частью эпохи, участниками тех событий, которые происходили, демонстрировали гордость общения с гениями мировой культуры, то есть в целом ощущали себя частью эпохи. Это подобно гордости старшего поколения, рожденного в СССР, гордости победителей Великой Отечественной войны, покорителей и первооткрывателей, участников грандиозных строек. Это было связано с периодами, когда с позиции сегодняшних дней можно чувствовать себя частью тех событий. А также подсознательное стремление к всеобщему декларируемому равенству.

Студенты выбирали любые периоды, когда происходили серьезные исторические перемены во всем мире. Это мог быть древний мир (например, древний Египет), наполеоновские войны, приведшие к переделу Европы, становление буржуазного общества во Франции и другое. Когда принимались и реализовывались грандиозные по своему масштабу реформы (высоко оцененные нашим временем). Фактически, в эти периоды истории происходили значимые перемены, и в мире был шанс реализоваться личности.

Сегодня, по мнению соавторов группового сценария, нет таких событий, нет такой эйфории. В культурном плане ожидать ничего не приходится. Только что прошли 90-е, которые воспринимаются как эпоха стабильности, а по некоторым явлениям даже эпохой застоя. Отсутствовала динамика развития во многих областях и даже кризис. Если опираться на информационный подход к истории, то в ближай-

шее время нас ожидает некоторый подъем. Хотя через несколько лет те или иные события могут быть увидены как годы великих свершений, переломивших эпоху.

А еще, в прошлом, по мнению участников групп, опирающихся на воспоминания старшего поколения и книгах, люди были добрее. Например, лет 40 назад в СССР ценились любовь, дружба, полезные дела во благо общества, «люди играли в футбол...» Здесь вполне очевиден фактор избегания негативных воспоминаний, и/или нежелание их понять поколением. Студенты с легкостью оценивали прошлое с позиций нашего времени. Выбор прошлого мотивировался желанием прикоснуться к той эпохе, пройти все еще раз, что-то повторить, а что-то изменить. Живем здесь и сейчас, а не прошлым. Среди негативного восприятия прошлого отмечалось отсутствие тех удобств, к которым приучила нас современная эпоха: телевизор, телефон, интернет, социальные сети. Жить в одном обществе, оказаться в другом многие считали не комфортным, поэтому многие настаивали на настоящем или будущем времени.

Настоящее время, по мнению участников групп, начинается со времени их рождения (ближе к 1990 г., то есть от 10 до 20 лет назад). Это время им более понятно, они в нем живут. Оно не так динамично, как было в прошлом, но молодое поколение находит все возможные способы проявить себя, самореализоваться. В настоящем им удобно и комфортно. Положение женщин в предыдущие эпохи сильно ущемлялось, а сегодня у девушек больше шансов для самореализации. Однако давать оценку (одобрение или отрицание) этому процессу соавторы группового сценария затруднялись. Прогресс сегодняшней эпохи достиг такого уровня, что приносит не только пользу, но и вред.

Будущее рассматривалось студентами как возможность начать все сначала, зная и учитывая ошибки прошлого, интересно посмотреть, что будет. При этом, описывая будущее, авторитетная аудитория указывала эволюционный ход развития – выживут лучшие и сильнейшие.

Интерес вызывает сравнительно близкое будущее – лет через 50, «когда закончится нефть». Озвучивалось и время окончания университета. То есть время кардинального изменения статуса: переход в новую категорию молодых специалистов, выпускников престижных вузов и «перераспределения власти после сокращения притока нефте-долларов».

Прорабатывая индивидуальные линии и общегрупповой сценарий, привяжем эпоху к месту событий.

Любое дело, считают участники групп, хорошо начинать с «чистого листа». Интересна другая планета, необитаемый остров, но желательно иметь сегодняшние знания, чтобы анализировать прошлые ошибки. Основная цель такой позиции – создание чего-то нового, но без связи со средой, имея только знания. Перенестись в другую местность и построить все заново: «допустим перелетаем на Марс, если на Марс не сможем, то на необитаемый остров». «Государство новое, общество новое, стоит все начинать с чистого листа».

Однако «чистый лист» в интерпретации политологов касается только общества. При этом должны быть благоприятными географические особенности: климат, полезные ископаемые, экология и др. То есть новое общество должно строиться в благоприятном климате, с хорошими земельными ресурсами. «Пусть это будет Швейцария или небольшое островное государство, возможно Австралия». Выгодность географического положения России участники исследования обосновывали богатством северных и сибирских территорий, а также колоссальными возможностями для самореализации и огромным потенциалом для будущего. Таким образом, рассматриваются стратегические перспективы как местности в целом, так и отдельных граждан.

Обращает на себя внимание желание участников группы не заниматься утопией, а сделать среду жизнеспособной, создавать в большей степени реальный мир, где уже идет становление и развитие общества.

Сочетание географических, политических и социальных особенностей дополнили часть проективной групповой модели сценария возможного общественного устройства и образа власти. Отметим, что географические особенности: богатство природными ископаемыми, климат, выход к морю и океану доминировали. То есть наличие стартовых потенциальных преимуществ для всего общества и самих участников в частности.

Так выглядят доли участников, распределившихся по месту действия событий: Россия – менее трети участников, необитаемый остров – около 20%, Азия – порядка 10%, другие европейские страны – порядка 40%. При этом замечена пассивная роль участников – «посмотрю,

как получится». Редко, кто сам бы хотел творить и создавать, но не отказался бы действовать под чутким руководством старших авторитетных товарищей. Интересен еще один проективный сценарий, выстраиваемый в формируемых условиях – стремление оказаться в числе избранных (элиты) для управления на идеальной территории. Отметим, что стремление попасть в число избранных присутствует во многих молодежных исследованиях, проводимых автором (в том числе и не относящихся к ведущим российским вузам). Вероятность попадания в число избранных оценивается сравнительно высоко, и это обусловлено стратегией «подстраивания», конформизма, желанием всеми силами соответствовать своим собственным и транслируемым СМИ идеалам прогрессивной молодежи. Это максимально прагматичная позиция: «сделаем все, чтобы попасть в круг избранных». Участниками движет любопытство, желание быть в эпицентре нового и прогрессивного, постоянно стремиться к совершенству, быть рядом с реформаторами и созидателями, но «будем стараться, а выбрать нас – это дело более компетентных управленцев». А это уже вполне реализуемый советский сценарий воспроизводства кадров: «я стараюсь – заметьте и отметьте меня».

Сегодняшний принцип случайного попадания в круг, так называемых, избранных, не основанный на предыдущих заслугах, а лишь коррелирующий с кругом общения молодых людей, порождает стремление к более раннему самоопределению «своего» уровня (круга) и выстраивания карьеры в зависимости от него (более широкое толкование понятия «золотая молодежь»). В то же время «круг избранных», по мнению сегодняшней молодежи, поиздержался и не может полноценно воспроизводить себя, что находит отражение в современной политической среде. Необходимо отлаживать новые механизмы, представляющие собой социальные лифты, основанные в первую очередь на знаниях, профессиональных навыках, компетенциях и талантах, плюс прозрачные пути достижения высоких целей.

Итак, общее видение территории – это образ острова, стратегически выгодная территория, создаваемая волшебными «старшими» силами в совокупности с грамотным пиаром. При этом внешняя сила способна претворять самые смелые решения в жизнь. В таком обществе выживает сильнейший. Внешняя сила покоряется

ему при соблюдении элементарных жизненных норм: защитил слабого – тебе ценнейшую награду, почет и уважение (княжение).

Действующие лица и персонажи. Показательны ассоциативные и проективные образы действующих лиц, включая реальных людей, героев прошлого, настоящего, будущего, а также сказочных персонажей. Для усиления групповой модели участники выбирали сказочных персонажей, исходя из их явной или латентной мифологической силы. Сказочными силами и волшебством в подавляющем большинстве награждали реальных людей – мужчин и женщин. При этом молодые люди, придерживаясь позиции пассивного участия, убеждены, что «идеальное общество само родит гениев». Чаще участники дискуссии обращались к традициям русской философии, и, как следствие, сказочные и мифические персонажи встречались достаточно редко. Хотя, интерес к гениальным личностям прошлого (художников, поэтов, философов, артистов, политиков) прослеживался во всех группах. В фантазиях участников было стремление объединить великих прошлого в одну эпоху.

По мнению молодых людей, человек сам совершенное существо, творец природы. Люди, которые существуют в настоящее время с их характерами, мыслями, воззрениями, устремлениями, надеждами и есть совершенное общество, которое является примером для тебя. Когда участники обосновывали выбор героев, то утверждали усвоенную из художественных произведений мысль, что сам по себе человек способен на гораздо большее волшебство, чем любой из придуманных персонажей. В идеальном мире живут люди со всеми их пороками и достоинствами. Если населить идеальное государство только положительными людьми, то будет неинтересно. Поэтому нужны положительные, отрицательные и нейтральные герои, среди которых должны выделяться яркие харизматичные лидеры.

Несмотря на желание начать все с «чистого листа», молодые люди хотят построить общественную систему, не меняя мироустройства. Так, отсутствие чиновников приведет к отсутствию проблем в обществе, поэтому ни ссор, ни конфликтов не будет. В работах просматривается стремление к построению двух полярных миров как мононациональных, так и многонациональных. Участники групп признавали, что отсутствие конфликтов и споров по непримире-

мости национальных интересов, но приемлемости межнационального общения влечет за собой отсутствие развития. Тем не менее, в идеальном обществе уже выработаны и активно используются технологии разрешения подобных конфликтов интересов.

Важно умение слушать и играть свою роль (сравнение с большим оркестром).

В суждениях были выделены возрастные критерии идеального общества. Это люди молодые и среднего возраста. Распространенным мнением было ограничение рождаемости (как в Китае). Таким образом, можно отметить, что новое поколение не желает нести ответственность (ограничение собственной ответственности) за детей и стариков, кому в идеальном обществе, по мнению участников, нет места. Значительно легче гармонизировать отношения с окружающей средой, животным миром, чем заниматься вопросами межпоколенческого взаимодействия. Такая тенденция, по крайней мере, выглядит угрожающей. Но, сделаем скидку на юношеский максимализм в постановке проблем отцов и детей и нежеланием тратить время на ее разрешение. Отметим, что изредка, под внешней силой, создающей и помогающей, угадывается именно старшее поколение со свойственным ему «занудством» и стремлением «учить жизни». Лучше бы создавали условия: «Партия! Дай порулить!»

К избранным были отнесены люди, которые смогли выжить в тяжелых условиях, развитых в технологическом плане, не употребляющих алкоголь и наркотики, живущее по традиционным законам и почитающим созданные и создаваемые ценности. Идеальное государство – это то, где есть человек, люди, которые реально могут способствовать его развитию.

Среди героев называли ДгАртаньяна, Печорина, Евгения Онегина, Достоевского, Илью Муромца. То есть одних мужчин, героев, которые могут спасти от всех бед или знают что делать. Среди них выгодно отличается прекрасная фея, помогающая всем, в том числе устраняет первоначальное неравенство.

Среди перечисленных мифологических персонажей присутствовали хорошие существа, эльфы и гномы со своими характерами; ведьмы, воплощающие реальность (тяжко воплотить в сказке то, чего нет на самом деле); герои диснеевских мультфильмов.

Теперь рассмотрим образ самого государства, в котором превалируют менеджерские

идеи. Начинается новое государство с объявления о его создании и подготовки бизнес-проекта. Таким образом, вероятность попадания в круг избранных увеличивается с приближением к тому, кто разрабатывает данную идею, чтобы принять эту модель и попытаться что-то в ней менять. «Кто задумал, тот и пройдет», «Как меня могут не принять, если это мой проект?!». Мы строим идеальное государство, с идеальными (с нашей точки зрения) людьми и с ними заранее будет согласованы все изменения и новая модель жизнеустройства.

Если проходит какая-то система или проект, способный заработать с «чистого листа», то всем несогласным «сотрем память», что согласитесь, очень жестко. Люди будут жить по законам отсутствия у них памяти. «Ты родился со стертой памятью, значит должен быть счастливым, ты не знаешь другой жизни». Так строится государство идеальных правителей.

Подобное устройство общества при обсуждении вызывало единичные возражения в аудитории. Так как любое развитие предусматривает баланс добра и зла. Ошибочным видится путь развития современного общества с мнимыми и/или декларируемыми свободами и стремлением учиться на ошибках других.

Были предложены тоталитаризм и диктатура как эксперимент. Как получится, так и будет. Если это лунная колония, то она будет обустроена по типу Соединенных штатов или Великобритании. В Россию же, где много земли, отправим всех желающих, как колонизаторов. Среди предложений рассматривалось общество СССР, где, по мнению участников групп, все были добрыми, а также мнение о том, что надо строить советский социализм («наподобие СССР»), но без жесткой внутренней политики.

Понимание неуправляемости ситуации родило в аудитории гуманистическую идею: «А вообще пригласил бы всех желающих».

Основными законами жизнеустройства идеального государства группы видят, прежде всего, библейские заповеди «Не убей, не укради». Каждый член идеального общества должен по собственной воле выполнять общественные обязанности, а не только их декларировать. Приемлемы любые демократические законы. Обязательно получение образования и повышение своего образовательного уровня, обучение опытом. Повсеместно надо вводить военное образование. В случае угрозы назначить Воеводу (Военачальника). Провозглашается равенство

полов. Были предложения по ведению практики, как в Спарте.

При этом группами признавалась невозможность универсальности законов. Жить надо по совести, совестью же определять нормы поведения.

Не исключали группы принятия и жизни по законам природы (в том числе естественный отбор – выживает сильнейший). Обсуждали добро и честь, никаких уголовных дел, только административные и семейные (позитивное отношение к жизни). Межличностные отношения должны быть основаны на уважении, чести и морали. Предполагалось использовать ту часть исламской идеологии, где мужчина чтит женщину и наоборот. И в обществе тогда все будет гармонично. Разрешить дуэли, кровную месть, что обусловит стабильность общества (отметим, что представителей Северного Кавказа в группах было минимальным (менее 10%), а в некоторых группах они вообще отсутствовали).

Основа всего – сильные традиции, которые можно было бы сохранить и передать дальше. Власть традиций и власть самосознания. Как себя самоощущаешь, как себя судишь – так и правильно. Все вокруг доброе. Соблюдаешь самоконтроль: что можно мне заканчивается там, где затрагивается вопрос свободы другого. Отношения выстраивались бы на понятии чести (Айвенго, золотого века). Важно, то чтобы были такие законы, которые надо обязательно выполнять. Законы должны быть основаны на моральных нормах, уважения друг к другу, почитании старших («не беспокоить спящую красавицу») и др.

Идеальное общество может быть удалено от политики и управления, а в основе должны лежать экономические законы – развитая активная торговля, поддержание и защита частной собственности, демократические институты. Важные решения принимаются небольшими группами выборных людей. «Античная демократия, когда небольшая группа может принять правильное решение». Нужно несколько субъектов, с самостоятельной властью, которая подчинялась бы центру, где проводилась бы своя социальная политика и исследования, позволяющие учитывать мнения всех. Исходя из этого принимать законы, не забывая о базовых принципах: праве на жизнь, свободе слова, равных правах и возможностях. Союз правителей как орган власти назывался практически во всех группах (различие только в названии, наделяе-

мые функции идентичны). Регионы будут населены своими существами. У каждого общества был бы избранный правитель. Все бы основывалось на четких традициях и ценностях. Поэтому, априори тот, кто придет к власти должен нести все лучшее. Важно, чтобы сохранялись индивидуальность и региональные законы. «Было бы сходство региональной власти, много маленьких населенных пунктов, было бы все свое, но при этом был бы центр. С одной стороны – культурный, с другой – экономический, куда бы все приезжали».

Сознательное гражданское общество. Государство создается в интересах самого общества, играя роль «ночного сторожа». Сохранение прав и свобод человека. Обязательно сохранение традиций и обычаев, включая религиозные, необходимость частной собственности, чтобы не кормить бездельников, но иметь минимальный социальный пакет, включающий медицинские и образовательные услуги. Государство предоставляет льготы всем нуждающимся. Увеличение процента государственной экономики, которая создает предприятия и рабочие места для безработных.

Странники построения взаимоотношений с «чистого листа» видят смысл в переносе сегодняшних законов в новый мир, но используя более тонкий механизм контроля за соблюдением законов. «Иногда, сводя к тому, что не надо бы экспериментировать вообще, главное, чтобы оставить все взаимоотношения как есть». Все более реалистичные законы пишем на основе уже существующих. Основным мерилем жизни общества есть и остается честность. «Честно, справедливо, без взяток». Цели и приоритеты исходят от народа. Управленцы – исполнители воли народа. В идеальном обществе не может быть главного, руководителя, как в древних обществах все люди имеют равные права.

По форме устройства: конфедерация, но неоднородная; выборная монархия (если ничего не делает, то ее можно устранить); конституционная монархия, с сильным принципом консолидации (яркий пример Великобритания).

Перейдем к описанию руководства, Главного. (В описательных характеристиках присутствуют достоинства и личные качества). Главный один из тех, кто в управлении, кто строил это государство. Главный должен иметь профессиональные навыки, уметь анализировать, принимать решения, вычленивать ошибки. Идеальный человек всегда сомневается, ищет. Кан-

дидат должен достичь определенного статуса («общепризнанного уровня») и иметь реальное представление о жизни страны и народа, должен показать себя через свои дела в определенный промежуток времени. «Кандидаты достойные, которые знают, что нужно людям».

Были предложены следующие модели:

Выборный монарх, опирающийся на законодательный орган. Закон соответствует мнениям и ожиданиям большинства. Выборная система, выбор председательствующего от расы, региона. Всегда обеспечиваются честные выборы, всеобщее голосование, равные возможности. Главой выбранного органа может стать кандидат на основе всеобщего тайного голосования. Критерием будет компетентность в экономической сфере. Он победит злую силу. «Система считалась плохой, пришел герой, произошла революция».

Конституционно бесправный монарх. Совершенное законодательство, суд присяжных, юристы, которые разрабатывают государственные законопроекты, исключающие возможность подкупа.

Коалиционное правительство, которое формируется из фракций Государственной Думы. В идеале иметь три-четыре партии. Выборными являются не только депутаты, но и особо важные законы (по принципу работы суда присяжных). Обязательно должен быть создан орган, имеющий возможность высказать недоверие лидеру, который будет обязан отчитываться перед этим органом. Высший суд.

Участники групп пришли к выводу, что важно умение объединяться, управление должен осуществлять Совет, необходимо формирование общей идеологии, проведение разъяснительной работы, регулярно проводимые референдумы. У идеального государства есть цели. Основными принципами должны стать любовь к своей стране, своему народу.

Участники групп выразили готовность идти и поддерживать авторитетных управленцев, умеющих строить грамотные и реализуемые стратегии. Необходима идеологическая пропаганда, закамуфлированная в проведении грамотных пиар-акций и мероприятий.

Сегодня социология является мощным инструментом в социальном регулировании общества. Достижения науки могут быть использованы по-разному, в том числе, и во вред человеку и человечеству. Но открытия науки – это обогащение культуры, это и путь к сохранению

человечества. И человечество, наверное долго, если не всегда, будет балансировать на этой грани: соотношение культуры и использование достижений науки на благо или во вред обществу. (1)

Литература

1. Аверьянов Л.Я.. Социология: что она знает и может. Социальное проектирование. // http://polbu.ru/averjanov_sociology/
2. Пушкин А.С. «Сказка о Царе Салтане».
3. Юрасова М.В. Проективные сценарии общественного устройства и образ руководи-

теля региона в массовом сознании национальных округов России. «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»//Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. М.:Альфа-М, 2003

4. Юрасова М.В. Проективные сценарии общественного устройства в сознании будущих обществоведов России // Вестник Московского университета. Серия 18 социология и политология, 2012, №1

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Земская реформа Александра II и местное самоуправление

Глебова А.Н.

В статье дан краткий анализ основных положений Земской реформы Александра II. Изучение исторического опыта земств позволит выявить главное, сформулировать новые выводы и предложения в ходе современного реформирования системы местного самоуправления.

Ключевые слова: гражданское общество, местное самоуправление, земская реформа, земское самоуправление, публичная власть, земский либерализм, реформирование

Glebova AN.

Zemstvo reform of Alexander II and the local government
The article gives a brief analysis of the main provisions of the Zemstvo reform of Alexander II. This analysis of the historical experience of zemstva will allow to identify the most important, to draw new conclusions and suggestions during the recent reform of local self-government.

Key words: civil society, local self-government, Zemstvo reform, zemstvo self-government, public authority, Zemsky liberalism, reforming

Местное самоуправление является специфическим уровнем регулирования экономических, социальных и политических процессов в стране. В России, как и во множестве других стран, в нем часто парадоксальным образом проявлялась двоякая природа самого института управления обществом. С одной стороны, таким управлением должны заниматься специальные органы, составленные из подготовленных людей, которые имеют возможность целенаправленно воздействовать на остальное население. С другой стороны, само это население является носителем власти и может избирать цели и пути своего развития. Вопросы местного самоуправления и гражданского общества стали ключевыми в Послании Президента Российской Федерации от 12 декабря 2013 года: «Считаю важнейшей задачей уточнение общих принципов организации местного самоуправления, развитие сильной, независимой, финансово состоятельной власти на местах. И такую работу мы должны начать и в основном законодательно обеспечить уже в следующем, 2014 году – в год 150-летия знаменитой Земской реформы. Кстати, именно развитие земств, местного самоуправления в своё время позволило России совершить рывок, найти грамотные кадры для проведения крупных прогрессивных преобразований. В том числе для аграрной реформы Столыпина и переустройства промышленности в годы Первой мировой войны»¹. Таким образом, Президент РФ особо подчеркнул, что исследование исторического опыта и прежде всего земств в России позволит сформулировать новые подходы, во всем их многообразии и противоречивости, сделать новые выводы и предложения.

Начало процесса Великих реформ, особое место среди которых занимает земская реформа, было положено манифестом 1861 года, который провозгласил отмену крепостного права. После этого 19 законодательных актов закрепляли основные положения манифеста. Реформирование российского государства поставило на повестку дня решение важнейших за-

дач. Ликвидация сословных границ послужило основанием для привлечению новых общественных сил к дальнейшему реформированию страны в социально-политическом аспекте, и принцип всесловности в Положении о земствах 1864 г. стал основополагающим.

Ранее, когда крестьянин был собственностью помещика, главной структурой управления на самом низовом уровне государства было помещичье хозяйство. Оно синтезировало в себе как экономические, так и социальные функции. Расположенные в поместьях крестьянские общины полностью выполняли задачи обеспечения своих членов самым необходимым и их социальную защиту. Феодальный строй не нуждался в специальных органах, которые бы помогали безработным, регулировали миграцию, развивали различные учреждения социальной сферы на местном уровне. Когда же крестьяне стали независимыми гражданами, положение вещей радикально изменилось.

Назрела необходимость проведение реформы местного самоуправления, создание новых учреждений на местах, способных решать вопросы хозяйственной жизни, в связи с отменой крепостной зависимости. Теоретики реформаторы при создании основополагающих принципов земской реформы разделились на два лагеря. Приверженцы хозяйственно-экономического направления полагали, что в деятельность местных органов власти входят исключительно хозяйственные и административные вопросы. Сторонники государственной теории самоуправления отстаивали положение об органах управления на местах как государственных учреждениях, Деятельность их была ограничена строгими рамками законодательства. За основу была взята хозяйственно-экономическая теория и было принято «Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г.» или земская реформа. Это свидетельствовало о коренной перестройке всей системы государственного и муниципального управления. К работе были привлечены постоянно действующие комитеты.

Фактически, изменилась вся философия управления государством. В четко очерченную веками единую иерархию уровней от императора до низшего местного чиновника стала встраиваться система, избираемая снизу. Понимание местного самоуправления как совершенно обособленного института регулирования жизни людей органично для обществ, построенных на основе эмиграции. Заселяя новые территории, эмигранты заботятся прежде всего о местной власти.

Они ее избирают, и с ее помощью решают свои насущные задачи. Никакой верховной власти на новых территориях нет. Она появляется позже и часто вынуждена считаться с уже существующими сильными структурами местного самоуправления. Такое положение вещей условно можно назвать реализацией «американской логики» власти. В России с ее очень сильным центральным государством, многовековыми традициями абсолютизма и восприятием самодержавия не только как механизма управления, а как духовной основы общества, земская реформа подспудно начала внедрять эту американскую логику. Но социокультурный контекст в стране был совсем иной. Люди постоянно жили на своих землях и страдали от постоянных нападений извне. Государство в лице самодержавия защищало крестьян от набегов захватчиков как с Востока, так и Запада. Вплоть до XVII в государственном бюджете была статья о выкупе пленных, т.е. даже в случае военной неудачи крестьянин мог рассчитывать на помощь государства. Таким образом, государство исторически мыслилось русским народом в качестве защитника, а противостояние ему считалось недопустимым.

Основы земской реформы базировались на трех основных положениях.

1. Были отменены сословные привилегии для представительства в земстве, круг вопросов был ограничен хозяйственно-экономической деятельностью, которая осуществлялась самостоятельно. Земские учреждения впервые в истории России не входили в систему государственных органов.

2. Отличительной чертой новой системы местного самоуправления явилось полное равноправие губерний и уездов, как административно-территориальных единиц.

3. В «Положениях о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г.» было закреплено формальное равенство и сменяемость гласных, их выборность, зависимость избирательного права от имущественного ценза.

Процесс реформирования земских учреждений в России в дореволюционный период проходил по двум противоположным сценариям, отражающими описанную выше противоречивость внедрения самостоятельных низовых структур управления в иерархическую систему государственной власти, охватывающую все уровни. Первый сценарий реализовывался при Александре II, второй при его сыне – Александре III.

Возникновение земских учреждений на территории Российской империи было обусловле-

но субъективными и объективными предпосылками: разрушение и падение крепостничества; чрезвычайная напряженная политическая обстановка в стране; бюрократическая чиновничья администрация, чуждая местным потребностям и интересам; низкая общая культура и почти сплошная неграмотность населения; отсталость транспорта, тормозившая развитие социальных контактов жителей разных регионов и миграцию.

Земская реформа, призванная поднять сельское хозяйство и управление, стала первым российским опытом организации местного самоуправления на принципах всесословности, выборности и самофинансирования. На последнем нужно остановиться отдельно. Без денег — нет власти. Данное утверждение в особенности верно по отношению к региональным структурам управления в стране. В период правления Александра II земства имели солидные источники средств, что делало из них дееспособные органы власти, которые при случае могли даже спорить с высшим начальством. В бюджетной области земства обладали большими правами. Они занимались налогообложением торговых и промышленных предприятий, облагали сборами земли, получали доходы от имущества и капиталов, находившихся в ведении земств, что, по сути, являлось формой местного государственного налога (губернский земский сбор). При взимании этого налога земства обнаружили отсутствие данных оценки недвижимого имущества. Ведению этих вопросов было поручено специальной статистической службе. Нельзя не отметить, что основной статьёй налогообложения, которая давала 85% всех поступлений в бюджет земства, был земельный налог с сельскохозяйственных угодий. Основными налогоплательщиками являлись землевладельцы и арендаторы.

Расходовались средства по вполне понятным статьям. В сферу компетенции земских учреждений входило: народное образование, здравоохранение, сельское хозяйство, пути сообщения, попечение о местной торговле и промышленности, ветеринария, благотворительные учреждения, земская почта, статистический учет и другие вопросы. Структура земских учреждений включала в себя избирательные съезды, губернские и уездные земские собрания, губернские и уездные земские управы. Получалось так, что стратегию, общую логику и идеологические приоритеты в тех вопросах, которые становились все более важными и определяющими развитие страны, вырабатывали не в центре, а на местах — в земствах.

Следует отметить, что местное самоуправление в рамках земства, в условиях самодержавной формы управления имела право избирать гласных и мировых судей, и осуществлять социальные программы. Публичная функция земства по созданию мировых судов и финансовому обеспечению их существования имела колоссальное значение для развития гражданского общества в стране, тем самым усиливая роль земских учреждений, как органов самоуправления в структуре государственной власти.

Анализ публичной функции земства свидетельствует об увеличении полномочий и круга вопросов решаемых земскими учреждениями, активное вовлечение их в политическую жизнь государства. Мировой суд становится одной из основополагающих функций института земств. Реализация публичной функции земского самоуправления заключалась в избрании и финансировании из собственного бюджета мировых судей, земских гласных, и основывалась на принципах демократического судостроительства: всесословности, выборности, независимости от администрации, местного характера, и регулировалась Судебным уставом 1864 года и действующим законодательством. Это послужило решающим фактором скорого воплощения основных положений реформирования судебной системы. Введение выборного мирового суда явилось гарантом защиты личных имущественных интересов, прав земского самоуправления, законного правопорядка, борьбы с существующим произволом бюрократической системы.

В стране возникло целое направление общественной и политической мысли — земский либерализм. Его яркими предстателями были А.И. Васильчиков, В.Н. Лешков, А.Д. Градовский, В.П. Безобразов, Н.М. Коркунов, И.И. Петрункевич, С.Я. Дерунов. Земские либералы И.П. Белокопский, Н.И. Йорданов, М.П. Драгоманов в своих трудах начинали анализировать земские вопросы не только с позиции практического хозяйственного подхода, но и как основание для дальнейшего прогрессивного общественно-политического устройства страны и конституционных преобразований. По мнению С.Г. Сватикова «либеральные круги с самого начала правильно оценили земские учреждения как основу будущего конституционного строя»².

При рассмотрении проблем становления местного самоуправления в дореволюционный период нельзя не отметить работу профессора А.Д. Градовского «Начала русского государственного права», в которой он дифференцировал

понятия «самоуправление»; «централизация»; «децентрализация». Впервые самоуправление рассматривается как система, в которой осуществление «разных административных обязанностей возлагается на местных жителей»³.

К работе в земских учреждениях были задействованы профессионалы своего дела, прекрасно образованные люди, свой труд, рассматривающие как основу для дальнейших демократических преобразований страны. Абсолютное бесправное крестьянство было приобщено к общественной жизни.

Оценивая результаты земской реформы 1864 г., необходимо прежде всего отметить подлинность земского самоуправления, основанного на самостоятельном формировании руководящих органов, их структуры и выработке основополагающих направлений развития. Успешная деятельность во многом была предопределена и связана с их самофинансированием, опирающимся на собственную налогооблагаемую базу; использованием различных денежных поступлений, в том числе привлечение кредитов, государственных ассигнований.

При этом в ходе деятельности земских учреждений обнаружился ряд проблем, которые так же присуще современному российскому государству: коррупция, чиновничья бюрократия, нецелевое использование денежных средств. И все же земства, и это главное, не только имели значительные финансовые ресурсы, но и могли ими распоряжаться в полном объеме. Функционирование земств происходило в существующих границах губерний и уездов, что способствовало мобилизации необходимых ресурсов для решения серьезных проблем, которые затронули большую часть населения страны.

Однако, в ходе проведения земской реформы принципы самоуправления не были реализованы в полном объеме. «Положение о губернских и уездных земельных земских учреждениях» 1864 года рассматривало местное самоуправление исключительно как общественные учреждения, наделенные полномочиями для ведения хозяйственно-экономических дел на местах. Самодержавно-бюрократический строй ограничивал функционирование земств законодательными актами, и сложившаяся вертикаль власти с трудом сосуществовала вместе с выборными земскими учреждениями. Земства не могли самостоятельно проводить свои распоряжения в действие, не были наделены исполнительной властью, что дискредитировало потенциал земских учреждений. Возможности

земств были ограничены из-за тотального контроля со стороны государства, что вызвало новые социальные конфликты в сфере управления.

Органы местного самоуправления столкнулись в своей деятельности с трудноразрешимой задачей: отношение к земским учреждениям крестьян, которые составляли 85% населения от общей численности, было неоднозначным. В России, где испокон веку укоренилась традиция отчуждения власти от народа: крестьяне с опаской относились не только к представителям государственной власти, но и к земским гласным и служащим, которые живут с ними по разным законам и подчиняются разному начальству. Крестьяне в своем подавляющем большинстве придерживались соборно-общинных устоев. Они видели в земствах все же в большей мере государственный орган, а не инструмент выражения своей воли. И было бы очевидным упрощением связывать такое отношение только с малограмотностью. Переселенцы-эмигранты в Новом Свете, Австралии, Новой Зеландии и на других территориях также не отличались высоким уровнем грамотности. Но они обладали иным мировоззрением: для них отсутствие сильной центральной власти было благом. Русские же люди многие века видели в сильном централизованном государстве свою защиту. Выступать против него, организовывать параллельные ему структуры виделось как предательство.

Сегодня уровень образования жителей России очень высок, но с местным самоуправлением возникают те же проблемы. Самая главная и очевидная из них связана с тем, что люди воспринимают местную власть как органическое продолжение власти центральной. Подлинный глубокий демократизм русского народа никогда не виделся и не видится сегодня в выборности власти. Этот демократизм связывается с четким разграничением «юрисдикций», зон влияния и контроля между властью и рядовыми членами общества. Здесь главным лейтмотивом является невмешательство власти в личные дела людей при невмешательстве людей в дела власти.

Возвращаясь к анализу земской реформы в свете вышеизложенного можно констатировать, что им была характерна двойственность: сосуществование двух различных по своей природе управленческих структур. С одной стороны, государственная – основная, с главными центральными органами власти, с чиновничьим бюрократическим аппаратом; с другой стороны – земская, не основная, выполняющая хозяйственно-экономические функции на региональном уровне. Некоторые ученые утверждают, что единство

и борьба этих тенденций являлись двигателем общественного прогресса, на самом же деле, двойственность и параллельность властных структур никогда не приводила к хорошим результатам.

Следует отметить, что государство не позволяло земствам напрямую быть вовлеченными в решения вопросов политического характера, строго регламентируя их деятельность в рамках «польз и нужд уездов и губерний». Начиная с 1866 г., принятие нескольких нормативно-правовых актов, ознаменовало расширение влияние государства в экономических вопросах на институт земств, что в конечном счете привело к усилению их зависимости от администрации.

Поворотным моментом, повлиявшим на дальнейшую расстановку сил в противостоянии государства и земств стало изменение курса внутренней политики нового императора, Александра III, связанная, прежде всего с убийством его отца, Александра II. Наиболее ярко это выразилось в политике властей, направленной на ограничение прав и полномочий земств. Земские учреждения стали подвластны напрямую губернатору, а не земским собраниям. Губернатор имел право контролировать не только исполнение закона на местах, но и проводить ревизии всех земских органов. Значительно был сокращен бюджет земств в связи с сужением сферы налогообложения.

Наряду с этим в самих земских учреждениях был сделан акцент на возвращение исключительного господства дворянства в политической жизни страны и усилению его роли в системе местного самоуправления. Упрочились позиции оппонентов земской реформы, группы консерваторов, отстаивающих самодержавие как единственно возможную форму правления. «Самое главное – устроить на твердых началах и поставить в правильное отношение к центральному правительству земство и местное управление», – писал М. Н. Катков. Среди теоретиков-реформаторов набирала обороты государственная теория самоуправления, рассматривающая местное самоуправление как неразрывную часть общей системы государственного управления.

Были утверждены многочисленные поправки к реформам – земской и городской. Стремление Александра III сохранить традиционный патриархальный уклад крестьянства и укрепить позиции дворянства, как социальной основы самодержавия, было признано главным условием самобытного развития страны. В период осуществления реформ дворянство утратило свои господствующие позиции, и в связи с отменой крепостного права испытывало острые финансовые

трудности. Дворяне не смогли приспособиться к новым экономическим условиям, разоряясь, теряли свою собственность, которая постепенно оказывалась в руках нарождающейся буржуазии. В политической и общественной жизни страны происходили схожие процессы: руководящие позиции в земствах дворянами были утрачены.

Введение «Положения о земских участках начальниках» 1889 г. ознаменовало усиление государственного контроля в лице привилегированного класса – дворянства над крестьянскими органами самоуправления. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 г. сократило сферу деятельности земств. По существу земцы превращались в государственных служащих, а земские учреждения в органы исполнительной власти на местах.

Основные принципы местного самоуправления фактически были перечеркнуты. Крестьяне, купцы, духовенство, мелкая буржуазия не наделялась избирательным правом, было сокращено число гласных, избирательные собрания все больше носили сословный характер. По положению 1890 г. земства стали подведомственны министерству внутренних дел, все основные решения и постановления проходили обязательную процедуру утверждения губернатором или министром внутренних дел. А ведь еще недавно стоял вопрос о создании всероссийского органа самоуправления, который мог напрямую конкурировать с традиционной государственной властью.

Анализируя положительный исторический опыт великих реформ в России, необходимо отметить важнейшие аспекты, которые актуальны на современном этапе становления и развития правового демократического государства. В России как в XIX, так и в XXI веке происходит сосуществование двух различных по типу властных структур: местного самоуправления и государственных, в область компетенции которых входит общий круг вопросов. Реформирование органов, которые должны выражать в своей деятельности начала самоуправления, происходило и происходит в тесной взаимосвязи и взаимозависимости от деятельности органов государственного управления.

Ссылки:

- 1 Послание Президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года. <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>
- 2 Сватиков С.Г. Общественное движение в России. - Ростов -на -Дону, 1905.
- 3 Градовский А.Д. История местного самоуправления в России// Собрание сочинений. -СПб., 1908-Т.9.-С.5.

Готовность школьников Осетии к ЕГЭ

Дзутцев Х.В.Ю., Хугаева А.А.

Статья написана по материалам массового опроса на тему: «Формы подготовки выпускников средних общеобразовательных школ Республики Северная Осетия-Алания к Единому государственному экзамену: социологический анализ. Апрель 2014 год», проведенного Северо-Осетинским Центром социальных исследований ИСПИ РАН и кафедрой социологии и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Объем выборки 600 человек.

Ключевые слова: практические навыки, зарабатывать на жизнь, индустриальная революция, развитая культура, высшее образование, государство, дети обеспеченных родителей, репетитор, аттестат зрелости, малообеспеченные семьи, естественнонаучное и техническое образование.

Dzutsev H.V., Hugaeva A.A.

Readiness Ossetia students for the exam

The article is written based on the mass survey on the topic: «The forms of training of graduates of secondary schools of the Republic of North Ossetia-Alania to the Unified State Exam: A Sociological Analysis. April 2014», conducted by the North Ossetian Center for Social Research ISPI RAN and the department of sociology and social processes of the North Ossetian State University. K.L. Khetagurova. The sample size of 600 people.

Key words: practical skills to earn a living, the industrial revolution, developed culture, higher education, the state, the children of wealthy parents, tutor, matriculation, low-income families, science and technology education.

Поскольку в РФ не видно начала новой индустриальной революции, требования к системе образования со стороны общества минимальные и не совсем определенные. Уровень подготовки учащихся по ряду дисциплин, в первую очередь по математике, физике, химии, биологии, информатике и другим естественным наукам, на очень низком уровне¹. А, как известно, слабая и односторонняя школьная подготовка не создает базу для развития культуры в широком смысле (материальной и нематериальной).

Система ЕГЭ позволяет получать высшее образование разным группам населения: тем, кто получил достаточно высокие баллы, государство обеспечивает финансирование расходов на обучение в вузе или ссузе. Но это не значит, что дети обеспеченных родителей, даже не набравшие высокие баллы, не будут претендовать на продолжение учебы в самых престижных высших учебных заведениях как России, так и мире. В целом обучение таких детей в вузах отрицательно сказывается на результатах подготовки специалистов, так как преподаватель в аудитории вынужден ориентироваться на «среднего» студента в лучшем случае, а чаще всего – на «слабого». Ситуация усугубляется, с одной стороны, «дефицитом» абитуриентов² в условиях демографической «ямы» для лиц в возрасте 15-20 лет, а с другой стороны – экономической заинтересованностью как самокупаемых негосударственных вузов, так и вузов, обеспеченных государственным финансированием, в студентах, оплачивающих свое обучение. Финансовые потоки от студентов данной категории – главное условие благополучия вузов в текущий момент времени. Однако, репутация вуза как организации, оказывающей образовательные услуги, в значительной мере зависит от качества, следовательно, востребованности выпускаемых специалистов. То есть, в среднесрочной и долгосрочной перспективе абитуриенты с невысокими баллами по ЕГЭ, принятые вузами на места, не обеспеченные государственным финансированием, портят имидж вуза и снижают уровень потребности в его услугах со стороны хорошо подготовленных выпускников школ.

Таблица 1
Как вы готовитесь к ЕГЭ?³ (в %)

Варианты ответа	Все опрошенные	Место опроса		г. Владикавказ				Сельские районы							
		город	село	Иристонский МО	Промышленный МО	Северо-Западный МО	Затеречный МО	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Самостоятельно	38,4	28,7	43,2	25,0	25,5	33,9	28,1	68,0	41,3	22,0	43,6	62,2	50,0	30,4	28,6
с помощью репетитора	47,5	58,0	42,4	47,5	55,3	58,1	75,0	72,0	32,6	28,0	17,9	37,8	64,0	47,8	37,1
с учителем в школе	34,7	28,7	37,5	55,0	27,7	16,1	21,9	46,0	13,0	70,0	33,3	42,2	10,0	30,4	45,7
еще не готовлюсь	6,3	6,6	6,2	2,5	14,9	4,8	3,1	2,0	17,4		12,8		2,0	8,7	8,6

Таблица 2
Как вы готовитесь к ЕГЭ?⁴ (в %)

Варианты ответа	Пол		Уровень успеваемости				Уровень доходов семьи		
	мужской	женский	отличник	хорошист	троечник	Неуспеваемость по отдельным предметам	низкий	средний	высокий
самостоятельно	35,3	40,9	42,7	36,1	44,8	14,3	26,4	40,4	29,0
с помощью репетитора	47,1	48,3	57,3	53,4	18,8	28,6	28,3	51,6	50,7
с учителем в школе	30,2	38,5	34,8	36,6	28,1	28,6	35,8	34,0	40,6
еще не готовлюсь	7,8	5,1	3,4	3,1	19,8	28,6	17,0	4,8	7,2

Воздействие данного рыночного противоречия системы образования лучше всех ощущают и осознают администрации педагогические коллективы вузов. Но в условиях системного кризиса образования они вынуждены подчиниться обстоятельствам и перестроиться на работу со слабо подготовленными в большинстве своем абитуриентами.

Слабость подготовки абитуриентов объясняется проблемами общего среднего образования, а также несовершенством процедуры ЕГЭ, не позволяющим объективно оценить знания выпускников школ. Нарушения правил проведения ЕГЭ имеют повсеместный, масштабный и уже хронический характер. В результате вузы полу-

чают «кота в мешке». Только нескольким российским вузам дано право вводить дополнительные испытания, которые становятся некоторым залогом для неподготовленных абитуриентов. Остальные вузы лишены возможности отказать абитуриенту с достаточно высокими баллами в свидетельстве о сдаче ЕГЭ, даже если он фактически не знает основ школьных дисциплин. Бессмертные гоголевские «Мертвые души» теперь и в системе образования – знаний нет, но документально их существование зафиксировано.

Общее снижение подготовленности как выпускников школ, так и выпускников профессиональных заведений за последние 20 лет отмечают все эксперты. И основной причиной этому небезос-

новательно называется снижение качества школьного образования. Более чем 20 лет финансирования общеобразовательной школы на уровне, недостаточном даже для выживания как самих школ, так и педагогов, привели к выхолащиванию лучших и просто хороших кадров из этого уровня образования. Грамотные молодые люди больше не хотят становиться учителями, зная о несоответствии заработной платы учителя сложности и ответственности его работы. Общество, содержащее учителя в нищете, не имеет морального права требовать от него полной самоотдачи.

В результате в школе получают знания только самые сознательные, усидчивые, самостоятельные и целеустремленные с детства ученики. Но их немного – в лучшем случае 3-5% от всей массы школьников. Остальные учатся от случая к случаю, обнаруживая к старшим классам крайне ограниченные знания, восполнение которых требует времени, как правило, дополнительных денежных расходов. И если систематически занимающемуся в течении 11 лет школьнику знаний, опыта и выработанной годами привычки учиться должно быть достаточно для сдачи ЕГЭ по самому широкому кругу дисциплин, то для большей части школьников ЕГЭ даже по трем-четырем дисциплинам, необходимым для продолжения обучения в вузе, становится серьезным испытанием.

Наиболее популярными формами подготовки школьников к ЕГЭ являются:

- подготовка с индивидуальным репетитором;
- подготовка на специализированных курсах;
- подготовка на специализированных онлайн-курсах;
- самостоятельная подготовка;
- подготовка в школе.

Как показывает опыт прошлых лет, самой эффективной формой является подготовка с репетитором. Поэтому почти половина (47,5%) школьников именно ее и избрали (табл. 1).

По городским школьникам этот показатель намного выше (58,0%), чем по сельским (42,4%) – в сельских населенных пунктах наиболее распространенной является самостоятельная подготовка (43,2%). Доля школьников, готовящихся к ЕГЭ под руководством репетиторов, значительно различается по районам республики: от 72,0% в Алагирском, 64,0% в Моздокском до 17,9% в Ирафском и 28,0% в Дигорском. Возможно, низкий уровень последнего показателя, например, в Дигорском районе, можно объяснить хорошей

подготовкой к ЕГЭ в школе (табл. 1).

Надо отметить, что по некоторым предметам, наиболее для них важным, учащиеся занимаются с репетитором, а по остальным – самостоятельно. Вместе с тем уровень доходов сельских семей в большинстве случаев не позволяет оплачивать услуги даже одного репетитора. Только 28,3% детей из малообеспеченных семей могут позволить себе готовиться с репетиторами, в то время как в среднеобеспеченных и богатых семьях этот показатель в два раза выше (табл. 2). Есть старшеклассники (6,3%), которые в апреле еще и не начинали готовиться к ЕГЭ.

Гендерный аспект выявил большую активность девушек: 86,8% готовятся к ЕГЭ с помощью репетиторов и учителей, среди юношей этот показатель составляет 77,3% (табл. 2).

Самостоятельно готовятся 40,9% девушек и 35,3% юношей.

Больше половины «отличников» (57,3%) и «хорошистов» (53,4%) готовятся к экзаменам с репетиторами, так как:

- во-первых, существует большой разрыв между знаниями, полученными по школьной программе, и требованиями к этим знаниям на ЕГЭ, и ликвидировать этот разрыв быстрее и надежнее всего с помощью опытного специалиста;
- во-вторых, репетитор, нацеленный на лучший результат своего ученика (от успеха учеников зависит репутация, следовательно, его востребованность, «стоимость» и доходы) отработывает процедуру сдачи экзамена, выбирая лучшую практику поведения выпускника на экзамене;
- в-третьих, школьники с хорошим аттестатом стремятся максимизировать свои шансы, чтобы их одиннадцатилетний труд не пропал даром и высокие баллы по ЕГЭ позволили бы претендовать на бюджетные места в лучших вузах республики и страны.

Вообще, хорошо и отлично успевающие школьники, особенно из среднеобеспеченных семей, активнее остальных используют все перечисленные формы подготовки к ЕГЭ.

Материалы опроса показали высокий уровень систематической подготовки в школах РСО-А. Среди всех опрошенных 75,5% (горожан – 79,6%, сельчан – 73,5%) ответили на этот вопрос положительно. Исследование показало, что в нескольких изучаемых субъектах (Алагирском, Ирафском, Правобережном, Пригородном районах) заметна доля школ, в которых не готовят школьников к ЕГЭ.

В Ирафском, Кировском, Моздокском, Пригородном около трети респондентов отмети-

Таблица 3
Ведется ли в вашей школе систематическая подготовка к ЕГЭ? (в %)

Варианты ответа	Все опрошенные	Место опроса		г. Владикавказ				Сельские районы							
		город	село	Иристонский МО	Промышленный МО	Северо-Западный МО	Загоречный МО	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
да	75,5	79,6	73,5	85,0	78,7	75,8	81,3	76,0	80,4	96,0	56,4	66,7	68,0	87,0	64,3
нет	3,6	1,1	4,8		2,1		3,1	8,0	2,2	2,0	7,7		2,0	8,7	8,6
частично	20,9	19,3	21,7	15,0	19,1	24,2	15,6	16,0	17,4	2,0	35,9	33,3	30,0	4,3	27,1
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 4
Ведется ли в вашей школе систематическая подготовка к ЕГЭ? (в %)

Варианты ответа	Пол		Уровень успеваемости				Уровень доходов семьи		
	мужской	женский	отличник	хорошист	троечник	Неуспеваемость по отдельным предметам	низкий	средний	высокий
да	78,8	72,3	76,4	76,1	70,8	71,4	64,2	78,2	79,7
нет	2,7	4,4	4,5	3,7	3,1		7,5	2,9	5,8
частично	18,4	23,3	19,1	20,2	26,0	28,6	28,3	18,9	14,5
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ли, что подготовка к ЕГЭ есть, но она частичная, недостаточная (табл. 3).

Юноши чаще, чем девушки отмечали наличие системы подготовки к ЕГЭ в школе (78,8 против 72,3%). У «отличников» и «хорошистов» также более позитивные отзывы о систематической подготовке к ЕГЭ в школе, чем у «троечников» и «неуспевающих» (табл. 4) – видимо, сказывается стремление не очень успешных учеников переложить часть ответственности за низкое качество своих знаний на школьных преподавателей.

Объясним и тот факт, что многие дети из малообеспеченных семей (больше, чем из сред-

необеспеченных и состоятельных) считают, что в школе можно было бы усилить подготовку к ЕГЭ – они вправе претендовать на реализацию своего права на бесплатное образование, в том числе бесплатную подготовку к экзамену (табл. 4). Требования ЕГЭ не могут выходить за рамки программы, изучаемой в школе, однако дополнительная подготовка, «натаскивание» на ЕГЭ стали повсеместно распространенным явлением. Получается, что дети из малообеспеченных семей дискриминированы еще по стартовым условиям сдачи ЕГЭ. Подтверждением этой дискриминации является тот факт, что сельские школьники занимаются с репетиторами намно-

Таблица 5
Занимаетесь ли Вы с репетитором? (в %)

Варианты ответа	Все опрошенные	Место опроса		г.Владикавказ				Сельские районы							
		город	село	Иристонский МО	Промышленный МО	Северо-Западный МО	Затеречный МО	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
да	61,6	70,6	57,3	59,0	63,8	77,4	81,3	70,0	63,0	63,3	30,8	40,0	66,0	78,3	52,9
нет	38,4	29,4	42,7	41,0	36,2	22,6	18,8	30,0	37,0	36,7	69,2	60,0	34,0	21,7	47,1
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 6
Занимаетесь ли вы с репетитором? (в %)

Варианты ответа	Пол		Уровень успеваемости				Уровень доходов семьи		
	мужской	женский	отличник	хорошист	троечник	Неуспеваемость по отдельным предметам	низкий	средний	высокий
да	59,8	63,7	77,5	68,9	25,0	28,6	49,1	63,7	59,4
нет	40,2	36,3	22,5	31,1	75,0	71,4	50,9	36,3	40,6
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

го меньше, чем городские (57,3% в селе против 70,6% в городе). Одним из самых существенных факторов такого положения является более низкий уровень благосостояния сельских жителей по сравнению с городскими. Особенно отчетливо это наблюдается в Ирафском (30,8% занимающихся с репетиторами и 69,2% не занимающихся), Кировском (соответственно 40,0 и 60,0%) и Пригородном (52,9 и 47,1%) районах. Можно было бы подумать, что подготовка к ЕГЭ в школах настолько хорошая, что нет необходимости в репетиторах, однако именно там самые низкие оценки систематической подготовки к ЕГЭ (табл. 5).

В целом в малообеспеченных семьях рассматриваемый показатель намного меньше, чем в средних и богатых (табл. 6).

Три четверти «отличников» (77,5 %) и немногим меньше «хорошистов» (68,9 %) занимаются с репетитором, в то время как только четверть отстающих школьников стремятся поднять уровень своего образования при помощи специалистов (табл. 6).

Если бы система российского образования подчинялась правилам логики, картина должна была бы быть обратной – «отличникам» не нужны были бы репетиторы, а вот школьники с проблемным уровнем образования должны были бы ликвидировать пробелы в знаниях под руководством опытных специалистов.

Наиболее распространенными предметами репетиторства являются русский язык (62,0%) и математика (63,9 %), что обосновано, во-первых, характером обязательности ЕГЭ по этим

Таблица 7
По каким предметам занимаетесь с репетитором?5 (в %)

Варианты ответа	Все опрошенные	Место опроса		г.Владикавказ				Сельские районы							
		город	село	Иристонский МО	Промышленный МО	Северо-Западный МО	Загоречный МО	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
математика	65,3	57,7	69,6	51,6	70,5	56,5	46,2	65,1	85,0	73,8	64,0	86,4	75,6	85,7	42,3
русский язык	61,7	57,7	64,0	67,7	47,7	59,7	57,7	65,1	72,5	73,8	48,0	63,6	61,0	71,4	55,8
история	23,6	21,5	24,8	41,9	2,3	22,6	26,9	25,6	20,0	26,2	28,0	4,5	26,8	38,1	26,9
биология	25,2	22,1	26,9	25,8	13,6	29,0	15,4	18,6	35,0	31,0	16,0	40,9	9,8	33,3	34,6
иностраный язык	6,9	5,5	7,7	19,4		3,2	3,8	14,0	2,5		4,0		2,4	38,1	9,6
география	4,9	1,8	6,6	9,7						7,5	11,9	4,0	4,5	28,6	5,8
химия	21,4	22,7	20,6	22,6	22,7	19,4	30,8	18,6	17,5	21,4	16,0	18,2	2,4	42,9	32,7
физика	15,1	14,1	15,7	16,1	18,2	11,3	11,5	2,3	5,0	23,8		13,6	19,5	47,6	21,2
другие предметы	26,9	29,4	25,5	25,8	31,8	29,0	30,8	34,9	12,5	26,2	28,0	13,6	41,5	9,5	25,0

дисциплинам, а во-вторых, востребованностью их в большинстве вузов и ссузов.

Четверть школьников (25,2 %) занимаются с репетитором биологией и чуть меньше (21,4%) – химией (таблица 7,8). Это выпускники, которые, несмотря на все тяготы медицинского образования и проблемы системы здравоохранения, чаще всего хотят стать врачами. Девушек среди них намного больше, чем юношей, что объяснимо тем, что юношам психологически сложнее еще 10–12 лет после школы учиться и состоять, как правило, на содержании родителей. Кроме того, заработная плата в системе здравоохранения несопоставима с затратами труда и ресурсов будущих врачей.

Следующей по распространенности дисциплиной выступает история (23,6%), что означает нацеленность почти четверти выпускников на юридическое направление подготовки (табл. 6-7). В этой категории школьников преобладают юноши (28,8% мальчиков против 19,3% девочек), что логично, учитывая, сколько преимущественно «мужских» специальностей требует юридического образования. Удивляет и настораживает только то, что 33,3% «неуспевающих» выпускников, скорее всего, намерены тоже заниматься юриспруденцией.

Каждый шестой школьник (15,1%, в том числе 24,9% юношей и 7,0% девушек) занима-

ется с репетитором по физике, и это не может не радовать, так как в последние десятилетия спрос на техническое направление образования неоправданно снизился, в то время как рынок труда испытывает дефицит в специалистах-«технарях» (табл. 7,8).

Распространенным предметом репетиторства физика является у «отличников» (24,9%), что означает осознание ими своих преимуществ на рынке образовательных услуг и на рынке труда. Естественнонаучное и техническое образование позволяет специалисту найти работу на современном рынке труда как в РСО–А, так и за его пределами на более выгодных условиях, чем гуманитарное. Кроме того, последние тенденции развития российского образования свидетельствуют об активизации именно естественнонаучного и технического направления образования с соответствующим привлечением финансовых, материальных, кадровых и организационных ресурсов.

Чрезвычайно интересными являются ответы респондентов на вопрос об использовании на ЕГЭ заранее приобретенных через Интернет заданий и ответов по сдаваемой дисциплине (табл. 9). В прошлые годы, особенно летом 2013-го г., кампания ЕГЭ была ознаменована массой скандалов об утечке экзаменационных заданий за несколько дней до экзаменов. Рас-

Таблица 8
По каким предметам занимаетесь с репетитором?6 (в %)

Варианты ответа	Пол		Уровень успеваемости				Уровень доходов семьи		
	мужской	женский	отличник	хорошист	хрочник	Неуспеваемость по отдельным предметам	низкий	средний	высокий
математика	63,9	66,4	67,1	67,9	50,8	50,0	50,0	67,2	54,4
русский язык	62,0	61,5	67,1	63,2	45,8	50,0	62,5	60,3	52,6
история	28,8	19,3	20,7	25,0	22,0	33,3	29,2	25,9	29,8
биология	18,0	31,1	28,0	25,7	18,6	16,7	25,0	25,9	26,3
иностраннй язык	5,4	8,2	11,0	5,7	8,5		6,3	6,5	12,3
география	5,4	4,5	6,1	4,4	6,8		4,2	5,3	5,3
химия	18,5	23,8	29,3	22,3	6,8		25,0	19,8	29,8
физика	24,9	7,0	23,2	14,2	11,9		18,8	13,8	14,0
другие предметы	27,3	26,6	31,7	23,3	37,3	50,0	39,6	22,7	29,8

считывают ли школьники на аналогичную ситуацию в текущем году?

Радует, что 75,0% всех опрошенных не собираются ни в коем случае воспользоваться готовыми заданиями и ответами с интернет-сайтов. Среди детей из благосостоятельных семей картина почти идеальная (табл. 10) – 9 из 10 школьников не приемлют рассматриваемый вариант поведения на ЕГЭ. Даже если эти школьники не совсем откровенны с интервьюерами в ответе на данный вопрос, тем не менее, они осведомлены о рисках такого способа сдачи ЕГЭ.

Есть более правдивые ответы:

- каждый двадцатый (5,1%) школьник (в Правобережном районе – 21,7%, в Дигорском – 12%) рассчитывает в первую очередь на готовые ответы с интернет-сайтов;

- каждый пятнадцатый (7,1%) школьник (в Ардонском районе – 21,7%, в Дигорском – 16%) в большей степени рассчитывает на готовые ответы с интернет-сайтов;

- каждый восьмой (12,8%) школьник (в Ардонском районе – 28,3%, в Пригородном – 17,1%) в крайнем случае рассчитывает на готовые ответы с интернет-сайтов.

Существенные гендерные различия в ответах на рассматриваемый вопрос не наблюдаются (табл. 10).

Лишь незначительная часть школьников доверяет различным предложениям о покупке «реальных ответов на ЕГЭ» (табл. 11 – 12). Это недоверие основано на опыте прошлых лет, изобилующем фактами мошенничества. Слишком многое зависит от результатов ЕГЭ, чтобы воспользоваться столь рискованным инструментом.

На общем фоне недоверия выделяется только Правобережный район, треть школьников которого очень надеются на «легкий» путь приобретения за относительно небольшие деньги (например, касательно расходов на услуги репетитора) готовых ответов на задания ЕГЭ.

Более распространенной формой подготовки к ЕГЭ, чем скачивание чужих ответов неизвестного качества, является традиционное написание шпаргалок перед экзаменом – доля школьников, пишущих их, в совокупности составляет 67,2% (в городе немного больше, чем в селе). Лидерами такой подготовки к ЕГЭ являются школьники Кировского (97,8%) и Дигорского (87,8%) районов. В Дигорском более половины школьников рассчитывает, прежде всего, на написанные шпаргалки (табл. 13).

Девушки более основательны, усидчивы, кропотливы и терпеливы, что нашло свое отражение в их ответах на вопрос о шпаргалках: если 40,0% юношей не собираются использовать их,

Таблица 9
Заранее покупаю в Интернете «задания» и «ответы» (в %)

Варианты ответа	Место опроса		Г.Владикавказ					Сельские районы							
	Все опрошенные	город	село	Иристонский МО	Промышленный МО	Северо-Западный МО	Запечерный МО	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
в первую очередь	5,1	5,2	5,1	8,8	2,1	8,1		2,0		12,0		2,2	6,0	21,7	4,3
во вторую очередь	7,1	5,7	7,8	8,8	4,3	6,5	3,2	8,0	21,7	16,0	5,1		2,0	4,3	4,3
в последнюю очередь	12,8	12,6	12,9	8,8	21,3	12,9	3,2	14,0	28,3	2,0	5,1	13,3	8,0	13,0	17,1
не воспользуюсь ни в коем случае	75,0	76,4	74,3	73,5	72,3	72,6	93,5	76,0	50,0	70,0	89,7	84,4	84,0	60,9	74,3
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 10
Заранее покупаю в Интернете «задания» и «ответы» (в %)

Варианты ответа	Пол		Уровень успеваемости				Уровень доходов семьи		
	мужской	женский	отличник	хорошист	троечник	Неуспеваемость по отдельным предметам	низкий	средний	высокий
в первую очередь	5,2	5,1	3,4	4,6	9,5		3,8	5,8	1,5
во вторую очередь	10,8	4,1	5,7	7,5	6,3	28,6	15,1	6,5	1,5
в последнюю очередь	12,4	13,0	11,4	12,1	15,8		13,2	12,3	6,0
не воспользуюсь ни в коем случае	71,7	77,8	79,5	75,9	68,4	71,4	67,9	75,5	91,0
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

то столь категоричных девушек только 26,4% (табл. 14).

Две трети «отличников» (66,7%) также считают написание шпаргалок наиболее эффективным методом подготовки к экзамену, чего не скажешь о 57,1 % неуспевающих школьников (табл. 13). Позицию отличников в этом вопросе можно только приветствовать. Действительно, написание шпаргалок – это напи-

сание конспекта в сжатой, то есть переработанной и осмысленной форме. Именно такая работа с информацией наиболее продуктивна в смысле систематизации, запоминания и воспроизведения, а также анализа. Зачастую, написанная школьником шпаргалка и не используется как таковая, так как восстановить в памяти написанное в ней, как правило, не составляет труда.

Таблица 11
Вы готовы поверить предложению о покупке «реальных ответов на ЕГЭ» и потратить на это деньги? (в %)

Варианты ответа	Место опроса		г.Владикавказ				Сельские районы								
	Все опрошенные		Иристонский МО	Промышленный МО	Северо-Западный МО	Загечечный МО	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н	
	город	село													
да, очень надеюсь, что это возможно	7,7	7,8	7,7	5,1	6,4	11,3	6,5	8,2	6,5	2,0	7,7	4,5	6,0	31,8	7,7
нет, не верю, что это действительно могут быть правильные ответы	34,7	36,3	34,0	35,9	34,0	40,3	32,3	22,4	43,5	34,0	23,1	36,4	36,0	27,3	41,5
даже не рассматриваю такую возможность	57,5	55,9	58,4	59,0	59,6	48,4	61,3	69,4	50,0	64,0	69,2	59,1	58,0	40,9	50,8
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 12
Вы готовы поверить предложению о покупке «реальных ответов на ЕГЭ» и потратить на это деньги? (в %)

Варианты ответа	Пол		Уровень успеваемости				Уровень доходов семьи		
	мужской	женский	отличник	хорошист	хорочник	Неуспеваемость по отдельным предметам	низкий	средний	высокий
да, очень надеюсь, что это возможно	9,2	6,5	4,5	6,1	17,4	14,3	13,2	5,6	7,4
нет, не верю, что это действительно могут быть правильные ответы	34,8	34,9	18,0	37,5	43,5		28,3	39,5	20,6
даже не рассматриваю такую возможность	56,0	58,6	77,5	56,5	39,1	85,7	58,5	54,9	72,1
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Материалы исследования позволяют сделать следующие выводы. Абсолютное большинство готовятся к экзаменам с помощью репетитора (82,25); 75,5% считают, что систематическая подготовка к ЕГЭ в их школах ведется.

Подавляющее большинство опрошенных

занимаются по математике (65,3%), русскому языку (61,7%).

Большинство учащихся (75,0%) ответили, что ни в коем случае не воспользуются покупкой ответов в Интернете. Также треть опрошенных ответили, что не воспользуются шпаргалками во время

Таблица 13
Перед экзаменом пишу шпаргалки (в%)

Варианты ответа	Место опроса		Г.Владикавказ				Сельские районы								
	Все опрошенные	город	село	Иристонский МО	Промышленный МО	Северо-Западный МО	Затеречный МО	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
в первую очередь	24,6	22,2	25,7	20,0	27,7	24,2	12,5	14,0	6,5	55,1	10,3	24,4	28,0	39,1	29,9
во вторую очередь	21,8	19,9	22,8	28,6	17,0	22,6	9,4	22,0	15,2	26,5	2,6	44,4	24,0	17,4	23,9
в последнюю очередь	20,7	22,2	20,1	14,3	31,9	19,4	21,9	20,0	47,8	6,1	17,9	28,9	8,0	21,7	14,9
не воспользуюсь ни в коем случае	32,8	35,8	31,4	37,1	23,4	33,9	56,3	44,0	30,4	12,2	69,2	2,2	40,0	21,7	31,3
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 14
Перед экзаменом пишу шпаргалки (в%)

Варианты ответа	Пол		Уровень успеваемости				Уровень доходов семьи		
	мужской	женский	отличник	хорошист	троечник	Неуспеваемость по отдельным предметам	низкий	средний	высокий
в первую очередь	18,4	29,8	29,5	25,7	16,8	28,6	20,8	29,3	25,0
во вторую очередь	19,6	24,0	21,6	22,3	24,2		20,8	23,1	13,2
в последнюю очередь	22,0	19,9	15,9	21,4	22,1	14,3	20,8	19,2	20,6
не воспользуюсь ни в коем случае	40,0	26,4	33,0	30,6	36,8	57,1	37,7	28,3	41,2
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

сдачи экзаменов. Половина – что не воспользуются ни в коем случае мобильным телефоном для получения информации из Интернета или от репетитора. 67,9% из числа всех опрошенных надеются на собственные силы при сдаче ЕГЭ.

Ссылки:

1 См Х.В. Дзуцев. Оценка эффективности системы высшего образования в РСО–А в условиях модернизации. М., 2012 г. С.83.

2 Речь в данном случае идет о сотнях вузов России, не входящих в первую десятку или двадцатку рейтингов.

3 С учетом того, что респондент мог отметить несколько позиций, общая сумма удельного веса составляет более 100%.

4 С учетом того, что респондент мог отметить несколько позиций, общая сумма удельного веса составляет более 100%.

5 С учетом того, что респондент мог отметить несколько позиций, общая сумма удельного веса составляет более 100%.

6 С учетом того, что респондент мог отметить несколько позиций, общая сумма удельного веса составляет более 100%.

Теория и практика терроризма как неконвенциональной формы политического участия

Доброградных Г.О.

Приведены мнения теоретиков касательно появления и развития терроризма и его роли в политическом процессе. Описано современное состояние, причины и характер террористических актов в разных странах.

Ключевые слова: политическое участие, неконвенциональные формы политического участия, терроризм, -политический процесс гражданские права, политические права.

Dobroradnikh G.O.

Theories and practices of terrorism as a non-conventional form of political participation

Given opinions theorists regarding the emergence and development of terrorism and its role in the political process. The present situation, the causes and nature of terrorist acts in different countries.

Keywords: Political participation, non-conventional form of political participation, terrorism, political process civil rights, political rights.

В мире существует множество определенных понятия «терроризм». В данной статье мы будем определять терроризм как использование насилия для достижения политических экономических или социальных целей.

Терроризм - это не просто событие, которое происходит в определенном месте, небанальное выражение агрессии или ярости. Терроризм, или террористическую политику, можно назвать социальным движением, в котором каждый член разделяет общую систему ценностей и идей. Если отойти от моральных норм и руководствоваться маквиалистическими принципами, то говорить, что терроризм является средством для достижения целей, будь то политических, экономических, социальных, религиозных или других. Так, теоретики терроризма Бергсен и Лисардо считали, что терроризм появляется и проявляется наиболее часто в период упадка гегемонии, чем в другие времена [1]. Терроризм также можно рассматривать как форму политической коммуникации, которая используется в качестве пропаганды или риторики. Несмотря на то что террористические акты являют собой крайнюю жестокость, нередко они направлены против определенной группы лиц или властных институтов, что можно расценивать как способ коммуникации, в том числе и в политической сфере. В таком контексте следует рассматривать терроризм как крайнюю форму политического участия, осуществляемого посредством политической коммуникации с определенными слоями общества или социальными и государственными институтами.

Для доказательства данного утверждения рассмотрим определения, предлагаемые теоретиками терроризма. Так, МакАдам говорит, что рассматривать терроризм нужно в качестве политической коммуникации, так же как и безобидные гражданские мероприятия, такие как голосования, митинги и протесты. Кроме того, терроризм, или террористическую политику, следует рассматривать как разновидность социального движения [7].

Террористическая политика может обеспечить плацдарм для прямого политического участия, так как терроризм является режимом обмена сообщениями [11], будь то религиозные, идеологические, экономические или сообщения другого типа. Так, Лодж говорил, что терроризм - это организованное насильственное поведение, предназначенное для воздействия на политику правительства или же устрашения населения, в целях оказания влияния на политику правительства [6, с. 5]. В унисон ему еще один теоретик терроризма Кригер утверждает, что терроризм является неправомерным общественным насилием или угрозой, осуществляемой одним человеком или небольшой группой лиц и направленной на достижение социальных или политических целей, которые могут быть субнациональными, национальными и международными [5, с. 44-57]. Теоретик терроризма Фридландер предполагает, что терроризм - это использование насилия или угроза его применения для достижения политических целей путем запугивания или принуждения [3, с. 3]. Лестер Собелс считал, что слово «терроризм» используется в наши дни для определения практически всех незаконных актов насилия, направленных для достижения политических целей, которые совершаются в результате деятельности подпольных групп [3]. Подобные суждения о сути терроризма высказывают и многие государственные органы в разных странах мира: незаконное использование силы или насилия против лиц или любой части общества с целью осуществить политические или социальные цели; предумышленное, политически мотивированное насилие, совершаемое против неволеющих целевых групп, как правило, предназначенное для воздействия на аудиторию. Кроме данных определений, стоит иметь в виду предположения теоретиков политики о том, что к определению терроризма можно отнести революционные и общественные движения, которые не предпринимают насильственные действия, но выступают за смену правящего режима, например, национальный движения за независимость. И хотя дать точную оценку таким «террористические» группам нельзя, поскольку террористические акты еще не произошли, а измерить их намерения количественно или качественно представляется невозможным, обычно подобные группы автоматически характеризуются как «террористические», потому что они бросили вызов статусу-кво. Разбираясь в этом

вопросе, многие исследователи [10, с. 28] дают более всеобъемлющее определение категории терроризм. Это тревожный метод повторных насильственных действий, которые устраиваются подпольно индивидуальными, групповыми или государственными деятелями, осуществляемые в угоду уголовных или политических причин, причем в отличие от убийства или насилия не являются главной целью и обычно не направлены против конкретного объекта. Непосредственные жертвы насилия, как правило, выбираются случайным образом (становятся жертвой обстоятельств) или выборочно из целевых групп населения (представитель или символическая цель) и служат своеобразным сообщением или посылом для общества или его части. Угрозы и насилие становятся основой процессов коммуникации между террористическими организациями и жертвами. А главной целью превращения в мишень для террора является выполнение диктуемых требований или привлечение внимания в зависимости от того, какие задачи были поставлены перед террористами: запугивание, принуждение или пропаганда.

Однако в данном определении не хватает описание процессов, затрагивающих вопрос о национальных движениях и разного рода общественно-политических организаций, призывающих к революционным действиям или борьбе за независимость. А для доказательства того, что терроризм является крайней формой политического участия, нам необходимо показать связь между террористической деятельностью и стремлением отстоять именно политические цели, будь то возникновение нового государства на национальном, религиозном или другом уровне или же изменение процессов, происходящих в устоявшемся государстве. Встает вопрос о том, что террористические акты проводятся для влияния на политику или же это неоправданное применение силы, не преследующее целей в области изменения политического строя или курса. То есть нужно понять конечную политическую цель групп, осуществляющих террористические акты или несущих террористическую угрозу. Шмид и Джонгман в своей работе описывают различные события из двадцатого века, которые можно определить как террористические акты, однако они несут в себе определенные политические цели, а как следствие, их можно распознавать как крайнюю форму неконвенционального политического участия, некоторые из этих событий опишем

ниже. Так, во времена борьбы с апартеидом в ЮАР африканский национальный конгресс (АНК) бомбил торговый центр, принадлежащий и используемый белым населением страны. Несомненно, такие действия подпадают под категорию террористических, однако целью данных событий было не убийство людей, а борьба с сегрегацией и стремление установить равенство по расовому признаку. АНК признавалась правительством ЮАР террористической организацией, но на международном уровне многие страны рассматривали ее как организацию, сражающуюся за права человека и равноправие. Другой пример, представленный автором, отсылает нас к временам Второй мировой войны, описывая борьбу бойцов чешского сопротивления с нацистскими войсками. Они использовали такие методы, как убийство пленных, подрывы железнодорожных поездов, взрывы в публичных местах и многое другое. Несомненно, для нацистского правительства Чехии эти события являлись террористическими актами, так как были направлены против нынешней власти в стране. Однако стоит заметить, что в тех условиях чешское сопротивление не имело другого пути для политического участия, чем терроризм. Если отойти от теоретиков терроризма и вспомнить события в собственной стране, то одним из первых приходит на ум, несомненно, ужасный террористический акт, произошедший в г. Москве в двадцать первом веке. Речь идет о захвате заложников во время спектакля «Норд-Ост». Данное событие было признано проявлением терроризма российским правительством и практически всеми государствами, однако стоит отметить, что террористы поставили определенные политические цели, такие как вывод войск из Республики Чечня, освобождение своих соратников, что выводит данное событие из акта жестокости в политическую сферу, проявление крайней формы политического участия ради достижения цели изменения государственного строя и границ государства.

Получается, что терроризм исторически обеспечивал доступ в политику разного рода маргинальным группам.

Многие исследования терроризма приводят убедительные доказательства рациональности терроризма [9, 55]. В них иллюстрируются характерные черты терроризма как политического инструмента, который имеет свою отдачу, подчеркивается важность рассмотрения терроризма не только, как эпизодов фанатичного

поведения, но и как логических действий, принимаемых для общей стратегии. Данные авторы полагают, что терроризм имеет отдачу и для своих адептов: избавление страны от оккупантов, защита Родины - все это представляется очень значимыми идеями для общества, что обеляет сторонников терроризма. В данных работах описаны факторы, влияющие на присоединение к террористическим организациям простых граждан; к таким причинам можно отнести социально-экономические факторы [8], культурные факторы, фактор неправомерных государственных действий [4], отсутствие демократических прав (гражданских свобод и прав)[2].

Как следствие, можно судить о том, что терроризм является таким же политическим участием, как и другие гражданские акции, причем как конвенциональные (голосование, марши и митинги, кампании написания писем, разрешенные забастовки), так и неконвенциональные (стихийные забастовки, гражданское неповиновение, несогласованные митинги, терроризм как крайняя форма выражения).

Рассмотрим причины террористических актов в разных странах.

В международных рейтингах Великобритания находится в «отличниках» за соблюдение политических прав, что означает возможность граждан участвовать в политике на легальном поле, однако стоит посмотреть на показатели терроризма, которые рассматриваются в данной статье как крайняя форма протестного политического участия. В этом островном государстве произошло сорок шесть терактов за год, данное обстоятельство определяет достаточно сильно развитое радикальное участие граждан в политике, чем это может быть вызвано в условиях соблюдения политических прав. Согласно данным исследования института экономики и мира университета Мэриленда [12, с. 30], эти атаки на две трети были совершены неизвестными лицами. Однако стоит отметить, что большинство террористических актов были совершены местным населением по национальным и/или сепаратистским мотивам. Согласно полученным данным, большинство инцидентов в Великобритании произошло на территории Северной Ирландии, что говорит о неимении возможности или желания участвовать в политической жизни у части населения, используя конвенциональные способы. Эти факторы не позволяют отнести Великобританию к странам

с полностью конвенциональным политическим участием, и, несмотря на большие успехи в развитии элементов прямой демократии, страна не может считаться эталоном в области состояния политического участия.

В России в 2012 году произошло сто семьдесят два теракта. По данным исследования Института экономики и мира университета Мэриленда [12, с. 31], теракты в России осуществляются чеченскими боевиками и группировкой «Эмират Кавказ»: теракты, совершенные данными организациями составляют семь процентов от общего количества терактов в Центральной и Восточной Европе. Эти террористические акты происходят по национальным, религиозным и/или сепаратистским мотивам. Таким образом, данные теракты можно отнести к разряду крайних форм политического участия, ведь наша трактовка терроризма предполагает использование насилия для достижения политических экономических или социальных целей. Эти данные показывают, что в России большое количество населения не может легально участвовать в политической сфере общества, интересы, продвигаемые лицами, совершившими террористические акты, не могут быть легально выдвинуты на политическую повестку дня, что отражается на уровне неконвенционального политического участия. Стоит отметить, что в данном случае количество терактов не противоречит показателям политических прав, то есть отсутствие этих самых прав заставляет людей братья за оружие. И если в Великобритании ответственность за терроризм можно попробовать переложить на культурные и исторические особенности ввиду соблюдения политических прав, то в России одними лишь культурными и историческими особенностями не обойтись - неисполнение политических прав граждан вносит ощутимый вклад в радикальное политическое участие.

В Соединенных Штатах Америки произошло восемь террористических актов за рассматриваемый период: согласно предоставленным данным институтом экономики и мира университета Мэриленда [12, с. 30], эти теракты преимущественно имели внутренний характер, то есть были осуществлены ради изменения внутренней политики, а не внешней. Эти террористические акты совершались борцами за экологию, активистами по защите животных, расистами и так далее. Большинство терактов отличались нападениями на коммерческие предприятия или государственные учреждения, а не на

гражданских лиц, как это происходило в других рассматриваемых странах. Стоит отметить, что на территории Северной Америки, несмотря на существенную напряженность в отношениях со странами, поддерживающими терроризм, происходит меньше терактов, чем в Западной Европе. Еще одной характерной особенностью состояния политического участия в США можно считать осуществление политических прав гражданами на очень высоком уровне, как и в случае с Великобританией, вследствие чего искать корни террористических актов приходится не в невозможности участия в политике гражданами, а в культурных, исторических и других причинах.

На территории Израиля за рассматриваемый нами срок произошло более 40 терактов. Эта ближневосточная страна в современном виде не имеет длительной истории существования. Созданная искусственно по итогам второй мировой войны, она сильно расширила свою территорию и увеличила численность населения. Большая часть из присоединенных территорий до сих пор не признается Организацией Объединенных Наций, а состав населения является мононациональным: многие жители присоединенных территорий вынуждены мигрировать в соседние страны или территориальные образования, а те, кто получает возможность остаться, не всегда получают гражданство. В Израиле сохраняется низкая политическая стабильность в условиях постоянного насилия, вооруженных конфликтов с соседними странами. Также стоит отметить, что политические права граждан в Израиле соблюдаются в полном объеме, конечно, в расчет не берутся люди, работающие или проживающие в Израиле, но не имеющие гражданства. За 2012 год в Израиле произошло сорок восемь терактов, что не способствует становлению конвенционального политического участия. Однако это государство отличается тем, что большинство террористических актов осуществляется не гражданами страны, а людьми, считающими данную территорию своей. Таким образом, мы можем говорить, что часть терактов осуществляется на территории, по мнению ООН, оккупированной Израилем и людьми, вынужденными мигрировать. Это создает определенную коллизию; с одной стороны, это не граждане Израиля, и они не должны быть наделены политическими правами в данной стране, с другой - это люди, которые вынуждены были переселиться в результате действий израильского государства. Все это порождает вопросы о возможности оценки состояния политического участия в Израиле. Стоит

отметить, что часть террористических актов в Израиле происходит при участии граждан. Известны случаи, когда определенные слои населения, недовольные образованием Израиля, совершают насильственные действия против представителей других национальностей. Все это не позволяет говорить о действительно полноценном конвенциональном политическом участии в стране. В целом, ситуация с политическим участием в Израиле выглядит несколько иной, чем в странах упомянутых ранее, в связи с вышеописанными обстоятельствами. Политическая нестабильность, насилие, большое число террористических актов, которые можно трактовать и как крайнюю форму политического участия населения по территориальным, религиозным и национальным мотивам, территориальные споры и многое другое – все это служит катализатором радикализации населения и невозможности большого количества людей из-за происхождения или своих религиозных взглядов участвовать в конвенциональной политической жизни страны.

Рассматривая подробнее ситуацию в Израиле, возникает проблема не поставленная изначально. Данная дилемма связана с классификацией террористических актов, произведенных на территории, не признаваемой Организацией Объединенных Наций, но находящейся в составе страны. То есть, с одной стороны мы рассматриваем данные теракты как акты насилия, произошедшие на территории Израиля, иностранными гражданами (в таком контексте мы не можем рассматривать эти террористические акты как факты политического участия граждан Израиля), но с другой – эта территория является спорной и частично не признается ООН, а люди, проживающие на ней, хоть и не имеют гражданства Израиля, но являются членами общества, лишены политических прав, что маргинализирует их статус и в отсутствие легальных возможностей радикализирует их политическое участие, что выражается в терактах.

Европейские страны, такие как Германия, Франция, Эстония, Италия и Греция характеризуются высоким уровнем соблюдения политических прав, достаточно высокими показателями политической стабильности и отсутствием насилия, и неплохими показателями по терроризму. В этих странах произошло от одного до десяти терактов за год, что по данным исследования института экономики и мира университета Мэриленда [12, с.31] обусловлено тем, что две трети террористических актов были совершены неизвестными, во многих случаях теракты были

осуществлены в центре страны по сепаратистским мотивам. Наиболее распространенными видами террористических атак являются бомбежки и взрывы, впрочем, как и на других континентах, большинство терактов были сделаны местными жителями. Единственным государством, выделяющимся среди указанных выше стран, является Греция, где террористические акты совершались, в первую очередь, не по сепаратистским мотивам, а по причине жесткой экономики, то есть из-за кризисных явлений в экономике этой страны.

Литература

1. Bergesen, Albert J. and Omar Lizardo. 2004. "International Terrorism and the World-System." *Sociological Theory*, 22(1), pp. 38-52, *Theories of Terrorism: A Symposium* 53
 2. Callaway, Rhonda L. and Julie Harrelson-Stephens. 2005. "Causes of Terrorism: The Case of Northern Ireland." 58
 3. Friedlander, Robert A. 1981. *Terrorism and the Law: What Price Safety?* Gaithersburg, MD: International Association of Chiefs of Police 62
 4. Huntington, Samuel P. 1993. "The Clash of Civilizations?" *Foreign Affairs*, 72(3):22-50 66
 5. Krieger, David M. 1977. "What Happens If? Terrorists, Revolutionaries, and Nuclear Weapons." *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 430:44-57 68
 6. Lodge, James, ed. 1981. *Terrorism: A Challenge to the State*. Oxford: Martin Robertson 71
 7. McAdam, Doug. 1982. "The Decline of the Civil Rights Movement," in Jo Freeman and Victoria Johnson, eds., *Waves of Protest: Social Movements since the Sixties*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield 75
 8. Nassar, Jamal R. 2005. *Globalization and Terrorism*. New York: Rowman and Littlefield 77
 9. Pape, Robert A. 2003. "The Strategic Logic of Suicide Terrorism." *American Political Science Review*, 97(3):343-61 80
 10. Schmid, Alex, Albert Jongman, et al. 1988. *Political Terrorism*. New Brunswick, NJ: Transaction Books 82
 11. Stern, Jessica. 2003. *Terror in the Name of God: Why Religious Militants Kill*. New York: Harper Collins. 85
- Электронный ресурс:
12. Global Terrorism Index [Электронный ресурс] // Institut for economics and peace –2013. URL: http://www.visionofhumanity.org/sites/default/files/2012_Global_Terrorism_Index_Report_0.pdf

Экстралингвистические факторы формирования названий поселений Камбрии периода скандинавского завоевания

Завёрткина Е. В.

В статье представлены результаты исследования влияния экстралингвистических факторов на формирование ойконимии Камбрии, северо-западного графства Англии, скандинавского периода. Ойконим – это географическое название поселения: как городского, так и сельского типа. Ойконимы, в отличие от других видов лексики, обладают неотъемлемым свойством хранить реликтовую информацию, зафиксированную в ойконимических этимонах, и представляют огромный интерес для исследователя. Формирование названий поселений исследуется на двух уровнях: лингвистическом и экстралингвистическом. В статье предлагается рассмотреть экстралингвистический уровень формирования ойконимии Камбрии периода скандинавского завоевания. К экстралингвистическим факторам формирования названий поселений относятся следующие факторы: природы, социума, человека и их признаков и свойств. Экстралингвистический фактор природы – главный в процессе формирования названий поселений Камбрии в скандинавский период. Ключевые слова: ойконимия, ойконим, ойконимная номинация, ойконимобразование, мотив номинации, этимология ойконима, ойконимическая модель.

Zavyortkina E.V.

Extralinguistic Factors of Cumbria Settlements Names Formation of Scandinavian Conquest Period
Research results of extralinguistic factors influence on Cumbria (a northwest county of England) oiconymy formation of the Scandinavian period are presented in the article. Oiconym is a place name of a settlement: both city and rural type. Oiconyms unlike other kinds of lexicon have an inherent characteristic of keeping relict information fixed in appellatives of oiconymic etymons, and are of great interest for researchers. Settlements names formation is investigated on two levels: linguistic and extralinguistic. In this article extralinguistic level of Cumbria oiconymy formation of the Scandinavian period is offered. Extralinguistic factors of settlements names formation are nature, society, the person and their characteristics and properties. Extralinguistic factor of nature is the main factor in the process of Cumbria settlements names formation during the Scandinavian period.
Keywords: oiconymy, oiconym, oiconymic nomination, oiconymy formation, nomination motif, oiconymic etymology, oiconymic model.

Первое нападение на Британию викингов, которые по свидетельству «Англосаксонской хроники», были датчанами или данами, как называли их англосаксы, произошло в 793 г. [3, 28; 4, 112], когда викингами был разграблен монастырь на острове Линдисфарн [1, 62]. Скандинавские викинги, оккупировавшие незадолго до 915 г. северо-западные регионы Британии, к числу которых относится Камбрия, вторглись на данную территорию не непосредственно из Скандинавии, а, как записано в «Англосаксонской хронике», из Ирландии, острова Мэн, а также из скандинавского поселения на полуострове Вирэл. Скандинавские завоеватели Камбрии были норвежцами по происхождению, но со значительными изменениями в языке, вследствие их более чем столетнего проживания в среде кельтов гаэльской или гойдельской группы кельтских языков [7, 273; 9, xvii]. Сначала враждебные отношения между скандинавскими завоевателями и кельтским населением очень быстро приняли мирный характер, возможно, этому способствовала вековая адаптация норвежцев в среде ирландских кельтов-гаэлов [3, 65]. В истории нет свидетельства военных конфликтов между скандинавскими поселенцами и кельтами Камбрии, которые продолжали борьбу за независимость против англов. Лишь одному нортумбрийскому королю Эдгару в 993 г. все короли кимров, бриттов и скоттов присягнули в подчинении добровольно. Но после того как в 1000 г. Этельред, преемник Эдгара, вторгся на территорию Камбрии и разграбил ее, Камбрия отказалась признавать власть нортумбрийских англов. И только в 1042 г., когда была свергнута в Британии власть скандинавов и была восстановлена власть старой англосаксонской знати во главе с королем Эдуардом Исповедником, Камбрия вновь была подчинена нортумбрийским королевством во главе с королем Сивардом [2, xxii; 10, 84].

Таблица 1

Этимология ойконимов	Кельтские	Англиские	Скандинавские	Гибридные					Всего
				Англо-скандинавские	Скандинавско-англиские	Кельтско-скандинавские	Скандинавско-кельтские	Кельтско-англиские	
Количество ойконимов	3	36	35	8	17	7	16	5	127

Вследствие скандинавского завоевания социум Камбрии стал еще более неоднородным и включал кимров, бриттов, гойделов или гаэлов (ирландцев), англо- и скандинавов (норвежцев). Гетерогенный состав социума получил отражение в этимологии сформированных в данный период времени ойконимов: кельтских, например, Camboc (совр. Kirkambeck); английских – Rauenwic (совр. Renwick), скандинавских – Threllekell (совр. Threlkeld), англо-скандинавских – Portqueneskales (совр. Portinscale), скандинавско-английских – Sapertun (совр. Satherton), кельтско-скандинавских – Tumparagon (совр. Tumparagon), скандинавско-кельтских – Staynlenok (утр.), кельтско-английских – Polleburg (совр. Powburgh) [12, 2]. Количественное и качественное состояние этимологической картины ойконимов Камбрии скандинавского периода представлено в табл. 1.

Исходя из данных этимологического анализа, преобладающее количество ойконимов, образованных в период скандинавского завоевания, являлись гибридными по происхождению (53). Почти равными в количественном отношении были ойконимы скандинавско-кельтские (16) и скандинавско-английские (17). Англо-скандинавских (8) и кельтско-скандинавских ойконимов (7) было в два раза меньше. Кельтско-английских гибридов также было создано немного (5). Продуктивными были ойконимы английского (36) и скандинавского происхождения (35). Незначительное количество ойконимов было кельтскими: два ойконима – гойдельской (ирландской) этимологии и один ойконим – британской этимологии.

Гетерогенность социума сказалась и на выборе мотивирующих средств в процессе ойконимной номинации. Фактор социума получил отражение в номинации поселений в виде субфакторов практической и религиозной деятельности, а также субфактора социальной стратификации.

Определяющими мотивирующими средствами, отражающими практическую деятельность социума скандинавского периода, были, в основном, названия различных видов поселений, жилых и хозяйственных построек скандинавского и англосаксонского происхождения, из которых наиболее продуктивным было др.-а. тип «ферма, усадьба, деревня», например, в ойкониме Hyton (совр. Hyton) и др. Ойконимов с др.-а. hvm «ферма, усадьба, деревня» не обнаружено, это говорит о том, что в скандинавский период на территории Камбрии hvm было полностью вытеснено тип с тем же значением.

Слово Voprl (bftl) «жилище, дом, дворец» англосаксонского происхождения было употреблено как в качестве простого ойконима, так и в качестве первого компонента ойконима-композиата, например, Vople (совр. Bothel); Vopilton (совр. Boltions) и др. Англосаксонское burh «укрепленное место, имение, город» и заимствования из латинского woc «жилище, молочная ферма, деревня» и cжster «форт, укрепленный лагерь» внесли незначительный вклад в ойконимообразование в качестве мотивирующих средств, так как каждый из них был использован только дважды, например, в ойконимах Rauenwic (совр. Renwic); Polleburg (утр.); Paprecastre (совр. Papcastle) и др.

Из скандинавских апеллятивов, отражающих практическую деятельность социума, ни один не может быть выделен в качестве продуктивного элемента ойконимной номинации и, тем не менее, они внесли определенный вклад в ойконимию данного региона. В качестве мотива субфактора практической деятельности использовались др.-норв. заимств. из др.-ирл. erg “хозяйственные постройки, сараи, небольшое поселение на летнем пастбище” [12, 157], например, в Wunderg (совр. Winder); др.-норв. sxt “летняя ферма на пастбище, поселение на летнем пастбище” [11, 175], например, в Ainreseta (совр. Annaside); др.-норв. skali “изба пастуха,

временное строение" [12, 123], например, в Saurescalls (совр. Sosgill); др.-норв. bur "будка, палатка, укрытие от непогоды"; [12, 65], например, в Waurebutwaup (совр. Waberthwaite); др.-норв. bý "усадебная ферма" [12, 55], например, в Bualdip (совр. Bewaldeth)

Субфактор практической деятельности социума проявился в использовании апеллятивов, свидетельствующих о хозяйственной деятельности, например, в ойкониме Saltergh – др.-а. sealt «соль», др.-ск. erg «сарай, хозяйственные постройки» (совр. Salter) дает представление о добыче соли на территории Камбрии в период скандинавского завоевания. Ойконим Dreg – др.-ск. drag «переправа волоком» (совр. Drigg) открывает небольшой реликтовый элемент картины мира социума Камбрии о транспортировке товаров волоком по участку суши между рекой Ирт и морем.

О сельскохозяйственной деятельности населения, в частности, о свиноводстве и овцеводстве свидетельствуют др.-ск. griss «молодая свинья» в ойкониме Grisedale (совр. Mungrisdale); др.-ск. kvi-hrygg «гребень холма с овечьим загоном» в Kvuirig (совр. Wheyrigg); др.-а. eowena hrycg «гребень холма, где паслись овцы» в Ouenrig (совр. Ewanrigg) и др. Ойконим Loftweic – др.-ск. loft «сеновал», др.-ск. ioveit «расчищенный участок земли» (совр. Lothwaite) рассказывает о заготовке сена для скота. Первый компонент ойконима Kesewik – др.-а. ciese «сыр», др.-а. woc «молочная ферма» (совр. Keswick) содержит информацию о сыроварнях или молочных фермах, где изготавливали сыр. Информация о занятиях садоводством хранится в ойкониме Apeftun – др.-а. jrpeltyн «фруктовый сад» (совр. Appleton).

Субфактор религиозной деятельности социума получил отражение в теоойконимии, свидетельствующей о соблюдении религиозных обрядов и культов, например, о языческом обычае захоронения умерших на возвышенных местах с возведением над захоронением пирамиды из грубого камня в ойкониме Warpscoletan с др.-ск. varri «пирамида из грубого камня» (совр. Watchcomon) и др. Вера в духов, в загробный мир отражена в мифоойкониме Skyneburg – др.-а. scinnanburg «жилище дьявола» (совр. Skinburness). Англо-скандинавский ойконим Plumbelund (совр. Plumbland) свидетельствует о том, что норвежцы, давшие название своему поселению, были язычниками, так как древнескандинавское слово lundr означает «роща, слу-

жившая местом почитания, роща, где проводился обряд, посвященный миру» [11, 190]. Христианская религия отразилась в английском теоойкониме Preston с др.-а. prǽost «священник» (совр. Preston). Христианизация скандинавов очевидна из теоойконимов, содержащих др.-ск. kirkja «церковь», например, в ойкониме Kirkandreas (совр. Kirkandrews) и заимств. из лат. Crist «Христос», например, в Aukcrist (утр.) и других [6, xxiv].

Субфактор социальной стратификации обусловлен феодальными отношениями, которые начали развиваться в Британии еще в англо-саксонский период. Во время правления короля Артура, благодаря его нововведениям феодализация Британии шла особенно ускоренными темпами. Классовое расслоение общества было закреплено законодательно [3, 133]. Выявлено три ойконима Karlafun с др.-а. ceorl «свободный человек, крестьянин» (совр. Carleton) и ойконим Trellekell с др.-ск. южл «раб, рабство» в ойкониме Trellekell (совр. Threlkeld) [5, 1], хранящие информацию о расслоении социума скандинавского периода на свободных людей и рабов. Гибридный ойконим Portcwenescales с др.-а. portcwene «проститутка» (совр. Portinscale) несет в себе информацию об антисоциальной классовой прослойке гетерогенного социума Камбрии скандинавского периода.

Фактор человека нашел отражение, преимущественно, в антропоойконимах, элементами которых являются личные имена англосаксонского происхождения, например, Wulfa в ойкониме Ulfeton (совр. Outon), скандинавского, например, Ulfkell в Vuperulkild (совр. Brothelkild), но, в основном, кельтского (древнеирландского) происхождения, например, Murdoch в Satmerdae (совр. Setmurthy) и другие в качестве владельца какого-либо вида собственности. Проявление фактора человека отмечено и в агийоойконимах, где антропонимами являются агийонимы – имена святых, которым социум посвящал церкви, например: Kirkebrunnok (утр.) – др.-ск. kirkja «церковь», др.-ирл. имя святого Brynach (утр.) и др.

В качестве компонентов сложных ойконимов наряду с мужскими употреблялись и женские имена собственные, например: др.-а. жен. имя Langlif в ойкониме Langliferh (совр. Langley) и др. Занимаясь исследованием происхождения английских топонимов, П.Х. Рини пришел к выводу, что женские имена нередки в древних топонимах и, возможно, они были более распро-

Таблица 2

Экстралингвистические факторы	Природа	Человек		Социум			Признак и реальный универсума	Всего
		Антропонины	Этнонимы	Практическая Деятельность	Религиозная Деятельность	Социальная стратификация		
Количество апеллятивов	100	43	-	82	18	5	6	254

странены, чем это кажется современному исследователю, так как очень часто в топонимах использовались уменьшительные имена собственные, что часто затрудняет, а иногда делает невозможным установление различия между мужским и женским именем в древних формах топонимов [11, 143].

В скандинавский период фактор природы отражен как в гибридных, так и в собственно скандинавских и англских ойконимах. В качестве мотивирующих средств ойконимобразования население использовало апеллятивы, обозначающие объекты рельефа и ландшафта скандинавского происхождения: *hrygg* «гребень холма», *dalr* «долина», *mosi* «торфяное болото», *bekkr* «ручей» и другие; кельтского происхождения: *sgaicc* «скала, утес», *blaen* «вершина холма» и другие; англосаксонского происхождения: *stn* «камень», *feld* «открытое пространство, поле», *wudu*, *hylte* «роща» и др.

Названия объектов флоры и фауны в качестве мотивирующих средств формирования ойконимии использовались менее значительно, чем реалии ландшафта и рельефа, например, апеллятивы скандинавской этимологии: *eik* «дуб», *askr* «ясень», *birki* «береза», *ulfr* «волк», *gris* «свинья» и другие; апеллятивы англосаксонской этимологии: *wzod* «сорняк», *wipi*, *salh* «ива», *plume* «сливовое дерево», *zowu* «овца» и др.

Из 100 компонентов сложных ойконимов, мотивированных реалиями природы, ни один нельзя назвать продуктивным, так как только др.-ск. *hrygg* «гребень холма» употреблен 6 раз и др.-ск. *dalr* «долина» - 5 раз, все остальные апеллятивы употреблялись в ойконимии чаще всего дважды, а многие – только один раз. Из 127 ойконимов у 20 сложных ойконимов объектами природы мотивированы оба компонента, например, в ойкониме *Ulfesdal* – др.-ск. *ulfr* «волк», др.-ск. *dalr* «долина» (совр. *Uldale*), а 58 ойконимов-композиата имеют в составе один апеллятив природного значения, например,

Aictun – др.-ск. *eik* «дуб» (совр. *Aikton*) и др. Восемь ойконимов были сформированы в процессе трансимизации гидронимов, например, др.-ск. гидроним *Caldbeck* переходил в ойконим (совр. *Caldbeck*) и др. В ойконимии данного периода кельтских апеллятивов немного – одна десятая часть всех апеллятивов со значением реалий природы. Предпочтение социума было отдано скандинавским и, менее существенно, англосаксонским названиям объектов природы в качестве мотива номинации новых поселений.

Фактор признаков реалий универсума получил крайне незначительное отражение в формировании ойконимии и представлен двумя апеллятивами со значением пространственной ориентации, например: др.-а. *east* «восточный» в ойкониме *Estuna* (совр. *Easton*), двумя апеллятивами, характеризующими цвет, например: др.-ск. *hvit* «белый» в *Withofhavene* (совр. *Whitehaven*) и двумя апеллятивами, указывающими на размер реалий, мотивировавших названия поселений, например: др.-ск. *langr* «длинный» в *Langrug* (совр. *Langridge*) и другие [8, 46].

Роль факторов и субфакторов нелингвистического характера, получивших отражение в процессе именовании поселений проиллюстрирована в табл. 2.

Таким образом, наибольшее влияние на формирование ойконимии скандинавского периода оказал фактор природы. Сохранение этим фактором приоритета в мотивации ойконимов стало возможным вследствие использования социумом в качестве компонентов ойконимов-композиата апеллятивов скандинавского происхождения со значением объектов природы синонимичных апеллятивам кельтского и англосаксонского происхождения. Актуален и субфактор практической деятельности социума за счет увеличения использования названий типов поселений, жилых построек и видов хозяйственной деятельности, главным образом, сканди-

навской этимологии. Фактор человека получил отражение в формировании антропоонимов. Влияние субфактора религиозной деятельности социума несколько возросло и проявилось в формировании теоонимов. Субфактор социальной стратификации, не получивший отражения в ойконимии англосаксонского периода, в скандинавский период оказал несущественное влияние на номинацию поселений. Фактор признаков реалий универсума также получил незначительное отражение в ойконимной номинации этого периода.

Литература

1. Alotta, R. I. Old names and new places / R. I. Alotta. – Westminster press, 1979. – 112 p.
2. Armstrong, A. M. The place-names of Cumberland / A. M. Armstrong and others. – Cambridge: At the University press, 1952. – 565 p.
3. Cameron, K. English place-names / K. Cameron. – 2-nd ed. – L.: B. T. Batsford LTD, 1963. – 256 p.
4. Copley, G. J. Names and places / G. J. Copley. – L.: Phoenix, 1963. – 226 p.
5. Crawford, O. G. S. Map of Britain in the dark ages. / O. G. S. Crawford. – Southampton: Ordnance survey, 1935. – 1 map.
6. Ekwall, E. The concise Oxford dictionary of English place-names / E. Ekwall. – 4-th ed. – Oxford: Clarendon press, 1960. – 546 p.
7. Evans, D. E. Gaulish personal names. A study of some continental Celtic formations / D. E. Evans. – Oxford: Clarendon press, 1967. – 492 p.
8. Gilbert, M. British history atlas / M. Gilbert. – Worcester – L.: E. Baylis and son LTD, 1968. – 118 p.
9. Mills, A. D. A dictionary of English place-names / A. D. Mills. – Oxford, 1991. – 338 p.
10. Nicolaisen, W. F. H. The names of towns and cities in Britain / W. F. H. Nicolaisen, M. Gelling, M. Richards. – L.: B. T. Batsford LTD, 1970. – 215 p.
11. Reaney, P. H. The origin of English place-names / P. H. Reaney. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1960. – 277 p.
12. Smith, A. H. English place-names elements / A. H. Smith. – Cambridge: the University press, 1956. – 417 p.

Влияние социальных и визуальных оснований утопии на эволюцию городского планирования

Костина А.О.

В статье раскрывается проблема влияния социальных и визуальных аспектов утопии (от классических утопий 18 века до активистских утопий начала 20 века) в трансформации теории и практики городского планирования. Также подвергается анализу связанное с утопией применение естественнонаучных и исторических методов в рассмотрении проблем городского пространства.

Ключевые слова: классическая утопия, активистская утопия, благородный дикарь, городское планирование, городское пространство.

Kostina A.O.

Influence of Social and Visual Grounds of Utopia for the Evolution of City Planning

The issue of social and visual grounds of utopia (from classical utopias of the 18th century to the activist utopias of the beginning of the 20th century) and their role in transformation of theory and practice of city planning is reviewed in the article. The analysis of the scientific and historical methods in case of urban space is presented here.

Key words: classical utopia, activist utopia, noble savage, city planning, cit space.

Классическая утопия - объект созерцания, модус существования, спокойный и немного ироничный. Она выступает в роли отсылки к обособленному источнику информации и является скорее эвристическим приспособлением, нежели политическим инструментом. Классические утопии никогда не содержали некоего «взрывного» компонента, призванного все трансформировать, который стал характерным для утопий 20 века.

Классическая утопия - это изображение общества блага, звездной тени идеи, у каждой из которых был архитектурный коррелят - идеальный город, не меньше, чем эмблема универсального и конечного блага. Согласно Макиавелли, идеальный город Ренессанса становился одним из источников знания для государя, а также являлся декоративной репрезентацией государства. В первую очередь утопия представляла собой гипотетический идеал, не претендующий на немедленную реализацию. Социальная критика тоже имела место, но была вторична. Прежде всего была изображением, предметом восхищения, не играла роль руководства к действию по преобразованию реального города.

Конвенция социальных и визуальных образов, всерьез не стремившаяся изменить общественные порядки, сыграла роль в развитии представлений о формах городов, подвергающихся анализу по сей день.

Классическая утопия обладала значительной метафизической отрешенностью, что, тем не менее, не могло стать гарантом ее незабываемости. Постепенно на повестке дня появляется вопрос соотношения абстрактного и реального. Постановка столь серьезного вопроса во многом определялась развитием науки, открытиями и важными фигурами, одной из которых стал Ньютон. Если он, как ученый естествоиспытатель, мог убедительно продемонстрировать, описать и проанализировать законы физического мира, то почему результаты работы общества не могут быть в равной степени де-

монстративны? Именно в этот момент встал наиболее острый в истории общественной мысли вопрос о соотношении наук естественных и гуманитарных, обнаружила себя проблема общности и различия методов.

Более локальный вопрос, касающийся репрезентаций утопий - образов идеальных городов, состоит в следующем: может ли он быть не только городом в сознании? С точки зрения ньютоновского рационализма, как научная революция критично исследовала природу, так исследование социальных изменений должно исследовать нечто, называемое «естественным» обществом. «Естественное» общество как парадигма рационального общества следующим шагом требует ревизии понятия «естественного» человека.

Естественный человек лишен культурных «загрязнений» и социальных повреждений, он - человек до Искушения и Падения. Несмотря на длительную историю «благородного дикаря» в общественной мысли, именно в 18 веке о нем был создан миф, имевший значительные последствия. Невинный благородный дикарь в первую очередь являлся декоративный элемент идеализированной деревни, каковым он был хорошо известен в Античности. После своего повторного появления во времена Ренессанса, он стал все больше увеличивать свою значимость в качестве морального аксессуара. Хотя этот образ и можно считать вмешательством в механический порядок вещей, благородный дикарь почти полностью был «сделан на заказ» Просвещения. Сделан на заказ не только потому что представлял собой универсального человека, которого так хотела найти наука, но и потому, что немного измененная и модифицированная версия благородного дикаря могла стать столь необходимым компонентом в концепции «обычного человека».

Был «обычный человек» - достойный ответственного осмысления объект, но заброшенный, плоский, анонимный и негероический. В этом заключалось его печальное, но истинное положение. Увеличение его статуса требовало большей яркости личности, родословной, именно роль благородного дикаря и стала источником насыщения упомянутыми выше качествами.

Однажды принятый в цивилизованном обществе как нечто большее, нежели конвенция, неизбежной благородный дикарь стал значительной фигурой, превосходным ролевым игроком - классический пастух, красный индеец,

открытие Кука, санюлот в 1792 году, участник июльской революции, марксистский пролетарий, микенский грек, хиппи, ученый, инженер, и, в конце концов, компьютер. Деятельность всех перечисленных была убедительна.

Принимая во внимание, что благородный дикарь - поставщик невинности, становится очевидным, что именно Просвещение ответственно за решительный и плодотворный брак (не без кровосмешения) мифов об утопии и аркадии.

Оба этих мифа подтверждают друг друга и друг другу же противоречат. Один относится к концу истории, другой - к ее началу. Утопия празднует триумф ограничений, даже репрессий, в то время как аркадия олицетворяет доцивилизационную радость свободы, на языке Фрейда, одна - Супер-эго, другая - Ид. Оба мифа фатально притягательны. Возможно, именно такая связь с 18 веком определяет изменения в морали утопии. Хотя Просвещение с его критикой способствовали изменению содержания утопий, мало повлияли на их форму.

Сен-Симон надеялся стать Ньютоном политической реальности, предлагал идею универсального правящего тела. Существовавшая власть была обвинена в идеосинкразии, а на ее месте должно было быть организовано мировое правительство ученых, математиков, схоластов, художников - все для пропаганды возведения культа разума. Это предложение было опубликовано в «Lettres d'un habitant de Genieve a ses contemporains», оно было крайне академичным, даже отчасти сумасшедшим. Но несмотря на всю его экстравагантность, в его иррациональном объяснении разума был открыт путь для моментальных свершений. Так, со слоганом Сен-Симона о том, что золотой век не позади, а впереди и будет реализован с совершенствованием социального порядка, моральная позиция классической утопии была заменена. Здесь и обозначился поворотный момент - утопия, смотрящая в будущее решительно заявила о себе. Наука должна стать основой морали, политика - превратиться в ответвление физики, а существующее правительство должно быть замещено более рациональным способом управления.

Таковы были некоторые из идей Сен-Симона, развиваемые в следующие двадцать лет - благонамеренная попытка заместить правительство человека правительством вещей. Несмотря на авторитаризм, мыслям Сен-Симона присущи социальные обертона, не в последнюю оче-

редь по отношению к искусству. В разумном обществе всякое производство будет процветать, не исключением станет и искусство, которое должно поддерживать и подкреплять новое управление. Союз прогрессивного общества и прогрессивного искусства - такой была одна из идей Сен-Симона, нашедшая продолжение у его последователей.

Искусство, как средство выражения общества, манифестирует важные социальные тенденции, оно – предвестник и освободитель. Потому знать, выполняет ли искусство добросовестно свою миссию инициатора, является ли оно действительно авангардом, значит понимать, куда движется человечество и какова его судьба.

И Сен-Симон и Конт представляли собой исторический тупик. Весь 19 век они функционировали в традиции Просвещения, но, с необходимостью, эта традиция стала изнашиваться.

С одной стороны, в мире расширяющихся рынков только энтузиазм банкиров и индустриалистов усиливался. Чисто интеллектуальный оптимизм 18 века стал казаться беспричинным. В общественной же мысли наблюдался раскол: в Англии и Германии понимали, что вряд ли общество является механическим конструктом, на котором так настаивал французский рационализм. В первых двух странах благородный дикарь считался не абстракцией, служащей подтверждением рационального аргумента, а чем-то вроде атавистической памяти, само наличие которой служит свидетельством неадекватности рационалистического подхода во Франции. В обеих странах говорили о человеке не как об абстракции, а об обществе и государстве – в их исторической специфике, кульминацией же стала гегелевская историческая диалектика. Однако, интересной и выделяющейся фигурой в этом ряду становится Эдмунд Берк и его «Размышления и Французской революции» (1790).

Репутация Берка всегда была неоднозначной. С одной стороны – теоретик эстетики, с другой – политический философ. Как эти две роли совмещались?

Берк известен и уважаем как основатель современного консерватизма, его мысли нашли место и в английской социалистической традиции. Утопия У. Мориса «Новости из ниоткуда» написана не без влияния идей Берка. Но недостаток интереса в потенциале как науки, так и индустриального роста, может быть трактован как негативная сторона его позиции. Он ужаса-

ется от идей простой утилитарности, и, как его немецкие современники обращается неуловимо и не для анализа к тому, что давно вышло из моды в Париже.

Берк находился под сильным влиянием Французской революции. В 1757 году он был убежден в возможности достижения Возвышенного, к 1792 году Возвышенное демонстрировало себя в действии. Но для Берка, отрекшегося от своих прежних интуиций, Революция стала «странной, дикой, анонимной, построенной на энтузиазме вещью», она была случаем абстрактного и тиранического разума, навязывающего установленные предписания, если это пример «общей воли» Руссо, с которым у Берка были общие мнения, то последний в таком акте общей воли более пользы не находит. Для него, если общество действительно было договором, то это был не воображаемый, утерянный позднее документ, а аккумулированные традиции данного общества, в данный момент времени. Договор – это традиции, гарантирующие специфические практики свободы, но ясные в переносе на частную и индивидуальную практику разума.

В этом случае обращение к опыту, практике стало обращением к государству как инструменту провидения и истории, как конкретному спектакулю социальной эволюции.

Без гражданского общества человек не мог никаким образом достичь совершенства, на которое он по природе способен. Но тогда благородному дикарю предлагают покинуть сцену, оставаясь лишь уважаемым предшественником, ибо гражданское общество: партнерство всех наук, всех искусств, в добродетелях, в совершенстве, партнерство не только живущих, но и умерших и еще не родившихся. Другими словами, гражданское общество является непрерывным континуумом.

Некоторые из этих утверждений имеют анти-утопичный и либертарианский характер, что имело неоднозначный эффект. Ибо, противопоставляя свою версию истории французскому рационализму, он вложил в развитие активистской утопии не меньше, чем те, чьи идеи он осуждал.

Органицистская концепция истории распространялась через романтический критицизм. Мы должны представить последователей Сен-Симона, отказывающихся от прагматических аспектов учения их лидера. Мы должны заметить их стремление стать индустриалистами

Второй империи, мы должны понять как, по середине пути позитивистская утопия была искусно низведена. Позитивисты были крайне озабочены наложением политического порядка на научные демонстрации, «полностью независимые от человеческой воли», но 19 век становился все больше пропитан представлениями об историческом развитии, все простые понятия наподобие «волевого» и «научно» были все более скомпрометированы.

К середине 19 века то, что Маркс называл утопическим социализмом, обнаруживает себя в определенных архитектурных объектах: Фаланстер Фурье (1829) – копия Версаля, ставшая прототипом пролетарского будущего. Карманные издания «Нового Иерусалима», как называл их Маркс за все добродетели, они являлись прозаическими и незапоминающимися утверждениями. И в годы эволюционной надежды и демократического подъема, они выглядели не очень убедительно.

Великолепная аллегория июля 1830 года Делакура «Свобода, ведущая народ», не только своим пафосом, но и размером показывает вновь освобожденные идеи и эмоции, которые Берк с тревогой распознал, но которые позитивисты не смогли освоить. Это политика, ушедшая за пределы политики. Это толпа, воодушевленная динамикой движения и судьбы, благородный дикарь, перенесенный из привычной атмосферы и поглощенный идеей эмансипации, считавшейся в 19 веке основной. «Клятва в зале для игры в мяч» Давида – это совершенно другая концепция героического. Событие – акт, начавший революцию 20 июля 1789 года, когда Национальное собрание решило не расходиться, пока не будет принята Конституция. Условия пребывания в Версале изображены спартанские, лица - высокопоставленные. Нет сомнений в том, что ежедневно их окружали совсем других декорации. И если ветер перемен заставляет занавески волноваться в ответ на всеобщую взволнованность, то, вне зависимости от характера происходящей драмы, вовлечены в это могут быть только образованные.

Изображенная сцена по-своему универсальна, вполне можно было бы увидеть в ней и других деятелей. Томас Джефферсон вписался бы и вообще, не так трудно представить всю сцену, перемещенную в Филадельфию во времена созыва Континентального конгресса: юристы, озабоченные декларацией вечной истины, принципов, ценных во все времена и в любом месте.

Еще один творец – архитектор Антонио Сант-Элиа, в его «архитектурной фантазии», в проекте футуристического города есть подъем, движение, празднование неотразимого, простая динамика, распознавание судьбы. Как действующие лица картин Делакура - взволнованные пролетарии и студенты, им соответствует набор архитектурных творений, вдохновенных теми же идеями. Здесь мы видим первые наброски активистских утопий, и то, до какой степени риторика Делакура трансформировалась, насколько «власть народа» была властью динамо-машин и поршней.

Делакура, Давид, Сант-Элиа близко подошли друг и другу и обязались выступать в качестве спорщиков в истории идей, все они находятся в рамках кинематографического метода познания. Также, сознательно или нет, полет мысли Сант-Элиа захватывает как статику Сен-Симона и Конта, так и динамику Гегеля.

Идеи Гегеля – неотъемлемый компонент утопий начала 20 века. Историческая неизбежность, историческая диалектика, постепенное освобождение Абсолютного Духа в истории, дух лет, рас, народов: мы слабо осведомлены, насколько они являются последствиями теории общества как роста, развития и насколько менее заметно их влияние, нежели классических французских теорий.

Центральным его представлением является то, что разум не может достигнуть стабильности. Это идея агрессивного и энергичного разума, с той оговоркой, что это разум – не продукт человеческой деятельности, а духовная сущность. «Разум – Суверен мира», очевидно, абсолютный суверен, неуклонно настаивающий на связи всех феноменов. И даже если простое созерцание гегелевских идей заставляет нас согласиться с мнением, что мысль его настолько глубока, что порой представляется непознаваемой, в центре нашего внимания не столько его туманность, сколько влияние. Мисс ван де Рое утверждал, что архитектура – это воля эпохи, переведенная в пространство: живая, изменяющаяся, новая. Гропиус говорил, что новая архитектура – логически неизбежный продукт нашего времени, Корбюзье рассуждал о том, что задача архитектора – прийти в согласие с его эпохой. Все три высказывания иллюстрируют как в манере Гегеля, его категорий и модусов насыщается мысль. Даже если ранее эти высказывания не были трактованы в данном контексте, они показывают актуальность Гегеля

в утопиях начала 20го века. Во всех случаях непреодолимая, принудительная и логически оправданная «история» становится не менее реальной, чем нечто обладающее измерениями, весом, цветом и текстурой.

Кому-то футуризм представляется романтическим отражением гегелевской концепции, но если празднование силы среди одного из главных настроений, то нужно поместить его в определенную историческую рамку. Ницшеанское «Ставший свободным человек, а в гораздо большей степени ставший свободным ум, топчет ногами тот презренный вид благоденствия, о котором мечтают мелочные лавочки, христиане, коровы, женщины, англичане и другие демократы. Свободный человек – воин» [4] странным образом походит на высказывание Мариетты: «Мы будем восхвалять войну - единственную гигиену мира, милитаризм, патриотизм, разрушительные действия освободителей, прекрасные идеи, за которые не жалко умереть, и презрение к женщине» [3]. Но после 1914-18 годов данные настроения не могли представлять авангард иначе, как ретроспективно. Гропиус говорил, что после случившегося каждый думающий человек понял, что нужно менять интеллектуальный фронт. Если после Первой мировой войны программа мгновенно продемонстрировала собственный внутренний атавизм, потом, после формулировки *ville radieuse* кроме исчезнувшего национализма и фаллических фантазий мало что изменилось.

Утопия девятнадцатого-двадцатого веков была рождена под странными астрологическими комбинациями: с одной стороны Освальд Шпенглер, с другой – Герберт Уэллс. С одной стороны – эсхатологическое предчувствие, неотвратимый упадок Запада, с другой - мысль о миллениуме и будущем, и именно при этих влияниях и обстоятельствах формировались не

столько идеи, сколько укоренившиеся, едва ли сознательные привычки.

Таков был основной фон, формировавший утопии и детальное рассмотрение предназначено, в первую очередь для внесения ясности в ослепляющую идею того, что в конечном счете все идеи могут быть помещены в оркестровки немецкой «истории» и французской «науки», духовного взрыва и механического холода, неизбежности и исследования, людей и прогресса. Это был свет идеи, генерирующей энергию, идеи, углубленной силами либеральной традиции и романтизма молодого авангарда, который помог «выстрелить» современной архитектуре 20 века подобно апокалиптическому разряду нового оружия. И хотя сейчас этот свет уже горит не так ярко, но и по сей день определяет некоторые усилия по формированию понятий «структуры» и общества благосостояния. В то же время в свете этих традиций картина видится однобоко, необходимо расширение оптики, чтобы говорить о роли утопий в формировании концепций городского пространства.

Литература

1. Берк Эдмунд, Размышления о революции во Франции. Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы, 1993 г.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. Наука, 2006 г.
3. Метафизические исследования. Выпуск XIII. Искусство. Алейтея, 2000
4. Ницше Ф. Сумерки богов. Издательство политической литературы, 1989 г.
5. Сен-Симон А. Избранные сочинения в 2х томах. Академия наук СССР, 1948 г.
6. Mumford L. The City in History. A Harvest Book Harcourt, Inc, 1989
7. Rowe C. Collage City. The MIT Press, 1984

Динамика изменения структуры сводных интегральных показателей в ходе базовой подготовки переговорщиков и профайлеров

Маркович В.А., Родыгина Ю.К.

Проведённое исследование выявляет основные профессионально-важные качества (ПВК), необходимые для успешного ведения переговоров и профайлинга. Применение метода анализа иерархий (МАИ) позволяет сформировать сводные интегральные показатели (ИП) для различных направлений специализации в области переговорного процесса. В ходе исследования, проведённого методом эксперимента, выявлена положительная динамика изменения сводных интегральных показателей в ходе реализации базовой подготовки потенциальных переговорщиков и профайлеров, что связано с изменениями в структуре интегральных показателей.

Ключевые слова: изменения, динамика, интегральные показатели, переговорщики, профайлеры, базовая подготовка, контроль данных, профессионально — важные качества, коэффициенты значимости эмпатия, эмоциональный интеллект, логика и скорость мышления, уровень тревожности, стрессоустойчивость, над-ситуативная активность, образная и словесно-логическая память, объём перераспределения и скорость переключения внимания, коэффициенты значимости, эффективность, расчетная формула, результативное (цифровое) значение интегральных показателей.

Markovich V.A., Rodigina Yu.K.
Dynamics of changes in the structure of consolidated integral indicators during basic training of negotiators and profilers

The study identifies the main professionally important qualities (PIQ) necessary for the successful negotiation and profiling. Application of the method of analytic hierarchy process (MAH) allows us to summarize the integral indicators (SI) for the various areas of specialization in the field of the negotiation process. In a study conducted by the method of the experiment revealed positive dynamics of changes summary of integral indicators during the implementation of the basic training of potential negotiators and profilers, which is associated with changes in the structure of integral indices.

Keywords: changes, dynamics, integral indicators, negotiators, profilers, basic training, monitoring data, professionally important qualities, the coefficients of the significance of empathy, emotional intelligence, logic and quick thinking, the level of anxiety, stress, over-situation activity, shaped and verbal-logical memory, the amount of redistribution and the speed of switching attention, the coefficients of the relevance, efficiency, calculation formula effective (numeric) value of the integral indicators.

Актуальность исследования

В связи с интеграцией России в общемировое пространство, увеличением внешних и внутренних связей, на сегодняшний день возникает определенная необходимость совмещения отечественного и зарубежного опыта проведения переговоров.

С.В. Астафуров (2007)[1] указывает на то, что после социально-экономических реформ в России, переговоры всё больше проникают в профессиональную деятельность социума и оказывают влияние на коммуникативное пространство.

В связи с необходимостью создания эффективной системы подготовки профессиональных переговорщиков и профайлеров наиболее актуальным вопросом является определение наиболее значимых профессионально-важных качеств потенциальных переговорщиков и профайлеров, разработка научно-обоснованных методик их выявления и анализа динамики их изменений в ходе теоретической и практической подготовки специалистов.

В.В. Горанчук с соавторами (2004)[2] представляют оориентировочный перечень необходимых переговорщику характеристик психических процессов, свойств и состояний в следующем виде: высокие интеллект (общий — выше среднего, коммуникативный — высокий) и темп мышления; значительные гибкость и переключаемость мышления; быстрая ориентировка в новой ситуации; хорошо поставленная и эмоционально выразительная речь; значительные объем, распределение и скорость переключения внимания; способность мысленно наблюдать ситуацию извне; точная субъективная оценка времени; низкий уровень спонтанной агрессивности и выдержка; аутентичность, искренность и способность вызывать доверие. При этом наиболее развитыми интегративными качествами, по-видимому, должны быть развитый интеллект, высокие стрессоустойчивость и надситуативная активность, а также интуиция (принимаем под этим способность к прогнозу дина-

мики событий на основе личностной и ситуативной экспресс-диагностики).

С точки зрения О.С. Возжениковой (2004) [3] успешный переговорщик должен обладать целостным комплексом профессионально значимых характеристик, к которым относятся коммунибельность, гибкость ума (интеллектуальная лабильность), эмоциональная устойчивость, выносливость.

А.Л. Стрёмовская (2003) [4] убеждена, что личность всегда оказывается значимой на переговорах и особенности её характера, и присущий ей стиль влияют на ход переговоров.

Как утверждает О.В. Москаленко (2000) [5] в своих исследованиях, обычно в ходе профессиональной деятельности, личность переговорщика претерпевает изменения и, как правило, он поднимается на более высокий уровень профессионального развития.

Целью проведённого исследования являлось изучение динамики изменения сводных интегральных показателей (СИП), рассчитанных с учётом значимости каждого профессионально-важного качества (ПВК) в структуре конкретного интегрального показателя (ИП), определения влияния этапа базовой теоретической и практической подготовки на изменения ИП и его структуры с целью использования полученной информации в практической деятельности, направленной на создание эффективной программы подготовки специалистов (переговорщиков и профайлеров).

В результате анализа отечественного и зарубежного опыта подготовки профессиональных переговорщиков и профайлеров, а также использовании экспертного подхода (использовался метод группового очного анкетирования с последующей статистической обработкой полученных результатов) для целей выделения наиболее значимых профессионально-важных качеств (ПВК) нами были выявлены 8 наиболее существенных профессионально – важных качеств для специалистов в области переговорного процесса и профайлинга, в том числе: уровень эмпатии (Э), эмоционального интеллекта (ЭИ), тревожности (Т), а также надситуативная активность (НА), логика и скорость мышления (ЛиСМ), стрессоустойчивость (СУ), образная и словесно-логическая память (ОиСЛП), объём перераспределения и скорость переключения внимания (ОПСПВ).

Методы исследования

С целью изучения динамики изменения СИП в ходе реализации программы базовой теоре-

тической и практической подготовки потенциальных переговорщиков и профайлеров нами было проведено эмпирическое исследование методом эксперимента.

Экспериментальной базой исследования явились топ - менеджеры и руководящий состав крупнейших в Северо-Западном регионе консалтинговых компаний: группы компаний «АВЕРС», консалтинговой группы «ЛАИР», ООО «Центр оценки и консалтинга Санкт-Петербурга», ООО «Экспертный центр Северо-Запада». На первом этапе исследования в качестве исходной была выбрана генеральная совокупность обратившихся для исследования респондентов в количестве 230 человек.

При осуществлении первичного отбора на основании таких показателей, как уровень IQ (по тесту Айзенка в диапазоне 110-130 баллов), общий уровень развития социального интеллекта (СИ) определённый по тесту Гилфорда на основе композитной оценки (диапазон 38-55 баллов), наличие высшего образования и возраста, были отобраны 138 человек, из которых впоследствии нами сформированы группы испытуемых по 25 человек (3 экспериментальных группы (ЭГ1, ЭГ2, ЭГ3) и 1 контрольная группа (КГ)). Сформированные экспериментальные и контрольная группа отвечают критериям однородности.

Испытуемые КГ и ЭГ1,2,3 проходят комплексное тестирование по уровню выраженности ПВК после каждого этапа исследования, при этом качественные и количественные результаты тестов переводятся в обобщающую цифровую шкалу с последующим формированием сводной таблицы перевода качественных и количественных результатов тестирования по ПВК в числовую шкалу с диапазоном цифровых значений от 0 до 1000.

В ходе исследования нами использовался метод анализа иерархий (МАИ) для определения значимости (весов) ПВК переговорщиков и профайлеров, которые рассчитаны для каждого участника экспериментальной и контрольной группы до начала и после каждого этапа базовой теоретической и практической подготовки.

В рамках проведённого исследования в качестве экспертов привлекались выпускники Восточно-Европейского института психоанализа (ВЕИП) и Института психологического консультирования, которые принимали участие в формировании СИП методом МАИ, а также непосредственно при осуществлении процедуры от-

Таблица 1
Коэффициенты для расчета сводных интегральных показателей, полученные с использованием метода анализа иерархий (в %)

ПВК	ИПо	ИПЭп	ИПбп	ИПп
Эмпатия (Э)	9,672	6,810	8,087	10,202
Эмоциональный интеллект (ЭИ)	14,594	15,898	16,957	21,527
Уровень тревожности (Т)	11,500	8,073	9,896	11,775
Надситуативная активность (НА)	14,129	18,273	11,886	12,965
Логика и скорость мышления (ЛиСМ)	16,615	18,904	18,115	15,715
Стрессоустойчивость (СУ)	13,359	11,312	13,020	12,153
Образная и словесно-логическая память (ОиСЛП)	8,573	9,565	9,121	7,124
Объём перераспределения и скорость переключения внимания (ОПСПВ)	11,559	11,164	12,918	8,540
Итого	100,000	100,000	100,000	100,000

бора, анализе значимости критериев эффективности системы базовой подготовки (КУПП - количество успешно проведенных переговоров и КВПНИ - количество выявленных признаков недостоверной информации).

Под сводными интегральными показателями мы понимаем следующие показатели, выраженные в цифровой форме:

ИПо – общий интегральный показатель, характеризует общую потенциальную способность эффективного ведения переговоров и профайлинга;

ИПбп – интегральный показатель для бизнес (деловых) переговоров, характеризует потенциальную способность эффективного ведения бизнес(деловых) переговоров;

ИПЭп - интегральный показатель для экстраемальных переговоров, характеризует потенциальную способность эффективного ведения экстраемальных переговоров;

ИПп - интегральный показатель для преимущественно профайлинга, характеризует потенциальную способность эффективного ведения переговоров с преобладанием визуальной психодиагностики.

Сводные интегральные показатели (ИПо, ИПбп, ИПЭп, ИПп) рассчитываются при учете значимости (весов) факторов, соответствующих ПВК, полученных ранее методом анализа иерархий (МАИ). Поэтапно формирование СИП можно представить следующим образом:

1 этап - с помощью процедуры МАИ определяются числовые оценки критериев, описывающие ПВК.

2 этап – в рамках процедуры МАИ осуществляется определение иерархии влияния критериев, характеризующих ПВК, на их развитие (определяется потенциальная возможность изменения конкретных ПВК в ходе базовой теоретической и практической подготовки).

3 этап – определение коэффициентов, отражающих степень значимости каждого ПВК в структуре конкретного СИП, которые используются в дальнейшем для расчета всех СИП по каждому испытуемому КГ и ЭГ 1, 2, 3 после каждого этапа реализации базовой программы подготовки. Ниже приводится таблица коэффициентов для расчетов сводных интегральных показателей.

4 этап - расчёт цифрового значения интегральных показателей (ИПо, ИПбп, ИПЭп, ИПп) для каждого испытуемого.

Таким образом, результативное (цифровое) значение каждого интегрального показателя (ИПо, ИПбп, ИПЭп, ИПп), будет равно $ИП = X_{\text{Э}} * \text{Э} + X_{\text{ЭИ}} * \text{ЭИ} - X_{\text{Т}} * \text{Т} + X_{\text{НА}} * \text{НА} + X_{\text{ЛисМ}} * \text{ЛисМ} + X_{\text{Хсу}} * \text{СУ} + X_{\text{ОиСЛП}} * \text{ОиСЛП} + X_{\text{Хопспв}} * \text{ОПСПВ}$; где $X_{\text{Э}}$, $X_{\text{ЭИ}}$, $X_{\text{Т}}$, $X_{\text{НА}}$, $X_{\text{ЛисМ}}$, $X_{\text{Хсу}}$, $X_{\text{ОиСЛП}}$, $X_{\text{Хопспв}}$ - веса соответствующих ПВК.

В результате применения МАИ нами сформированы СИП по всем направлениям специализации переговорного процесса, структура

Таблица 2
Этапы прохождения испытуемыми ЭГ1,2,3 эксперимента

Группа/Этап	Этап IV-КИД	ЭТАП V-БТиПП										
		Этап V-1-ИКП	КД-1	Этап V-2 ВБ	Этап V-3 ТБ	Этап V-4 ПБ	Этап V-5 РПВК	Этап V-6 ПБ+РПВК	КД-2	Этап V-7 ИПП	КД-3	
Контрольная группа	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+
Экспериментальная группа 1	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+
Экспериментальная группа 2	+	+	+	+	+	-	+	-	-	+	+	+
Экспериментальная группа 3	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	+	+

которых отражает с одной стороны - присутствие всех ранее выделенных ПВК, с другой стороны – иерархию ПВК в структуре интегральных показателей в зависимости от направления специализации.

Нами проведено исследование, в рамках которого испытуемые ЭГ1,2,3 последовательно проходили этапы базовой теоретической и практической подготовки, при этом контроль данных (КИД, КД-1,2,3) с тестированием ПВК и, соответственно, СИП проводился как с испытуемыми ЭГ1,2,3, так и с участниками КГ. Ниже представлена сводная таблица прохождения испытуемыми ЭГ1,2,3 этапов эксперимента.

На основании анализа последовательности и объема прохождения базовой подготовки испытуемых можно сделать вывод о том, что объем получаемых практических навыков и теоретических знаний у испытуемых ЭГ1,2,3 существенно отличается. Испытуемые ЭГ1 проходят общетеоретическую и практическую подготовку, при этом у них отсутствует блок развития профессионально – важных качеств (РПВК), участники ЭГ2 проходят базовую подготовку, при этом у них отсутствует блок практического совершенствования навыков ведения переговорного процесса и профайлинга; участники ЭГ3 проходят полный объем подготовки, в который включается блок развития необходимых для переговорщиков и профайлеров ПВК (блок РПВК). Участники КГ принимают участие только в тестировании на этапах КИД-контроль исходных данных, КД-1 (после ИКП - изучение константного поведения), КД-2 (после прохождения основных блоков базовой подготовки), КД-3 (после прохождения испытуемыми ИПП- индивидуальное психологическое консультирование).

Учитывая, что абсолютное значение Ипо (общий интегральный показатель) испытуемых ЭГ3, показывающих лучшие результаты по критериям эффективности программы подготовки, на этапе КИД и после прохождения базовой подготовки(этап КД-3) имеет важное значение для дальнейшего обоснования процедуры отбора потенциальных специалистов ниже приводится диаграмма изменения ИПо в ЭГ3 в ходе проведения этапов базовой подготовки.

На наш взгляд, очень важное значение имеет анализ изменения отдельных ПВК, формирующих структуру ИПо в ходе базовой подготовки. Мы считаем, что данное исследование позволяет выявить «точки приложения» для обучения и сконцентрировать программу подготовки на приоритетное развитие в первую очередь тех ПВК, которые имеют наибольшую динамику изменения в ходе профессиональной подготовки. Для этих целей в ходе эксперимента нами проведён анализ динамики изменения ПВК, формирующих ИПо испытуемых ЭГ3 в ходе проведения базовой подготовки потенциальных переговорщиков и профайлеров. Ниже представлены сводные диаграммы динамики изменения каждого ПВК в структуре ИПо в ходе базовой подготовки.

Рис. 9. Динамика изменения уровня объёма перераспределения и скорости переключения внимания у испытуемых ЭГ3 в зависимости от этапа подготовки

Результаты исследования и их обсуждение

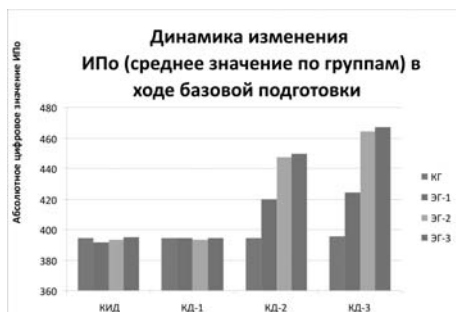

Рис. 1. Динамика изменения ИПО в ходе реализации этапов базовой подготовки

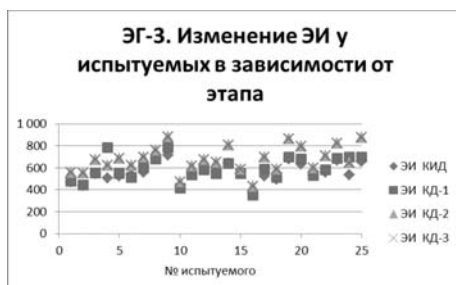

Рис. 3. Динамика изменения уровня эмоционального интеллекта у испытуемых ЭГЗ в зависимости от этапа подготовки

На основании проведённого исследования нами были сделаны следующие выводы:

- Анализ сводной таблицы коэффициентов для расчёта СИП (табл. 1) позволяет сделать вывод о том, что в целом для потенциальных переговорщиков и профайлеров наиболее значимыми ПВК являются ЭИ, НА, ЛиСМ, тогда как структура интегральных показателей для различных специализаций (экстремальные переговоры, бизнес-переговоры, переговоры с преобладанием профайлинга) имеет существенные различия. Так, влияние таких ПВК, как ЭИ, НА, ЛиСМ, для переговорщиков, специализирующихся в области экстремальных переговоров, являются более значимым (коэффициенты по этим ПВК имеют максимальные значения). При этом для специалистов в области профайлинга наиболее значимыми являются такие ПВК как Э, ЭИ, СУ.

- Проведённое исследование показывает, что наиболее высокие показатели по уровню СИП показывают испытуемые ЭГЗ, что связано с прохождением ими вспомогательного, теоретического, практического, блока развития ПВК, а также блока индивидуального психологичес-

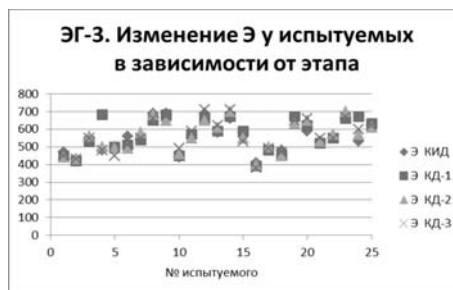

Рис. 2. Динамика изменения уровня эмпатии у испытуемых ЭГЗ в зависимости от этапа подготовки

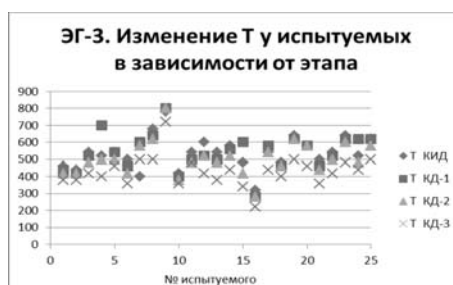

Рис. 4. Динамика изменения уровня тревожности у испытуемых ЭГЗ в зависимости от этапа подготовки

кого консультирования базовой подготовки в полном объеме

-Анализ динамики ИПО показывает, что наибольшие изменения фиксируется на КД-2, что говорит о высокой чувствительности параметров ПВК, формирующих ИПО к проведению с испытуемыми ВБ, ТБ, ПБ и блока РПВК.

-Анализ результатов эксперимента показывает, что уровень эмпатии в ходе реализации программы базовой подготовки практически не меняется, что связано, по нашему мнению, с тем, что способность к эмпатии отчасти является социально обусловленной чертой характера, а отчасти – генетически predetermined особенностью темперамента. Способности к эмоциональной идентификации, личностной рефлексии, альтруистические формы поведения и определённая установка в общении с людьми, как правило, в возрасте испытуемых (25-55 лет) сформирована.

-Анализ результатов эксперимента показывает, что уровень ЭИ испытуемых в ходе реализации программы базовой подготовки увеличивается в диапазоне +10%-25% от уровня на КИД, при этом основное увеличение уровня ЭИ на-

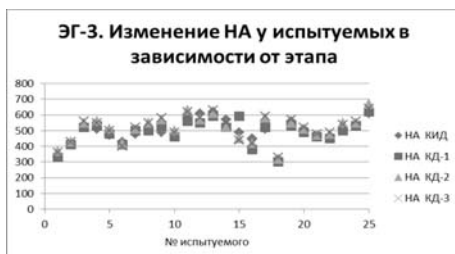

Рис. 5. Динамика изменения уровня надситуативной активности у испытуемых ЭГЗ в зависимости от этапа подготовки

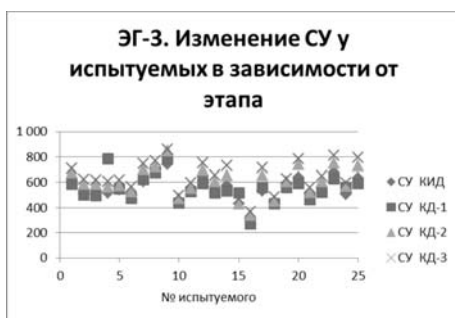

Рис. 7. Динамика изменения уровня стрессоустойчивости у испытуемых ЭГЗ в зависимости от этапа подготовки

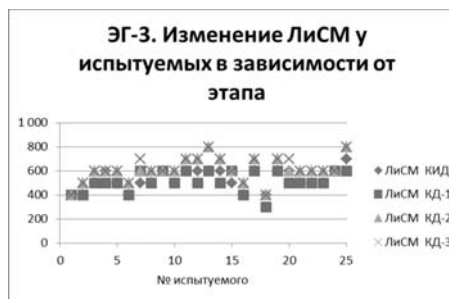

Рис. 6. Динамика изменения уровня логики и скорости мышления у испытуемых ЭГЗ в зависимости от этапа подготовки

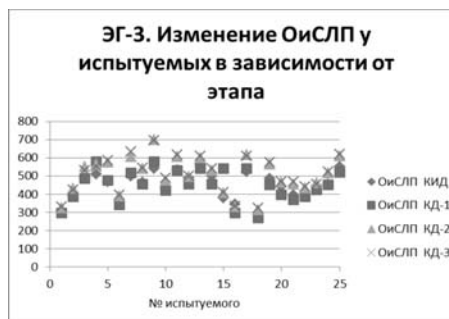

Рис. 8. Динамика изменения уровня образной и словесно-логической памяти у испытуемых ЭГЗ в зависимости от этапа подготовки

блюдается проведение блока теоретической и практической подготовки с развитием ПВК и фиксируется в результате КД-2. Таким образом, влияние изучения константного поведения (ИКП), а также ИПП не оказывают существенного значения на изменение ЭИ. Относительно небольшая динамика изменения уровня ЭИ в ходе базовой подготовки связана имеющимися данными о наследственной предрасположенности (Д.Гоулман), зависимостью ЭИ от свойств темперамента, а также с формированием ЭИ ещё в раннем возрасте. Вместе с тем мы отмечаем, что использование специальных тренингов и упражнений на развитие ЭИ эффективно с точки зрения достижения поставленных целей и повышает эмоциональную компетентность.

-Анализ результатов эксперимента показывает, что уровень тревожности испытуемых в ходе реализации программы базовой подготовки снижается в среднем на 15%-25% по сравнению с исходными данными на этапе КИД. Основное снижение фиксируется после КД-2- прохождения ВБ, ТБ, ПБ и блока РПВК и КД-3- блока ИПП. Изучение константного поведения не

оказывает существенного значения на показатели тревожности. Снижение уровня тревожности (как общей, так и ситуативной) достигается за счёт частого моделирования ситуации переговорного процесса и профайлинга с последующей адаптацией испытуемого в ходе проведения «управленческих поединков», экспресс-переговоров, а также в ходе ИПП.

-Анализ результатов эксперимента показывает, что уровень надситуативной активности испытуемых в ходе реализации программы базовой подготовки существенно не изменяется в ходе базовой подготовки испытуемых. ПВК – НА характеризуется «стремлением к преодолению границы», способностью принятия решений в условиях неопределённости, непредсказанности, характеризует понятие одарённости (Маркина Н.В)[6], что предполагает наследственную детерминированность.

- Анализ результатов эксперимента показывает, что уровень ЛиСМ испытуемых в ходе реализации программы базовой подготовки повышается в среднем на 20-25% в ходе базовой подготовки. На данный ПВК не оказывает суще-

ственное влияние изучение константного поведения и ИПП. Динамика наблюдается на КД-2 после прохождения теоретической, практической подготовки и блока РПВК. Повышение уровня ЛиСМ связано с проведением специальных тренингов и упражнений на развитие логики и скорости мышления.

- Анализ результатов эксперимента показывает, что уровень СУ испытуемых в ходе реализации программы базовой подготовки повышается в среднем на 15-20%, связан со снижением уровнем тревожности в том числе после ИИП, а также с адаптацией испытуемых к стрессовым ситуациям в ходе прохождения ПБ и РПВК

- Анализ результатов эксперимента показывает, что уровень ОиСЛП испытуемых в ходе реализации программы базовой подготовки повышается в среднем на 20-25% в ходе ПБ (практический блок базовой подготовки) и РПВК с фиксацией на КД-2, не зависит от ИКП и ИПП

- Анализ результатов эксперимента показывает, что уровень ОПСПВ испытуемых в ходе реализации программы базовой подготовки повышается в среднем на 10-15% в ходе ПБ (практический блок базовой подготовки) и РПВК с фиксацией на КД-2 не зависит от ИКП и ИПП.

Литература

1. Астафуров С.В. Развитие иноязычных коммуникативных умений переговорного процесса у студентов-нефилологов (на материале английского языка) Электронный ресурс.: дис. докт. пед. наук. Пятигорск, 2007.

2. Горанчук В.В., Овчинников Б.В., Шклярчук С.П. Концептуальные подходы к подготовке «переговорщиков». Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитер-

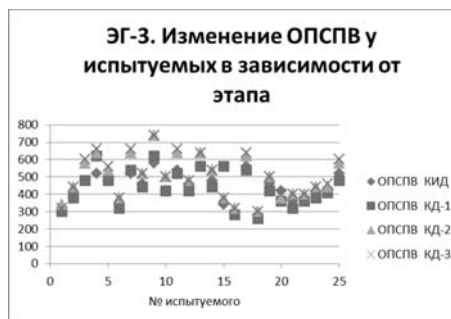

Рис. 9. Динамика изменения уровня объема перераспределения и скорости переключения внимания у испытуемых ЭГЗ в зависимости от этапа подготовки

рора. Сборник статей под ред. проф. М. М. Решетникова. – СПб. Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. – 352 с.

3. Возженикова О.С. Переговорная компетентность руководителей органов внутренних дел и психологические пути ее совершенствования. Дисс. канд. псих. наук. – М., 2004. – 230 с.

4. Стремовская А.Л. Переговорный процесс как форма социального взаимодействия (Философско-методологический анализ): дис. канд. филос. наук. – Москва, 2003. – 226 с.

5. Москаленко О.В. Развитие профессионального самосознания руководителей образовательных учреждений: Дис. Д-ра психол. наук. – М., 2000. – с. 76.

6. Маркина Н.В. Надситуативная форма активности в структуре одаренности: к постановке проблемы исследования /Материалы региональной конференции «Человек в изменяющемся мире» апрель 2001 г. Челябинск - Челябинск - 2001. - с.75-77

Социокультурные аспекты семейного насилия

Мыскин С.В., Завьялова Н.Б.

В статье проводится анализ социокультурных детерминант семейного насилия у россиян. Авторы характеризуют результаты влияния макро культурных факторов на переменные и константные структуры общественного сознания современной России. Исследуется значимость традиционных ценностей в семейной иерархии русского народа.

Ключевые слова: семейное насилие; агрессия; общественное сознание; базовые ценности; культурная трансформация; идентичность; семья; семейная иерархия.

Myskin S.V., Zavyalova N.B.

Socio-cultural aspects of family violence

The article analyzes the socio-cultural determinants of domestic violence among Russians. The authors characterize the effects of macro cultural factors on variables and constant patterns of social consciousness in modern Russia. Explores the importance of traditional values in the family hierarchy of the Russian people.

Keywords: domestic violence; aggression; social consciousness; core values; cultural transformation; identity; family; family hierarchy.

Анализ состояния развития современного российского общества вскрывает рост уровня межличностной агрессии. Потенциал человека к разрушению проявляется во всех областях его жизни. Особенно остро вопросы агрессии между людьми стоят в сфере семейных отношений. Жестокое отношение как к детям, так и самих детей, супружеские конфликты, насилию женщин и ряд других проявлений человеческой агрессии значительно участились. Совокупность выделенных социальных проблем в целом позволяет говорить о глубоком кризисе института семьи в нашем обществе, утрате русской нацией ценностей терпимости, миролюбия, духовности, сформированных в процессе ее культурно-исторического развития. В связи с этим становится актуальным анализ иерархии семейных ценностей, бытующей в сознании россиян, и обуславливающих проявление агрессивных и насильственных форм поведения.

Понимание проблемы насилия в семье невозможно без комплексного, философского рассмотрения социального бытия человека. Антропологический подход к осмыслению сущности человека позволяет представить человека, с одной стороны, как часть мира (продукт общества) и, с другой стороны, как творца культуры и истории. При этом первая ипостась проявляется в стабильные периоды общественного развития. В это время человеку свойственно постигать социум через себя как воплощения социально-групповых характеристик. В периоды общественной ломки, социальных кризисов, разрушения стереотипов и сложившегося образа мира, на смену приходит вторая сущность, позволяющая человеку познать самого себя в отрыве от общества, через свою целостность, свою «самость» [11, с. 23-27].

Дуальность человеческого бытия обуславливает строение его сознания, где наряду с индивидуальными компонентами, представлены общественные (коллективные) элементы структуры, или социальные структуры [Выготский 1982]. Следовательно, можно предположить с большой долей вероятности, что социальные структуры сознания человека сложились в устойчивые, стабильные периоды жизни. При этом их содержанием выступает «образ мира», со-

зданный на основе ценностей гуманности, гармонии человеческого общежития, мирного сосуществования, человеколюбия и т.п. В свою очередь индивидуальная часть сознания, сформированная в эпоху кризисов, ломки общественных отношений и трансформации представлений о мире в своей основе содержит личные смыслы, постулирующие ценности противоборства, эгоцентризма, жестокости и пр. Опора на общеметодологический принцип об определяющей роли сознания в детерминации человеческого поведения [8] позволяет утверждать, что соотношение индивидуальных и социальных структур сознания обуславливает характер поведения человека. При этом превалирование в сознании образов стабильного и безопасного мира стимулирует миролюбивые, гуманные межличностные отношения, характерные для общественного развития, а доминирование представлений об индивидуализме, борьбе, жестокости и пр. активизирует агрессивное поведение человека, что указывает на кризис социальных отношений. По крайней мере эмпирическое наблюдение фактов социальной жизни подтверждает данное предположение.

Воспроизводство и обновление социального бытия человека есть культура. Эволюционное развитие предполагает цикличность в чередовании стабильного существования какого-либо явления и его обновления посредством трансформации. Поскольку социальной жизни также свойственны эволюционные закономерности, то целесообразно рассматривать синхронию семейных ценностей как присущих определенному эволюционному этапу. Следовательно, для раскрытия детерминант семейного насилия необходимо охарактеризовать, во-первых, социальную среду на макро- и микроуровнях, а, во-вторых, изучить сознание россиян в конкретный исторический период и представленную в нем иерархию семейных ценностей. Сопоставление полученных результатов позволит установить причинно-следственные связи роста семейного насилия, а именно, обусловлен ли он обновлением системы общественных отношений, и агрессия, в этом случае, выступает как адаптивная реакция на социальные изменения, либо стабилизация современных общественных институтов требует укоренения иерархии таких человеческих отношений, которые постулируют ценность индивидуализма, борьбы, защиты, агрессии.

Итак, обратимся к характеристике социокультурных факторов, обуславливающих формирование таких социальных структур созна-

ния человека, которые детерминируют агрессивное поведение в семье.

В настоящее время вхождение человека в социальную среду, приобщение его к системе социальных связей происходит на фоне интенсификации глобальных изменений на мировом уровне. Межгосударственные конфликты и сепарация наций, религиозные противостояния и экономические войны, безработица и эпидемии — вот только некоторые внешние макрофакторы, которые участвуют в формировании социальной «канвы» современного общества. Как видно внешняя по отношению к любой социальной группе среда на современном этапе развития человечества приобретает агрессивную окраску.

Сегодняшнее российское общество испытывает многократное влияние внешних враждебных воздействий на все сферы человеческой жизнедеятельности: экономику и экологию, социальные отношения и политику, культуру и здоровье и т.п. Агрессия и насилие постоянно присутствуют в социальной жизни россиян. Немалую роль в этом играют средства массовой информации, которые, в погоне за рейтингами, демонстрируют сцены семейного насилия, жестокого обращения с детьми, женской дискриминации. Причем эффект от применения различных технологий «mass media» при подаче того или иного материала может отличаться от заранее поставленных целей [6]. Так, в соответствии с теорией социального научения [5], визуальная демонстрация насилия способствует имитации этих форм поведения и последующей реализации в социальной жизни. Более того, личность идентифицирует себя с «героями сцен» посредством усвоения их мыслей и чувств. Нетрудно представить к каким последствиям приводит закрепление увиденных сцен семейной агрессии среди молодежи, у которых сознание лишь формируется. Тоже самое относится к прямому насилию в отношении семей, детей, родителей, причиняемых сторонними людьми (террористами, уголовниками, бандитами, националистами и пр.). Причем спектр видов насилия гораздо широк. Так, Й. Галтунг указывает, что прямое насилие проявляется в следующих формах - а) убийство; б) телесные повреждения, блокада, санкции, нищета; в) «десоциализация» из собственной культуры и «рессоциализация» в другую культуру (например, запрещение родного языка и навязывание другого), отношение к людям как гражданам второго сорта; г) репрессии, задержание, изгнание. По мнению ученого, именно эти формы поведения воспринимаются людьми как

агрессивные [5]. В связи с этим можно утверждать, что восприятие подобных сцен, усиленно демонстрируемых СМИ, целенаправленно разрушает привычные семейные ценности, принципы человеколюбия, заботы о ближнем. В стабильную картину мира индивидуального сознания семейных пар вкрапляются образы насилия и агрессии.

Таким образом, состояние общественной жизни россиян может быть охарактеризовано как кризисное, что обусловлено агрессивной окраской общественных макроотношений. Кризис общественных отношений создает агрессивную среду для семейных отношений, которые в рамках нации начинают приобретают насильственные формы. Информационная политика российских средств массовой информации в отношении института семьи содержит элементы, способствующие усилению агрессивных тенденций в семейном поведении.

Исследование семейных ценностей россиян в настоящее время находится в сфере повышенного интереса различных наук. Социологические исследования предполагают анализ семейных ценностей на макроуровне. Здесь изучаются ценности конкретных социальных групп: наций, государств, этносов. Причем каждое из социальных образований выступает в качестве коллективного субъекта [4], где личность лидера отражает ценности всех представителей данной группы. Так, согласно результатам исследования, проведенного Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования [12], базовые семейные ценности россиян существенно отличаются от таковых на Западе, в Европе. В основе отличий лежит ценность для россиян официального брака, в то время как в европейском обществе общепринятым являются гражданские семейные отношения. Исследователи вычислили интегральный индекс реальной ценности семьи в современном российском обществе, который формировался исходя из данных о распространенности гражданских браков, разводов и пр. Из 16-ти стран Россия проявила самую высокую приверженность традиционным семейным отношениям ($i=74,97$ по 100-бальной шкале). Эти данные подтверждаются ценностью коллективизма в семейных отношениях русских ($i=25,8$ по 40-бальной шкале) в противовес индивидуализму ($i=36,4$ по 100-бальной шкале). Наполнение ценности семьи в сознании русских выражено интерпретацией ее как общности, в которой можно пережить трудности, сохранить свою

самость, сберечь свою веру, а также как защиты своего здоровья, личной жизни, индивидуализма от общественного вмешательства. Здесь мы можем привести результаты психологического исследования [7], в которых семья интерпретируется как важное условие выживания, на что указывает существенная связь ($p>0,05$) показателей «Семья» и «Уровень жизни» в зависимости от критерия «Материальное положение». Другие результаты характеризуют выраженность семейно-приватной ориентации ценностного профиля респондентов. Это подтверждается существенными различиями показателей ценностей «Здоровье» (65% ответов) и «Семья» (51%) от других, связанных с участием в жизни большого социума - «Равенство» (6,2%), «Творчество» (5,1%), «Власть» (4,6%), «Убеждения» (3,0%), «Известность» (1,8%), «Сотрудничество» (1,7%) и др. Кстати, такая характеристика ценностных ориентаций вполне соответствует нынешнему одобрению, а в некоторых случаях приданию правового статуса семейным отношениям людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией в странах, где в общественном сознании ценность индивидуализма преобладает над коллективистским. Почеркнет, что в российском обществе семья базируется на принципах коллективизма и выступает фундаментальной ценностью. Это обеспечивает устойчивость традиционных культурных принципов в построении семейных отношений в России.

Культурологи изучают ценности россиян в рамках становления национальной культурной идентичности [3; 9; 10]. Исследователи утверждают, что в национальной культуре отражены традиционные для русского общества базовые ценности, которые обеспечивают ее стабильность, устойчивость и воспроизводство в историческом развитии. О.Б. Скородубова предлагает следующую классификацию базовых ценностей русской культуры: 1) неопределенность самосознания, странничество, постоянный поиск идентичности; 2) бинарный характер существования и развития; 3) коллективизм сознания; 4) отрицание принципа иерархии; 5) отношение к власти и законам как внешнему чуждому элементу; 6) установка на восприятие руководителя государства как защитника народа, противопоставление его бюрократическим структурам; 7) универсалистский характер русского мессианизма [10]. Кратко охарактеризуем данные базовые ценности.

Нахождение России между Западом и Востоком обуславливает ее постоянный поиск своей

идентичности. В.М. Межуев, характеризуя отношения между Россией и Западом, отмечает кризис культурной идентичности у русских. «...Ведь в сознании россиян, - пишет В.М. Межуев, - постоянно жила тема не только их личности и самобытности, но и их отсталости, недостаточной развитости по сравнению с Западом. Эта западная тема наряду со славянофильской (то, что западники считали отсталостью, славянофилы оценивали как самобытность), является центральной в истории русской общественной мысли» [9, с. 587–588]. Здесь автор развивает мысль об большей ориентации русской культуры на европейские ценности. Как справедливо по этому поводу отмечает О.Б. Скородумова: «Этот постоянный поиск позволял сравнивать Россию с образом странника» [10]. В периоды кризиса российско-европейских отношений Россия перенаправляет вектор поиска культурной идентичности на Восток. О чем свидетельствуют события, происходящие в настоящее время, когда в своем социально-экономическом развитии Россия ориентируется на восточный рынок.

Бинарный характер российской культуры выражается единством противоречивых ценностей русского человека. Русский человек проявляет сверхтерпеливость, он может долгое время переносить лишения и невзгоды, и в то же время склонен к разрушительному поведению, бунту, агрессии. Это проявляется и в отношении нормативного поведения, когда человек по ситуации сам определяет, чем ему руководствоваться – узаконенной нормой или собственными правилами. В языковом сознании данное свойство представлено народной пословицей «Судить не по закону, а по совести».

Как было отмечено выше, русская культура отличается сильным общинным, коллективистским началом. Причем специфичность ценности коллективизма в том, что русский человек, стремясь сохранить индивидуальность, всегда испытывал потребность в единстве. Следует отметить, что принцип единства индивидуальностей лежит в основе социальной иерархии русских. Если в восточных культурах социальная дифференциация построена на ценности кровно-родовой связи, а в западных – постулировалась идея однообразия, то в русской культуре социальное единство основано на общности территории и ценностных установок. Однако, и здесь проявляется свойственная русскому характеру противоречивость. Власть всегда расценивалась русскими как нечто необходимое, но чуждое. В общинах отношения регулировались по нравственным законам,

где любой человек предстал как «ближний». Вместе с тем отношение к правителю всегда приобретало положительные окраски («царь-батюшка», «отец народа»). В подтверждение бытования ценности руководителя как базовой для русских можно привести результаты исследования языкового сознания современной молодежи, проведенного представителями научного сообщества МГУ. Экспериментаторы изучали у носителей русского языка представления о «своих» и «чужих». Так вот оценка представителей различных социально-профессиональных групп показала явную дифференциацию по характеру их деятельности. Представители политической элиты оказались за пределами «своего» пространства, в то время как «президент» оказался условием стабильности «своего» мира [1]. Такая психология русского народа указывает на существование потребности в сильном руководителе, способном навести порядок «в горячих умах» и защитить интересы нации.

Указанная тенденция в смене культурных ценностей, опосредствующих семейные отношения вскрывает еще один существенный «пласт» человеческих проблем. Распад Советского Союза открыл и культурные границы. Взаимодействие культур привнесло в Россию семейные жизненные сценарии, основанные на ценностях современной модернизированной (эгалитарной) семьи, где супруги имеют равный статус. Несмотря на бытовавшие долгое время в сознании русских разделение мужского и женского миров как «основного» и «второстепенного», модернизированная семья достаточно быстро укоренилась как норма в современном российском обществе. Прежняя модель семейной власти «мужчина-кормилец» - «женщина-домохозяйка» сменилась контрактом «равных статусов». Причем такие отношения распространяются на все сферы семейных отношений от контроля за финансовыми расходами до воспитания детей. Интересные данные исследования поведения людей в семье приводит О.М. Здравомыслова. Так, отмечает аналитик, современные семьи не связывают экономический вклад с возможностью распоряжаться деньгами. Это подтверждается данными опроса, где 58% семейных пар считают, что «жена имеет полное право делать крупные покупки, даже если деньги в семье зарабатывает муж», а 73,2% респондентов не соглашались с тем, что «деньгами в семье должен распоряжаться тот, кто их зарабатывает». В отношении профессиональной карьеры женщины свидетельствуют следующие данные: 64,3% опрошенных считают, что « карье-

ра жены также важна, как и карьера мужа», не обязана «слушаться» мужа, а 62,1% - соглашаются, что «при выборе одежды женщина не обязана учитывать вкусы мужа» [7].

Как видно за последние десятилетия иерархия российских семейных ценностей претерпела существенную трансформацию. В связи с этим переориентация России в сторону восточных культур непременно приведет к дальнейшей ломке вновь сложившихся семейных традиций. Как известно восточная культура постулирует жесткую иерархию семейного устройства, где определяющая роль отводится мужскому началу. Очевидно, что на уровне «коллективного подсознательного» современные российские женщины, представительницы эгалитарных семей, могут проявлять сопротивление, протест подобным изменениям. Другими словами, можно отметить зачатки формирования основы протестной (защитной) установки среди современных семейных пар, обусловленной предстоящей ориентацией российской культуры на культурные ценности стран востока.

Таким образом, проведенный анализ культурных ценностей позволяет сформулировать следующий вывод. В современной России существуют социально-культурные основания роста семейного насилия. В число таковых входят:

а) Кризисное состояние общественной жизни россиян, обусловленное агрессивной окраской межгосударственных общественных макроотношений, создает внутреннюю агрессивную среду для развития насильственных форм в семейных отношениях. Элементы информационной политики российских средств массовой информации способствуют усилению агрессивных тенденций в семейном поведении.

б) Смена ориентиров поиска культурной идентичности стимулирует базовую противоречивость ценностных ориентаций русских, а также смену их иерархии. Неопределенность в ценностных ориентирах увеличивает социально-психологическую напряженность как на уровне макросоциальных отношений, так и в малых группах, к которым относится и семья.

в) Активизация процессов личностной идентификации семейных мужчин с образом сильного руководителя, обладающего достойным авторитетом. Мотивационной основой данных процессов выступает актуализация в общественном сознании представлений о терпеливом перенесении будущих невзгод, лишений, которые непременно возникнут в «переходный» период. Причем свой авторитет такие «семейные лиде-

ры» зачастую зарабатывают посредством агрессивного поведения и насилия.

г) Формирование протестной (защитной) установки среди семейных пар с эгалитарными отношениями, обусловленной предстоящей ориентацией российской культуры на культурные ценности стран востока.

Литература

1. Балясникова О.В. «Свой - чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур. Диссертация... кандидата филол. наук. - М., 2003. - 225 с.
2. Бандура А. Теория социального научения. - СПб.: Евразия, 2000. - 320с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. - 346 с.
4. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. - М.: Изд-во «Смысл», 1998. - 685 с.
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т., Т. 2. Проблемы общей психологии. - М.: Педагогика, 1982. - 504 с.
6. Ениколопов С.Н. Насилие и массовая коммуникация / Человек как субъект и объект медиapsихологии. - МГУ. 2011, Изд-во: МГУ. - 824 с.
7. Здравомыслова О.М. Поведение людей в семье // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. Ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. - М.: ДИК, 2003. - С. 207-220
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. Изд-е 2-е. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
9. Межуев В.М. Российская цивилизация - утопия или реальность? // Постиндустриальный мир в России / Отв. ред. В. Г. Хорос, В. А. Красильщиков. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
10. Скородумова О.Б. Национально-культурная идентичность в России в условиях становления информационного общества. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» / № 4 2010 - Культурология. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Skorodumova>
11. Современный философский словарь / Под. ред. д.ф.н., проф. В.Е. Кемерово. - М., Бишкек, Екатеринбург: Одиссей, 1996. - 608 с.
12. Ценности России: реальность и мифы. Часть I. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. [Электронный ресурс] URL: http://problemanalysis.ru/idea/idea_14.html
13. Galtung J. Selected Works. New York - London, 1991-1995.

Особенности институционального анализа трансформации зрелищных искусств

Нужина И.А.

Данная статья посвящена изучению особенностей институционального анализа трансформации зрелищных искусств на современном этапе. Зрелищные искусства рассматриваются как социальный феномен, не завершивший институционального становления.

Ключевые слова: зрелищные искусства, зрелища, социальные институты, аудитории зрелищных искусств, субкультура, концептуализация социология

Nuzhina I.A.

Features of institutional analysis of transformation arts entertainment

This article devotes to the peculiarities of institutional analysis of transformation study of entertaining arts at the modern stage. The entertaining arts is regarded as a social phenomenon, not completed the institutional formation.

Key words: entertaining arts, spectacle, social institutions, entertaining arts audience, subculture, excogitation, sociology

Изменения, происходившие в российском обществе в первых десятилетиях XXI века, обусловили глубинную трансформацию организационных оснований общества, что обусловило необходимость полного обновления методов управления данными изменениями и придало особую актуальность задачам перестройки большинства основных сфер его функционирования. Необходимость глубокой перестройки общества безусловно предопределяет теоретическое переосмысление основных процессов как качественной перестройки самой природы общества и отдельных его сфер, так и условий возникновения этих процессов и их социально-организационного оформления. Особое значение в период трансформации приобретает переосмысление процессов трансформации сфер, не завершивших институционального становления, в частности – зрелищных искусств, их аудитории и субкультуры.

Теоретическое осмысление процессов эволюции зрелищных искусств приобретает все большую актуальность еще и потому, что коренная трансформация природы и содержания зрелищных искусств, их практически полное превращение в шоу-бизнес, стремительно происходящее на памяти живущих поколений, обуславливает значительные социально-культурные, идеологические, политические и социально-экономические издержки. По мнению автора, причина этих издержек кроется в первую очередь в том, что органы социального управления, в обязанности которых входит регулирование функционирования и развития зрелищных искусств, зачастую не принимают во внимание институциональную специфику системы зрелищных искусств и ее отдельных подсистем. К сожалению, в настоящее время отечественная социологическая наука только подошла к осознанию многих вопросов институциональной специфи-

ки зрелищных искусств, что вполне объясняет низкую эффективность, наблюдаемую в плоскости прикладных исследований, обеспечивающих возможности российского общества в целом, государства в частности к оптимизации процессов, связанных с трансформацией данной сферы.

В данном случае автор имеет в виду, в первую очередь, теоретические вопросы институализации зрелищных искусств в качестве социально-культурной сферы российского общества, а также особого места зрелищных искусств как института современного общества. Таким образом, ряд вопросов, относящихся, прежде всего, к области социологии, в том числе – к социологии управления, требуют определенных теоретических рефлексий, выходящих за рамки прикладного изучения проблематики повышения эффективности управления процессами трансформации зрелищных искусств.

На современном этапе, по мнению автора, наиболее значимым как для практики, так и для теоретического осмысления новых моментов междисциплинарных исследований социальных сфер современного российского общества, выступающих в качестве объектов социального управления, станет теоретическое осмысление и прикладное исследование трансформации современных зрелищных искусств, их аудиторий и субкультур как института современного российского общества.

Институциональные вопросы функционирования социума традиционно являются областью интересов социологии. Эти вопросы нашли отражение в трудах исследователей, обеспечивших ее становление как науки - О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера и др.

С точки зрения О. Конта институциональные аспекты изучения социальных явлений берут начало в философии позитивного метода, при котором объектом анализа социологов выступают механизмы обеспечения в обществе солидарности и согласия: «Для новой философии порядок всегда составляет условие прогресса и обратно, прогресс является необходимой целью порядка» [5, с. 44].

О. Конт рассматривает ключевые социальные институты, такие как семья, государство и религия, с позиций включения этих институтов в процессы социальной интеграции, а также в зависимости от функций, которые они выполняют.

Английский социолог Г. Спенсер продолжил в своих трудах развитие институциональ-

ного подхода к исследованию общественных явлений. Он стал первым социологом, предложившим термин «социальный институт». Кроме того, Г. Спенсер стал первым ученым, изучившим и описавшим шесть типов социальных институтов: промышленный, профессиональный, политический, обрядовый, церковный и домашний.

Исследование социальных институтов с точки зрения их основных функций было продолжено Э. Дюркгеймом, который придерживался идеи о позитивности общественных институтов, выступающих одним из важнейших средств самореализации человека [10].

Не осталось без внимания рассмотрение ряда социальных институтов и в трудах К. Маркса, анализировавшего институты майората, родового строя, частной собственности и т.д. При этом К. Маркс понимал под институтами исторически сложившиеся, обусловленные социальными, в первую очередь - производственными, отношениями формы организации и регулирования социальной деятельности индивидов.

Согласно утверждению выдающегося социолога М. Вебера, социальные институты, такие как государство, религия, право и т. п., должны «изучаться социологией в той форме, в какой они становятся значимыми для отдельных индивидов, в какой последние реально ориентируются на них в своих действиях» [4, с. 80]. Согласно его концепции, органическим институциональным элементом описанной социальной системы становится капиталистическое предприятие, являющееся гарантом экономических возможностей индивида, и трансформирующееся таким образом в компонент рационально организованного общества.

Таким образом, можно согласиться с утверждением, что социальные институты – исторически сложившиеся устойчивые формы организации совместной деятельности людей, предопределяющие жизнеспособность любого общества в целом [9, С.162]. Хотя социальные институты образуются на базе основных социальных связей, а также взаимодействий и отношений отдельных индивидов, различных социальных групп и общностей, их нельзя свести только к сумме лиц и их взаимодействий, поскольку социальные институты надиндивидуальны и являются по сути самостоятельными общественными образованиями, имеющими собственную логику развития.

Социальные институты объединяют устойчивые системы ценностей, идеалов, а также образцов деятельности и поведения, которые обязательны для всего рассматриваемого социума, и являются гарантией сходного поведения отдельных индивидов, указывая вектор их стремлениям, устанавливая приемлемые способы удовлетворения потребностей, разрешая конфликты, которые могут возникать в повседневной жизни, и обеспечивая равновесие и стабильность в рамках определенной социальной общности или всего общества в целом.

Возникновение социальных институтов определено образованием новых коллективов, общностей или групп. Потребность в социальных институтах является потребностью всего социума, обусловленной необходимостью гарантий непрерывной социальной жизни, обеспечения эффективной коммуникации, производства и распределения продуктов и услуг, а также защиты отдельных индивидов, их размещения по социальным позициям, и поддержания социального порядка и сплоченности социальных групп.

Социальные институты действуют от имени общества в целом и являются одновременно одной из важнейших форм социальных связей и инструментом формирования этих связей. Согласно утверждению М.М. Юсуфова, «их можно считать нормативными, так как содержание этих связей устанавливается обществом в целях удовлетворения потребностей его членов» [9, С. 163].

Следует отметить, что принятые на момент исследования определения категории «социальный институт» не исчерпываются структурно-функционалистскими и институционалистскими трактовками. Значительное место в современной социологии занимают концепции, которые основаны феноменологической или бихевиористской методологии.

По утверждению У. Гамильтона, «институты — это словесный символ для лучшего описания группы общественных обычаев. Они означают постоянный способ мышления или действия, который стал привычкой для группы или обычаям для народа. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспособляем нашу жизнь, представляет собой сплетение и непрерывную ткань социальных институтов» [11, р. 84]. Наиболее содержательными концепциями данных методологий автор считает работы М.С. Комарова, Г. В. Осипова, Н. Смелзера, опирающиеся на

комплексную характеристику социального института и содержащие указания на различные аспекты многосторонней сущности данного явления.

При использовании социологического подхода особое внимание уделяется социальным функциям института, а также нормативной структуре. По мнению М.С. Комарова реализация институтом основных социально значимых функций «обеспечивается наличием в рамках социального института целостной системы стандартизированных образцов поведения, т. е. ценностнонормативной структуры» [4, с. 195].

При институциональном подходе к анализу социального феномена, согласно теории Дж. Хоманса, в социологии выделяют четыре типа обоснования существования социальных институтов: психологический, исторический, структурный и функциональный.

В контексте соответствия природы сферы зрелищных искусств и ее подсистем фундаментальным критериям социальных институтов одной из наиболее авторитетных интерпретаций является интерпретация, предложенная Т. Парсонсом. Данный подход позволяет исследователям осуществить историко-социологический анализ первоисточников и процессов становления современных зрелищных искусств как социального института и подсистемы шоу-бизнеса.

Разработанная Т. Парсоном трактовка социального института как системы деятельности, заданной совокупностью норм, утвержденных моральным авторитетом принятых в обществе ценностей, предполагает поиски источника санкционированных норм институционализации за пределами института.

По мнению автора, наиболее эффективное решение данной проблемы сокрыто в сопоставлении двух основных аспектов изучения — формального, или идеального, и неформального, или реального. При несовпадении реального и идеального, и, одновременно, восприятии идеального как несовершенного вследствие несоответствия между устоявшимися нормативными представлениями об обязательном и реальным порядком жизни социума, появляются предпосылки для трактовки некоторых «социальных фактов» как определенного единства реалий социума, и соответствующего порядка общественных отношений, формализованного в форме идеала. Следует отметить, что при ана-

лизе значительное внимание следует уделить обеспечению выявления соотношенности норм и реалий определенного института с нормами и реалиями социума в широком смысле, признавая при этом, что высокая динамичность реалий может также либо не найти отражения в сфере обязательного обоснования, либо прямо противоречить ей.

В связи с необходимостью различения реального и идеального порядков, автор считает целесообразным при рассмотрении реалий отдельного социального института акцентировать внимание на когнитивном и социальном аспектах его трансформации, которые целесообразно анализировать несколько обособленно, к примеру, при изучении социальных институтов российского общества.

Специфика зрелищных искусств как социального института заключается в том, что зрелища, будучи подсистемой общества, регулируются нормами и определенными организационными отношениями, которые соответствуют целям подсистемы, и тем самым обеспечивает выполнение функций, соответствующих всей системе в целом.

Согласно мнению некоторых авторов, зрелищные искусства, перейдя на институциональный уровень, развиваются якобы по имманентным им законам. Однако автор исследования считает это суждение ошибочным, хоть и базирующемся на ряде неоспоримых утверждений, определяющих необходимость относительной самостоятельности института зрелищных искусств. По мнению автора, зрелищные искусства как социальный институт не в меньшей степени, чем саморегуляции, подвержены социально-политической регуляции. Следовательно, как понимание закономерностей функционирования института зрелищных искусств, так и выработка конкретных рекомендаций относительно деятельности субъектов этого социального института, не могут быть осуществлены без обращения к специальным исследованиям зрелищных искусств в широком социальном контексте.

Автор считает, что предложенная трактовка проблемы институционализации позволит более точно определить границы социологического подхода к изучению феномена зрелищ, для максимального использования возможностей организации и управления в институте зрелищных искусств при анализе становления и функционирования зрелищных искусств как социального института.

При предложенном подходе объектом исследования становится историческая изменчивость трактовки феномена зрелища в контексте соответствия данного феномена исторически определяемым канонам культуры социума. Исходя из объекта исследования, возникает необходимость анализа, как природы, так и причин эволюционных изменений предметного содержания зрелищных искусств, одновременно принимая термин «социальный институт» как отражение определенной формулы исторического процесса, поскольку социальный институт как совокупность норм отображает собственно схему определенного процесса, поддерживающую его протекание.

Предпосылкой теоретического анализа, по мнению автора, должно стать, в первую очередь, системное определение предмета научного рассмотрения, поскольку при историко-социологическом анализе зрелищных искусств как социального института предполагается обязательность учета связей данного феномена как системы с такими «надсистемами» как экономика, культура, государство, социум.

При попытке изучить основные определения зрелищных искусств как социального института стало ясно, что на момент исследования единства мнений в понимании этого феномена добиться не удалось. В то же время при изучении различных подходов к определению зрелищных искусств как социального института проявляется устойчивая тенденция к эмпирической фиксации отдельных социальных функций, исключающей проработку становления зрелищ как исторического феномена и возможность комплексного определения.

По мнению автора, исходная дефиниция сама по себе, вне исторического контекста не может служить достаточным основанием, позволяющим достоверно определить сущность феномена бытия или социального института, в том числе - института зрелищных искусств. Однако результатом подобных изысканий чаще всего становится абстрактное определение предмета исследования, или, по определению К.Маркса, «признание и в то же время непонимание существующего» [8, С.57]. Однако в подобных определениях фиксируется исключительно простая совокупность очевидных качеств объекта исследования, оказывающихся при этом в отношении друг друга во внешних отношениях, но не связанных между собой внутренне и не образующих единства. Как правило, в таких слу-

чаях имеют место попытки объяснения феномена «зрелищные искусства» путем перечисления отдельных социальных функций, реализуемых социумом. Таким образом, следует констатировать, что в подобных определениях отсутствует упомянутая К.Марксом *differentia specifica*, без которой объяснение не может быть объяснением [7, С.229].

Интересным представляется также неординарный подход к определению зрелища как социального феномена, продемонстрированный профессором Е.В.Дуковым, и коренным образом отличающийся от использовавшихся ранее. По мнению исследователя, основополагающим для понимания социального феномена зрелища является «понимание роли пространства в зрелище» [2, С.24]. Автор утверждает, что сам факт того, что зрелище, как и любые процессы, происходящие в обществе, происходит в пространстве, тривиален до той степени, которая не позволяет воспринимать его фундаментальность. В то же время, по мнению Е.В.Дукова, именно пространство является первоосновой, или, «первоэлементом» зрелища, поскольку «зрелище вне пространства не существует» [2, С.24]. Данная концепция предполагает, что в рассуждении о зрелище всегда подразумеваются пространственные координаты, в которые вписано данное зрелище, а в рассуждении о пространстве - характеристики, делающие его видимым, «зрелищным». При этом автор ссылается на В.Я.Косыева, утверждая, что пространство в рамках этой теории может быть разного вида: как реального физического, так психического и виртуального [6].

При этом Е.В.Дуков утверждает, что людям свойственно стремиться к выделению и структурированию любого пространства, как по принципу «свое-чужое», так и внутри «своего» на функциональные зоны, к примеру, пространства художественных зрелищ: на театральное, выставочное, карнавальное, концертное и другие пространства. При этом глубинной причиной такого разделения пространственных зон так или иначе является социальная власть, которая тщательно оберегает такое разделение, своевременно обновляя символы структуры пространства и проводя в их честь праздники зрелища. При том само пространство постоянно насыщено разнообразными формами и способами борьбы «за утверждение себя во власти», за различные варианты ее символизации, делающие ее осязаемой, видимой, т.е. зрелищ-

ной, поскольку, по утверждению «конкуренция власти за первые места в зрелище — глубинное, архетипическое свойство человеческих сообществ» [2, С.24].

Как известно, в основании власти лежит широко понимаемый капитал, причем намного более обширный, чем классические производственная, товарная и денежная его формы. В более широком понимании капитал включать человеческие связи (так называемый коммуникативный капитал) или приобретенные свойства человека (человеческий капитал). Согласно классификации французского социолога П.Бурдьё выделяют три наиболее обобщенных вида капитала: экономический, культурный и символический [1].

Долгое время основой для изучения теоретиков был экономический капитал, непосредственно конвертирующийся в деньги и закрепляемый правом собственности.

Культурный капитал, по мнению исследователей также может быть институционализован через образовательные квалификации и, следовательно, может быть конвертирован также в экономический капитал.

Символический капитал (в некоторых работах П.Бурдьё называет его «социальным капиталом») связан с членством в социальной группе, а также уровнем этого членства. Это единственный в своем роде специфически человеческий, поскольку в животном мире не встречается. Е.В.Дуков определяет символический капитал «через доверие к высказываниям людей, получающим, закрепляющим и олицетворяющим власть» [2, С.25].

Наследные монархи исторически считаются первыми владельцами символического капитала, а накопление и распоряжение символическим капиталом, подтверждаемое через выборы, является частью профессии современного политика. Одновременно ту же функцию исполняют мастера шоу-бизнеса, принимая участие в обсуждении значимых вопросов общественной жизни.

Любой владелец символического капитала, будь то монарх, президент или артист — получает от общества власть для формирования различных социальных группы. При этом, по мнению исследователя, отличие так называемых «звезд» от простых артистов кроется исключительно в величине уже освоенного пространства, поскольку для одних это пространство безгранично, для других — это территория от-

дельной страны, для третьих – пространство маленького городка или даже отдельного дома культуры.

Следует отметить, что Е.В. Дуков продемонстрировал блестящую попытку объяснить социальный институт массовых зрелищ через его взаимосвязь с пространством. Однако, отдавая должное его формулировке относительно «пространства зрелищ как моделирующего пространства на всех этапах человеческой цивилизации» [2, С.27], автор исследования считает, что данное исследование является скорее описательным и не дает точного определения дефиниций «массовые зрелища», «зрелищные искусства» как социального института. Поэтому автор считает более логичной структуру исследования, предложенную Н.А.Хреновым, который через проблему зрелища выходит на проблему динамики культуры, которая имеет циклический характер развития и подчиняется определенным закономерностям, обусловленными сменой фундаментальных идей, взаимосвязанных с природой реальности и методами ее постижения. Исключая возникновение социологического, психологического и культурного детерминизма и обеспечивая многофакторное исследование культуры, Н.А.Хренов опирается на подход, разработанный в «интегральной социологии» П. Сорокиным, принимая за основную единицу измерения развития обществ в течение значительных временных длительностей социокультурную суперсистему, фундаментом и основой которой является мир ценностей.

Таким образом, по мнению автора, исследование зрелищных искусств как социального института на современном этапе логично требует историко-социологического анализа становления массовых зрелищ как социального института, целью которого является определение исследовательской позиции в отношении социального управления изучаемым феноменом.

Литература

1. Бурдые П. Формы капитала /пер. с англ. М. С. Добряковой; Бурдые П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) / пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. 680 с.
2. Дуков Е.В. Зрелище как социальный феномен // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 3. С. 24
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: «Наука», 1991. 576 с.
4. Комаров М.С. О понятии социального института // Введение в социологию. М: Наука 1994. 317с.
5. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / Перевод с французского И. А. Шапиро. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 256 с.
6. Косыев В.Я. Единая теория поля, пространства и времени. Нижний Новгород: Арабеск, 2000. 178с.
7. Маркс К. К критике гегелевской философии права. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. 635 с.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М.: Политиздат, 1966. 152 с.
9. Юсуфов М.М. Концептуализация понятия «социальный институт» в современной социологии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4. С. 162
10. Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. Le systeme totemique en Australie. Paris, 1960.
11. Hamilton W. Institution // Encyclopedia of social sciences. New York, 2001 Vol. 8.

Эффективное обучение иностранным языкам с использованием информационных технологий

Лобанова Е.И., Панюшкина О.А., Стрижова Е.В., Нисилевич А.Б., Шульгина Н.В.

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели и студенты при преподавании и изучении иностранных языков в неязыковом вузе в быстро меняющемся информационном обществе, а также предлагает инновационные методики и новые коммуникативно-ориентированные подходы в обучении студентов в неязыковом вузе.

Ключевые слова: глобализация, коммуникативно-ориентированный подход, информационное общество, смарт технологии, интерактивные методы обучения, ролевые игры, веб-технологии, мультимедийный контент, аватар.

Lobanova E.I., Panyushkina O.A., Strizhova E.V., Nisilevitch A.B., Shulgina N.V.

Effective training in foreign languages with the use of information technologies
In the article problems which teachers and students during teaching and learning of foreign languages in not language higher education institution face in quickly changing information society are considered, and also offers innovative techniques and new communicative focused approaches in training of students in not language higher education institution.

Key words: globalization, the communicative focused approach, information society, smart technologies, interactive methods of training, role-playing games, web technologies, multimedia content, avatar

В современных условиях глобализации и информатизации общества высшая школа должна чутко реагировать на происходящие процессы и вносить изменения в существующую систему образования. Эпоха высоких технологий требует глобального пересмотра того, как человек учится и приобретает знания в новых социально-экономических условиях, когда компьютерные сети становятся основным универсальным средством социальной коммуникации. Перед образованием стоят задачи формирования личности, конкурентоспособной и успешной в современном информационном обществе. В настоящее время обществом остро осознается необходимость овладения иностранными языками и насущная потребность в коммуникативно-ориентированном обучении с тем, чтобы учащиеся могли применять иностранный язык в реальной жизни при личном, деловом и профессиональном общении с представителями иных культур. Проблема состоит в том, что изучение иностранного языка в условиях российского неязыкового вуза не дает, к сожалению, возможности общаться с носителями языка; иными словами, отсутствует языковая среда, столь необходимая для эффективного научения иностранному языку. Таким образом, возникают определенные противоречия в преподавании иностранного языка в вузе:

- между декларируемыми целями, которые требуют творческого подхода к обучению, и традиционными формами и методами, ориентированными на передачу готовых знаний;
- между интеллектуальным и коммуникативным потенциалом учащихся и реальным неумением решать коммуникативные задачи на иностранном языке.

Вследствие этого необходимо искать пути повышения эффективности обучения иностранным языкам в вузе.

Эффективность обучения иностранному языку — это важная и сложная проблема, которая недостаточно исследована по отношению к студенческой аудитории. Одним из факторов

успешного освоения иностранного языка является заинтересованность студента содержательной стороной занятий. В настоящее время средством эффективного обучения становятся активные формы, основанные на широком применении информационных технологий (ИТ).

Многие образовательные инновации связаны сегодня с применением интерактивных методов обучения. Понятие «интерактивный» имеет латинское происхождение и означает «находящийся в режиме взаимодействия» (например, с компьютером). Следовательно, интерактивное обучение – это, прежде всего, диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и студента, студента и компьютера или студента, компьютера и преподавателя и т.д. Кроме того, это специальная форма организации познавательной деятельности, в основе которой заложены вполне конкретные и прогнозируемые цели. Основной целью является создание комфортных условий обучения, при которых студент чувствует свою успешность и интеллектуальную состоятельность. Это делает продуктивным процесс обучения. Суть интерактивного обучения состоит в том, что во время учебного процесса все учащиеся оказываются вовлеченными, имея таким образом возможность понять и осознать то, что они знают и умеют делать с этим знанием. Совместная деятельность учащихся в процессе обучения и освоения учебного материала предполагает, что каждый вносит свой индивидуальный вклад, что ведет к интенсивному обмену знаниями, идеями и способами деятельности. Обучение проходит в атмосфере доброжелательности и взаимной поддержки, что позволяет не только получать новое знание и новые навыки, но и способствует развитию самой познавательной деятельности, ее переходу на более высокий, конструктивный, уровень.

Интерактивная деятельность на занятиях предполагает организацию и развитие диалогового общения, которое ведёт к взаимопониманию, взаимодействию, совместному решению общих, но значимых для каждого участника задач. Она исключает доминирование как одного выступающего, так и одного мнения над другим. В ходе диалогового обучения студенты учатся критически мыслить и решать сложные проблемы на основе знания обстоятельств и соответствующей информации, рассматривать и принимать в расчет альтернативные мнения, принимать взвешенные решения, участвовать в дискуссиях и общаться с другими людьми. Для этого на занятиях организуется индивидуальная, парная

и групповая работа, применяются исследовательские проекты и ролевые игры, привлекаются различные источники информации. Исследования ОЭСР указывают на то, что использование компьютера дома гораздо более производительно для учеников, чем использование компьютера в аудитории. Огромные возможности, которые предлагает сеть, чтобы получать информацию, а также, чтобы работать с материалом, созданным преподавателем или однокурсниками, образуют бесконечное множество учебных файлов, быстрый доступ к которым облегчает обучение, прежде всего в случае иностранного языка. Это способствует интерактивному взаимодействию между преподавателем и учениками, а также между самими учениками.

Применение инновационных технологий в учебном процессе требует создания новых моделей обучения, новых направлений и стратегий поиска, организации, изучения и использования информации. Это приводит к изменению в мыслительных представлениях и повышает эффективность обучения. Одной из причин использования таких технологий в преподавании иностранных языков является огромное количество информации, к которой мы имеем доступ. Среди онлайн-энциклопедий наиболее представительной является Википедия, которую создают сами пользователи сети. Ее основным преимуществом является легкая доступность информации, что значительно ускоряет поиск.

Еще одной причиной использования ИТ являются методические достоинства, состоящие в большей степени интерактивности обучения, чем при работе в аудитории или лингвистическом кабинете. Информационные технологии, и Интернет в частности, позволяют нам осуществлять различные интерактивные задания без присутствия наших студентов в аудитории. Правда, стоит опасаться простого переноса структурных упражнений в учебнике на интерактивные мероприятия. Возможности, которые предлагают нам ИТ, мы должны использовать для реализации более значительных и конструктивных заданий. Кроме того, как было замечено, при обучении иностранному языку при помощи компьютера повышается скорость усвоения грамматических конструкций и накопления словарного запаса. Мультимедийные технологии подразумевают использование таких аудиовизуальных и интерактивных средств обучения как:

- программные средства (мультимедийные диски, презентации, видео-, аудио-ролики, ресурсы сети Интернет);

· оборудование (ПК, аудио-, видео- аппаратура, мультимедийный проектор, интерактивная доска).

Рынок образовательных программ предлагает большое количество различных обучающих видеокурсов (что является прекрасным дополнением к аудиторным занятиям), отображающих социокультурные реалии: мимику и жесты, специфику речи, окружающую обстановку. На базе этих видеокурсов преподавателю очень удобно проводить различные ролевые игры и организовывать дискуссии с целью повторения пройденного лексического и грамматического материала. На дисках, которые являются обязательным компонентом современных УМК, записаны тексты и задания для аудирования, песни, рифмовки, упражнения для работы над произношением. Записи выполнены профессиональными звукооператорами с участием специально приглашенных актеров-носителей языка.

Современные информационные технологии предоставляют целый комплекс средств для обучения иностранным языкам: мультимедийные обучающие программы ("Профессор Хиггинс", "Oxford platinum", "English platinum", "Репетитор по английскому языку Кирилла и Мефодия") и словари (<http://spravki.net/>), огромное разнообразие интернет-ресурсов: учебные и аутентичные материалы на иностранных языках, электронные версии зарубежных газет и журналов (<http://www.onlinenewspapers.com/>), публикации (<http://www.washtimes.com/>) и т.п. В настоящее время имеется множество мультимедийных средств обучения, такие как интерактивные курсы «Tell me more», «Английский: путь к совершенству», множество энциклопедий и т.д. Они рассчитаны на обучение речевым видам деятельности: чтению, письму, аудированию, говорению; объяснению и повторению различного грамматического материала с соответствующими заданиями и упражнениями, как для самостоятельного обучения, так и работе в группе. Необходимо заметить, что компьютер, аудио и видеотехника являются для учащихся всего лишь источником для получения необходимой информации и инструментом обучения. Все эти инструменты ни в коем случае не являются самоцелью, а служат конкретным практическим задачам. Доступ к компьютерным технологиям и телекоммуникациям, а также правильное их использование - вот ключ к успеху в информационном обществе. Итак, можно сказать, что информационные технологии позволяют добиться качественно нового уровня усвоения учеб-

ного материала. Конечно, такая работа - это трудоемкий и кропотливый процесс.

Для повышения эффективности обучения важно использовать информационные технологии нового поколения Web2. Его инструменты позволяют студентам перестать быть простыми потребителями, а превратиться в создателей web-страниц, печатать тексты, создавать собственные аудио- и видеофайлы. В мире преподавания иностранных языков уже существуют и продолжают создаваться новые инструменты, которые позволяют получать более качественные знания и навыки владения языком в упомянутых форматах. Согласно определению Тима О'Рейли, технологии Веб 2.0, которые еще называют социальными сервисами („social software“) - это платформа сервисов и служб, позволяющая любому пользователю получать, создавать и быть соавтором информации. Веб 2.0 - это синхронное и асинхронное общение в сети, это создание личной зоны в сети и создание сетевых сообществ по интересам.

Применение таких технологий в преподавании иностранных языков является хорошей мотивацией обучающихся к изучению языков, а также позволяет создать коммуникативную среду, предполагает совместные способы работы и возможность выбора форм обучения и исследования в соответствии со своими личностными способностями и намерениями.

В данной статье мы предлагаем рассмотреть социальный сервис Voki, который был нами изучен и апробирован на занятиях практического курса второго иностранного языка (немецкий).

Voki - это онлайн сервис Веб 2.0, предназначенный для создания мультимедийных контентов. После регистрации на сайте <http://www.voki.com> с помощью данного сервиса можно создавать своего говорящего аватара. Для озвучивания Voki можно просто напечатать текст, и аватар будет произносить его, записать свой собственный голос с помощью микрофона или загрузить аудиофайл с компьютера. Данные аватары возможно пересылать по электронной почте, вставлять в блог или использовать в электронном курсе, размещенном на платформе Moodle.

Необходимо принять в расчет следующие отличительные особенности данного сервиса:

1. возможность просматривать созданные аватары только в режиме онлайн;
2. возможность пересылать созданные контенты по электронной почте;
3. доступность просмотра созданного аватара любому пользователю;

4. возможность многократного озвучивания текста.

Хотим отметить, что социальный сервис Voki может являться эффективным средством преподавания иностранных языков, так как обладает следующими дидактическими характеристиками:

- Автономность. Позволяет обучающимся организовать свой учебный процесс в соответствии со своими личностными способностями.

- Интерактивность. Дает возможность пересылать созданные контентны и взаимодействовать с другими пользователями.

- Многофункциональность. Дает возможность развивать несколько видов речевой деятельности: умения говорения, аудирования и письма.

- Мультимедийность. Использование не только графических, текстовых, но и аудиоматериалов.

- Простота в обращении.

Учитывая дидактические особенности и методические возможности данного сервиса, можно выделить следующие этапы работы:

Подготовительный этап:

1. Введение в тему. Постановка задачи;

2. Знакомство с критериями оценки, описание требований к форме представления конечного результата;

3. Знакомство обучающихся с возможностями сервиса Voki, правилами создания интерактивных контентов в сети Интернет.

Процессуальный этап:

1. Создание и размещение интерактивного контента;

2. Рассылка созданного контента.

Заключительный этап:

1. Оценка и обсуждение созданного продукта обучающимися по предложенным критериям;

2. Самооценка обучающегося.

При организации работы с данным сервисом Веб 2.0 можно предложить следующие задания:

1. Прослушать созданные интерактивные аватары и ответить на поставленные вопросы.

2. Прослушать созданный Voki и высказать свое мнение по предложенной тематике.

3. Представить себя, своего друга, знаменитого человека.

4. Составить пересказ текста.

В качестве примера рассмотрим задание, разработанное автором статьи для будущих лингвистов-переводчиков, изучающих дисциплину «Практический курс второго иностранно-

го языка (немецкий язык)» по теме «Германия» (уровень владения языком A2), целью которого будет являться развитие навыков говорения.

Задание посвящено теме «Знаменитые личности Германии». Занятие проходит в компьютерном классе, где есть подключение к Интернет-подключению. На первом этапе обучающимся предлагается представить знаменитого человека, родившегося в Германии, а так же задать несколько вопросов различной тематики, например, о месте рождения, интересах, стране изучаемого языка и т. д. Преподаватель предлагает карточки с именами личностей, которых нужно представить на занятии. Обучающиеся вытягивают карточку с именем знаменитого человека. Затем преподаватель формулирует задачу: найти информацию в Интернете по следующим пунктам (место рождения, дата рождения, семейное положение, семья, знак зодиака, профессия, увлечения и т. д.) и представить на основе этой информации знаменитую личность, а так же знакомит обучающихся с возможностями сервиса Voki, правилами создания говорящих аватаров, с требованиями к форме представления конечного результата.

В заключение подготовительного этапа обсуждаются критерии оценки:

1. Соответствие содержания теме, объему устного дискурса;

2. Связность и логичность организации текста;

3. Правильность речи в соответствии с орфоэпической, грамматической и лексической нормами изучаемого языка.

На процессуальном этапе обучающиеся самостоятельно выполняют задание, создают аватар, задают несколько вопросов и отправляют на электронную почту преподавателя мультимедийный контент. В зависимости от уровня владения языком, преподаватель может также предложить в качестве опоры следующие фразы и выражения:

Ich bin am in geboren.

Ich komme aus

Mein Sternzeichen ist

Ich interessiere mich für

Meine Familie besteht aus

Создать аватар можно двумя способами: либо напечатать текст, который будет озвучен данной программой, либо сделать запись записать своего собственного голоса. На третьем этапе преподаватель показывает созданные аватары, обучающиеся должны угадать, о какой личности идет речь, ответить на поставленные вопросы и оценить созданный Voki по заданным критериям.

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что использование технологий Веб 2.0 на занятиях иностранного языка способствует развитию новых видов деятельности обучающихся и обладает большим потенциалом в обучении иностранным языкам, поскольку:

- повышает ответственность студентов за свое обучение и мотивацию к изучению иностранных языков;
- создает психологически-комфортные условия для развития разных видов речевой деятельности (говорение, письмо, аудирование);
- развивают творческие способности обучающихся;
- побуждают обучающихся к устным высказываниям;
- развивают навыки аргументации в устной и письменной речи

Вместе с тем, хотелось бы повториться, что социальные сервисы Веб 2.0 являются лишь дополнительными техническими средствами обучения иностранным языкам, использование которых нужно методически грамотно интегрировать в учебный процесс для достижения оптимальных результатов.

Использование информационных технологий способствует развитию самостоятельной работы студентов. Использование ИТ не ограничивается, по крайней мере на данный момент, аудиторией. Многие преподаватели, которые включают ИТ в свое обучение языкам, используют их во внеаудиторной работе для самоподготовки студентов. Это дает возможность самостоятельно выбирать темп и уровень выполняемых заданий, что соответствует принципам индивидуального обучения.

Компьютер предоставляет разнообразные технические преимущества для обучения иностранным языкам: возможность осуществлять технический перевод; использовать программы проверки грамматики и орфографии; использование мультимедиа, интерактивного видео при обучении устной речи. Графические возможности компьютера позволяют реализовать принцип наглядности обучения.

ИТ позволяют создать единое информационное пространство для обучения иностранному языку. Практически неограниченное образовательное значение компьютерных сетей, как локальных (в рамках одного вуза), так и глобальных, объединяющих миллионы пользователей. Использование таких сетей расширяет возможности обучения. Границы пространства и времени в обучении исчезают или рассеиваются. Все зависит от студента, от его желания учиться, време-

ни, имеющегося в его распоряжении, а также от его способности заниматься вне аудитории. Такое обучение называется «невидимым». Преподаватель должен направлять в нужное русло это «внешнее» или «невидимое обучение», способствуя развитию автономного обучения студента.

Использование компьютера способствует созданию благоприятного психологического климата, повышению мотивации изучения иностранных языков. Обучение, осуществляемое с использованием информационных технологий, позволяет развивать самостоятельность и творчество студентов. Новые технологии облегчают создание коммуникативной среды, которая благоприятствует конструктивному обучению. Мы можем видеть, что посредством компьютерных программ, основанных на исследовании, симуляции и виртуальном окружении, создаются контексты, в которых ученики строят знание на языке, начиная с уже известных структур.

Таким образом, инновационные технологии, которые мы сегодня рассмотрели, существенно обогащают и разнообразят преподавание иностранных языков и повышают его эффективность. На смену монотонной работе приходит интеллектуальный творческий поиск, что делает процесс обучения более продуктивным.

Литература

1. Герасименко Т.Л., Жидкова О.Н., Зенина Л.В., Нисилевич А.Б., Стрижова Е.В. Информационные технологии и коммуникативные методики в обучении иностранным языкам. Сборник научных трудов Sworld. 2013. Т. 17. №3. С.45-57.
2. Лобанова Е.И., Стрижова Е.В., Нисилевич А.Б., Зенина Л.В., Жидкова О.Н. Преимущества и недостатки использования информационных технологий в обучении иностранному языку и культуре в высшей школе. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №2-2(332). С.121-124.
3. Нисилевич А.Б., Стрижова Е.В. Инновационные технологии преподавания в высшей школе. Экономика, статистика, информатика. Вестник УМО. 2013. №3. С.3-5.
4. Нисилевич А.Б., Стрижова Е.А., Харитоновна О.В. Информационные технологии как неотъемлемая часть развития современного общества. Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО, 2014. №1. С.20-22.
5. Панюшкина О.А. Практика применения новых технологий для обогащения словарного запаса в процессе изучения иностранных языков. Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №3(25). С.233-236.

Лингвистическое конструирование тезауруса французской социолингвистической терминологии

Сенницкая Е.Ю.

В данной статье рассматриваются особенности лингвистического конструирования метаязыка французской социолингвистической терминологии, в котором выделяется группа лингвистических терминов, связанных между собой семантическими отношениями. Описываются семантические поля терминов «язык», «вариант» и некоторые другие.

Ключевые слова: социолингвистика; макросоциолингвистика, микросоциолингвистика, лингвистика; вариант; вариативность; метаязык; тезаурус.

Sennitskaya E.Yu.
Linguistic construction of thesaurus french sociolinguistics terminology

In this paper we are interested in modeling of terminology French sociolinguistics metalanguage, in which there is a group of linguistic terms, linked by semantic relations. We examine the semantic field of the term «language», «variation» and some others.

Keywords: sociolinguistics; macro-sociolinguistique; micro-sociolinguistique; linguistics; variation; variability; meta-language; thesaurus.

В данной статье рассматриваются возможности лингвистического конструирования тезауруса французской социолингвистической терминологии с использованием метода тезаурусного моделирования, который позволяет осмыслить природу метаязыка, определить иерархические отношения в системе понятий, облегчить поиск от «смысла» к «слову», и при котором сам тезаурус рассматривается как основной инструмент формализации семантики терминологии французской социолингвистики.

Значительный вклад в развитие отечественного языкознания внёс известный российский лингвист Р. Г. Пиотровский, который в своих работах руководствовался поиском новых скрытых механизмов развития языка и речи при помощи тезаурусного описания семантики лингвистических единиц [2, с. 43]. Научные труды Р. Г. Пиотровского дали новый толчок в исследовании метаязыка современного языкознания с применением метода тезаурусного моделирования [1].

Изучение любой предметной области (далее ПО) посредством естественных и искусственных языков всегда в той или иной степени сопряжено с рассмотрением действия таких сосюровских дихотомий, как соотношение плана содержания и плана выражения, синхронии и диахронии. Начнём с первой дихотомии «терминополе – терминосистема».

Терминополем будем называть системное образование плана содержания, представляющее собой организованную совокупность специальных понятий и связей. В плане выражения терминополю соответствует терминосистема, т. е. совокупность языковых средств (лексические единицы, словообразовательные морфемы, синтаксические приёмы) и парадигматических и синтагматических связей, отражающих план содержания (терминополе), который является

ведущим в построении и развитии ПО. Поскольку этот план является общим для разных языков, то целесообразно начать с его описания относительно изучаемых ПО - социолингвистики, а затем перейти к определению специфики его лингвистических реализаций, т. е. построению плана выражения (терминосистемы).

Социальная лингвистика или социолингвистика относится к так называемому внешнему языкознанию, которое, согласно Ф. де Соссюру, рассматривает язык не сам по себе, а в его связях и отношениях с коллективом говорящих, с функционированием различных социальных институтов, с историей народа и его культурой и т.д.

Языковые факты и отношения между ними социальная лингвистика интерпретирует с точки зрения общественных отношений между людьми.

В качестве основного определения, данное в книге Франсуази Гаде:

«Социолингвистика - область языкознания, изучающая язык в связи с социальными условиями его существования. Под социальными условиями имеется в виду комплекс внешних обстоятельств, в которых реально функционирует и развивается язык: общество людей, использующих данный язык, социальная структура этого общества, различия между носителями языка в возрасте, социальном статусе, уровне культуры и образования, месте проживания, а также различия в их речевом поведении в зависимости от ситуации общения». [Беликов.Крысин]

Как языкознание в целом, так и социолингвистика имеет два аспекта – диахронический (*diachronie sociolinguistique*) и синхронический (*synchronie sociolinguistique*).

Объект диахронической социолингвистики - история языка для отдельных языковых явлений из истории общества с изменением его социальной структуры.

Объект синхронической социолингвистики – язык и его функционирование в какой-то конкретный момент истории в данном сообществе. В связи с социальной структурой общества и его коммуникативными потребностями.

В зависимости от масштаба объектов различают *макросоциолингвистику* (*macro-sociolinguistique*) и *микросоциолингвистику* (*micro-sociolinguistique*).

Макросоциолингвистика (*Macro-sociolinguistique*) занимается анализом языковых процессов, проходящих в крупных социальных

объединениях – *государство, функционирование языков региона, большие социальные группы, выделяемые по признаку* (пол, возраст, образование). В этой области проводят изучение особенностей *языковой ситуации* в данной группе, изучение *языковых контактов* (вопросы межкультурной коммуникации), *языковые конфликты* и способы их разрешения, *языковое планирование*, государственная политика в области языка.

Микросоциолингвистика (*Micro-sociolinguistique*) занимается анализом языковых процессов и отношений в небольших по численности группах носителей языка (семья, подростковая группа, производственные отношения внутри коллектива). Микросоциолингвистика исследует следующие проблемы: *эффективность речевого взаимодействия, приобретение и совершенствование коммуникативных навыков* (процесс социализации), *изучение отношения к языку* (престижность владения той или иной формой языка). Таким образом, микросоциолингвистика занимается скорее индивидуальной речью в социальном контексте.

Различают *теоретическую* и *экспериментальную* социолингвистику.

Теоретическая социолингвистика (*Sociolinguistique thiorique*) занимается изучением наиболее общих теоретических проблем таких, как *выявление существенных закономерностей языкового развития и доказательство их социальной природы*. Также решается проблема *социальной обусловленности функционирования языка* в разных ситуациях общения, *процессы взаимодействия и взаимовлияния языков в рамках одного социума, контактных языков и промежуточных языковых образований*.

Экспериментальная социолингвистика (*Sociolinguistique methodologique*) занимается сбором *социолингвистического материала* (языковых, речевых фактов и их корреляции с определенными социальными параметрами), путем *анкетирования, интервьюирования, наблюдения и тестирования*, т.е. собственно лингвистического эксперимента.

В свою очередь социолингвистика оперирует некоторым набором специфических для нее понятий: *языковое сообщество, языковая ситуация, социально-коммуникативная система, языковая социализация, коммуникативная компетенция, языковой код, переключение кодов, билингвизм (двуязычие), диглоссия, языковая политика* и ряд других. Кроме того, некоторые

понятия заимствованы из других отраслей языкознания: *языковая норма, речевое общение, речевое поведение, речевой акт, языковой контакт, смешение языков, язык-посредник и др.*, а также из социологии, социальной психологии: *социальная структура общества, социальный статус, социальная роль, социальный фактор и некоторые другие.*

ПО «Социоллингвистика» представляет собой динамическую систему, терминология которой постоянно расширяется и перестраивается. Моделирование терминологии которой является одной из задач предпринятого исследования наряду с выявлением возможных особенностей реализации этой структуры во французском языке.

Преследуя цель исследования метаязыка французской социоллингвистики, необходимо прежде всего произвести отбор ключевых терминов данного направления в языкознании и осуществить компонентный анализ их дефиниций по существующим лексикографическим источникам. В словаре социоллингвистических терминов «sociolinguistique» («социоллингвистика») представлена как «отрасль языкознания» (*linguistique*), изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия объективных (различных элементов социальных установок, ценностей и т. п.) социальных факторов на язык и той ролью, которую язык играет в жизни общества» [3, с. 257]. Из этого определения следует связь терминов «sociolinguistique» и «linguistique», которые соотносятся между собой как мероним и голоним («часть» - «целое»). При этом термин «sociolinguistique» попадает в ряд других лингвистических терминов, которые также называют отрасли языкознания «etnolinguistique» («этнолингвистика»), «dialectologie» («диалектология») со своим гипонимом «géographie linguistique» («лингвистическая география»), «psycholinguistique» («психоллингвистика»), «neurolinguistique» («нейролингвистика»). Таким образом формируется метаязык французской социоллингвистики («Sociolinguistique»), который представляет собой объединение французских лингвистических и социоллингвистических терминов, расположенных в семантических субпространствах «Sociolinguistique» («Социоллингвистика») и «Linguistique» («Лингвистика»).

Семантическое субпространство «Linguistique» содержит две семантические об-

ласти «Linguistique interne» («Внутренняя лингвистика») и «Linguistique externe» («Внешняя лингвистика»), каждая из которых состоит из нескольких семантических полей. Семантическая область «Linguistique interne» («Внутренняя лингвистика») включает семантические поля «Linguistique structurale» («Структурная лингвистика») и «Linguistique énonciative» («Функциональная лингвистика»). Семантическая область «Linguistique externe» («Внешняя лингвистика») включает семантические поля «Etnolinguistique» («Этнолингвистика»), «Dialectologie» («Диалектология»), «Géographie linguistique» («Лингвистическая география»), «Psycholinguistique» («Психоллингвистика»), «Neurolinguistique» («Нейролингвистика»), «Sociolinguistique» («Социоллингвистика»).

Семантическое субпространство «Sociolinguistique» («Социоллингвистика») содержит в себе семантические поля «Macro-sociolinguistique» («Макросоциоллингвистика») и «Micro-sociolinguistique» («Микросоциоллингвистика»).

Данные семантические области состоят из некоторых семантических полей. Семантическая область «Macro-sociolinguistique» («Макросоциоллингвистика») включает семантические поля «Choix d'écriture» («Выбор письменности»), «Emprunt», («Заимствование»), «Terminologie» («Терминология»), которые поочередно подчиняются гиперониму «Linguistique politique» («Политическая лингвистика»).

Семантическая область «Micro-sociolinguistique» («Микросоциоллингвистика») включает семантические поля «Style» («Стиль»), «Langue» («Язык»), которые относятся к голониму «Répertoire» («Репертуар»).

Рассмотрим подробнее семантическое поле «Langue» («Язык») - важнейшее средство человеческого общения, основной объект изучения языкознания. Термин «язык» имеет по крайней мере два связанных значения: - язык вообще, как определенный тип знаковых систем;

- конкретный, т.н. «идиоэтнический» язык – некая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве, представляющая собой конкретную реализацию свойств языка вообще. Естественный человеческий язык противопоставляется искусственным языкам и языку животных [3, с. 38].

По признаку родства к термину «langue» относится следующая группа гипонимов:

- «langues apparentées» («родственные языки») и его синонимы – «langues parentées» (родственные языки) и «langues soeurs» (родственные языки);

- «langue dérivée» («производный язык») который вступает в синонимическое отношение с термином «langue fille» (дочерний язык);

- «langue mère» («праязык») с синонимом «langue originelle» («первобытный язык»).

С учётом социолингвистического критерия выделяются следующие синонимы к термину «langue»:

- «langage»;

- «parler»;

- «contact».

А также выделяются следующие гипонимы к термину «langue»:

- «langue vivante» («живой язык») и его синоним «langue morte» (мёртвый язык);

- «langue parlée» («разговорный язык») и его антоним «langue écrite» («письменный язык»);

- «langue unitaire» («единый язык»);

- «langue maternelle» («родной язык»);

- «langue officielle» («государственный язык»);

- «langue seconde» («второй язык») [6].

С учётом сферы практического использования выделяется термин «langue française» и его вариант «le français» с содержанием следующих гипонимов:

- «français africain» («африканский французский язык»)

- «français de Côte d'Ivoire» («французский язык Кот-д'Ивуар»)

- «français algérien» («алжирский французский язык»)

- «français canadien» («канадский французский язык»)

- «français guadeloupéen» («гваделупский французский язык»)

- «le français du Cambodge» («камбоджийский французский язык»)

- «le français de l'Inde» («индийский французский язык»)

- «le français du Viet Nam» («вьетнамский французский язык»)

- «le français de Madagascar» («мадагаскарский французский язык») и другие [7].

Одним из компонентов термина «Langue» является термин «Variabilité» («Вариативность»), в котором отражаются семантические отношения терминов, называющих различные формы существования языка и его разновидностей. Данное семантическое поле содержит конкури-

рующие средства выражения на всех уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом) под воздействием внутренних закономерностей развития языка или внешних причин. Социолингвистика исследует вариативность языка, обусловленную не внутриязыковыми процессами, а вызываемую действием разнородных внешних по отношению к языку факторов [3, с. 37]. Главное терминологическое словосочетание «variabilité» образует «ядро» семантического поля, которое связано отношением целое-часть с термином «Variation» («Вариант»), который в свою очередь состоит в гиперо-гипонимическом отношении с терминами: «variation linguistique» («лингвистический вариант»), «variation lexicale» («лексический вариант»), «variation phonique» («звуковой вариант»), «variation grammaticale» («грамматический вариант»), «variation géographique» («географический вариант»), «variation régionale» («региональный вариант»), «variation locale» («локальный вариант»), «variation spatiale» («пространственный вариант»), «variation sociale» («социальный вариант»), «variation situationnelle» («ситуативный вариант»), «variation stylistique» («стилистический вариант»), «variation fonctionnelle» («функциональный вариант»).

Компонентами термина «Variation» («Вариант») в свою очередь являются:

- «Variation selon les usagers» («Вариант пользователей»), компонентами являются термины «diaphasie» («стилистический вариант»), «diastrie» («социальный вариант»), «diatopie» («территориальный вариант»);

- «Variation selon l'usage» («Вариант согласно обычаю»), компонентами которого являются термины «registre soutenu», «registre standart» («стандартный регистр»), «registre familier» («фамильярный регистр»), «registre vulgaire» («вульгарный регистр»).

В то же время компонентами термина «Variation lexicale» («Языковой вариант») являются термины «jargon» («жаргон»), «argot» («арго»), «verlan» («верлан»).

В свою очередь термин «variation» («вариант») детализируется в виде семантической сети, в которую входят корреляты, отражающие отдельные типы варианта, которые образуют антонимическую пару: «inter-locuteur» / «intra-locuteur».

Приведённые выше термины отражают основные типы вариативности. В то же время каждый из этих терминов выступает в качестве ро-

дового по отношению к своим гипонимам. В зависимости от причин, обуславливающих появление варианта («Variation») принято определять «Вариант» как форму существования языка, представляющую собой модификацию инварианта, в качестве которого выступает система и структура языка или норма языка [3, с. 258].

Отношение «синонимии» очень тесно соприкасается с отношением «эквивалентности», или «тождества», которое выражает равенство в некотором плане сопоставляемых элементов [1, с. 70]. Термин «variété» вступает в отношении «эквивалентности» с терминологической единицей «variation». Термину «variété» подчиняются гипонимы «variété régionale», «variété sociale», «variété individuelle», синоним «dialecte» («диалект»), а также гипонимы, которые образуют антонимическую пару - variét? standart? variét? non standart.

Отношение «синонимии» лингвистических терминов устанавливается в данной работе на основании анализа содержания научных текстов по французской лингвистике и социолингвистике. Известно, что синонимия представляет собой тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений [5, с. 563]. На этом основании были выявлены, следующие синонимические отношения:

- «variété régionale» - «régiolecte» («региональный вариант» - «региолект»);
- «variété sociale» - «sociolecte» («социальный вариант» - «социолект»);
- «variété individuelle» - «idiolecte» («индивидуальный вариант» - «идиолект»).

Итак, моделирование французского социолингвистического тезауруса осуществляется на базе компонентного анализа, под которым подразумевается прием, основанный на том, что единицами анализа являются части (элементы) языковой единицы (номинативно-коммуника-

тивной или структурной) [4, с. 205]. На основе этого осуществляется анализ французских лингвистических и социолингвистических терминов по словарным источникам и научным текстам по лингвистике и социолингвистике французского языка. Французско-русский социолингвистический тезаурус, представляющий метаязык французской социолингвистики, является эффективным лингводидактическим инструментом формирования профессиональной компетентности будущих лингвистов – специалистов в предметной области французского языкознания.

Литература

1. Горбунов Ю. И. Французская грамматическая терминология: Опыт тезаурусного исследования: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 187 с.
2. Пиотровский Р. Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении): учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 256 с.
3. Словарь социолингвистических терминов: Ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.
4. Словарь лингвистических терминов: Т. В.Жеребило: Пилигрим, 2010. 310 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь: Под ред. В.Н. Ярцевой: М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
6. Обзор французских социолингвистических терминов в сети интернет // ptidico.com: электронный словарь [электронный ресурс] – режим доступа. – URL: <http://www.ptidico.com/synonymes/variabilite%E9.htm> (дата обращения 02.06.2013 г.).
7. Обзор дефиниций французских социолингвистических терминов в сети интернет // информационный портал [электронный ресурс] – режим доступа. – URL: <http://fr.wikipedia.org/wiki/Français> (дата обращения 02.06.2013 г.).

Тенденции в развитии музыкальных предпочтений студенческой молодежи

Серебрякова А. Н.

На основе многолетних социологических исследований выявлены тенденции в развитии музыкальных предпочтений студенческой молодежи. Показано стремление студенческой молодежи к культурно-музыкальной самоорганизации на основе интереса к классической музыке. Проанализирован опыт приобщения к классической музыке студентов технического вуза в процессе преподавания специального курса, посвященного изучению основ музыкальной культуры.

Ключевые слова: социология музыки, музыкальная культура, студенческая молодежь, музыкальные предпочтения, классическая музыка.

Serebryakova A.N.

Trends in the development of musical preferences of students

Based on many years of sociological research revealed trends in the musical preferences of students. Displaying desire of students to cultural and musical self-organization on the basis of interest in classical music. The experience of initiation to classical music students of a technical college in the course of teaching a special course dedicated to studying the basics of musical culture.

Key words: sociology of music, musical culture, student youth, music preferences, classical music.

Становление в России информационного общества на основе модернизационных процессов связано с инновациями во всех сферах общества, в том числе и духовной, что подразумевает не только развитие когнитивных компетенций студентов в условиях непрерывного образования, но и нравственное, духовное развитие выпускников вуза [1].

В связи с переходом на новую парадигму образования – компетентностный подход, не следует забывать, что в период обучения в вузе, в возрасте от 18 до 24 лет, проходит вторичная социализация личности (П. Бергер, Т. Лукман), которая характеризуется не только интеллектуальным и профессиональным развитием, но и широким освоением культуры.

Одним из наиболее мощных и слабо контролируемых средств культурного воздействия на молодежь является музыка. В современных условиях, когда возрастает роль и значение музыки, как в жизни общества, так и конкретной личности, невозможно отрицать социализирующую роль музыки, ее влияние на формирование и развитие студенческой молодежи. Различные музыкальные стили (классика, поп-, рок-музыка, хип-хоп и др.), равно как и музыкальные предпочтения, оказывают различное по содержанию неконтролируемое воздействие на духовно-нравственный мир личности, ее смысложизненные установки, характер мировоззрения, ценности, на формирование социальных качеств личности, поведенческие социокультурные практики.

Исследования музыкальных предпочтений молодежи, в т.ч. студенческой, начали активно проводиться в нашей стране за последний 20-летний период (конец XX – нач. XXI веков). Среди них следует отметить исследование, проведенное Единым научно-методическим центром Комитета по культуре г. Москвы совместно с ИСПИ РАН, квотная выборка, N=943 человека в возрасте от 14 + в 2003 г. на тему «Влияние музыкальных жанров на формирование личности в условиях московского мегаполиса». В декабре 2005 – марте 2006 гг. проведено исследование Московским институтом социально-

культурных программ совместно с ИПЦ «Социум» на тему «Молодёжь Москвы. Шаг в XXI век», (N=800 человек от 14 до 35 лет). В этот период проведено ряд диссертационных исследований музыкальных предпочтений молодёжи: Давлетшиной Д.М., Горюновой Л.О., Мозгот В.Г., Миннегуловым Р.М., Серебряковой А.Н. и др. [2].

Особенности музыкальных тенденций студенческой молодёжи выявлялись с помощью исследований, проводившихся на кафедре социологии РХТУ им. Д.И. Менделеева с участием автора, либо под его руководством, в течение нескольких лет (2006 – 2011 гг.) среди московских вузов (РХТУ им. Д.И. Менделеева (N=400, 2008 г.); РГГУ, СГА, РХТУ (N=371, 2009 г.), РХТУ, МГК им. П.И. Чайковского (N=322, 2011 г.). Использовались данные анкетных опросов студентов-слушателей авторского спецкурса «Основы музыкальной культуры: классическая музыка для вас», прочитанного студентам IV-V курсов технического вуза (РХТУ) в 2006-2010 гг.: Анкета №1: 2006 г. – 18, 2007 г. – 19, 2008 г. – 19, 2009 г. – 23, 2010 г. – 23 (N=102; выборка сплошная); Анкета №2: 2006 г. – 18, 2007 г. – 19, 2008 г. – 19, 2009 г. – 23, 2010 г. – 22 (Всего N=101; выборка сплошная). Привлекались результаты мультиметодных исследований слушателей спецкурса: вербализация музыкальных впечатлений с помощью эссе; музыкальное самонаблюдение студентов на основе «Музыкального дневника»; интерактивное общение; методов понимания субъективных смыслов; письменной рефлексии в «Рабочей тетради»; включенного наблюдения.

Анализ результатов исследований других авторов и авторский анализ позволил выявить следующие тенденции в развитии музыкальных предпочтений студенческой молодёжи.

Тенденция 1. Отмечается значительное повышение статуса музыки в обществе и жизни молодёжи. Если в 1980-х годах «любили слушать музыку» – 82%, то в конце 1990-х годов уже 95% [3]. По нашим данным (N=322, 2011 г.), музыка играет очень важную роль в жизни молодёжи: регулирует их настроение (80%), является средством развлечения (71%) и общения (18%), выступает способом получения эстетического наслаждения (40-54%) и духовного обогащения (26-76%), способствует решению возникающих жизненных проблем, просто украшает жизнь (22%).

Музыка занимает важное место в структуре свободного времени студенческой молодёжи. Среди различных видов деятельности в свободное время «слушание музыки» (75,4%) наряду с

«Интернетом» (73,4%) занимает основное время студентов. О насыщенности миром музыки всей недели с раннего утра (8.30) до поздней ночи (01.00) можно судить по музыкальному дневнику студента 5-го курса Александра М. Музыка органично вписывается в жизненные ситуации, помогает расслабиться, снять усталость, либо наоборот, настроиться на серьёзную работу. Иллюстрирующим примером может служить запись из «Музыкального дневника» студентки 5-го курса Татьяны Ш.: «Слушала весь день тяжёлую музыку. Исполнители: Death/ death metal/ плеер/ PC; Children of Boston/ Black metal. Связано это с моим настроением. Причем на этот раз я старалась подобрать как можно более агрессивную, мощную музыку, чтобы заглушить свои очень грустные, тягостные чувства. В принципе, мне это немного удалось. При прослушивании такой музыки у меня появляется желание бороться, она будоражит и дает энергию» (09.03.2007).

Тенденция 2. Музыкальные предпочтения студенческой молодёжи отличаются многообразием и связаны с изменением слушательских и исполнительских потребностей в контексте глобальной социокультурной ситуации и ориентацией на образцы западной массовой продукции.

Во многом это обусловлено высоким качеством западной видео- и аудио продукции, высококачественным звуком, профессиональным вокалом, артистичностью исполнителей: «Я ходила в клуб «Апельсин» на концерт хеви-металл группы Grave Digger, которая была образована еще в 1980 году Крисом Болтендаоелем в Германии. Концерт прошел на твердую пятерку! Я получила очень много положительных эмоций и более двух часов настоящей музыки! Но это совершенно не значит, что я замкнута только в кругу данных музыкальных интересов. Совсем нет» (студентка 5 курса Светлана С., 2007 г.).

Среди имен любимых исполнителей студенты чаще называют зарубежных артистов: Freddie Mercury, The Offspring, Pearl Jam, Guns n' Roses, Moby, Madonna и др. представителей различных музыкальных стилей.

Наши исследования в 2009 г., проведённые в РХТУ им. Д.И. Менделеева, РГГУ и СГА, а так же исследования 2011 г. среди студентов РХТУ и Московской государственной консерватории им П.И. Чайковского показали широкий спектр музыкальных предпочтений студенческой молодёжи. Рок-музыку предпочитают слушать (42%, 45 % соответственно) классическую – (35,8%, 47%, 100% соответственно), а поп-музыку и джаз – 29,4% и

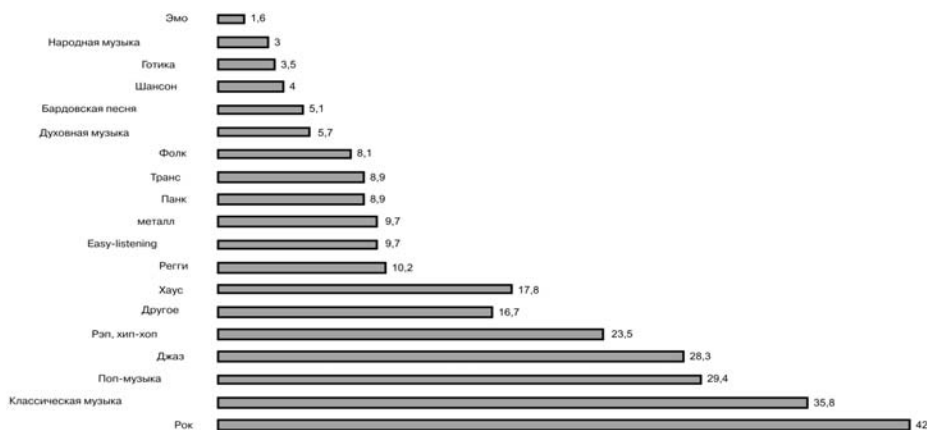

Диаграмма 1. Музыкальные предпочтения студенческой молодежи (РХТУ, РГГУ, СГА, 2009 г.; N=371, %)

28,3% соответственно. Также достаточно большой процент опрошенных (23,5%) предпочитают рэп и хип-хоп. Среди других направлений можно обнаружить «хаус» (17,8%), «регги» (10,2%), металл (9,7%), панк (8,9%), транс (8,9%); 5,7% студентов интересуются «духовной музыкой», столько же (5,1%) слушают бардовские песни. Небольшая часть (от 4% до 3,5%) любят шансон и готику. Народной музыкой интересуются лишь 3% студентов (см. Диаграмму 1).

Выявленный спектр и многообразие музыкальных предпочтений подтверждается и данными исследования 2011 г. РХТУ, МГК им. П.И. Чайковского (N= 322).

Безусловно, доминирование западных культурных образцов в информационных потоках происходит под воздействием процессов глобализации. По мнению Лукова В.А. [4], Губаревой О.А., Зотова В.В. [5] следствием глобализации культуры является распространение в молодежной среде западных образцов субкультурных образований, таких как, субкультура рейверов, хип-хоп культура. Современная рейв-культура рассматривается в контексте гедонизма, получения удовольствия «здесь и сейчас». «Культура рейва – это всеобщие бдения, экстази, пацифизм и унисекс... Постепенно рейв коммерциализировался, став доминирующей культурой, составив «продвинутую» часть молодежного мейнстрима» [6].

Тенденция 3. Под воздействием процессов глобализации наблюдается тенденция дегуманизации, деморализации в содержании музыкальных предпочтений молодежи [7].

Пользующаяся популярностью среди молодежи рок-музыка также носит несомненный

контркультурный агрессивно-вандалистский характер, особенно такие направления как «тяжелый металл» (Hard Metal), панк-рок.

В качестве ценностей выступает сама рок-музыка и всевозможные виды забвения (алкоголь, наркотики, секс, ирреальные сны), что можно назвать синдромом «наркотического гедонизма». Ещё одним синдромом рок-текстов является «агрессивная активность» (элементы чёрного юмора, вандализма и насилия). Также явно выделяется синдром «пессимизма и гибели» (мотивы смерти, самоубийства, одиночества, отчуждения, страха). Как отмечалось ранее, в первой тенденции (превращение музыки в органическую часть жизни молодежи) - фоновая музыка, сопровождающая человека во время совершения им других действий (дорога, учеба, работа, отдых, сон и т.п.) воздействует больше на бессознательное, минуя смысловой контроль. Таким образом, слушатель, воспринимающий рэп, хард-рок, хеви-металл, панк-рок, психоделическую музыку вне зависимости от своего желания провоцирует негативные состояния психики (страха, депрессии, агрессии, фрустрации и т.д.) [8].

Социологические исследования западных и российских специалистов убедительно показывают разрушительное негативное влияние подобной рок-, поп-музыки на духовно-психологическое состояние молодежи и общества в целом. Так, например, в 2003 г. Единым научно-методическим центром Комитета по культуре г. Москвы совместно с ИСПИ РАН было проведено социологическое исследование «Влияние музыкальных жанров на формирование личности в условиях московского мегаполиса» на основании квотной

выборки, в котором приняли участие 943 человека разных национальностей, образования и профессий в возрастном диапазоне от 14 до 70 лет и старше. На вопрос о том, какое влияние оказывает современная массовая музыка на человека, 39,2% москвичей признали отрицательное воздействие поп- и рок-музыки: у 5,2% она вызывает ощущение общей депрессии и упадка; 4,4% считают, что она оглуляет, лишает индивидуальности; 2,8% - унижает, вызывает низменные инстинкты; у 10,1% - создаёт ощущение всеобщего безумия; 7,9% указывают на то, что она отрицает общечеловеческие ценности, провоцирует преступления, агрессию; и у 8,8% такая музыка вызывает раздражение [9, с. 18].

Нельзя не согласиться с мнением, что «возрождение и развитие любого общества и искусства в частности, связано с культивированием общечеловеческих ценностей Истины, Добра и Красоты, Веры, Надежды и Любви» [10].

Тенденция 4. Наряду с глобализацией происходит возрастание интереса молодежи к классической музыке. Интерес к классической музыке растет в зависимости от уровня образования.

Замечено, что по мере роста уровня образования, возрастает интерес молодежи к классической музыке. Эту тенденцию ещё в 70-е годы прошлого столетия открыл Л. Коган. Затем она неоднократно подтверждалась и другими исследователями. Образование является наиболее значительным фактором, влияющим на художественные и музыкальные интересы людей. Это первыми заметили зарубежные (П. Бурдые) и отечественные исследователи (Фохт-Бабушкин Ю.У.) второй половины XX века. Так, П. Бурдые в зависимости от уровня образования выделил три «зоны» музыкального вкуса – «узаконенный вкус», «средне-интеллектуальный вкус», «популярный вкус».

Социологические исследования музыкальных предпочтений молодежи начала XXI века также подтверждают зависимость музыкальных вкусов от уровня образования. По данным Горюновой Л.О. выбор таких направлений как классика, джаз, блюз, арт-рок связан с наличием высшего образования. Любителей классической музыки с высшим образованием в 2 раза больше, чем тех, кто имеет среднее и более низкое образование. Даже среди тех, кто лишь намерен получить высшее образование, интересующихся классической музыкой в 2,5 раза больше, чем среди тех, кто не собирается повышать свой образовательный уровень. Можно сказать, что интерес к классической музыке растет с уровнем образования: поп-му-

зыка привлекательна для 53,2% опрошенных, неагрессивный рок – для 29,2%; 26,2% отдали предпочтение классической музыке, техно-дансу – 20,3% респондентов [11].

В декабре 2005-марте 2006 гг. Московским институтом социально-культурных программ совместно с ИПЦ «Социум» было проведено исследование, посвящённое проблемам и развитию процессов в молодёжной культуре, «Молодёжь Москвы. Шаг в XXI век», в котором приняли участие молодые москвичи в возрасте 14-35 лет. Выборочная совокупность составила 800 человек. В ходе исследования выяснилось, что на первом месте в музыкальных пристрастиях молодых москвичей стоит рок-музыка, которую предпочитают слушать 41% (из них 22,5% – российскую и 18,4% – зарубежную), поп-музыку любит вдвое меньшее число молодежи – 19% (их них 9% – российскую и 10% – зарубежную). Популярность музыкальной классики составила (11%), что является новой тенденцией в музыкальных предпочтениях молодежи и подростков.

Интерес к классической музыке прослеживается, в частности, и на периферии. По данным социологического исследования, проведенного среди молодежи в возрасте от 15 до 29 лет на территории Курской области (N =555, 2005 г.) были выявлены три группы по уровню включенности в информационно-коммуникативную среду: «информационно продвинутая молодёжь» (12%); «обычная молодёжь» (72%), «информационно отсталая молодёжь» (16%). Несмотря на то, что у разных молодёжных групп музыкальные предпочтения различаются – «информационно продвинутая» молодёжь предпочитает Rock (45%), транс (29%), ретро и Metal (20%); «обычная» и «отсталая» группа молодежи предпочитает «попсу» (>50%), «шансон»- (>20%) – все же для всех них характерен выраженный интерес к классической музыке! От 27% до 30% «продвинутых», «обычных» и «отсталых» групп молодежи в контексте овладения навыками работы с информационными технологиями предпочитают слушать классическую музыку [5, с. 112].

Тенденция 5. Классическая музыка входит в группу приоритетных предпочтений студенческой молодежи (наряду с поп- и рок-музыкой)

Отмечая многообразие музыкальных предпочтений студенческой молодежи следует отметить, что наше социологическое исследование практически не выявило в чистом виде предпочитаемый какой-либо отдельный музыкальный стиль. Отличительной особенностью является

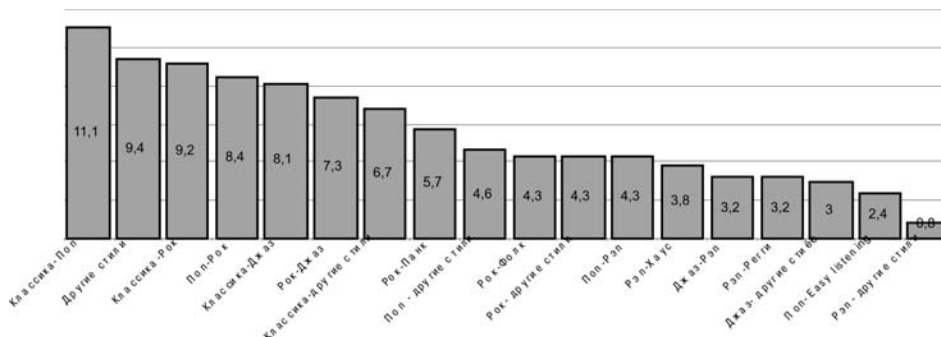

Диаграмма 2. Распределение комбинаций музыкальных стилей по степени их предпочтительности студентами (РХТУ, РГТУ, СГА) (2009 г.; N=371, %)

комбинация 2-х, 3-х музыкальных стилей, в состав которых, как правило, входит классическая музыка. Итак, получилось выделить следующие наиболее часто встречающиеся стилевые комбинации музыкальных предпочтений: Классика-Поп, Классика-Рок, Поп-Рок, Классика-Джаз, Рок-Джаз, Классика-другие стили, Рок-Панк, Поп - другие стили, Рок-Фолк, Рок- другие стили, Поп-Рэп, Рэп-Хаус, Джаз-Рэп, Рэп-Регги, Джаз- другие стили, Поп-Easy listening, Рэп- другие стили.

Стоит отметить, что такое деление является условным, и мы можем говорить скорее о тенденциях к такому распределению музыкальных интересов, нежели о четких музыкально-стилевых комбинациях (см. Диаграмму 2).

В Диаграмме 2 видно, как распределены комбинации музыкальных стилей по степени их предпочтительности студенчеством.

Классическую музыку предпочитают в комбинации с поп-музыкой (11,1%), роком (9,2%), джазом (8,1%) и другими стилями (6,7%) студентов. Далее следуют предпочтения рок-музыки в сочетании с джазом (7,3%), панком (5,7%), рока и фолк-музыки (4,3%), рока и других стилей (4,3%). Поп-музыка слушается в комбинации с роком (8,4%), другими стилями (4,6%), рэпом (4,3%). Как видно из полученных данных, лидирующие места по-прежнему занимают поп, рок, классика и джаз, только в разных комбинациях между собой. Также, на основе полученных данных о сочетаемости некоторых стилей музыки можно сделать интересные наблюдения. Так, например, классическую музыку наиболее часто слушают наряду с поп- и рок-музыкой. Рок-музыку, как правило, предпочитают наряду с классикой, джазом, фолком, поп-музыкой. Так же дело обстоит с джазом и классикой. Практически не встречалось ответов о выборе рока, классики,

например, в сочетании с рэпом или электронной музыкой, т.к. эти музыкальные направления стилистически противоположны. А вот, например, рэп наиболее часто встречается в сочетании с поп-музыкой, хаусом и трансом.

В исследовании 2008 г. (РХТУ им. Д.И. Менделеева) в ответах студентов на вопрос «Какая музыка является для вас наиболее привлекательной?» были выявлены следующие три приоритетных музыкальных направления: рок-музыка – 49%, классическая – 31%, поп-музыка – 20%.

Такое же соотношение предпочитаемых музыкальных стилей получило подтверждение и в исследовании 2009 г., проведенном не только в РХТУ им. Д.И. Менделеева, но и в других вузах - РГТУ и СГА. Преимущественно рок-музыку в сочетании с другими стилями предпочитают слушать 42%, классическую в сочетании с другими стилями – 36%, а поп-музыку – 22% соответственно.

Тот же набор приоритетных музыкальных предпочтений, состоящий из рок-музыки (42%), классической музыки (37%), поп-музыки (21%) показали студенты РХТУ в 2011 г. А студенты МГК им. П.И. Чайковского предпочитают классическую музыку - 100%, джаз - 45%, рок-музыку - 39%, поп-музыку - 23%. Эта тенденция подтверждается также результатами опроса студентов-слушателей специального курса, посвященного классической музыке, который проводился автором в течение 5 лет в РХТУ им. Д.И. Менделеева. Среди музыкальных предпочтений были выделены следующие смешанные комбинации: «преимущественно классика+другие стили (рок, джаз, поп-музыка)», наиболее характерный для первого типа – понимающего слушателя (24,2%); «рок-музыка+классика»; «поп-музыка+классика» - предпочитаемые вторым типом – интересующимся слушателем (56%). И «преимущественно поп-музы-

Таблица 1
Предпочитаемые стили музыки студенческой молодежи (%)

Музыкальные стили	Слушатели спецкурса 2006-2010 гг. (N=101)	Студенческая молодежь		
		2008 (N=400)	2009(N=371)	2011(N=266)
Преимущественно <i>рок-музыка</i>	56	49	42	42
Преимущественно <i>классика</i>	24,2	31	36	37
Преимущественно <i>поп-музыка</i>	19,8	20	22	21

ка (зарубежная и отечественная)+ретро и др.» – характерный вкус третьего типа – индифферентного слушателя (19,8%).

Исходя из полученных данных, мы видим, что среди музыкальных предпочтений студенческой молодежи на первом месте находится рок-музыка, на втором – классическая музыка, на третьем – поп-музыка (см. табл. 1).

Наше исследование, посвященное изучению музыкальных предпочтений студенческой молодежи, не выявило в чистом виде какой-либо один приоритетный музыкальный стиль. Во всех опросах присутствовали различные смешанные комбинации. Можно выделить три наиболее часто повторяющиеся комбинации: 1) преимущественно современная музыка (рок-музыка + поп-музыка, джаз и др.) в сочетании с интересом к классической музыке; 2) преимущественно классическая музыка в сочетании с современной (рок-музыка, поп-музыка, джаз и др.); 3) преимущественно поп-музыка как зарубежная, так и отечественная (без выраженного интереса к классической музыке). В дальнейшем, для удобства анализа мы будем обозначать с большой долей условности указанные комбинации по названию доминирующих предпочтений, соответственно: рок-музыка, классическая музыка, поп-музыка.

Анализ музыкальных предпочтений студенческой молодежи показал, что классическая музыка находится в лидирующей группе музыкальных интересов студентов среди поп- и рок-музыки. Мы можем сказать, что именно студенческая молодежь, являясь наиболее образованной частью общества, несмотря на влияние массовой культуры выделяет в классической музыке облагораживающее, возвышающее дух начало, и большинство из них (69,8%) считают приобщение к ней одним из аспектов образованности.

Тенденция 6. Отношение студенческой молодежи к классической музыке дифференцируется в зависимости от интереса и степени понимания сложного языка серьезной музыки.

Проведенные исследования в ряде московских вузов в 2008-2011 гг. выявили, что значительная часть студенческой молодежи (от 50%-70%) проявляет потенциальный интерес к классической музыке. Среди них в первую группу вошли те, кто «любит и понимает классическую музыку». В 2008 г. их было -12%, в т.ч. тех, кто «не представляет своей жизни без этой музыки» -5%) и тех, кто «неплохо знает классическую музыку и разбирается в ней» -7%). Вторую группу составили те, кому «классическая музыка нравится, но в целом знает её неважно и хотели бы знать лучше» - 53%. В третью группу вошли студенты, индифферентно относящиеся к классической музыке – 35%, из них 27% относятся лояльно – «лишь некоторые произведения слушаю с удовольствием, но в целом эта музыка не нравится», а 8% «такую музыку не понимают и не любят» (см. диаграмму 3).

Результаты аналогичного опроса 2009 г. оказались еще более оптимистичными по сравнению с 2008 г. В нём участвовали студенты технического вуза - РХТУ, студенты гуманитарных вузов – РГГУ и СГА. Здесь уже количество интересующихся классической музыкой значительно больше и составляет 2/3 студентов. 67% респондентов отметили, что многое в классической музыке им нравится, но в целом они знают ее неважно и хотели бы знать лучше. Во многом это объясняется тем, что были опрошены студенты гуманитарных вузов. Индифферентно относящихся к классической музыке значительно меньше – всего 19% студентов: 15% респондентов слушают с удовольствием лишь некоторые произведения и в целом классическая музыка им не нравится, а 4% не понимают и не любят эту музыку в принципе. Понимающих классическую музыку -14% опрошенных. Они считают, что неплохо разбираются в ней.

Примерно такое распределение студентов по их отношению к классической музыке отмечено по результатам опроса студентов РХТУ в 2011 году 15% любят и хорошо разбираются в класси-

ческой музыке»; 47% составляют те, кому классическая музыка нравится, но в целом знают ее неважно и хотели бы знать лучше»; 34% выразили к ней индифферентное отношение, при этом, 27% относятся к ней лояльно «лишь некоторые произведения слушают с удовольствием, но в целом эта музыка не нравится, а 7% «такую музыку не понимают и не любят».

О наличии интереса к классической музыке значительной части студенческой молодежи свидетельствуют и результаты ответов слушателей спецкурса на вопрос: «Представляет ли для Вас интерес классическая музыка?». Количество интересующихся классической музыкой среди представителей первого (17,6%) и второго типов (57%) слушателей отражает средние показатели по студенческой молодежи (см. табл. 2).

Таким образом, можно констатировать три типа отношения студентов к классической музыке: 1. Понимающие и любящие классическую музыку (таких среди студентов 12-17%). 2. Интересующиеся классической музыкой, и мотивированные на большее её понимание (от 47% до 67%). 3. Индифферентно относящиеся к классической музыке (таких среди студентов от 19% до 38%).

Тенденция 7. Отмечается стремление студенческой молодежи к культурно-музыкальной самоорганизации на основе изучения классической музыки.

Студенческая молодежь в современных условиях социокультурных процессов, развивающихся под воздействием глобализации и индивидуализации, выступает как субъект самоконструирования, саморегуляции и самоорганизации своих музыкальных предпочтений, исходя из собственных жизненных представлений, ценностных ориентаций и диспозиций и считает знакомство молодежи с классической музыкой необходимым для музыкального самоопределения и формирования музыкального вкуса: «Конечно, нужно, чтобы узнав многие направления, молодой человек смог выбрать то, что ему нравится больше всего (студентка И., 5 к., 2005 г.).

Функциональное понятие «классической музыки» студенты связывают с её способностью «облагораживать и возвышать дух» (59%), «пробуждать идеальные чувства» (40,7%), «пробуждать высокие социальные чувства» (28,6%), оказывать релаксирующее воздействие (21%) (см. табл. 3).

«Мне кажется, что люди редко слушают классическую музыку, потому что боятся не понять ее, прячут свои чувства и переживания глубоко в себе, боятся показаться слабыми, не хотят

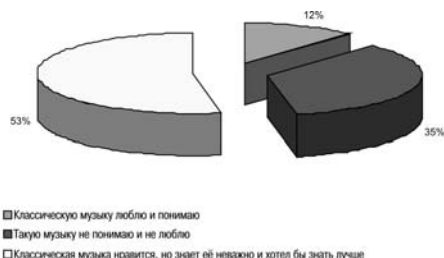

Диаграмма 3. Отношение к классической музыке студенческой молодежи (РХТУ, 2008 г., N=400,%)

побыть наедине с самим собой. Я считаю классическую музыку очень важным, т.к. человеку просто необходимо научиться понимать самого себя, познать себя, уметь увидеть то, чего в повседневной суете просто не замечаешь, а именно: красоту жизни и ощущение гармонии внутри себя. Ведь только гармоничный человек сможет добиться определенных целей в жизни» (эссе слушательницы Л., 2006 г.).

Приведенное высказывание студентки содержит представления современной молодежи о том, почему люди редко слушают классическую музыку («боятся не понять ее», «боятся показаться слабыми», «не хотят побыть наедине с собой»). А между тем, по мнению студентки, классическая музыка помогает самопознанию, саморефлексии, дает возможность оценить красоту и гармонию жизни, то, что «в повседневной суете просто не замечаешь». Важно обратить внимание, что внутренние переживания, сопутствующие ощущению гармонии у девушки, обретают деятельностный смысл: «Ведь только гармоничный человек сможет добиться определенных целей в жизни».

Преобладающее большинство студентов понимают необходимость приобщения молодежи к классической музыке (74,4%). Такие же данные были получены и в 2011 г. при опросе студентов МГК им. П. И. Чайковского и РХТУ им. Д. И. Менделеева: 66% опрошенных считают необходимым приобщать молодежь к классической музыке, каждый десятый (9%) затруднился ответить, а 25% ответили отрицательно.

Студенты видят в классической музыке возможности формирования основ музыкальной культуры, ядром которой является «хороший музыкальный слух»: «Только знания основ классической музыки, творчества композиторов разных времен поможет развить хороший музыкальный вкус, чувство красоты и гармонии» (студентка К., 5 к., 2009 г.).

Таблица 2
Отношение к классической музыке студенческой молодёжи (%)

№ п/п	Отношение к классической музыке	Слушатели спецкурса (N=101)	Студенческая молодёжь		
			2008 г. (N=400)	2009 г. (N=371)	2011 (N=266)
1	Интересуются и понимают	17,6	12	14	15
2	Интересуются, но не понимают и хотят её понять лучше	57	53	67	47
3	Имеют индифферентное отношение	25,4	35	19	38
Итого		100	100	100	100

Таблица 3
Понимание слушателями функций классической музыки (N=101, 2006-2010 гг., %)

№ п/п	Функции классической музыки	%
1.	Облагораживающая, возвышающая дух музыка	59
2.	Пробуждающая идеальные чувства	40,7
3.	Пробуждающая высокие социальные чувства	28,6
4.	Приятная старинная, мелодичная музыка, обладающая успокаивающим действием.	21

Среди студенчества есть большинство, настроенных на сохранение общечеловеческих ценностей и национальных культурных традиций через приобщение к классическому наследию, к классической музыке: «На мой взгляд, сейчас слишком много грязной «неумной» и ничего не дающей в развитии музыки. Поэтому классическую музыку, позволяющую найти в себе чувства положительные и духовные, просто необходимо продвигать в молодёжь» (студентка О., 5 к., 2009 г.).

Возрастание роли и значения классической музыки, содержащей в себе огромное наследие общечеловеческой культуры и сохраняющей одновременно самобытность национального наследия, как нельзя лучше всего способствует преодолению негативных тенденций глобализации молодежной музыкальной культуры, ее омассовлению и разрушительному воздействию на духовно-нравственный мир личности и общества. Студенческая молодёжь понимает, что классическая музыка нужна для морального оздоровления общества: «Абсолютно точно «Да»! Классическая музыка носит под собой скрытно-позитивную энергетику и повышает моральные качества человека; звучание ее окультуривает «гнилое общество» (студент П., 5 к., 2008 г.). На наш взгляд, растущий интерес к классической музыке в молодежной среде российского общества как раз и является проявлением защитных механизмов жизнеспособности нашей страны.

Способность студенческой молодежи к культурной музыкальной самоорганизации делает настоящим формированием музыкальной культуры студенческой молодежи на основе их приобщения к классической музыке. Такую необходимость музыкального воспитания понимают и сами студенты.

Одной из форм приобщения студентов к музыкальной классике может стать преподавание специальных курсов по выбору (факультативов), посвященных изучению основ музыкальной культуры. Внедрение подобных инновационных курсов в образовательную практику немusical вузов позволит сделать востребованным социально-гуманитарное образование на основе сориентированности на интересы студентов в области музыкальной классики (и не только). Интегральный характер таких курсов позволяет развивать у студентов не только музыкальную, слушательскую культуру, основанную на понимающем восприятии великих шедевров духовной культуры – классической музыки, но и высокий художественный вкус, необходимый для культурной самоорганизации.

Эффективность формирования музыкальной культуры студенческой молодежи через приобщение к классической музыке изучалась на основе обобщения опыта преподавания автором специального курса по выбору для студентов технического университета «Основы музыкальной культуры»; классическая музыка для

Таблица 4

«Оправдал ли ваши ожидания спецкурс «Основы музыкальной культуры: классическая музыка для вас» (N=101, %, 2006-2010 гг.)

№ п/п	Варианты ответов	%
1.	Да, в полной мере	84,4
2.	Не совсем	14,5
3.	Нет	1,1

Таблица 5

Возрастание интереса к классической музыке в результате изучения спецкурса (N=101, 2006-2010 гг., %)

№ п/п	Интерес к классической музыке	«на входе»	«на выходе»
1.	Имеют интерес	68	84
2.	Затруднились определить, или «от случая к случаю»	21,5	12
3.	Не имеют интереса	10,5	2

Вас», который читался в РХТУ им. Д. И. Менделеева с 2006-2010 г. в объёме 36 ч. студентам IV – V курсов. Его основной направленностью являлось духовно-нравственное воспитание студентов, развитие музыкальной культуры через приобщение к духовным ценностям классической музыки, развития интереса к ней и понимания сложного языка.

Общая оценка слушателями эффективности спецкурса с точки зрения планированных ожиданий довольно высокая: 84,4% отметили, что спецкурс оправдал ожидания в полной мере»; 14,5% отнеслись критически, и лишь 1,1% ответили отрицательно (см. табл. 4).

Такая высокая оценка устойчиво прослеживается по каждому году его преподавания. Изучение спецкурса многим слушателям (85,6%) позволило «больше узнать о классической музыке, расширить кругозор». Таким образом, целерациональная мотивация изучения спецкурса полностью себя реализовала.

Второе место по значимости, но не менее важный результат изучения спецкурса состоит в том, что он «пробудил интерес к классической музыке, к посещению консерватории и концертных залов». Каждый второй слушатель (53,3%) готов слушать и оценить живую музыку. Отметим, что на «входе» (перед изучением спецкурса) лишь 23% отмечали, что они посещают концертные залы и консерваторию. Конечно, намерения – это ещё не всё, но первый шаг сделан...

Основная цель спецкурса – сформировать у молодёжи стремление к самостоятельному овладению музыкальной культурой на основе приобщения к классической музыке. Поэтому

для нас было важным выявить наличие намерения в дальнейшем проявлять интерес к классической музыке. Анализ показал, что такое намерение присуще слушателям первого и второго типа. Такие намерения выразили 84% слушателей. Ещё 12% указали, что будут проявлять интерес к классической музыке «от случая к случаю». И лишь 2% ответили отрицательно. Как и предполагалось, количество намеренных проявлять интерес к классической музыке возросло за время изучения специального курса: твёрдо намеревающихся в дальнейшем проявлять интерес к классической музыке возросло на 16%; сократилось и количество индифферентно относящихся к классике с 21,5% до 12% (на «выходе»). Значительно стало меньше тех, кто вообще не интересуется классикой (с 10,5% до 2% на выходе) (см. табл. 5).

Наши исследования также подтверждают благотворное влияние классической музыки на духовный мир студентов. Студенты, прослушавшие спецкурс, неизменно отмечали важную роль классической музыки во всестороннем развитии личности: «повысился уровень интеллектуального, эстетического и эмоционального саморазвития» у 46,7% слушателей. Ещё 48,9% отметили, что они, в результате, обогатили свою духовную культуру. И лишь на 4,4% спецкурс «не оказал особого воздействия».

Оценка причин, мешающих современной молодёжи приобщиться к классической музыке, позволяет выявить наиболее важные из них и на этой основе выработать рекомендации по ее распространению в молодежной среде. В ряду причин, мешающих распространению класси-

ческой музыки среди современной молодёжи на первом месте было указано «непонимание сложного музыкального языка» (65%). Второй по значимости причиной является «отсутствие информации, знаний об этом виде музыкального искусства» (40,6%). Затем одинаково оценены по степени важности – 38,4% такие причины, как «отсутствие мотивации» и «старомодность и непопулярность» классической музыки. Среди препятствующих причин были указаны также «нехватка времени» (30,7%) и «нехватка материальных средств» (22%).

В этой связи становится целесообразным внедрение инновационных специальных курсов по основам музыкальной культуры в образовательную практику немusикальных вузов, что позволит сделать востребованным социально-гуманитарное образование на основе сориентированности на интересы студентов в области музыкальной классики (и не только). Следует обратить внимание также на предложения студентов о распространении в вузах таких форм приобщения молодёжи к классической музыке, как: «раздача бесплатных билетов на мероприятия классической музыки» (69%); «организация бесплатных концертов классической музыки в Вуз» (39%), «введение специальных курсов по классической музыке» (28%); «приглашение специалистов в области классической музыки для встреч со студентами» (22%).

Выводы. Таким образом, музыка в современных условиях глобализации, компьютеризации и информатизации превратилась в наиболее распространённую массовую форму социализации молодёжи, обладающую мощным нелогическим средством эмоционального воздействия на личность.

Проведенный нами анализ выявил ряд противоречивых тенденций в развитии музыкальных предпочтений студенческой молодёжи. С одной стороны, музыкальные предпочтения студенческой молодёжи связаны с изменением слушательских и исполнительских потребностей в контексте глобальной социокультурной ситуации и ориентацией на образцы западной массовой продукции. Под воздействием процессов глобализации в содержании музыкального искусства наблюдается тенденция к дегуманизации человека, деморализации и принижению его достоинства. С другой стороны, возрастание роли и значения классической музыки в музыкальных предпочтениях студенческой молодёжи, содержащей в себе огромное наследие общечеловеческой культуры

и сохраняющей одновременно самобытность национального наследия, как нельзя лучше всего способствует преодолению негативных тенденций глобализации молодёжной музыкальной культуры, её омассовлению и разрушительному воздействию на духовно-нравственный мир личности и общества. Студенческая молодёжь понимает, что классическая музыка нужна для морального оздоровления общества. На наш взгляд, растущий интерес к классической музыке в молодёжной среде российского общества как раз и является проявлением защитных механизмов жизнеспособности нашей страны.

Студенческая молодёжь в современных условиях социокультурных процессов выступает как субъект самоконструирования, саморегуляции и самоорганизации своих музыкальных предпочтений, исходя из собственных жизненных представлений, ценностных ориентаций и диспозиций. Анализ музыкальных предпочтений студенческой молодёжи показал, что классическая музыка находится в лидирующей группе музыкальных интересов студентов среди поп- и рок-музыки. Мы можем сказать, что именно студенческая молодёжь, являясь наиболее образованной частью общества, несмотря на влияние масс-культуры выделяет в классической музыке облагораживающее, возвышающее дух начало, и большинство из них считают приобщение к ней одним из аспектов образованности. Студенты видят в классической музыке возможности формирования основ музыкальной культуры, ядром которой является «хороший музыкальный слух».

Отношение к классической музыке студентов дифференцировано по степени выраженного интереса и понимания сложного языка классической музыки: понимающие и любящие классическую музыку, интересующиеся классической музыкой, и мотивированные на её понимание, индифферентно относящиеся к классической музыке. Выявлена значительная часть студенческой молодёжи, стремящаяся к самоорганизации и самостоятельному конструированию своих музыкальных предпочтений на основе интереса к классической музыке и наличия мотивации к пониманию ее сложного языка и духовного содержания.

Литература

1. Любимов Л.Л. Школа и знаниевое общество в России // Вопросы образования, 2007 г. №4. С. 116 - 140.
2. См.: Ладенкова Е.Ю. Сергеев В.В. Человек и музыка. Влияние музыкальных жанров на

формирование личности в условиях мегаполиса. — М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. — 60 с.; Давлетшина Д.М. Музыкальная культура как фактор формирования духовных ценностей студенческой молодёжи в современных условиях. Дисс...канд. социол. наук: 22.00.06 (На материалах Республики Татарстан) - Казань, 2008. 149 с.; Горюнова Л.О. Социокультурные аспекты формирования музыкальных предпочтений современной российской молодежи. Дисс...канд. социол. наук: 22.00.06 — Саратов, 2004. 181 с.; Миннегулов Р.М. Музыкальное воспитание в системе развития духовного потенциала молодежи: состояние, тенденции, рекомендации (На материалах республики Татарстан); Дисс...канд. социол. наук: 22.00.06 — Казань, 2006. 161 с.; Серебрякова А. Н. Классическая музыка как фактор духовно-нравственного развития студенческой молодёжи. Дисс. канд. социол. наук: 22.00.06 — Москва, 2012. 222 с.; Хамзина Г.Р. Музыкально-эстетическое воспитание студентов немусыкальных факультетов педагогического вуза. Дисс...канд. пед. наук: 13.00.02 — Казань, 2002.; Чугунова Л.А. Развитие духовных ценностей студентов пед. вузов посредством духовной музыки. Дисс...канд. пед. Наук: 13.00.02 — Саратов, 2003. 199 с.; Сайфуллина М.В. Музыкально-эстетическое воспитание как социокультурный процесс. Дис... канд. культуролог. наук. Томск, 2002.; Самохвалова Е.В. Формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи средствами музыкального краеведения. Автореф. ...канд. пед. наук 13.00.02 — Тамбов, 2006. 26 с.; Исхакова Н. Р. и Болтачев Р. Р. Музыкальные предпочтения молодежи / Социс. 2006. № 6. С. 103-106; Серебрякова А. Н. Спецкурс о роли классической музыки в духовном развитии молодежи / Социологические исследования. — №10. — 2009. — С.147-152; Серебрякова А. Н. Особенности духовно-нравственной культуры слушателя классической музыки / Социально-гуманитарные знания. — №6. — 2010. — С.357-363.; Серебрякова А. Н. Типология отношения студенческой молодежи к классической музыке / Вестник университета. Государственный университет управления. — №20. — 2011. — С.178-182.; Серебрякова А. Н. Классическая музыка как фактор развития личности студентов технического вуза / Социальные ин-

ституты, процессы и практики современной России: сборник научных трудов. Под редакцией С. А. Губиной. — М.: Экслибрис-Пресс, 2007. — С.166-172.; Серебрякова А. Н. Роль классической музыки в духовно-нравственном развитии личности студента технического вуза / Материалы круглого стола. Прикладная этика. Проблемы и пути решения. М. — Московская академия экономики и права, 2007. — С. 222-227. Серебрякова А. Н. Музыкальная культура молодежи в условиях глобализации / Социологические проблемы образования и воспитания в интересах устойчивого развития общества: Сборник научных трудов. Под ред. С.А. Губиной. — М.: Экслибрис-пресс, 2010. — С.137-150.; Серебрякова А. Н. Классическая музыка в структуре музыкальных предпочтений студенческой молодежи / Современный человек и общество. М. — 2010. — С.140-149..

3. Мозгот В.Г. Формирование художественного вкуса личности / В.Г. Мозгот. — Ростов-на-Дону: РГУ, 1992. — 160 с.

4. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социс. — 2002. — № 10. С. 79-88.

5. Зотов В.В., Губарева О.А. Молодёжная культура в информационно-коммуникативной среде современного общества (монография) - М.: «Спутник+», 2007. - 138 с.

6. Омельченко Е.Л. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004. С.158

7. Социология молодежи: Учебник/ под ред. проф. В.Т. Лисовского.- СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. 460 с. С.342-344.

8. Художественная жизнь современного общества: аудитория искусства в России вчера и сегодня/Под ред. Ю.У. Фохта-Бабушкина. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. Т.2. — 241 с.

9. Ладенкова Е.Ю. Сергеев В.В. Человек и музыка. Влияние музыкальных жанров на формирование личности в условиях мегаполиса. — М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. 60 с.

10. Социология молодежи: Учебник/ под ред. проф. В.Т. Лисовского.- СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996, с.96.

11. Горюнова Л.О. Социокультурные аспекты формирования музыкальных предпочтений современной российской молодежи. Дисс...канд. социол. наук: 22.00.06 — Саратов, 2004. 181 с.

Концепт «справедливость» в фаду социального контраста

Торощина Т.Г.

Статья посвящена одному из самых значительных явлений португальской культуры – городскому романсу Лиссабона и Коимбры – «фбду». В отечественном языкознании этот жанр практически не изучался. В статье проанализирован концепт «справедливость» (*justiça*) в традиционных фаду.

Ключевые слова и фразы: фаду, концепт «справедливость», городской фольклор, «мещанский» романс.

Torotshina T.G.

Concept «justice» in a veil of social contrast

The article is dedicated to one of the most significant events of the Portuguese culture - the urban romance of Lisbon and Coimbra - «fado». In domestic linguistics, this genre is practically not been studied. The article analyzes the concept of «justice» (*justiça*) in traditional fado.

Key words and phrases: fado, the concept of «justice», urban folklore, «petty bourgeois» romance.

В 2011 году Межправительственный комитет ЮНЕСКО включил фаду в список нематериального наследия человечества, подчеркнув тем самым значение этого культурного феномена не только для португальцев, но и для всего мира. Фаду - городская песня, существующая в двух вариантах - фаду Лиссабона и фаду Коимбры.

Слово «фаду» в португальском языке имеет два основных значения: 1) рок, судьба и 2) собственно «фаду» - португальская народная песня (здесь подчеркнут скорее фольклорный аспект фаду, хотя это пограничный жанр, испытавший сильное влияние книжной традиции). Исполнителями лиссабонского фаду могут быть как мужчины, так и женщины, исполнение фаду Коимбры – прерогатива мужчин.

Традиционное фаду, как предполагают исследователи, возникло в 20-х-30-х годах позапрошлого века в городе-порте Лиссабоне и до 1868-1869 гг. имело фольклорный, спонтанный характер. Первоначально фаду пелось и (или), как предполагается, исполнялось как танец в портовых кабачках и тавернах. Репертуар мелодий был невелик, и часто новые слова накладывались на уже известную музыку. Широко была распространена импровизация: исполнители фаду - фадисты - в зависимости от вдохновения и обстановки могли дополнять уже известные публике «истории» на свой вкус. Тексты традиционных фаду, как правило, представляли собой глоссы («глосса – стихотворение, написанное на тему стихотворного отрывка, помещенного в эпиграфе (*mote*), причем каждый стих темы вплетается в соответствующую строфу; глосса пишется обычно определенной строфой – децимой» [12, 202]).

С 70-х годов XIX века фаду начало проникать в аристократические салоны, а его тексты стали в основном авторскими. Традиционное лиссабонское фаду принято называть также *fado castiço* (настоящее, правильное), *fado antigo* (старинное), *fado clássico* (классическое), *fado autêntico* (подлинное), *fado genuíno* (истинное),

fado rigoroso (строгое), fado-fado (фаду-фаду), fado-a-sério (фаду всерьёз), fado estyfico (строфическое), fado original (оригинальное), fado primordial (первоначальное), fado puro (чистое) [7, 51]. Традиционный фаду – жанр крайне регламентированный; это касается и тематики, и манеры исполнения, включая произнесение звуков, и одежды фадистов (для женщин, к примеру, это чёрная шаль). В зависимости от того, какой вариант фаду исполняется – Лиссабона или Коимбры, различаются также и музыкальные инструменты аккомпанемента (лиссабонская и коимбрская гитары). Португальские исследователи разделяют мнение, что у фаду есть свой собственный язык (linguagem).

Появление и распространение звукозаписывающей техники вынудило певцов, имевших обыкновение исполнять фаду-баллады в среднем по пятнадцать-двадцать минут, сокращать время исполнения. В результате возникло фаду-песня (fado-canção) имеющее такие названия как fado musicado – со специально для него написанной музыкой, fado de refrão – фаду с припевом, то же что и fado de estribilho). Кроме того, после переворота 1926 года была введена цензура, и права на импровизацию у фадистов уже не было [8, 127]. Так из продолжительных фаду, напоминавших наши «жесткие романсы», родился современный городской романс.

Крупнейшие отечественные учёные А.А. Потебня (1835 – 1891) и А.Н. Веселовский (1838 – 1906) в своих трудах разрабатывали вопросы, связанные с поиском простейших содержательно-смысловых единиц в художественном тексте («мотивы»). В современной лингвокультурологии и литературоведении под несколько иным углом зрения рассматриваются близкие категории, получившие название концептов (о соотношении этих категорий см. работу Ю.А. Шанталиной [6]). Д.С. Лихачёв (1906 – 1999) указывал на то, что в отечественной науке XX века первым за разработку понятия концепта взялся Сергей Аскольдов (С.А. Алексеев, 1871 - 1945). Типы концептов в когнитивной лингвистике были описаны в диссертационной работе А.П. Бабушкина [2].

Практически все филологи, изучающие проблему концепта, опираются в своих работах на исследования Ю.С. Степанова. В процессе осмысления и изучения этого феномена концепты были описаны как нечто влияющее на человека и позволяющее ему впоследствии влиять на мир: «Концепт - это как бы сгусток куль-

туры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек - рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее». <...> «Концепт - основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [5, 40].

«Концепт и понятие, - подчеркивает Ю.С. Степанов, - термины разных наук; второе употребляется главным образом в логике и философии, тогда как первое, концепт, является термином в одной отрасли логики - в математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре, в культурологии <...>» [idem, ibidem]. В «Логическом словаре-справочнике» [11], к примеру, к термину «концепт» словарной статьи нет, читатель отсылается к статье «Понятие».

Этими дисциплинами использование термина не ограничивается. Когнитологи термин «концепт» толкуют следующим образом: «Концепт (concept; Konzept) - термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. <...>» [13, 90].

Исторический экскурс в вопрос использования термина «концепт» был осуществлён В.З. Демьянковым [4]. За рубежом одними из самых весомых работ по теории концепта являются труды А. Вежбицкой. Автор, основываясь на сопоставительных исследованиях, стремится выявить «духовное единство человечества», представленное в многообразии конкретных реализаций. Ею исследовались такие русские категории, как концепты души, судьбы и тоски. [3; 21-23]. Основными концептами, выраженными в фаду, являются «судьба» (fado, destino, sina), «тоска, ностальгия, печаль» (saudade), «любовь» (amor) и «справедливость» (justiça).

В традиционных лиссабонских фаду с концептом «судьба» тесно связан концепт «справедливость», который встречается главным образом в фаду социального контраста. К таким образцам этого жанра относятся прежде всего те, в которых присутствует противопоставление богатства и бедности. Как правило, бедная честность и богатое самодовольство сталкива-

ются, и моральное превосходство остается за бедняками. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что прямого противопоставления, ненависти, непримиримого противоречия здесь чаще всего нет. Того, что называется социальным протестом, в «плачущем» фаду не встречается. Fado choradinho, так называемое «плачущее» фаду - жанровая разновидность традиционных лиссабонских фаду-баллад, по многим признакам сопоставимых с русским «жестоким» романсом.

Самыми показательными в этом смысле являются фаду Алвару Родригеша (из репертуара Антониу Маркеша) - о водопроводчике («O Canalizador») и столяре («O Carpinteiro») [16]. Когда пришедший в богатый дом водопроводчик услышал, что хозяин дома приказал своему слуге припрятать все драгоценности, он также обратился к своему помощнику с просьбой отнести в мастерскую его единственное сокровище - карманные часы, не надеясь на их сохранность в таком «ненадежном» доме. И если в этом фаду неожиданность развития сюжета скорее литературного свойства, основанная на игре слов («Pelo que vejo esta casa assim tão fina// Nro rarece a ser muito segura» - Как вижу, этот пышный дом // Небезопасен, ненадежен (перевод автора статьи), то в фаду о столяре наличествует перипетийный ход в сюжете. Внезапная буря, разыгравшаяся на море, резко меняет ценность денег и столярного инструмента, поскольку на необитаемом острове скорее пригодятся старый рубанок и пила, нежели обесценившиеся в мгновение ока миллионы.

Если в фаду имеется конфликт, то, как правило, он разворачивается по следующей схеме: бедняк просит помощи у богача, получает отказ, затем следует неожиданный поворот судьбы, и победителем оказывается бедняк, в свою очередь отвергающий предлагаемые деньги («muitos milhões» - «многие миллионы»).

Здесь налицо типично фольклорная атрибуция положительных качеств беднякам, изображение умения выжить без денег в сложной ситуации (порой фантастической).

Этимологически оправданное значение в концепте *justica* (от лат. *justitia* - 1) справедливость, правосудие; 2) право, совокупность законов; 3) благочестие, почтительность [10]) - «соответствие с правом. <...> Действие давать или присваивать каждому то, то принадлежит ему по праву <...>. Слоспособность вознаграждать либо карать в соответствии с правом»

(conformidade com o Direito. <...> Acto de dar ou atribuir a cada qual o que por direito lhe pertence <...>. Faculdade de premiar ou punir segundo o Direito [14].

В силу того, что фаду родилось в определенной социальной среде, превалирование юридического закона, регулирующего отношения в государстве, права собственности, гражданские свободы, для этого жанра не является главенствующим. То, что обозначено как второе значение (*vontade permanente de dar a cada um o que e seu* - постоянное желание (воля) давать каждому своё), то есть закон моральный - вот что важнее всего. С одной стороны, в этом ощущается сильнейшее влияние христианства, зародившегося как религия бедных, с другой - то понимание справедливости, которое изначально должно быть присуще человеку и о котором писал еще Аристотель. Этот вопрос весьма широко рассматривался древнегреческим философом в «Риторике», а более детально, но вместе с тем и более пространно, в «Этике» [1, 825-830; 245-277]. Аристотель говорил о справедливости как о внутреннем человеческом качестве, как «добродетели, в силу которой справедливым называется человек, намеренно поступающий справедливо, и который, при распределении благ между собою и другим или двумя посторонними лицами, поступает не так, что себе уделяет слишком много, а другому слишком мало, а зло распределяет противоположным образом, но уделяет каждому соответственное ему по пропорции и точно так же поступает при распределении блага между двумя посторонними особами» [1, 260]. В социальном плане справедливость - распределение благ и воздаяние «по труду» («... общественные отношения, имеющие дело с обменом, поддерживаются именно этим видом справедливости, воздаянием равным, которая имеет в виду пропорциональность, но не равенство, ибо общество держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности <...>» [1, 257]).

В фаду, и об это уже говорилось, богатству и богатым, как правило, приписываются спесь и чванство, бедности и беднякам - достоинство и смекалка. Вероятно, в силу стремления гармонизировать дисгармонию жизни и мироустройства, и происходит подобная поляризация качеств. Отсутствие материального достатка «компенсируется» нравственным богатством. Мы уже отмечали также, что фаду, родившееся в мещанской среде, является жанром «промежуточным».

Отсюда, с одной стороны, явная симпатия к персонажам бедным, как к «своим», с другой - мечты о богатстве, желание вырваться из вечной нужды, стремление уподобиться «хозяевам жизни».

Подобная двойственность вполне закономерна для «мещанского» романа, жанра, который и в других аспектах демонстрирует гетерогенность (к примеру, фольклорность / литературность; влияние сельского фольклора / его развитие в городской среде).

В XX веке в португальском обществе не утихла полемика вокруг фаду – то его называли «песней побеждённых», то явлением, претендующим на то, чтобы стать «национальной песней». Время многое расставляет на свои места, и теперь фаду стало одним из самых значительных, известных, пожалуй, всему миру жанром, своеобразной «визитной карточкой» Португалии. Может быть, это просто восторжествовала справедливость?

Литература

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. - М.: Изд-во «Литература», серия «Классическая философская мысль», 1998, с. 825-830, 245-277; 1392 с.
 2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Дисс. на соискание степени доктора филол. наук. – Воронеж, 1997, 330 с.
 3. Вежицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. - М.: «Языки славянских культур», 2011, 568 с.
 4. В.З. Демьянков. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // «Вопросы филологии», - М.: «Издательство МИИЯ», 2001. № 1. С.35–47.
 5. Степанов Ю.С.. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: «Академический проект», 2004, с. 40.
 6. Шанталина Ю. А. Соотношение категорий «мотив» и «концепт» в исследовании идиостиля / Ю. А. Шанталина // Функционально-коммуникативный аспект анализа языковых единиц: Сб. науч. тр. - Самара: «Изд-во СГПУ», 2006, с. 97-102.
 7. Gouveia Daniel. Ao Fado tudo se canta? – Linda-a-Velha: Livraria Bertrand, DG ediçoes, 2010. P. 51. 363 p.
 8. Vieira Nery Rui. Fado – Um Parimynio Vivo. Clube dos Colecionadores dos Correios. – Lisboa : CTT Correios de Portugal, 2012. P. 127. 199 p.
 9. Pinto de Carvalho (Tinop). Hystiria do Fado. – Lisboa: Publicaçoes Dom Quixote; 4€ edizgo, 1994. P. 8, 35, 98. 287 p.
- Словари и справочные пособия
10. Дворецкий И.Ф. Латинско-русский словарь – М.: Изд-во «Русский язык», 1986, 846 с.
 11. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Изд-во «Русский язык», 1975, 720 с.
 12. КЛЭ – Краткая литературная энциклопедия. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. - М.: «Сов. Энциклопедия», 1962 – 1978, т. 2, с. 202; т. 6, с. 368.
 13. КСКТ - Краткий словарь когнитивных терминов. Е.С. Кубрякова, В.З Демьянков., Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: «Изд-во Филол. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова», 1996, 245 с.
 14. Figueiredo Sвndido de. DLP (Dicionário da Língua Portuguesa), 15.a ed., vol. 1. – Lisboa: Livraria Bertrand, 1978, 1361 p.
 15. Lello José e Lello Edgar. DPL (Dicionário Prático da Língua Portuguesa) – Porto: Lello & Irmgo – Editores, 1986. 2023 p.
- Электронные ресурсы
16. Biografia do Fado, 2 CDs, – Lisboa: EMI, 1994.

НАШИ АВТОРЫ

Бакланцева Антонина Анатольевна - аспирантка кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова. a.a.baklantseva@ya.ru

Бондаренко Наталья Григорьевна, доктор философских наук, профессор, профессор, зав. кафедрой истории, философии и педагогики Северо-Кавказского Федерального университета (филиал в г. Пятигорске), 425257@mail.ru

Вукичевич Слободан - доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии, философский факультет, Университет Черногории (Никшич) vukicevic@t-com.me

Глебова Анна Николаевна - аспирантка кафедры социологии организаций и менеджмента социологического факультета, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова. galeona11@yandex.ru

Дзутцев Хасан Владимирович - доктор социологических наук, профессор, директор Северо-Осетинского Центра социальных исследований Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. khasan_dzutsev@mail.ru

Доброрадных Глеб Олегович - аспирант, Российский государственный социальный университет, glebdobroradnykh@gmail.com

Живкович Предраг - магистр, кафедра социологии, философский факультет, Университет Черногории (Никшич) sociollog@gmail.com

Завёрткина Евгения Васильевна - канд. филол. наук, доц. кафедры английского языка для экономических направлений школы региональных и международных исследований, Дальневосточного федерального университета, evgenia_zav@yahoo.com

Завьялова Наталья Борисовна - соискатель отдела психолингвистики Института языкознания РАН, nbz17@rambler.ru

Кечуткина Екатерина Валерьевна - аспирант Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова ekechutkina@gmail.com

Костина Алина Олеговна - аспирантка кафедры философии и методологии науки фило-

софского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, akostina@mail.ru

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ. kravchenko@socio.msu.ru

Лобанова Евдокия Ивановна - к. соц. н., доцент, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ), eilobanova@mesi.ru

Маркович Вадим Александрович - соискатель, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта,

Мыскин Сергей Владимирович - канд. псих. наук, доцент, ГБОУ ВПО «Московская академия рынка труда и информационных технологий», serg-myskin@yandex.ru

Нисилевич Алла Борисовна - старший преподаватель, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ), allanisilevich@rambler.ru

Нужина Ирина Александровна - аспирант, Московский городской педагогический университет, nuzhini@mail.ru

Панюшкина Ольга Алексеевна - к. геогр. н., доцент, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ), panolga@bk.ru

Поплавская Ирина Анатольевна - кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальной структуры и социальных процессов социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Родыгина Юлия Кимовна - д-р мед. наук, заведующая кафедрой психологии Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта

Романенко Михаил Васильевич – д-р филос. наук, профессор кафедры социальной структуры и социальных процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. mklwas@mail.ru

Сенницкая Екатерина Юрьевна - ассистент, Ульяновский государственный педагогический

Университет им. И.Н.Ульянова,
amante0182@mail.ru

Серебрякова Анастасия Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Российского химико-технологического университета им. Д.И.Менделеева. anser-23@bk.ru

Сидорук Петр Александрович - аспирант кафедры социальной структуры и социальных процессов социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Стрижова Екатерина Валентиновна - старший преподаватель, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ), evstrijova@mesi.ru

Торощина Татьяна Геннадьевна, ст. преподаватель, соискатель Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, vetex@rambler.ru

Хугаева Алла Ахмедовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии

и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. alladgam@mail.ru

Чудновская И.Н. - к.ф.н., доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Шарович Раде – магистр, кафедра социологии, философский факультет, Университет Черногории (Никшич) sarovicrade@gmail.com

Шульгина Нелля Владимировна, доцент, Московская государственная академия водного транспорта (МГАВТ), nvshulgina@mail.ru

Щербина Вячеслав Вячеславович – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН, заведующий кафедрой социологии организации и социальных технологий на социологическом факультете РГГУ. sherbina.vyacheslav@mail.ru